

фанфик

ТЁМНЫЕ ВОДЫ

Екатерина Пленина

диск фанфиков

МОЖНО ЛИ ВЫПАСТЬ НАМ ПОПРАВШИЙ В ТЕМНЫЕ ВОДЫ
НАВСЕГДА ОБРЕЧЕН СТАТЬ ПРОКЛЯТЫМ?

Отправляясь на вечеринку, София не знала, что её жизнь изменится навсегда. Популярная детская сказка вдруг обернётся реальным кошмаром, Отныне она — Астория Гринграсс, последняя в жутком роду Мраксов; племянница Темного Лорда и невеста Драко Малфоя. Отныне она не человек — пешка в чужой игре, в которой не знает правил. Можно ли найти в Аду свое счастье? Можно ли выплыть или попавший в темные воды навсегда обречен стать проклятым?

---

1. Клубная вечеринка

— Ты издеваешься или серьёзно?! Вот так и пойдешь?!

Подруга, одарив Софию страдальческим взглядом, картинно закатила густо подведенные чёрным карандашом глаза.

Вот ещё, жюри выискалось. На себя бы поглядела.

Тяжёлый вечерний макияж, по мнению Софии, совершенно не красил пухленькое Ленино личико.

По характеру Ленуся была человеком мягким, зависимым, что честно и отражала её внешность: круглые, наивные глазки, пухленькие губки-бантики, тугие щёчки-персики. Густые, вызывающие краски макияжа немилосердно убивали всё данное матерью-природой.

Кожаные штаны на худенькой девочке, возможно, смотрелись бы и неплохо. Но Лена худобой не страдала, её формы были чуть более пышными, чем того требовала мода, породившая на свет узкие брюки с заниженной талией — фасон для тех, у кого попы нет. А у Лены была. Тесные брюки выталкивали её прелести поверх пояса, подчеркивая их сомнительность. Любой другой наряд, кроме кожаных чёрных брюк и укороченного топа скрыл бы мелкие изъяны фигуры. Но тот, на котором Лена почему-то решила остановить свой выбор, их подчёркивал.

Впрочем, озвучить собственные соображения значило откровенно нарываться на ссору без малейшего шанса что-то изменить. К тому же каждый имеет право одеваться так, как посчитает нужным и как ему нравится.

Жаль только, что огрехи в собственном внешнем виде не мешали Ленусику критиковать Софию. Главным аргументом в споре стало то, что выбранный Софией костюм не соответствует готическим стандартам.

Для Софии увлечение подруги готикой оказалось неожиданностью. На пышущей здоровьем, веселой Лене готический чёрно-алый антураж смотрелся так же неуместно как на корове седло.

Чёрный цвет Лене катастрофически не шел. Ну, не шёл, и всё тут!

София подозревала, что сама же и заразила Ленку этой ерундой, снабдив книгами Энн Райс. Проглотив весь цикл о Вампире Лестате и проникнувшись романтикой вампиризма Ленусик подалась к готам-сатанистам.

Но печально было не это. Печально было то, что София согласилась сегодня пойти с подружкой на готическую тусовку.

Отыскав в гардеробе чёрные колготки, чёрные туфли на платформе, коктейльное платье она справедливо посчитала образ завершённым.

Однако у Ленусика на этот счет было иное мнение.

Вердикт оказался краток, но суров:

— Это не готический прикид, — заявила Лена, решительно скрестив на груди руки.

София раздраженно швырнула сумочку на диван:

— Отлично! Тогда мне лучше будет остаться дома. Всё равно альтернативы этому, — она провела руками вдоль тела, демонстрируя наряд, — нет.

— Ладно. Чёрт с тобой, — сдалась любительница сатанизму-романтизму, сокрушенно вздыхая.

Подвезти до клуба их вызвался парень Софии, Влад.

На дорогах машин скопилось столько, что стоять приходилось дольше, чем ехать. То и дело светофоры зловеще подмигивали алым глазом.

— Кто там хоть петь-то будет, в этом вашем готической клубе? — поинтересовался Влад у Лены, пока они стояли в очередной пробке.

— Классная группа! — с энтузиазмом проинформировала Лена. — Английская. Ангелы ночи.

— Байкеры, что ли?

— Ну почему байкеры? — удивилась Лена.

— Это всё их фишки с названиями: Ночные волки, Ангелы Ада, Ангелы Ночи.

Прежде чем припарковаться, место ещё пришлось поискать. К клубу шагали пешим драпом чуть ли не с четверть квартала.

— Странное местечко, — заметила Влад, оглядываясь по сторонам.

— Ну, так ведь мы на сатанинский шабаш идём, забыл? — посмеиваясь, София взяла Влада под руку. — Флёр мрака. Чёрная метка. Кровавый блеск в глазах. Всё такое жутко-страшное!

Клуб разместился в подвале помещения, подозрительно напоминающего заброшенный склад. Вход в него оказался узким, словно кошачий лаз.

Музыка и обезумевший свет обрушивались лавиной, стоило перешагнуть порог. Разноцветные пучки прожекторов скользили туда и сюда. В крови начинал бурлить адреналин, опьяняя без допинга.

— Пивка для рывка? — предложил Влад своим дамам. — Или, может быть, коктейля?

София кивнула:

— Хочу русского. «Русского Черного», — лукаво блеснула она глазами. — Со льдом.

— Исполняю.

Пока Влад отвлекся на поиски спиртного, Елена потащила Софию к столику, за которым сидел смазливый парень в потертой косухе. Глаза у того были подведены даже гуще, чем у самого Ленусика.

К удивлению Софии, подруга неожиданно обменялась с парнем глубоким поцелуем в засос. Вот так вот сразу, почти с разбега.

Софии это показалось смешным и странным.

— Познакомьтесь, — прервав на секунду страстные лобзания, проворковала Ленуся, закатываясь к парню на колени. — Мефисто, это моя лучшая подруга София. София, это Мефисто.

— Будем знакомы, — кивнула София.

— Курнуть с нами хочешь? — поинтересовался Мефисто, демонстрируя косяки со шмалью во внутреннем кармане косухи.

— Не курю, — отказалась София.

— Ботаник? — насмешливо фыркнул гот. — Ну, не хочешь, как хочешь. Передумаешь, дай знать. Поделимся радостью.

— Ладно, ребята. Вы тут милуйтесь, а я пойду найду своего парня. Что-то он запропастился.

Протискиваться через прыгающих и дергающихся в неистовой пляске людей было делом нелёгким. Жёсткий, чёткий, быстрый ритм пульсировал в венах, заставляя кружиться голову не хуже алкоголя.

Когда сухие горячие пальцы обернулись вокруг её кисти, София едва не визгнула от неожиданности и испуга.

Обернувшись, она наткнулась на горячий, безумный взгляд удивительно красивых глаз. Растрепанные пряди волос вились вокруг лица незнакомца словно змеи.

Он казался куда взрослее Мефисто, Влада и других завсегдатаев клуба.

— Потанцуем, красавица? — растянулись тонкие губы в злой ухмылке.

Отказаться не получилось.

Точно выверенным движением мужчина подтянул Софию к себе, обвивая рукой тонкую девичью талию. Он так залихватски закрутил её в танце, что оставалось лишь переступать с ноги на ногу, удерживая равновесие.

— Ты мила, маленькая маггла, — выдохнул незнакомец, хищно раздувая ноздри.

— Маленькая — кто? — фыркнула София. — Как ты меня назвал?

— Не будем тратить лишних слов. У меня есть план поинтересней.

Подхватив Софию на руки, незнакомец направился к выходу из зала в коридор, ведущий в уборные комнаты. Он разрезал толпу, точно нож масло.

Удивительно, но люди вели себя так, будто не просто игнорировали их пару — будто не видели их вообще! Как если бы София и её невеста откуда взявшийся кавалер вдруг стали невидимками.

«Выпутаясь целой и невредимой, буду ходить только в библиотеки и на парад Победы», — пообещала себе София.

Однако, судя по тому, как стремительно мужчина двигался вперед, со звериным напором и грацией, надежды выбраться без приключений было мало.

— Пустите меня! — возмутилась София.

Как только первый шок прошел, она предприняла, наконец, попытку вырваться.

Оказавшись у стены, незнакомец осторожно поставил свою жертву на пол:

— Как скажешь, красавица, — усмехнулся он ей в лицо.

В его голосе София уловила явственный акцент.

— Вы иностранец? — догадалась она.

Возможно, это всё объясняет? Возможно, поэтому он так странно себя ведёт?

— Я уже говорил — не нужно вопросов. Мало времени.

— Мало — для чего?

Мужчина, сжав пальцы на её подбородке, заставил Софию запрокинуть голову. Его словно опаленные глаза, подведенные густыми тенями, заглянули прямо в душу.

— Вот для этого.

Он поцеловал её.

Яростно, больно, жёстко впиваясь требовательным ртом в её губы.

Его запах, смесь чего-то горького и холодного, запах полыни и хвои, ударил в лицо, дурманя и парализуя, словно яд.

Потом незнакомец отстранился. Ровно настолько, чтобы скользнуть по Софии пристальным взглядом.

— Не нравится, куколка? В чём дело? Неужели ты никогда ещё ни с кем не целовалась?

Было в его взгляде нечто такое, от чего непроизвольно хотелось сжаться в маленький комочек и отползти куда-нибудь подальше.

— Может быть, ты ещё и девственница? — продолжал издеваться он. — Невинная и сладкая маленькая девственница, такой лакомой кусочек.

Казалось, сам воздух сгустился вокруг.

София чувствовала возбужденное, прерывистое дыхание незнакомца у своего уха, от него по спине бежали мурашки, а тело будто плавилось от ужаса и чего-то ещё, непонятного, странного, томящего.

Незнакомец подался ближе, сокращая и без того минимальное расстояние, разделявшее их.

— Боишься меня, маггла? — насмешливо прохрипел он.

Его поведение пугало, было отвратительным. Но в тоже время странно волновало. Ничего подобного в жизни София никогда не испытывала.

— Не волнуйся, детка, — голос его упал почти до шепота. — Для тебя всё очень скоро кончится.

Вращательное движение, словно па в танце, и за спиной Софии уже не стена, а мужское тело. Она остро чувствовала его тепло и его твердость — незнакомец крепко прижимал её к себе. В правой руке его София увидела нечто весьма странное, похожее на отполированную палочку, по которой шла вязь символов.

Мужчина что-то произнёс на незнакомом, судя по интонации, кажется, французском, языке. Из палочки вырвались серебристые брызги, сверкающие, точно дождь в лунном свете.

София заморожено наблюдала, как блёстки тают в темноте.

— Красиво, правда? Считай, это мой тебе подарок перед смертью.

Он так же резко и неожиданно отшвырнул Софию от себя, как до этого обнимал.

Она попятилась, стараясь удержать равновесие.

Незнакомец продолжал стоять, чуть покачиваясь с пятки на носок. По его лицу блуждала кривая, чуть болезненная улыбка, а в глазах сверкало завораживающее безумие.

Взгляд Софии невольно отмечал второстепенные детали его облика: слишком тесные брюки, заправленные в тяжёлые армированные ботинки, женственный шейный платок, пиджак с широкими лацканами.

Что за странный клоун?!

Губы незнакомца растянулись в очередной жуткой ухмылке перед тем, как он, вскинув руку с зажатой в ней палочкой и то ли пропел, то ли прокричал:

— Адеско Файр!

Узкая струя пламени ударила в потолок, распускаясь над комнатой жутким цветком.

Задымился пластик, распространяя ядовитый запах. Запершило в горле.

А вокруг люди по-прежнему беззаботно смеялись, веселились и танцевали.

— Беги, маленькая маггла, — насмешливо прошептал незнакомец и (София не поверила своим глазам!) исчез.

Вот только что был, стоял, говорил и — словно бы испарился!

— Дамы и господа, — раздался веселый голос ди-джея. — Мы горим. Просьба покинуть зал.

В ответ раздался нестройный пьяный хохот.

София заметалась между людьми, столиками, колоннами, в попытках отыскать Лену и Влада.

Вращающиеся пучки света делали пламя незаметным, но запах гари усиливался с каждой секундой.

В какой-то момент музыка резко оборвалась и по ушам ударил истошный крик — сверху пролился раскаленный пластик, налипая на человеческие тела.

Люди падали, спотыкались, давили друг друга в попытках добраться до выхода.

Вокруг всё выше, все неистовее танцевало пламя.

Горло разрывалось от боли, черный смог становился всё гуще, уже и не продохнуть.

Жар распространялся, причиняя боль.

София с ужасом осознала, что до выхода ей не добраться. Ни ей, ни многим другим.

Кто-то кричал, звал на помощь. Отчаянно и безнадежно. Возможно, даже, что это была она сама.

Потом прямо в пламени возникла Чёрная Женщина.

Змея, огненная саламандра, она склонилась к Софии. Глаза на белом лице казались бездонными провалами.

«Так это и есть Смерть? — пронеслось в голове, перед тем, как сознание стало испаряться от слишком сильного жара. — Умирать, оказывается, не страшно».

2. Василиса Мракс

Сознание рыбкой метнулось вверх, через густое клубящееся небытиё, не желающее отпускать. Но, зацепившись за память о пламени, беснующемся в трёх шагах, удалось вынырнуть из мрака.

Взгляд уперся в балочный потолок.

Огня не было. Было тихо и прохладно.

София порывисто села. Мир завертелся, закачался, заходил ходуном — организм, как мог, бунтовал, не желая двигаться. Но спустя несколько секунд стало легче.

Она обнаружила, что находится в комнате мансардного типа, с узким, зарешеченным, окошком (в него протиснулась бы, разве что, тощая кошка). Споткнувшись о прикроватный столик, на котором стояли графин с водой и миска с фруктами, девушка жадно осушила почти половину бутылки. С меньшей охотой заставила проглотить себя пару ломтиков горького грейпфрута. Наконец отважилась подойти к двери и потянуть за ручку.

К удивлению, дверь легко поддалась, даже не скрипнув. За ней открылся выход на узкую, винтовую лестницу.

— Эй! — крикнула она, перегнувшись через перила.

Ответом послужило гулкое эхо.

— Есть кто-нибудь?

Снова эхо...

Шаг за шагом, пришлось, преодолевая страх, спуститься вниз. За последней ступенькой обнаружилась новая дверь, ведущая в просторный, темный зал с зачехленной мебелью. На длинном узком столе тлели свечи в заплывших парафином, потемневших от времени, жирандолях. Танцующие на фитилях узкие огненные языки вычерчивали дрожащие дорожки света.

Дуновение, пройдясь по комнате, заставило занавеси, чехлы и пламя зашевелиться.

— Не бойся, — прозвучал в темноте низкий, с мягкой хрипотцой, голос.

Женский голос.

— Кто здесь? — испуганно пискнула София.

В ответ донеслось насмешливое фырканье.

— Кто вы? — чтобы хоть как-то унять нервную дрожь, девушке пришлось обхватить себя руками. — Что вам от меня нужно?

— Я уже сказала, не нужно бояться. Вряд ли тот, кто хочет дурного, станет спасать тебе жизнь?

Волшебный, бархатистый густой алыт наверняка свёл с ума не одного мужчину?

— Кто вы?

София почти механически, словно кукушка в часах, всё повторяла и повторяла одну и ту же фразу.

— Меня зовут Василиса. Само по себе имя ни о чем неспособно сказать.

— Я...

— Давай присядем, — предложила радушная хозяйка. — Предстоит длинный, нелёгкий, но, смею предположить, интересный разговор. Прежде, чем начнем, пожалуй, уладим ещё одну маленькую деталь, — женщина взмахнула рукой и София, не удержавшись, отпрянула.

В одно мгновение ночная рубашка превратилась в платье с широкими рукавами и длинной юбкой.

— Ой! — только и смогла выдавить девушка.

— Неплохо, — усмехнулась хозяйка. — Только короткое содержательное: «Ой!». К чему лишние слова?

София до боли закусил губу:

— Я сошла с ума? Почему я вижу такие странные, невозможные вещи? Почему я здесь?

— Ты здесь, потому что ты моя праправнучка. Твоя прабабка была моей дочерью и потомственной ведьмой. Она сбежала от магического сообщества теперь уже, без малого, добрую сотню лет назад. Ты здесь потому, что в тебе течёт моя кровь, потому что существа из моего мира пытаются истребить владеющих магией людей в твоём мире, а я тебя спасаю. В конце концов, ты здесь потому, что я так хочу.

Застыв столбом, София какое-то время раздумывала над тем, что услышала. Вернее, пыталась это сделать — в голове не укладывалось.

Попытившись, девушка рванулась туда, где, как она воображала, находилась дверь. Наткнувшись на стену, словно слепая, на ощупь, принялась искать выход. Металась, будто маленький затравленный зверек. Но проемов не было: всюду ладони встречали камень.

В отчаянии София замолотила кулаками по кирпичам, не обращая внимания на вспышки боли.

— Выпустите! Выпустите меня! Я больше не буду! Никогда не буду!

— Не будешь — что?.. — с равнодушным любопытством поинтересовалась обладательница чарующего голоса.

София сползла на пол, спрятала голову в колени и обхватила их руками.

Стол, окружившие его стулья, зачехленная мебель запрыгали, застучали, забили по полу и стенам. Вазы с треском разлетались на осколки. Языки пламени удлиннились и разрослись, точно тени от экрана, поставленного перед прожектором.

— Я хочу домой. Пожалуйста! Пожалуйста, отпустите меня! Прекратите это... заставьте мебель остановиться! Я этого не вынесу!

— Ты сама её двигаешь.

— Нет! Это не я! Хватит! — зажала руками уши девушка. — Хватит! Я не сумасшедшая!

Повеяло холодом, морозной свежестью, запахом хвои. И сразу стало так спокойно. Мир словно отдалился.

— Ты не сумасшедшая, — певуче прозвучало во мгле. — Но, если немедленно не возьмешь себя в руки, можешь ею стать.

София крепко зажмурилась. Когда она открыла глаза, мебель больше не танцевала.

— Вот так-то лучше, — улыбнулась Василиса. — Вставай.

Сомкнув пальцы на протянутой ей ладони, София послушно поднялась.

Как оказалась в уютном кресле, с теплой чашкой в руках, не очень хорошо понимала. Но в кресле было уютно и тепло, так что возражать не имело смысла.

— Выпей. А пока пьешь — слушай.

София кивнула, пригубив предложенное вино.

— Мир, в котором ты существуешь, — женщина передернула плечами, — в котором все мы существуем, — поправились она, — не так прост, как того бы хотелось. В нём магия такая же реальность, как электричество, магнитные поля, телекоммуникационные сети. — Между бровями Василисы залегла морщинка. — Ты читала книгу о Мальчике-Который-

Выжил?

София не сразу поняла, о чём речь:

— Вы «Гарри Поттера» имеете в виду?

— Помнишь, в ней описываются кланы волшебников, свято верующих в то, что кровь магов нельзя смешивать с кровью маглов?

София кивнула. Не очень уверенно. Она не была фанаткой поттериады и особенно не вникала в действие, поверхностно следя за сюжетом.

— Существуют древнейшие магические роды, следящие, чтобы ни одна капля простонародной крови не соединилась с нашей, волшебной: Блэки, Малфои, Лейстренджи, Гойлы, Краббэ, Дамблдоры. До двадцатого столетия к чистокровным относили себя и Мраксы. Наша родословная по прямой линии легко прослеживается аж до самого основателя — Салазара Слизерина.

— Того самого Слизерина, в честь которого назывался факультет в Хогвартсе у Роулинг? — подняла брови девушка. — Тот, что говорил со змеями?

— Один из многочисленных его талантов, — отмахнулась Василиса. — В книге последним представителем рода стал Том Марволо Риддл. Он же — Темный Лорд Волдеморт. На нём заканчивается некогда пышная ветвь, поскольку Том Мракс Риддл умер, не оставив наследника.

— Согласно книге, он как раз воскрес, а не умер, — внесла поправку София.

— София, — поморщилась Василиса. — Воскрес Святой Лазарь. А Волдеморт живой мертвец, нежить, не более того. Он в мире присутствует во плоти лишь благодаря обряду запрещённой магии. Продолжить род Том не способен. Так что последним представителем рода Слизеринов являешься ты, девочка моя. И вы оба являетесь моими потомками. Полное моё имя — Василиса Слизерин Певерелл Мракс.

— А-а! — протянула девушка, будто и в самом деле что-то поняла.

Не оставляло ощущение, что она спит и видит интересный, но нелепый сон.

— Я родилась в 1886 году и на этом основании считаю себя довольно зрелой женщиной, — насмешливо проговорила Василиса. — Нужно заметить, предрассудки чистокровных я разделяю и по сей день, целиком и полностью: мухи должны существовать отдельно от котлет. Последним же лучше будет. Но так случилось, что обе мои дочери, Меропа и Гретель, предпочли связаться с магглами, наплевав на чистокровных женихов, выбранных для них отцом.

От Меропы мы с Марволо отреклись, выгнав беременную дочь без гроша в кармане, предварительно лишив волшебной палочки. Новость о её беременности обрушилась неожиданно, приведя в ярость. Я не успела остыть. У меня не нашлось для дочери оправданий. Скорбя по сей день, вынужденно признаю: внучок, Том Риддл, по развитию умственных способностей не в матушку пошел.

Идти на преступление, поить любовным зельем — и кого?! Третьесортного маггла. У него не было никаких достоинств, кроме смазливой физиономии! Смазливой до приторного безвкусия — мордашка, а не лицо!

Будь он умён, пылок, честолобив, даже всего лишь простосердечно честен, я смогла бы её понять. Но отец Тома был банально, непроходимо туп и дико эгоистичен. Он обладал всеми возможными недостатками, за которые мы, волшебники, так презираем магглов. Впрочем, и Меропа звезд с неба не хватала. Природа щедро одарила красотой, умом и темпераментом её близняшку, Гретель, отдохнув на ней самой.

Меропа смирилась с превосходством сестры ещё в раннем детстве. Смирилась и с тем, что для нас с Марволо она была тенью звездной, талантливой Гретель, всеобщей любимицы.

Все любили Гретель. А Гретель любила сестру. Она не простила нам опрометчивого и жестокого решения, и в один ужасный день просто исчезла... Моя дочь, моя надежда, любовь и гордость. — Василиса помолчала, созерцая пламя в камине. — С тех пор я больше не видела ни одну из моих девочек. Бедняжка Меропа умерла раньше, чем я успела прийти в себя, смириться или примириться с ней. О Гретель не удавалось узнать ничего, как я не старалась. Она была сильной ведьмой — одной из самых сильных, что встречались мне в жизни. И даже без палочки смогла противостоять всем моим поисковым заклинаниям.

— Подождите! — тряхнула волосами София. — Вы хотите сказать: мать Волдеморта и моя бабка — сёстры-близнецы?

Василиса кивком подтвердила правильность догадки.

— Получается, Лорд Волдеморт мой дядя?!

— Да. Но не это сейчас важно. Важно то, что один из представителей нашего рода жив. Пусть по нашим законам ты считаешься грязнокровкой, это не важно. Ты — всё равно единственный лучик солнца, последний тоненький ручеек, что остался от некогда полноводной реки Темных Слизеринских Вод.

— Но я — маггл! Во мне нет магии. Да вы же сами только что говорили: мухи — отдельно; котлеты — отдельно.

— Существуют исключения из правил, — усмехнулась женщина, влажно блеснув острыми зубами. — К слову о магии, швырялась стульями ты вполне убедительно. Конечно, не адские костры, что демонстрировал в свое время Том, уровень Силы не тот, но магия в тебе определенно жива. Как и кровь Салазара. Но для меня важно не его кровь — моя. Даже внешне ты почти копия Гретель.

— Так поэтому ты спасла мне жизнь? Потому что я одной с тобой крови? — София задумчиво нахмурилась. — Но почему, в таком случае, ты не пришла за мной раньше?

— Потому что не знала, где тебя искать. Гретель, по всей видимости, заблокировала магию в своих потомках. Когда у тебя произошёл стихийный выброс магии, сдержавший пламя — иначе к моему приходу ты была бы уже мертва, — поисковой амулет, молчавший столетие, привёл меня в ту маггловскую дыру. Очень вовремя, нужно заметить! Ещё минут пять и последняя из рода Слизерин, была бы мертвее нас — меня и твоего непутевого дядюшки Томми, вместе взятых.

— Тот сумасшедший из клуба! — дошло до Софии. — Он был один из этих воландемортовских придурков, Пожирателей смерти, озабоченных уничтожением магглов?! Ну, спасибо дядюшке большое за горячее «здравствуй»!

— Никаких Пожирателей не существует, — как ни в чём не бывало, продолжала разглагольствовать Василиса. — Карательный отряд Воланда по зачистке магического мира от мугродья обзывается «Упивающиеся Смертью». Прими, пожалуйста, к сведению. У Тома на этот счет пунктик. Старееет мальчик, что тут поделать? Скоро разменяет добрую сотню лет. Чувство юмора у старичка не то стало. — Василиса засмеялась грудным заразительным смехом. — Я расскажу внуку, непременно. Пусть знает: его тупоголовые егеря чуть не прибили его единственную племянницу. В качестве моральной компенсации за пережитые страхи хочешь чучело того красавчика?

— Естественно, нет. Что мне с ним делать? — София сжала пальцами пульсирующие от боли виски. — Там столько людей погибло... Ленка? Влад? Я даже не знаю, выжили они

или нет! Зачем им понадобилось поджигать клуб?

— Егеря Воланда убивают латентных волшебников, — охотно проинформировала Василиса. — Среди готов, собравшихся в клубе в тот вечер, их было, как минимум, пять. Считай, богатый улов.

— Улов?! Чтобы уничтожить пятерых латентных волшебников вы спалили не меньше двухсот человек! — ужаснулась София, не желая верить услышанному. — Не хочу чучело егеря. Хочу чучело дяди Тома!

— Аккуратнее в желаниях, детка, — резко обернулась Василиса, вскидывая красивую голову, при этом чем-то неуловимо напоминая кобру, раздувшую капюшон перед нападением. — И не смей при мне говорить о подобных вещах.

— Вы — чудовищны. У меня слов нет. За что погибли там все эти люди?

— Люди вообще имеют несовершенный изъян: они смертны, девочка моя.

— Но без вашей помощи многие, в том числе, возможно, и мои друзья, не скоро узнали бы об этом изъяне. И я — не ваша девочка! У меня есть родители. Помимо чертовых Мраксов, во мне течет как минимум кровь ещё четырех родов — маггловской крови, между прочим!

София истерично захихикала, представляя змееликого злобного всемогущего лорда Джоан Роулинг, проникшегося сентиментальными родственными чувствами к последнему жалкому отростку на чахнущем семейном древе. Это даже не комедия — чистый фарс.

— Вы знаете с Тем-Кого-Нельзя-Называть? — поинтересовалась София. — Внучек на Рождество, случаем, открытки не присылает?

— Открытки в магическом мире не в ходу, — парировала Василиса. — Но мы частенько шлём друг другу сову. Ведь ни у меня, ни у него больше никого нет.

— Офигеть! — протянула девушка. — Как трогательно!

— «Офигей» ещё раз в моем присутствии, и я представлю тебя Темному Лорду быстрее, чем планировала, — предупредила женщина. — Чтобы больше я этого выражения от тебя не слышала. Оно крайне неизящно.

— Офи... — но договаривать София не стала. — Словом, я отлично потусила в клубе!

Как уместить подобное в разуме? Живешь-живешь себе нормально, в большом обычном мегаполисе. Привычно живешь, размеренно, как все. Ничего-то любопытного, экстраординарного в себе не замечаешь, а потому, что как нет в тебе ничего такого- эдакого, особенного, чтоб из ряда вон. Обычная смазливая девчонка из среднестатистической московской школы, средних умственных способностей. Ни каких «звезд с неба», «жареных кораблей», «живых драконов».

А тут — Адеско Файр!

Соизвольте переварить: злодей века, которому, согласно бытописаниям Роулинг, в ближайшее время предстоит полное развоплощение в результате жесточайшего противостояния с Мальчиком-Которого-Фига-Два-Пришьешь-А-Потому-Что-У-Него-На Носу-Очки: ваш кровный родственничек.

«Мы семейка Адамс злобная

Нам по нраву жизнь загробная», — пропела София.

— Ну, и что я должна делать? — развернулась девушка к своей мучительнице. — Записаться в клуб УПСа? Убить Дамболдора? Привести Волдеморту мистера Поттера за веревочку? Нет, придумала! Лучше я их помирю. Поттера с Волдемортом! Представь, я вся такая, новаявленная Мери-Сью, мирю непримиримых врагов, становлюсь миссис Поттер,

улучшая тем самым общую демографическую ситуацию в магическом мире, а заодно уж и нашу змеиную породу. Продолжаю род Слизерина, укрощаю Тёмного Лорда, спасаю жизнь Мальчика-Который-Выжил. Вуаля!

Закрыв лицо руками, София разрыдалась:

— Не хочу попадать в какую-то дурацкую книжку! Пусть не в дурацкую — все равно не хочу! Хочу вернуть свою жизнь.

— Но, София, именно это с тобой и происходит, — вкрадчиво нашептывала Василиса. — Ты возвращаешься в настоящую жизнь: яркую, непредсказуемую, полную огня, вспышек тьмы и света. Все, что нужно сделать — принять условия игры. Если не захочешь, не придется никого убивать или спасать. Просто — живи. Просто — люби. И подари нам наследников.

Очередной стул разлетелся в щепы от проявления стихийной магии:

— Так вот зачем я вам нужна?! Как племенная кобыла?!

— Сколько экспрессии! — насмешливо фыркнула старая ведьма с молодым лицом. — А что в этом плохого? Что плохого в том, чтобы выйти замуж за достойного человека и родить ему детей? Любая жизнь родом из Темных Вод и Животворящего Светлого Луча. Имей мудрость принять это.

София не видела, как женщина переместилась ей за спину:

— Ты пока не готова. В твоих глазах я вижу маленькую, перепуганную маггловскую девочку, едва не погибшую от руки не самого сильного волшебника, но которого ты своим маггловским зрением приняла едва ли не за высшее существо. Мы все исправим, моя дорогая. Я не повторю былых ошибок, из-за которых потеряла дочерей. С тобой все будет иначе.

Руки женщины утонули в девичьих локонах, пальцы ласково перебирали светлые прядки.

Захотелось закрыть глаза. София уступила возникшему желанию, смежая веки.

— Тебе понравится в моем мире, — баюкал голос. — Ты не захочешь из него убегать. К чему? Здесь есть все, о чем только может мечтать женщина: красота, благородство, знания и неисчислимое количество тайн и загадок. А ещё — самые сильные, могущественные, умные и коварные мужчины. Я не заставлю тебя стать лишь дополнением к их положению. Нет! Я покажу тебе такие глубины магии, о которых не догадывается даже мой любимый внучек. Пока существуют головоломки — существует и азарт! Перед тобой будет столько загадок, сколько ты пожелаешь. Все, что захочешь, моя маленькая Гретель...

Ну, подумай сама, моя милая, разве не интересно увидеть настоящего Поттера? Не такого, каким тебе показал его Голливуд, а подлинного? Гермиону, Рона, Дамблдора? Разве не интересно поучаствовать во всем известной истории, но увидеть её капельку иначе? А может быть, увидеть её именно такой, какой себе и представляла, но не застывшей — а в красках, движении, действии?

Веки Софии наливались тяжестью. На мягких лапах к ней подкрадывался сон.

— В твоём мире есть дементоры, — прошептала она перед тем, как погрузиться в объятия Морфея.

— Порождения твоего могущественного предка — тебе они не страшны. Ты станешь маленькой славной принцессой в нашем царстве Змей, Грета.

— Я не принцесса, — проваливаясь в сон, возразила София. — И ещё — я не Гретель...

3. Змеиное гнездо

Тело покоилось на мягкой постели на простынях столь нежных, что сама возможность осязать их была лаской.

София потянулась, не раскрывая глаз. Пододеяльник теплой волной скользнула вдоль тела. В следующее мгновение яркой вспышкой прорезалось воспоминание о ночи; о странном разговоре с незнакомкой...

Девушка резко скинула с себя одеяло.

Она находилась все в той же комнате, куда вела узкая лесенка в башенке. Над ней нависал всё тот же, скошенный, мансардного типа, потолок.

Подбежав к квадратному окошечку, где цветные стеклышки собирались в мозаику, изображающую светловолосую солнечную девочку с огромным букетом ромашек, София распахнула створку. Дух занялся от восторга. Насколько хватало взгляда, всюду шелковые поля, расцвеченные разнотравьем. Их окаймляли узкие бархатистые полосы посадок. Красавицы березки кокетливо пожимали ажурными плечиками, помахивали сережками на фоне незамутненной голубизны высокого неба; строя глазки всем и никому — бесцельно, из чистого озорства.

— Кхм-кхм, — покашливание за спиной заставило обернуться.

Взглянув на источник звука, София, не удержавшись, пронзительно визгнула, отскакивая подальше. Невысокое, ростом с пятилетнего ребенка, существо, испуганно юркнуло за спинку стула, прикрывая морщинистое личико перепончатыми ушами.

Как только София захлопнула рот, прекратив звуковую атаку, существо бросилось на колени и принялось истово колотиться широким треугольным лбом, испещренным множеством глубоких морщин, об пол:

— Простите, мисси! Простите старого Ланко! Ланко не виноват! Ланко не хотел испугать. Хозяйка будет недовольна. Простите! Простите! Простите!

С каждым последующим «простите» существо усиливало размах, и удар получался более смачным.

— Простите...

— Хватит! — прикрикнула на него София.

Существо замерло, взирая на девушку глазами-блюдцами.

— Ты кто такой? — требовательно спросила она, подбоченившись.

Сложив перед собой морщинистые ручки с маленькими пальчиками, существо пискнуло, кивая несоразмерно большой, по отношению к телу, головой:

— Ланко главный домовый эльф госпожи Мракс. Семья Ланко предана Мраксам на протяжении пяти столетий. Ланко любит Мраксов — всех Мраксов. Молодая госпожа не должна его бояться, — до этого эльф стоял спокойно, поэтому София никак не ожидала, что в следующую секунду он снова бухнет на пол и продолжит самоистязательные упражнения. — Ланко — плохой! Ланко — плохой! Ланко напугал молодую госпожу!

— Я же велела перестать!

Домовик покорно поднялся на коротенькие тонюсенькие ножки и принялся отряхивать узловатые коленки.

— Так лучше, — удовлетворённо кивнул девушка. — Сядь на стул.

— Ланко не может! — в ужасе всплеснул ручками эльф. — Сидеть в присутствии молодой хозяйки? Невозможно! Ланко не может...

— Чего Ланко точно не может, так это послушаться прямого приказа. Садись!

Понуро опустив уши, эльф повиновался.

Забавно было наблюдать за тем, как его ножки, не доставая до пола, болтались в воздухе.

— Ну, Ланко?

София присела напротив. Губы её морщинила улыбка, она ничего не могла с собой поделать. Домовик забавлял. Казался ненастоящим, будто анимашка получила трехмерное изображение.

— Рассказывай, что велела передать госпожа Мракс?

— Письмо.

Конверт материализовался из воздуха, завис на секунду, дожидаясь, пока его возьмут в руки.

— Вот эту странную трубочку.

София вздрогнула, ощутив на коленях тяжесть. Опустив глаза, обнаружила сотовый телефон и очень обрадовалась.

— Ещё велено слушаться молодую хозяйку, исполнять все её желания. До самого вечера, пока не проснется госпожа Мракс.

Домовик ссутулился, прижимая уши к лысому черепу и испуганно вращая глазами:

— Молодая хозяйка прикажет накрывать стол к обеду?

В огромных глазах сияла такая надежда, что София незамедлительно кивнула:

— Конечно, Ланко. Я проголодалась.

Рот домового эльфа растянулся от уха до уха в счастливейшей из улыбок:

— Слушаюсь, моя госпожа! Если Ланко потребуется молодой хозяйке, ей следует только позвать его по имени.

С негромким хлопком эльф исчез.

София с удивлением посозерцав опустевший стул, сломала ярко-алую печать, вышедшую из обихода №-ное количество лет назад. Пробежалась глазами по каллиграфическим, ровно-округлым буквам:

«Дорогая Соффи!

К моменту, как ты проснешься, я не смогу составить тебе компанию, за что приношу глубочайшие извинения. До заката солнца тебе предстоит развлекать себя самой. Как подозреваю, последнее будет несложно — дом крайне интересен.

Исследуй его границы и возможности. Поскольку в ближайшее время тебе предстоит стать его хозяйкой, запретных уголков здесь нет. Я бы только попросила не спускаться без меня в подземелья. Не то, чтобы это могло представлять опасность — ни одна Тварь на моих землях не тронет того, в ком течет кровь Слизерингов, — в этом можешь не сомневаться. Но некоторые из населяющих подземелья созданий не столь симпатичны, как Ланко. Для молоденькой девочки, впервые постигающей волшебный мир, я бы рекомендовала держаться от инферналов, зомби и Змея подальше. — София сразу для себя уяснила, что в подземелье спустится разве только что под Испериусом. — Из дома можешь выходить, но покинуть границы поместья не получится. Зато, при желании, сумеешь позвонить родителям и убедиться, что с ними все в полном порядке.

К огромному сожалению, пришлось подкорректировать их память. Для них ты теперь

отдыхаешь в подростковом лагере на престижном детском курорте. Кажется, в «Артеке»? Не помню точно, да это не главное. Главное — они теперь довольны и счастливы, и даже не думают беспокоиться о тебе.

К сожалению, Анна, твоя мать, не унаследовала ни капли волшебных способностей. Она — полный сквибб. Подозреваю, бедняжка стала венцом усилий Гретель!

Светаёт. Вынуждена прервать написание сего письма.

Привыкай к новой роли. Развлекайся.

До вечера

Твоя бабуля

Василиса Мракс».

Стоило набрать привычный цифровой ряд кнопок, из мобильного полилась приятная музыка.

— Сонька? — радостно зазвенел голос матери. — Привет, совенок! Как отдыхается?

— Отлично, — бодрым голосом соврала девушка.

— Чем вас там кормят?

— Э-э...? — Соня пыталась судорожно сообразить.

Чем кормят в Артеке? Да откуда же ей знать? Она понятия не имела об общепите. Даже в школе предпочитала перекусывать в буфете.

— Здесь в рационе много рыбы, — на побережье ведь должны питаться рыбой, правда? — Ну, и картошку, вермишель часто дают. Фруктов в избытке. Ты не переживай.

— На пляж часто ходите?

— Каждый день.

— Далеко не заплывай, хорошо? — волновалась мама.

— Ты же знаешь, я люблю плескаться на мелководье. Папа там как?

— Нормально Мы на дачу собираемся. Яблоки подходят. Их в этом году гурты ожидают. Тебе денег на счет положить?

— Не нужно.

— Одевайся вечером теплее, ладно?

— Хорошо. Буду одеваться.

— Отдыхай. Ну, пока. Целую.

— Отцу привет!

— Обязательно. До связи...

В трубке тоскливо запищало.

Соня, нахмурившись, пыталась сообразить, что же будет с её семьёй дальше? В том, что Василиса отпускать её обратно не собирается сомневаться не приходилось.

Решив о неприятном подумать позже, девушка позвала Ланко.

— Моя госпожа желает кушать?

— Я хотела бы переодеться, — развела руками София, демонстрируя пусть кружевную, пусть нарядную, но ночную рубашку.

Ланко вновь сверкнул широкой счастливой улыбкой. Быть полезным не просто доставляло домовику удовольствие — это делало его по-настоящему счастливым.

— Госпожа желает переодеться?! О! Ланко покажет молодой хозяйке комнату с одеждой. Ланко покажет молодой госпоже «гардероб», — последнее слово коротышка выговорил с усилием, шамкая губами. — Госпожа Мракс весь оставшийся вечер создавала одежду для дорогой гостьи. Позвольте помочь вам переместиться, миледи?

София кивнула с некоторой долей сомнения.

— Вам нужно всего лишь протянуть руку Ланко.

Перемещение ощущалось резким рывком; падение столь быстрое, что краски размазавшись, слились. Когда предметы вновь обрели четкие очертания, оказалось, что София стоит в другой комнате. Мебель отсутствовала. Кругом всё чисто и ярко. Пространство заполнялось одеждой, словно в супермаркете.

— Путёна!

С очередным хлопком появился новый домовик. Такой же ушастый и глазастый.

— Что прикажете?

— Молодая госпожа желает одеваться!

Вращающиеся блюдца-глаза смерили девушку оценивающим взглядом:

— Миледи желает маггловскую? Или одежду господ?

— Пусть будет одежда господ, — пожала плечами София.

Домовичка засветилась, как двухсотваттная лампочка под напряжением. «Наш человек», — словно говорил её взгляд.

В воздухе возникло зеркало. Словно вспыхнувшие галлаграммы появились три пышных платья с длинными юбками.

София выбрала ярко-алое, чем ещё больше подняла настроение Путёне.

Платье растаяло в воздухе, а потом материализовалось на девушке, уменьшаясь в размерах там, где материи было многовато, увеличиваясь в тех местах, где ткани явно не хватало. В результате село по фигуре идеально — ни один портной так не сошьет. Магия!

София с удивлением и удовольствием наблюдала перемены во внешности. Пышные юбки визуально делали талию тоньше; плечи — более узкими и округлыми, а грудь, благодаря старинному корсету, смотрелась округлей и выше. Цвет выгодно подчеркивал тон кожи и совсем чуть-чуть диссонировал с желтоватым оттенком её топазовых, тигриных глаз.

Эльфийка приблизившись, что-то нашептала. Легкие серые тени в уголках подчеркнули удлинённый персидский разрез глаз, мазок румянами выделил нежные скулы, а полупрозрачный блеск сделал губы полнее и ярче. Волосы взметнулись и завились мягкими локонами у висков и на концах.

— Путёна, ты молодец, — похвалила эльфийку очень довольная достигнутыми результатами София.

В солнечном свете дом выглядел привлекательнее. Мебель освободили от чехлов, полировку навоощили. Деревянные половицы покрыли коврами. Длинный стол, занимающий центр широкой горницы, сервировали, словно к празднеству; он почти ломился от изысканных, невиданных яств.

Название большинства блюд София, привыкшая к незатейливой российской кухне, не знала.

Стул отъехал в сторону, стоило протянуть к нему руку, радушно приглашая присесть.

Девушка приступила к пиршеству. Еда оказалась волшебной, просто таяла во рту.

Ланко наблюдал, поигрывая ушами, то распрямляя их, то опуская. Ожидая реакции на трапезу.

Закончив кушать, девушка промокнула губы салфеткой. Стоило подняться из-за стола, как еда, посуда, подсвечники со свечами, плавающие в воздухе, растворились в одно мгновение.

— Я хочу видеть тех, кто занимается здесь приготовлением пищи, — заявила

новоявленная хозяйка.

Домовик, втянув голову в плечи, хлопнул в ладоши. Рядом с ним возникло ещё четыре эльфа.

— Синки, Тонки, Марки, Тобби, госпожа.

Каждый из представляемых домовиков усиленно кланялся, в свой черед, втягивая ушастую голову.

— Я хочу поблагодарить вас, — не сдерживая искренней улыбки, проговорила София. — Не ела никогда ничего вкуснее вашего обеда. Спасибо!

Глаза-блюдца зажглись таким ярким светом, словно внутри черепушек странных созданий загорелась китайские фонарики. Кто-то, кажется эльфийка Синки, даже всхлипнула от переизбытка чувств.

— Синки, Тонки, Марки и Тобби счастливы, госпожа.

— И Ланко — тоже!

— Ланко! — окликнула его София. — Повремени уходить. Покажешь мне дом.

В конце комнаты с длинными, узкими, словно бойница, окнами, таилась, скрытая в ниши, едва приметная дверца. За ней начинал кружить коридор. Изгибаясь, точно неторопливая змея, он уводил вдаль. Ланко демонстрировал многочисленные библиотеки, кабинеты, ванны, каминные, бильярдные, гостевые, портретные галереи, просто галереи, гардеробные, лабораторные...

— Как выйти из дома на улицу?

— Просто пожелайте, чтобы перед вами появилась дверь, госпожа.

София повернулась к стене:

— Дверь!

Со вспышкой света образовался проём. Дверь легко распахнулась, впуская солнечный свет, яркий, желтый, ослепительный. Следом за светом ворвался запах разогретых трав и цветов.

Вернувшись в дом, девушка отыскала библиотеку. Окон в ней не было; лишь тусклый зеленоватый свет освещал ряд шкафов — хранилища вековых знаний. Дитя нового века, София почти разучилась читать книги на бумажном носителе, давно предпочитая электронный вариант, доступ к которым через сеть интернета был гораздо дешевле и проще.

Покинув библиотеку, София прошла в картинную галерею, завешенную портретами.

Поплутав с полчаса, удалось отыскать среди множества незнакомых лиц портрет Гретель Мракс.

Прабабку девушка знала лично, она застала её в живых. Та умерла сильно в годах, дожив до 84 лет. В мире магглов она прожила жизнь под именем Морозовой Галины и ничем, кроме склочного нрава, не выделялась.

Со здешнего портрета незнакомая ведьма взирала, высокомерно вздернув острый подбородок и тонкие брови, прикрыв тяжелые веки. В уголках рта совсем юнной девушки таилась недобрая, едкая, словно кислота, усмешка, свойственная более зрелому возрасту.

Рядом с Гретель висело изображение Меропы. Те же острые, легкие черты, чуть застывшие и холодные; та же замысловатая высокая прическа. Но, в отличие от яркой, мятежной Гретель, Мeroпа создавала впечатление потерянности и почти болезненной хрупкости.

Портер Тома Риддла отыскать удалось не без труда. Читая в свое время «Гарри Поттера», София не слишком-то заинтересовалась данным персонажем. Маньяк,

помешенный на захвате власти и уничтожении магглов — что в нем может быть интересного? Но оказавшись в родстве с воплощенным кошмаром, невольно ощущаешь любопытство к его персоне.

На портрете был изображен красивый молодой человек. С куда более правильными и выразительными, чем у обеих сестер Мракс, чертами лица.

Киношный Том мало походил на реальный образ. Никакой смазливости, слащавости в том, кто станет Тёмным Лордом, и по юности лет не наблюдалось. Четко вырезанные, плотно сомкнутые губы; хищные гневливые ноздри прямого патрицианского носа; гордо, даже спесиво, вскинутая голова и замораживающий, отстраняющий взгляд. Каждая черточка этого лица выдавала в Томе Ридdle человека умного, амбициозного, расчетливого. Жестокого? Возможно. Но, без сомнения, сильного.

***

Солнце неизбежно клонилось к горизонту. София предвкушала новую встречу с Дамой в черном.

Новую встречу с Василисой Мракс.

4. Тёмное наследие

Дом Василисы, мрачноватый при белом свете дня, с приходом ночи становился откровенно пугающим. Пространство наполнилось шелестом и шуршанием: с подобным звуком жалуется уносимая по гладким плитам листва, подхваченная северным ветром. Колыхались занавески, будто гулял сквозняк, только в окна не вливалось ни дуновения.

Повсюду скользили тени, тени, тени...

Василиса с распущенными волосами, с запавшими щеками, очерченными чернотой глазами исподлобья взидала на праправнучку.

Ещё секунду назад её за столом, не было — София могла бы в этом поклясться!

— Добрый вечер.

Сейчас голос Василисы несколько не показался Софии благозвучным: скрипучий, старушечий, недобрый. Куда подевалось за день богатое переливами контральто?

— Или правильное сказать — доброй ночи? Да, наверное, так будет лучше. Чувствуешь?.. — Василиса запрокинула голову, смежая веки и раскидывая в стороны руки, словно приветствуя подступающий мрак. — Чувствуешь, как она сгущается — тьма? Ещё чуть-чуть и её можно будет не только вдохнуть, но и попробовать на вкус. У ночи запах жасмина и аромат сирени, вкус диких вишен с капелькой хмеля, — розовый, по-змеиному юркий язычок облизал сухие губы.

Женщина жадно втянула воздух, алчно блеснув белоснежными зубами.

— Вкус у крови пряный, горячий, — глаза ведьмы по-кошачьи сверкнули зловещей зелёной. — Боишься? — прошелестел змеиный голос. — О! Страх, это нормально. Боишься, значит, живой. Инстинкт самосохранения зиждется на страхе. А здесь есть, чего бояться. Мрак, магия, дар ночи, смерть — это всё реальность. И когда они приходят, от них не избавиться.

Холодные бескровные пальцы скользнули по девичьей щеке с насмешливой лаской.

— Прошлой ночью мы миновали лишь первый рубеж. Сегодня предстоит пройти вторую ступень.

Василиса вытянула руку перед собой, широко расставив пальцы. Прелестная женская рука превратилась в жадную клешню:

— Вармония никтьери пассус!!!

С пальцев сорвалось сизоватое облачко, похожее на сияющую плазму. Внутри плазмы подрагивали алло-голубые молнии. Облако ударилось в стену.

На секунду Софии показалось, что сейчас произойдет взрыв. Но плазма впиталась, как вода в песок. Кирпичи принялись исчезать, один за другим, открывая проход.

— Люмус!

Свечение, мутноватое, не слишком интенсивное, походило на лунный свет.

Следом за Василисой София спустилась по ступенькам, изо всех сил стараясь не касаться стен, покрытых чем-то белым, похожим на размокший известковый налет. Если бы утром девушка не видела, что дом стоит в поле, сейчас бы прониклась уверенностью, что ступени вырублены в толще скал.

Спустившись, женщины оказались в коридоре с низким потолком.

— Где мы? — дрогнувшим голосом спросила София.

Насмешливое эхо многократно умножило вопрос.

— Тс! — приложила Василиса к своим кроваво-красным губам палец с остроконечным ногтем.

Через несколько десятков шагов коридор резко сузился.

В стенах темнели углубления-ниши, подозрительно напоминающие ячейки с трупами в морге. Ход воскрешал в воображении древние римские катакомбы, где первые христиане искренне чаяли долежаться до иерихонской трубы и вновь воскреснуть. Но вместо обещанного воскрешения наполняли, ряд за рядом, подземелья, распространяя смрадную гниющей плоти.

Невольно София ухватила за ледяную руку проводницы.

— Куда ты меня ведешь?

Василиса заговорщически улыбнулась и между мягкими губами сверкнули острые змеиные резцы. Ничего не сказав, она продолжала увлекать девушку за собой. Воздух сделался влажным, дышалось с трудом.

Когда лаз оборвался София не смогла сдержать восклицания. Они стояли в подземной пещере, само нахождение которой в центральной полосе России свидетельствовало о том, что девушка теперь существует в мире, имеющем мало общего с обычной реальностью.

Сталактиты и сталагмиты, подсвеченные магическим светом, усиливали таинственную атмосферу.

Василиса снова улыбнулась, на сей раз без всякого намека на насмешку.

— Темнота, луна, подземелья — их не боятся те, у кого они в крови, — говорила колдунья. — Никого из Слизерингов, а позже Мраксов, темнота не пугает. Она — наша мать. К слову сказать, не только наша. Темнота такая же мать всего сущего на земле; как свет отец. Жалко, что нерадивые дети отказываются признавать правду.

Они остановились у кромки подземного озера. Идеально круглого, идеально черного.

— Дальше пойдёшь одна, — напряженным голосом повелела Василиса.

— Куда?!

— Вперед. Ты должна войти в воду.

— Я плохо плаваю, — предупредила София.

Поздновато бунтовать. Бабуля, чего доброго, способна разозлиться и оставить её одну. Не ахти перспективка.

Перед тем, как заходить, София разулась. Камни, не холодили ноги, напротив, были теплыми, будто под ними развели огонь.

Все происходящее выглядело настолько странным, что София даже не испугалась. Спасала уверенность, схожая с той, что присутствует в кошмарах — если сон станет совсем плох, всегда ведь можно проснуться?

Ноги, будто сами по себе, объявив полную автономию от центрального управления — мозга, — побрели вперед, уводя глубже в воду.

Как только вода дошла до пояса, темная маслянистая поверхность подземного озера начала вскипать, вспениваясь, словно со дна поднималось нечто огромное. Тяжелый, скрипучий звук заставил стены пещеры содрогнуться.

София попятилась.

— Нет! — крикнула Василиса. — Не оборачивайся! Ступай вперед! Думать не смей вернуться или мы обе погибнем!

Жуткий, утробный звук, раздавшийся вслед за голосом Василисы породил

малопривлекательный ассоциативный ряд: тонущие корабли, уходящие на дно морское — беспощадные волны сминают в грязный комок твердый металл. Последняя жалоба рукотворного исполина перед погружением в вечный мрак...

Рык повторился, полный первозданной силы. В нём отсутствовала ярость, но все органы чувств просто кричали о страшной, смертельной опасности.

— Великий Отец, Змей! — пропела за её спиной Василиса.

Даже не оборачиваясь, София знала, женщина стоит сейчас на коленях, простирая руки во мрак.

Непонятно каким образом, но в подземелье поднялся ветер — настоящий ураган.

— Я привела к тебе дочь Слизеринов, ведьму, способную вместить в себя твою Силу и Мощь. Да пребудут с ней силы Рода! Да ниспослешь ты чары Тёмных Вод. Да подаришь способность повелевать силами Тьмы, подчиняя их себе! Великий Отец, Змей! Не гневайся за то, что сто лет я не взывала к тебе! Услышь меня! Благослови ту, в венах которой течет твоя же кровь.

Тишина. Лишь где-то далеко-далеко капли, дробясь, точили камень.

А потом земля расступилась под ногами. Вода, черная и густая, сомкнулась над головой. Тьма поглотила Софию в считанные секунды.

***

Она понимала, что бредит или видит сны. Как ещё можно объяснить то, что виделось?

Перед ней колыхалась тварь со змеиным телом и божественно красивым женским лицом. Волосы красавице заменял клубок шипящих, извивающихся в волнах, кобр.

Существо покачало головой, и змеи заколыхались по волнам, точно растерпавшиеся локоны, шипя и скалясь.

— Коатликуэ, — выдохнула Женщина-Змея. — Меня зовут Коатликуэ. Можно ещё — Меритсегер.

— Великий Отец — женщина? — удивилась София.

— Великий Отец не пришёл, — усмехнулась древняя богиня. — Ты не захочешь принять Силу Атума. Она слишком велика для тебя, дитя Слизеринов. Ты не столь темна, чтобы нести в себе его частичку. Возьми мою. Она поможет давать покой мертвым; поможет отыскать нужный баланс между двумя мирами — добром и злом, страстью и разумом. Прими мой дар, потомок Древних!

Принять предложенную силу оказалось нечем. Рук София не чувствовала. Да здесь их у неё и не было.

В лицо ударила струя ледяной воды, испаряющаяся на невесть откуда взявшемся ветру, оставляющая на коже ощущение свежести и холода. Вспыхнула радуга — красный, оранжевый, желтый, зеленый, голубой, синий, фиолетовый цвета кружились, складываясь в фантазмагорию.

***

Проснулась София в своей комнате. Привычный диван, голубые обои и занавески, стол, ноутбук, картинка с изображением морского пейзажа на стене...

Её комната. Определённо — её!

София не знала, какое чувство преобладало: разочарование или облегчение?

— Мама? — позвала она. — Мама, мне такой странный сон приснился!

Хлопок.

Вращая глазами-блюдцами, словно Пинокио, появился Ланко. И начал привычно

кланяться, приговария:

— Госпожа Мракс посчитала, что подобная обстановка покажется молодой хозяйке приятной. Госпожа Мракс сказала, что среди привычных вещей молодой хозяйке будет не так тоскливо и грустно. Госпожа Мракс....

— Довольно!

Чувство разочарования и облегчение никуда не делись, сместились лишь акценты.

— Принеси кофе и эклеры, Ланко. Прямо сюда, — София бросила взгляд в сторону ноутбука. — Работает?

— Да, да, — с энтузиазмом китайского болванчика закивал эльф.

Ноутбук не только работал, но и непонятно каким образом (совершенно непостижимо) имел доступ в сеть интернета.

Загрузив любимый Гугл, София набрала услышанное вчера имя — Коатликуэ. В википедии она значилась как «Змеиная мать»; в мифологии ацтеков — богиня земли, огня и смерти. Особое покровительство оказывала цветам. Хм-м?

На запрос о Меритсегер Гугл выдал информацию о Древнеегипетской богини. Буквально имя означало: «любящая безмолвие». Согласно верованиям древних египтян Меритсегер покровительствовала мертвым.

«Веселуха, — подумала София. — Чем же меня одарила странная женщина-змея из подземного озера? Судя по всему, вряд ли я отделаюсь выращиванием зерновых культур?».

Как только последний солнечный луч угас, на подоконник раскрытого окна уселась ворона, хлопая маслянисто-черными крыльями. Через мгновение на месте птицы сидела женщина. Черные волосы свободно развивались за спиной на ветру.

— Доброй ночи, София, — приветствовала её хозяйка мрачной обители.

— Доброй ночи, Василиса, — улыбнулась девушка. — Я ждала тебя.

— И я с нетерпением предвкушала встречу. Сегодня третья ночь.

Василиса отбросила за спину густые черные волосы.

— Третий рубеж.

Легко оттолкнувшись руками от подоконника, женщина гибким змеиным движением соскользнула на пол:

— Идем!

— Куда?

Сначала пусть объяснит, к какому черту лешему её собираются волочить на этот раз.

Василиса возвела очи горе.

— Ну как же с тобой трудно. Не бойся, самое страшное уже позади. То, что может произойти сегодня детские игры по сравнению со вчерашней аудиторией.

— Кстати о вчерашнем? — подбоченилась девушка. — Что это было?

Василиса пристально поглядела Софии в глаза.

— Некоторые вещи не требуют объяснений. Ты сама знаешь — что.

— Но у Роулинг ничего подобного не описывалось!

— Художественная литература, как кривое зеркало весьма избирательно отображает реальность. Так ты идешь?

— Ты не сказала куда?

— На кладбище.

Ну, конечно же. Где ещё может колдовать?

— Надеюсь, хоть кости мертвецов грызть не придется? — фыркнула София.

Василиса посмотрела на неё, как на юродивую.

— А что? — пожала плечами София. — Во всех сказках про злых ведьм те сначала пляшут на гробах, потом высасывают из бедренной кости костный мозг со злобным хохотом и после до рассвета катаются на помеле. Грызть тазобедренные кости я наотрез отказываюсь. Это не гигиенично, не эстетично...

— И не практично, — закончила Василиса.

***

Они стояли в центре небольшого кладбища. Погост расположился рядом с умирающей деревенькой, каких в Российской глубинке миллионы. Кусты сирени, густо разросшиеся повсюду отлично скрывали ведьм без всякой магии.

— Ты должна поднять зомби, — обыденным тоном наставляла Софию Василиса. — Заставь их тебе подчиняться, а затем вновь успокой.

В устах женщины заявленное казалось простым. У, и делов-то в самом деле? Поднять, подчинить, успокоить! Да на раз-два!

Ладно, если не получится, это полбеды. А вот если получится? Что тогда делать? Вдруг она целое кладбище поднимет, а после этого не подчинит и не успокоит? Что тогда?

— Верь мне, с тобой ничего плохого не случится. Я не позволю никому причинить тебе вред, — заверила Василиса.

— Что я должна делать?

— Опустись на землю. Почувствуй её. Можешь закрыть глаза, если хочешь.

София чувствовала себя глупо сидя на корточках и уцепившись руками за траву. Ветер, дувший с юга, игривый и ласковый, приятно щекотал шею и щеки.

А потом она услышала, как тихо падали капли в пустоту: кап, кап, кап.

Темная гладь воды, ничего не отражающая, никуда не текущая.

Спокойная.

Бездонная...

София напряглась. Ладони наливались холодом, студёным и резким, почти обжигающим.

— Хорошо, — удовлетворенно зашептала Василиса. — Теперь повторяй за мной! Левантэ инсиргеа мортэ.

— Левантэ инсиргеа мортэ...

Руки заломило, будто их на двадцатиградусном морозе облили водой. Земля колыхнулась, перестав быть твердью.

— Получилось! — звенел ликованием голос Василисы. — Получилось! Открывай глаза! Смотри... Я не видела такого с тех пор, как потеряла мою Гретель! — хохотала ведьма.

«Не мудрено, что она сбежала, — в ужасе подумала София. — Отче наш!», — пронеслось в голове.

Ни одному режиссеру не передать такой реальности.

Мертвые поднимались из земли, ломая истлевшие доски.

«Что мы знаем о душе?! — думала София, созерцая действие собственной силы. — Что, если нет никакой души? Что, если тело единственное, в чем присутствует сознание и что от нас остаётся? Что, если потревоженный прах этих существа силится переварить окружающую реальность? Если их нервы, двигающие разваливающуюся плоть, способны посылать в мозг сигналы, то какова же боль от этих язв, трещин, отваливающихся конечностей? А если трупы ничего не чувствуют, то почему на останках их лиц застыло это

безмолвное выражение дикого ужаса?! Не тупая бессмысленность, не злость, не кровожадность, даже не равнодушие, а мука, неизмеримая, страшная. Неужели они понимают, что мертвы?».

Что если, когда-нибудь, кто-то вот точно так же потревожит покой её, Софии, родителей, друзей? Или саму Софию?

— Как это прекратить?!

— Сначала подчини их, — велела Василиса.

— Как это прекратить?!

— Они не могут причинить вреда ни тебе, ни мне. Заставь их слушать тебя. Повторяй...

— Фините Инкантáтем, — завопила София во всю мощь, отведенную природой, срывая от крика горло.

По кладбищу распространились вспышки света. Мертвецы проваливались в свои могилы.

Спустя пять минут лишь луна умиротворяюще сияла над спящим миром.

— Я никогда больше не потревожу покоя мертвых!

Собственный голос казался Софии чужим.

— Что бы вы ни говорили мне, чем бы ни пугали, чтобы не сулили! Слышите меня, Василиса Слизерин Мракс?! Никогда!

— Ты так пуглива? — презрительно хмыкнула Василиса. — Опасности не было.

— К чёрту опасность! — заорала София.

А потом голос её сорвался на шёпот:

— Ты что же, не видела? Им же было больно!

— Больно? Мертвецам? — засмеялась Василиса. — Что ты несешь, глупенькая?

— Ты хотела бы увидеть свою обожаемую Гретель в таком виде, в каком только что созерцала этих несчастных?

Повисла напряжённая пауза. Ветер грустно перебирал листву сирени, прорастающей то тут, то там.

Так ничего и не ответив, Василиса пошла к дороге.

5. Альбус Дамблдор

Почти весь следующий день София проспала. Стоило поднять ресницы, как Ланко поил её отваром, приятно пахнувшим травами (мятой и цитрусовыми), и веки вновь слипались.

Когда удалось сбросить оковы Морфея, София поспешила спуститься вниз.

— Ланко!

Эльф повинно опустил огромные уши.

— Куда подевались портреты? — подбоченившись, спросила София.

— Хозяйка велела спрятать, чтобы гость их не видел.

— Василиса ждёт гостей?

— В усадьбе ждут одного гостя. Хозяйка велела прибраться в доме, приготовить праздничный ужин, убрать портреты... — загибал эльф узловатые сучковидные пальцы, бряцая ушами, словно ишак. — Ланко — не виноват! Ланко — хороший эльф!

София вымученно улыбнулась. Она начала привыкать к странному существу и, положив руку на сердце, в свете последних событий, домовик вызывал у неё гораздо больше симпатии, чем его хозяйка.

— Конечно, Ланко — хороший. Не огорчайся.

Чтобы не мешать приготовлениям, девушка вернулась к себе в комнату.

Включив ноутбук, попыталась читать, но мысли не желали сосредотачиваться на тексте, вращаясь вокруг одного: Василиса вчера обмолвилась, что реальный Гарри Поттер в этом году пойдет на шестой курс. Значит, Мальчик-Который-Выжил уже успел открыть Тайную Комнату, встретить крёстного и победить дементоров? А любимый дядя в прошлом году, стало быть, проворонил пророчество? Любопытно...

В дверь постучали.

— Да? — не отрываясь от монитора, откликнулась София.

— Простите Ланко! Он не должен беспокоить молодую хозяйку, но...

— Что случилось, мой хороший?

— Гость! — испуганно вытаращив глаза, пискнул домовый. — Случился гость! Он уже вошел во владения госпожи Мракс и скоро будет здесь. Вам нужно поприветствовать гостя, барышня! Ланко — хороший. Ланко сможет позаботиться о нуждах волшебника. Но Ланко не может гостя развлечь!

София захлопнула крышку ноутбука.

— Что я должна сделать?

— Открыть гостю дверь. Проводить в дом великого Дамблдора...

— Кого проводить? — охнула София, хватаясь за сердце. — Дамблдора? Директора Хогвартса?!

— Гость уже на пороге, — в панике задергал ушами домовик. — Миледи, поспешите! Даже госпожа Мракс никогда не заставляла ждать господина Дамблдора! Директор Хогвартса — великий волшебник!

— Ланко, ты — кретин!!! Нужно было заранее меня предупредить! Ладно, — замерла София, понимая, что бедолагу эльфа от натуги сейчас кондрашка хватит. — Идем вниз.

Она замерла напротив двери как раз в тот момент, когда темная створка распахнулась и, купаясь в лучах света, на пороге возник самый великий волшебник всех времен и народов.

— Позвольте пожелать вам доброго вечера, мисс? — со старомодной вежливостью склонил серебрянновласую голову в приветственном поклоне Дамблдор. — Разрешите войти? — спросил он, пристально глядя на Софию через поблескивающие стеклышки очков в тонкой серебристой оправе.

Она шагнула в сторону, освобождая гостью проход.

Дамблдор, оглядываясь с неприкрытым любопытством, прошёлся по комнате. Потом взмахом палочки наколдовал себе кресло, будто стоявших вокруг стола стульев было мало, и опустился в него.

— Прошу прощения за это маленькое самоуправство. Годы дают себя знать, я очень устал с дороги, а в кресле сидеть всегда удобнее, чем на стуле, — с извиняющейся улыбкой сказал он.

— Конечно, делайте как вам удобно. Хотите чаю? — предложила София.

— С удовольствием выпью чашечку.

Дамблдор снова огляделся.

— Здесь, на мой вкус, слишком сумеречно, — сказал волшебник. — Не станете возражать, мисс, если я добавлю немного света?

— Не стану.

— Люмос!

Золотистой луч вспыхнул, словно сам по себе. Потом на столе возник чайный сервис, вазочки с конфетами, печеньями и бутербродами. От чашек исходил приятный запах и горячий пар.

Дамблдор с удовольствием попробовал горячего чая.

— Мы ведь с вами не знакомы, мисс? — вновь улыбнулся волшебник. — Могу я узнать ваше имя, прелестная хозяйшка?

— На самом деле моё имя София Хвелёва, но Василиса утверждает, что я — Певерел Слизерин Мракс, — скорчила она недовольную гримаску.

Дамблдор, допив чай, поставил чашку на краешек стола.

— Вы жили среди магглов, София?

Она кивнула.

Можно было только догадываться, что там на уме у старейшего стратега — морщинистое лицо было совершенно непроницаемо.

— Кем вам приходится Василиса Мракс?

— Говорит, что пра-пра-бабушкой.

По всей видимости, Альбус Дамблдор был прекрасно осведомлен об истинном возрасте Василисы, потому что не выглядел удивленным.

— Полагаю, Василиса позвала меня, чтобы заручиться поддержкой по поводу вашего поступления в Хогвартс? — предположил он.

— Я понимаю, что слишком взрослая для того, чтобы начинать обучать меня магии...

— Учиться никогда не поздно, — покачал головой Дамблдор, — и это сказал не я. Вы сами хотите этого, София?

— Наверное. Я не уверена. Но назад меня теперь всё равно не отпустят. Раз уж выяснилось, что я теперь волшебница, нужно учиться как-то с этим жить.

Во взгляде Дамбалдора промелькнуло что-то, похожее на сочувствие:

— Любой волшебник, нуждающийся в помощи, всегда найдет её в стенах Хогвартса независимо от его родословной. Н-да! — протянул Дамблдор. — Какой необычный вкус

у здешних сладостей.

Почти против воли с губ Софии сорвался вопрос:

— Я приняла Темное Наследие моего рода. Я теперь проклята?

Прожевав пряник, Дамбалдор посмотрел на вазочку с конфетами, обёрнутыми в яркие фантики. Выбрав, развернул одну, закинул в рот. И только когда съел конфету заговорил вновь, щуря свои близорукие глаза за блестящими стеклами-половинками, похожими на два полумесяца:

— Если почитать религиозные книги магглов, выходит, что любая магия, по сути своей, темна. Я не могу, в силу происхождения и пройденного жизненного пути, согласиться с утверждением: «Ворожей не оставляй в живых». Впрочем, те же магглы, что произвели этот спич, делали исключения, скажем, для волхвов, несущих дары младенцу Иисусу? Или Андалузской Волшебницы? Двойные стандарты имеют распространения в любом мире и обществе, не так ли? Одна только способность убивать взглядом, поднимать мертвых, изрыгать гром и молнию, по моему глубокому убеждению не делает человека ни темным, ни проклятым. Собственные устремления, неправильно выбранные цели и нечистоплотные способы её достижения — вот настоящее зло. Только то, что ты сделаешь сам, способно сделать тебя отверженным. Но ни происхождение, ни кровь, ни преступления предков не делают тебя проклятым.

— Как я рада снова видеть тебя, Альбус! — голос Василисы прервал монолог профессора.

За беседой и чаепитием София не заметила, что солнце успело сесть.

— Василиса! — Дамбалдор поднялся, приветствуя её. — Рад видеть одну из самых прекраснейших женщин на свете.

— В устах любого другого это комплимент, — засмеялась та. — Но от тебя, Дамбалдор, это почти что хула. Всё ещё не можешь мне простить той старой интрижки с Геллертом?

— Кто старое помянет, тому глаз вон. Так, кажется, говорят здесь, в России?

— У поговорки, Альбус, есть продолжение: а кто его забудет, тому оба.

Всё это было сказано с очаровательной улыбкой — улыбкой, полной яда.

— С нашей последней встречи, состоявшейся без малого пятьдесят лет назад, если память мне не изменяет? — вздохнул Дамбалдор. — Ты совсем не изменилась.

— Иллюзия, Альбус, — рассмеялась Василиса. — Иллюзия! Впрочем, как и многое другое на этом свете.

Приблизившись, она протянула волшебнику обе руки. Дамбалдор, к удивлению Софии, склонившись, галантно прикоснулся к ним губами.

— Выглядишь уставшим, мой старый враг.

— Никто не вечен, — вздохнул Дамбалдор в ответ.

— Я буду скучать по тебе, Альбус, — на сей раз в голосе Василисы прозвучала искренняя грусть.

— Очень может быть, — ухмыльнулся тот в густую бороду. — Кто знает, может быть, даже у таких, как ты, есть сердце?

У Софии создавалось впечатление, что эти двое разговаривают как-то странно. На первом плане звучали вроде бы ничего особенного незначащие слова, но на втором шёл мощный, ускользающий от неё подтекст.

Василиса игриво опустила пушистые ресницы:

— Жаль, что у времени сердца точно нет. Но довольно о прошлом. Можешь меня

поздравить: мне наконец-то удалось отыскать потомков Гретель. Ты уже успел познакомиться с моей внучкой?

— Поздравляю, — серьезно кивнул Дамблдор. — От всей души надеюсь, что девочку минует участь Тома Риддла.

— Словно в насмешку над убеждениями Мраксов наша единственная надежда на возрождение крови совершеннейшая маггла: по убеждениям, взглядам и жизненному опыту. Ну, не забавно ли? У Софии огромный магический потенциал силы, так что немного опыта и знаний... — Василиса снова засмеялась и на сей раз в её голосе звучала издёвка. — Рискнешь обучить ещё одного Мракса? Конечно, учитывая местожительство малышки, а также и её способности мне, конечно же, разумнее было бы определить её в Дурмштранг, но я куда с более легким сердцем вручу её тебе, Альбус Дамблдор. Ты ведь не откажешь в исполнении моей маленькой просьбы?

— Не откажу. В первую очередь из-за самой девушки. Каждый из нас заслуживает шанс спасти свою душу. Тебе понравится в Хогвартсе, — повернулся Дамблдор к Софии и взгляд его смягчился. — Уверен в этом.

***

Перед сном, широко распахнув окно, София любовалась звездами. В эту ночь они были острыми, словно осколки и яркими, как алмазы.

Скрипнула дверь. Василиса, шурша длинными душистыми юбками, присела рядом.

— Как ты похожа на мою Гретель, — грустя, вздохнула женщина. — Когда-то я потеряла обеих моих девочек из-за глупых, никому ненужных предрассудков. Сто лет назад лживые принципы, дурацкие обычаи казались мне значительней материнских чувств. Теперь я знаю истину: магия, знания, материальные блага — всё это ерунда. По-настоящему значение имеет только любовь. Дамбалдор прав: любовь — это величайшая сила.

— Вы — враги?

Василиса задумчиво опустила голову, перебирая руками складки пышной юбки.

— Мой муж, Марволо Мракс, мой внук, Волдеморт — оба были открытыми врагами Дамблдора. Геллерт Гриндевальд когда-то предал Дамблдора из любви ко мне, а я, в свое время, помогла Дамблдору одержать победу над Гриндевальдом. Потом Дамблдор поспособствовал свержению моего любимца Тома Риддла. Всё так запутано и сложно. Наверное, если принять в расчёт все факты, то мы с Дамблдором скорее враги, чем друзья.

Голос Властелины, как всегда, убаюкивал.

— Я решила, что для тебя будет лучше не упоминать имени Мраксов. Оно — увы! — слишком широко и печально известно. Отныне ты Астория Дафна Гринграсс! Ну? Что скажешь?

— Если честно, мне все равно. Астория — так Астория, — ответила София.

6. Визит УПСов

На следующее утро София обнаружила на столе чехол, напоминающий ножны. В простом деревянном ящичке была угрожающая, темная красота, обычно свойственная оружию. Холодно поблескивал он серебряной инкрустацией, изображающей кобру с раздувшимся капюшоном и раздвоенным языком.

Под чехлом лежало письмо:

«Палочка принадлежала моей дочери и твоей прабабушке. Очень редкая по своему составу: 13 дюймов, рябина, жила сердца гарпии. К ней прилагается книга с заклинаниями. Попробуй потренироваться самостоятельно, может быть, что-нибудь получится? В колдовстве при помощи волшебной палочки нет ничего сложного: замах — желание получить результат — заклинание. Как говорят, на твоей родине: «Не боги горшки обжигают».

Удачи

Василиса».

— Ух, ты! — восхитилась София, высвобождая палочку из чехла.

Светлая, цвета топленого молока, полированная, изящная, она напоминала жало осы.

Движением от себя — вниз она прочертила дугу, распрямляя руку. Сноп алых искр цветком распустился в комнате, медленно расстаяв в воздухе.

Встав вполупорот, словно на дуэли, София резко вскинула руку, словно бы рисуя кистью запятую:

— Ассио, книга!

И едва успела отскочить — книга упала прямо в руки.

Получилось! У неё — получилось!

Пробежавшись взглядом по странице, София выхватила глазами следующее заклинание:

Адеско Файр?

Ну, уж нет. Вызывать Адский огонь не хотелось. Она ещё слишком хорошо помнила, чем это кончается.

Так, что там дальше? Авис заклинание, создающее птиц? Повышенной сложности. Гм-м! Не годится. И птицы ненужны, и повышенная сложность ничему.

Агуаменти?

Через пять минут София вышла на улицу, зажав книгу подмышкой и с палочкой на боевую изготовку.

— Агуаменти!

Взмах палочкой над головой и, к полному восторгу Софии, прямо из земли забил фонтан.

— Фините Инкантатум!

Фонтан исчез.

— Агуаменти!

Появился.

— Фините Инкантатум!

Исчез.

— Агуаменти!

Фонтан взметнулся вверх, переливаясь в солнечных лучах радужными бликами.

К букету полевых цветов было применено леветирующее заклинание — венок плавно воспарил в воздухе.

В доме потрошению подверглась подушка, за этим последовало:

— Левиоса!

Пух закружился теплым снегом.

— Репаро!

Полетели к центру комнаты, собираясь, пушинка к пушинке, и подушка, целёхонькая, упала на руки.

Трясаясь от страха, возвращалась София на поляну. Она отлично понимала, чем рискует. Очень. В случае неудачи может к чертям все спалить — страховать-то некому. Впрочем, оставалась почти полная уверенность что заклинание такой сложности ей просто не под силу.

Судорожно глотнув воздух, подавляя желание зажмуриться, София вскинула левую руку, на сей раз рисуя дугу снизу — вверх и уверяя себя, что бояться нечего, всё равно ведь не получится.

— Адеско Файр!

Палочка в руке завибрировала, совсем как живая. В лицо ударил порыв ветра. София чувствовала сопротивление, словно призываемая горячая стихия бунтовала, не желая подчиняться.

— Адеско Файр!!!

Полыхнуло, обдавая жаром и пламя полилось из палочки, растекаясь по земле багровой рекой.

— Агуаменти!

На пути распространяющегося пламени забил фонтан.

— Агуаменти! Глациус!

Пожар стихал, утрачивая яростную силу. Через минуту на месте пляшущих алых языков мертвели проплешины опалённой земли словно ожоги на зеленой плоти. Птицы и насекомые смолкли.

Дрожащей рукой София отерла пот с лица.

Смогла. Справилась! И чувствовала триумф победителя.

Дома её встретили перепуганные эльфы.

— Госпожа! — робко заперевирал лапками Ланко. — Не стоит использовать столь сильные проклятья.

Эльф по обыкновению втягивал голову в плечи, опуская перепончатые уши.

София ласково провела ладонью по морщинистой голове домовика.

— Не переживай. Больше не буду, — эльф моргнул. — Ты хороший. Очень хороший.

Безгубый рот растянулся в довольной улыбке.

— Госпожа прикажет накрывать на стол? — с надеждой заморгал он.

Василиса не нуждалась в еде, тепле, защите или уюте. Служение ей не могло доставить домашним эльфам того удовольствия, которое давало им взаимодействие с её внучкой.

— Ещё бы! Я с этими заклинаниями проголодалась, как волк. Будто весь день фитнесом занималась!

Эльф свел надбровные дуги (бровей на морщинистом лбу не наблюдалось).

— С Фитнесом развлекалась? — подозрительно повторил он. — Фитнес — поклонник молодой госпожи?

София не сдержала хохота: домовики, повсему видать, не одобряли добрачных связей.

— Скорее уж это госпожа его поклонница, Впрочем, не слишком рьяная. Спи спокойно, Ланко. Фитнес не в состоянии посягнуть на святое.

— Не в состоянии? И зачем госпоже — такой? — выпучил и без того пучеглазые глаза эльф.

— Это вид спорта у магглов, — приняв заговорщицкий вид, таинственным шёпотом поведала София.

— А-а! — довольно дернул ушами эльф.

И рассмеялся.

***

Сумерки сгущались быстро, но Василиса всё не торопилась появляться.

Придвинув жирандоль со свечами ближе, София, поудобней устроив книгу на коленях, перелистывала страницы, стараясь запомнить как можно больше заклинаний.

Бомбарда — взрывает цель

Ваддиваззи — направленная на врага левитация, предметы летят в противника.

Вердимилиус — в противника ударяет молния.

Диффиндо — заклинания разрезания.

Разлетевшиеся со звоном оконные стекла заставили Софию вскочить на ноги. Рука интуитивно потянулась к волшебной палочке.

— Все в порядке! — произнес, выпрямляясь, мужчина в странной одежде.

Прежде чем он успел сказать что-то ещё, черное облако, (скорее даже вихрь) метнувшийся из окна, обернувшись Василисой (очень разгневанной Василисой!) сбило его с ног.

Рыча, словно зверь, она швырнула незваного гостя на пол. Его тело проехало через всю комнату, опрокидывая перед собой стулья и сбивая в ком ковровые дорожки, пока с силой не ударило об стену.

Ручейком с потолка просыпалась штукатурка.

Коршуном Василиса упала на грудь противнику. Разведя руки в стороны, одним движением разорвала на нём кожаный жилет и, обнажив клыки, с хрустом смачно вгрызлась в выпирающую мужскую ключицу.

София не успела заорать от ужаса лишь потому, что чья-то рука, подставив острие ножа ей под горло, не позволила открыть рот.

— Прекратите, Ваше Темнейшество...

Однажды София уже слышала этот голос. Именно — этот! Сомнений нет.

— Или у малышки сейчас на подбородке появится второй рот.

Василиса медленно повернулась к ним окровавленным лицом.

Страшнее зрелища София в жизни своей не видела: глаза ведьмы заполнились кровью, зрачки-лезвия светились алым блеском, в оскаленной пасти багровели обнаженные змеиные клыки.

В следующий миг выгнув спину, словно кошка, ведьма одним плавным движением снова оказалась на ногах.

София всё же завизжала, пронзительно и дико, словно пойманный в ловушку зверь. Только реакция незнакомца, успевшего отвести клинок в сторону, спасла ей жизнь — доля секунды и она сама бы напоролась на нож.

— Заткнись! — грубо встряхнул он Софию.

— Отпусти девочку, Скабиор, — угрожающе предупредила Василиса. —

Немедленно, — потребовала она.

— Спокойно, спокойно! К чему угрозы? У меня тоже, знаете ли, могут быть нервы!

Сладковатый запах марихуаны, тяжелым шлейфом накрывал Софию... Это точно та тварь из бара, что б ему сдохнуть! Нет. Не сдохнуть. Лучше долго и мучительно умирать.

— Успокоились, сударыня? — протянул Скабиор. — Поговорим, как цивилизованные люди?

— Отпусти ребенка! — вновь зарычала Василиса.

— Отпущу, непременно. Как только получу от вас убедительные заверения, что вы не наброситесь на нас с клыками снова, красавица.

— Не дождешься ты от меня заверений, — заявила Василиса, но клыки, однако, спрятала.

— Как скажешь. Только тогда уж не обижайся, — София дёрнулась, ощутив, как эта мразь плотоядно провела языком по её шее, втягивая воздух вместе с кожей, — если я не разгляжу в этой красотке ребёнка...

— Не шути со мной, — предупредила Василиса.

Мужчина, отдыхающий до этой минуты на полу, пришёл в себя, и теперь предпринимал попытки перетечь из лежачего положения в сидячее, разбрызгивая по полу алые брызги крови.

Василиса презрительно скривилась:

— Долохов? — протянула она, устало проводя по волосам, словно стряхивая с них липкую паутину. — Ну и что? Как там поживает ваш Тёмный Лорд? Жирка немного на кости нагулять не успел?

— Какой там!

Долохову удалось-таки, в результате титанических усилий, сесть.

— Авроры нас всех гоняют, дай бог в живых остаться, не до жиру, как говорится, быть бы живу. Да ещё и ты вот так неласково старых друзей встречаешь, — укорил он.

— Я могла бы тебя убить, — мечтательно прищурилась женщина. — Ну, раз оклемался, так и быть — живи. Но вели своему цепному псу убрать клыки, Антон. Или вечер скучно закончится. Я рассердиться могу и всерьёз.

— Скобияр, — бросил Долохов взгляд в сторону напарника, прикрывающегося Софией, точно щитом, — ты всё слышал. Отпусти девушку.

Почувствовав себя свободной, София метнулась к Василисе и спряталась у неё за спиной.

— Тебе нужна помощь, Антонин. Кажется, я серьёзно тебя ранила. Иди сюда, — милостиво разрешила Василиса.

Долохов опустил перед ней на колено.

Полоснув по запястью острым ногтём, Василиса прижала кровоточащее запястье к открытой ране на его груди, и та затянулась прямо на глазах.

— Спасибо, госпожа.

Он попытался поцеловать окровавленную руку, дарящую исцеление, но Василиса брезгливо оттолкнула его от себя.

— Хватит развлекаться. Выкладывай, зачем явились?

— Тёмный Лорд получил твоё письмо и теперь хочет познакомиться с девушкой.

— Я теперь должна считаться с капризами Тёмного Лорда? — строптиво тряхнула головой Василиса. — Помилосердствуйте! С какой такой радости?

— Я бы не назвал Волдеморта капризным созданием. Да и что плохого в его желании познакомиться с...

Прикусив язык, Долохов бросил быстрый взгляд в сторону Скабиора.

— С твоей протее, госпожа?

Но до этого он явно хотел сказать что-то другое.

— Когда рак на горе свистнет, не раньше, — пообещала Василиса, демонстративно скрещивая руки на груди.

— Он может приехать в Россию вместе со своими верными друзьями, — вкрадчиво проговорил Долохов.

— Ты мне угрожаешь?

— Не я. Тёмный Лорд недвусмысленно дал понять, что в приливе родственных чувств способен на многое.

Василиса сжала губы:

— Это всё, надеюсь?

Черные глаза Долохова стрельнули в Софию, которая испуганной мышкой затихла за спиной могущественной бабули:

— Лорд принес Нерушимую клятву: ни единый волос не упадет с головы девочки.

Василиса пренебрежительно передёрнула плечами:

— Я знаю, что он не причинит ей физического вреда. Но ваша компания не подходит молоденьким девушкам.

— Что вы, госпожа! Никто из нас не посмеет посягнуть на честь женщины из вашего рода, есть другие, гораздо более приятные способы умереть. Послушайте, ну, к чему поднимать бурю в стакане воды и наживать неприятности? Портить настроение себе и людям? Просто сделайте так, как хочет Тёмный Лорд.

Василиса, тяжело вздохнув, повернулась к Софии:

— Кажется, девочка моя, тебе придется поехать.

7. Дядюшка Томми

Под ногами хрустели сухие хвойные иглы, разбегались во все стороны потревоженные насекомые.

София старалась не думать о том, что позади шагает Скабиор. После предупреждения Долохова он вёл себя пайнкой, правда несколько выводили из себя его насмешливые взгляды исподлобья. Да взгляды в криминал не припишешь.

Угрожающее, пока ещё отдалённое рычание, заставило Софию вынырнуть из глубин сознания, где она до сих пор пребывала.

— Разве в Девоншире водятся волки? — потянула она за рукав проводника. — Кажется, я слышала вой.

— Волки не представляют опасности для волшебника, — отмахнулся Долохов.

— Точно, не представляют, — воспользовавшись тем, что София обернулась на его голос, Скабиор заговорщицки ей подмигнул, скроив пакостную мину. — Только это не волки. Это адские гончие.

— Кто? — заинтересовалась София.

— Скабиор, закрой пасть, если не хочешь, чтобы я пересчитал тебе зубы чисто маггловким способом, — с этими словами Долохов подхватил Софию под локоть и почти волоком потащил за собой. — Какая жалость, что тебя не научили летать на метле, — досадливо поморщился он. — Секретсардэ!

Из палочки вырвался серебристый свет, материализовавший подъездную дорогу, усыпанную гравием. Она вела к дому, увитому плющом, двухэтажному, подслеповатому коттеджу с узкими окнами и потемневшей от времени черепичной крышей. Входная дверь, утопленная в толстых стенах, узкая, тяжелая и массивная, с трудом поддавалась, пропуская визитеров.

Миновав тускло освещённый коридор, они вошли в просторную комнату, где за длинным дубовым столом тянулся ряд стульев с прямыми спинками, а во главе темнела фигура, раскинувшаяся в кресле с грацией отдыхающего хищника.

Несмотря на подчеркнутую небрежность жестов, Волдеморт напомнил Софии статую: застывшая маска и проницательный, невозмутимый, равнодушный взгляд.

— Долохов, ты, как всегда, не заставил себя ждать. Ценю пунктуальность, — удовлетворённо кивнул Тёмный Лорд. — А теперь пойді вон. Нахожу, что женским обществом приятнее наслаждаться тет — а-тет.

Оставшись наедине с дядюшкой, София, стремясь скрыть охватившее её волнение, уделила пристальное внимание нехитрому узору из медальонов на ковре у себя под ногами.

Краем глаза она заметила, как колышутся раструбы черного одеяния — чудовище приблизилось.

— София? Любопытно, — произнёс высокий звенящий голос. — Твоё имя означает «мудрость».

Костлявые пальцы постучали по столешнице.

— Что ж, София, добро пожаловать, приглашаю тебя в наш круг, — похожая на остов кисть высвободилась из длинного безразмерного балахона, указавая на стул. — Присядь.

София не смогла удержать нервную дрожь, почувствовав на плечах давление костлявых,

холодных пальцев.

— Боишься меня?

Она замотала головой. Впрочем, не слишком убедительно.

— Почему, в таком случае, ты на меня не смотришь? — вкрадчиво прошелестел голос.

— Потому что вы стоите у меня за спиной.

Пауза. Не слишком длительная, но тягостная.

— Как ты относишься к играм без правил? — внезапно спросил Тёмный Лорд.

— Простите? — не поняла София.

— Повторить вопрос?

— Как я отношусь к играм без правил? — она нервно облизнула губы. — Полагаю, без правил и игры нет.

— Тогда я переформулирую вопрос: как ты относишься к игре с высокими ставками? Когда на кону стоит либо жизнь, либо смерть?

— Предпочитаю тогда не играть.

Тёмный Лорд сел рядом, откидываясь на спинку стула:

— А вот я, признаюсь, люблю острие ножа. Хочу тебя кое с кем познакомить.

София с ужасом поняла, что разбирает в змеином шелесте имя Нагайны.

В комнату, в одну из боковых арок, вползала змея огромных размеров, неторопливо подтаскивая тяжелое чешуйчатое тело всё ближе и ближе к ним.

«Я — здес-с-сь, хозяин-н-н...».

Змея повернула к Софии треугольную морду. Из пасти то исчезал, то вновь показывался раздвоенный язык.

— Ты говоришь на змеязы? — поинтересовался Тёмный Лорд.

— Я его понимаю. Кажется.

Змея зашипела:

«Прикажите убить девчонку, хозяин?».

— Нет, Нагайна. Напротив — любить. Девочка часть нашего змеиного гнезда. Древние Змеи приняли её, прими и ты.

Нагайна подползла к Темному Лорду, всползла на спинку его стула, обвивая её, точно живая гирлянда. Потом положила голову мужчине на плечо — эдакая экзотическая домашняя любимица.

— Убьешь девку в том случае, если она посмеет меня предать, — погладил Волдеморт выпирающие, вывернутые рептильи ноздри.

София почувствовала, как сжимается сердце:

— Чего вы от меня хотите? — спросила она. — Чтобы я стала Упивающейся Смертью?

— Кабалить собственную плоть и кровь? Зачем мне это надо? Рабов я создал уже достаточно. Нет, ты нужна мне в ином качестве, Астория Гринграсс. Как и я, когда-то, ты выросла в мире магглов. В мире магов тебе, как и мне, придется нести тяжелую печать полукровки.

— А вы, всемогущий дядюшка, разве не пожелаете облегчить мне мою участь?

— Откровенно говоря, не люблю слабаков, кем-либо прикрывающихся. В любом случае, в магическом мире я персона нонграта и вне закона. Неужели же ты столь храбра и безрассудна, что объявишь о нашем родстве открыто?

— Могу я, хотя бы, рассчитывать на то, что вы не станете меня пытаться и кидать в подземелья?

— Если будешь хорошей девочкой — не стану, — смеясь, пообещал «Великий и Ужасный».

— А что значит «быть хорошей девочкой»? Стать Упивающейся Смертью?

Темный Лорд покачал головой:

— Помилосердствуй, малышка! Ну, какой, право слово, из тебя «упивающийся»? Пародия! И то жалкая, — посмеиваясь, сообщил дядюшка. — В рядах Упивающихся женщин вообще немного, и они, поделюсь секретом, очень ценны — в кровавых оргиях их участие неоценимо. Как не издевайся над природой и естеством, но инстинкты берут своё: большинство мужчин хотят женщин. И с этим, слава богу, ничего не поделаешь. Мои дражайшие упивицы, (это ещё одна страшная тайна), просто хорошо одетые шлюхи. Их главная задача — развлечение моих полков. Это без прикрас, как оно есть, топис-правда. Смею рассчитывать, единственную представительницу рода Слизерин ждёт другая судьба. Я хочу, чтобы ты владела миром, тайнами оккультизма; чтобы однажды принесла мне семь звезд с небес, а не трахалась по углам с мужеложцами, коими Пожиратели являются по определению. Но если ты нарушишь мои планы, вот тогда...тогда от судьбы Упивающихся тебя не спасёт даже Василиска.

София сжалась, чувствуя себя серым воробушком в пасти василиска.

— И что я должна делать, чтобы не нарушать ваших планов?

— Полукровки плодовиты. Не то, что чистокровные вырожденки, — презрительно скривил губы чёрный маг. — Все, что от тебя потребуется: просто быть красивой и рожать детей. Обещаю, твой муж будет достаточно богат, чтобы быт не слишком тебя обременял. Семья, богатство, знатность и власть — разве это не рай на земле? Или я ошибаюсь? И ты рвешься в бой? Хочешь стать ночной амазонкой, как Белла Лейстрендж?

— Нет. Конечно, нет, — поспешила заверить его София.

— Представляю, как ты, наверное, нервничала перед встречей со мной, старым маразматическим придурком? Я ведь сплю и вижу, как залить территорию Англии реками маггловской крови. Подмять под себя магический мир? Или просто уничтожаю, тупо, как теперь говорят, всё без разбору, что попадается на пути?

— У Роулинг вы очень умный маньяк, — осторожно ответила София.

— Что касается моих истинных намерений, обсудим это позже. А сейчас вернемся к нашим баранам или, вернее, заблудшим овечкам. Нарцисса — жена Люциуса, и только. Даже Джоан ни в одной из книг не утверждает, что я когда-либо настаивал, чтобы прекрасная блондинка с палочкой наперевес противостояла аврорам. А Белла? Прекрасная, несчастная Белла? — Темный Лорд задумчиво переплел пальцы в замок. — Слишком пылкая, слишком красивая, она не сгорает только потому, что я рядом. Я не могу ей этого позволить. Я испытываю к ней определенного рода, скажем, нежность? Не люблю причинять боль женщинам. Мужчины — другое дело. Мужчин убивать легко. Что бы там не утверждали, но, убивая, я никогда не получал удовольствия; убийство — это злая необходимость. Но убивать, конечно же, приходилось. Хэпзибу Смит, например, я убил, чтобы заполучить Чашу Пенелопы Пуффендуй. Лили Поттер? — Волдеморт поскоблил острым, прозрачным, похожим на стекло, ногтем, столешницу. — Лили Эванс, (Поттер к ней так и не приклеилось), называли Огненной Розой. Удивительная была девочка. С яркими волосами и глазами пронзительными, как сама нежность. Её косы напоминали переливающиеся огоньки в камине. Или рубины. Или — кровь. Да! Красивая была девочка эта Лили Эванс, очень тонкой душевной организации. Про таких говорят — без кожи. Очень

ранимая. Даже этот моральный урод, Снейп, при виде её почувствовал себя мужчиной. Это был несостоявшийся союз духовности и рациональности; чувствительности и бесчувствия; огня и льда; чистоты и тьмы. Союз весьма занимательный с любой точки зрения. Только жизнь, в отличие от смерти, несовершенна и идеалов не терпит.

Видишь ли, в конце семидесятых в Хогвартсе ходили упорные слухи о том, что разлюбезный Снейп, эксперимента ли ради, или просто из любви к острым ощущениям, трахается с Малфоем. Такая вот склонность Северуса к чёрной магии не нашла у чистоплюйки-гриффиндорки понимания. Лили Эванс спела лебединую песню, трансформировавшись в Лили Поттер. Всё, что осталось от чувств гриффиндорской красавицы к слизеринскому принцу-полукровке — серебрянный патронус: трепетная лань да незаслуженная ею слава искусной зельеварки.

У Софии почему-то защемило сердце.

— Да! — подытожил Темный Лорд. — Ничем другим, кроме отчаяния, невозможно объяснить нелепый союз Паяца и Музы; Сохатого лося Поттера и рыжей лисички Эванс. Чем Огненная Роза была для Снейпа? Не знаю. Не берусь судить. Однако, уверен, она много для него значила. С её смертью живые родники в его душе умолкли навсегда.

— Вы говорите о маме Гарри Поттера с таким сожалением... Раскаиваетесь, что убили её?

— Конечно, раскаиваюсь. Смерть Эванс отняла у меня не меньше, чем у Снейпа. Нельзя убивать детей на глазах матери. Слабая ведьма, наивная до зелени, почти ребенок, глупая девчонка, ничем, кроме цвета волос не примечательная, уделала меня, одного из самых могущественных и опытных магов! Вся моя многомудрая, затейливая, долгосплетаемая Тьма потерпела поражение. Даже самая чёрная магия бессильна перед животворящим светом женской любви. Что ещё добавить? Никто из умерших той ночью не страдал. Страдание — удел живых. А Авада Кедавра милосердна. Однако, — взглянув на часы, поднялся Тёмный Лорд, — я заговорился. Скоро ужин. Нагайна проводит тебя в твою комнату. Увидимся, племянница.

8. Уроки Темного Лорда

— Сегодня, друзья, я удостою вас чести познакомиться с моей протеей. София Мракс. Прошу, как говорится, любить и жаловать. Заметь, София, друзья — это не для красного словца. Собравшиеся здесь действительно соратники, а не слуги, как тебя, наверняка, попытаются заставить верить. По порядку представлю весь ближний круг. С Антонином Долоховым, — тот улыбнулся Софии уголками губ, — ты уже знакома. Нортон Эйвери. Том Крэбб. Сид Гойл.

Высокие, коротко остриженные мужчины с обветренными лицами в сумерках показались почти одинаковыми.

— Верные ястребы Лейстринжи: Рабастан...

Тонкий, похожий на стилет мужчина без возраста, с красивым лицом и светлыми, льдистыми, глазами.

— ...и Рудольфус.

Старший Лестрейндж походил на **актёра Фавино**: то же волевое лицо с сильным подбородком, жгучие черные глаза под густыми, дугообразными, низко нависшими бровями.

— Селвин, Торфинн Роули, Треверс...

Эти по габаритам могли соперничать с гризли.

— Теодор Яксли.

Волшебник поклонился, одарив Софию улыбкой. Обнажились ровные, пожелтевшие от табака зубы. Русые, с едва уловимо каштановым отливом, прямые волосы, были небрежно стянуты в хвост. Нос с горбинкой. Правую сторону лица пересекал тонкий шрам.

— Скорпиус Мальсибер.

Француз обладал гладкой оливковой кожей, высоким лбом и смазанным, плохо выраженным подбородком. У него были темно-карие, с поволокой, глаза и маленький, по-женски капризный, рот.

Тёмный Лорд остановился перед единственной женщиной в их компании.

Каждая черта в этом создании словно вручную лепилась богами: точеный носик, совершенные изгибы бровей, мягкие губы, розовые и гладкие, словно лепестки шиповника; овальной формы лицо с нежными скулами.

Но общее впечатление было жутким.

Скользкие резкие движения, лающий смех, манера закидывать голову, по-змеиному вытягивая шею, да ещё этот негасимый фанатичный огонь в глазах — всё производило неизгладимое, но неприятное впечатление.

Все вместе и каждый по отдельности, Упивающиеся обладали неким шармом, присущим плохим парням: аура силы и порочности в упаковке их черных, струящихся одежд. Споры нет, мужчины привлекательны. Каждый тянул на матерого волкодава — только не Семёновского, а со знаком минус.

Рядом с ними София ощущала себя болонкой. У неё на шее даже бантик имелся.

Тёмный Лорд не сводил с внучатой племянницы взгляда. Чего он от неё хочет? Может, ждет, что она скажет: «Очень приятно?»

Таких, как София, эти красавцы, не моргнув глазом, поедали вместо шоколадки, раскалывая, словно орех. Вон как Рабастан нос воротит, поджимая губы. Братец ему что-то

втолковывает. Наверное, уговаривает не гневить Лорда и все-таки сесть за один стол с грязнокровкой.

— А девка твоя нас боится!

Беллатрикс приблизилась, бесцеремонно нарушая границы личного пространства. Спутанная копна черных волос коснулась лица Софии, когда женщина наклонилась, шепча:

— Что, крошка? Мы тебе не нравимся?

София брезгливо отодвинулась, вопросительно взглянув на дядюшку.

— Мне нужно ей отвечать?

— Уймись, Белла, — велел жене Рудольфус.

Беллатрикс оскалилась, но перечить не осмелилась.

Хотя кусок не лез в горло, София приналась аккуратно нарезать мясо кусочками. Подняв глаза, она встретила со смородиновыми глазами миссис Лестрейндж. Наколов кусок отбивной, отсалютовала им:

— Приятного аппетита.

Беллатриса, откинув голову, зашла в приступе гортанного, кажущегося безумным, смеха.

Долохов и Мальсибер вновь переглянулись.

— Что вас так позабавило, Белла? — поинтересовался Тёмный Лорд.

— Твоя малышка потешно скалит зубки.

— Не порть девочке аппетит, — посоветовал Рудольф, выковыривая из зубов застрявшее волокно мяса.

Белла вызывающе вскинула подбородок:

— Правда, что ты чуть не погибла в том баре...как, бишь, его там? Запомнила! Говорят, Скабиор совершил удачную попытку дорасти до волшебника, вызвал адское пламя? Сгорело много мерзких ублюдков-маглов.

В ушах зазвучали крики охваченной огнем худенькой девочки, когда на неё обрушился кусок пылающего пластика. В памяти всплыл собственный безысходный страх в момент осознания: живой не уйти. София демонстративно отодвинула тарелку.

— Ты сумасшедшая сука, — процедила она.

Яксли кашлем попытался скрыть смешок.

— Как ты меня назвала? — удивилась Белла.

— Разве способность обращаться в собак не ваша семейная черта?

— Собачья преданность тем, кого любим — вот наша семейная черта, — прорычала Белла.

— В том клубе со мной были мои друзья. Они никак не трогали ваш... — с языка рвалось: «змеиный куток», но произнести подобное вслух Софья не решилась, — вашу организацию. Никто не давал вам право обзывать невинно убиенных ублюдками.

— Довольно, — взмахнул рукой Тёмный Лорд.

Поставив локти на стол, переплетя пальцы в замок, он задумчиво постучал костяшками пальцев по губам.

— Разве девушке подобает произносить такие грубые слова? Тем более, говорить их женщине, по годам годящейся в матери? Молчать! — рявкнул он, заметив, что София собирается возразить. — Ни слова более! Не вынуждай меня наказывать тебя. А теперь, будь хорошей девочкой, попроси у миссис Лестрейндж прощение.

София даже задохнулась от гнева:

— Я?!

— Ты.

Мягче Тёмный Лорд говорить, наверное, не мог.

Большей жути, чем этот мягкий голос, София и представить себе не могла. Бунтовать резко расхотелось. Не желая искушать судьбу, она повернулась к Беллатрикс:

— Прошу прощения за грубые слова, что сорвались с языка, миссис Лестрейндж.

— Белла? — снова подал голос Темный Лорд. — Твоя очередь.

Та величаво кивнула, опуская тяжелые веки. Как пламя пригасила золой.

— Приятного аппетита, дамы. — Тёмный Лорд почёл за лучшее сменить тему. — Что-нибудь слышно о Люциусе, Мальсибер?

Француз, поперхнувшись, поспешно дожевал кусок, промокая салфеткой губы:

— Наши люди работают над этим, милорд.

— Хотелось бы больше информации о том, на какой стадии идут работы? — иронично сощурился на осведомителя Волдеморт.

— Делаем все возможное, дело-то сложное. Люциуса взяли с поличным.

Скривив тонкое лицо в пренебрежительную гримасу, Рабастан заметил:

— Спрыгнувший с ума Кроули требовал для нашего красавца поцелуя дементора, — жилка на щеке нервно дернулась. — За смерть Сириуса.

— Это был несчастный случай! — прорычала Беллатрикс. — К тому же, все ведь видели, как Сириус пал от моей руки! Я убила его! Да у свояка кишка тонка, чтобы убить! Если бы он меньше старался держать руки чистенькими, все могло закончиться иначе! Остальные ребята тоже оказались не на высоте, — тряхнула она головой.

Волосы тёмным знаменем развевались за узкой хрупкой спиной женщины.

— А ты чего хотела? — вскинулся Долохов. — Чтоб мы покрошили детей в лапшу?!

— Ради дела... — начала было Беллатрикс.

Но Яксли перебил, пренебрежительно дёрнув плечом:

— Легко тебе говорить — «ради дела»! — передразнил он. — Много чести избивать младенцев? Чего ж сама-то на кузена как цунами налетела, вместо того, чтобы очкарика авадить, а?

— Рыцарская слабость, неожиданно проявленная Малфоем, стоила нам очень дорого, — нахмурился Тёмный Лорд.

— А вам действительно так важно знать, что в этом пророчестве? — София готова была откусить себе язык.

Все взгляды, раздраженно-пренебрежительные, любопытные или откровенно презрительные, как у красавчика-Рабастана, обратились к ней.

— Просто у магглов, которых вы так презираете, есть книга, где последовательно описываются события, — поспешила оправдаться она. — Текст пророчества там прописан вполне полно.

— И ты считаешь, мы будем верить сочинениям магглов?

— Но вы же верите пророчествам Трелани? — пожала плечами София.

— Я не верю, — усмехнулся Тёмный Лорд. — И буду крайне удивлён, если Дамбалдор всерьёз предаёт значение этому бреду. Просто я хочу знать, что именно старый маразматик внушает людям.

Аккуратно сложив салфетку, он отбросил её.

— Мы будем посвящать девочку в наши планы? — любопытствовал Рабастан.

— Девочка — моя племянница.

В синих глазах младшего Лестрейнджа плеснулась ядовитая, точно укус Нагини, ненависть.

Всегда есть что-то иррационально-неправильное, когда тебя ненавидят без всякой причины, без всякого повода с твоей стороны. Только за то, что ты не укладываешься в чью-то идиотскую систему понятий и представлений.

— Я всем советую запомнить, друзья: София Мракс — наследница Слизерина. Со всеми вытекающими последствиями. Игнорировать это опасно. По трём причина: я рассержусь. Василиса расстроится. И (этого не следует сбрасывать со счетов) девочка тоже может быть опасной. Кровь — не вода. Древние Боги признали Софию. Кто вы такие, чтобы им перечить?

УПСы внимательно слушали.

Рабастан не поднимал глаз, но челюсть его оставалась по-прежнему упрямо сжатой.

— Дорогая, — голос Тёмного Лорда вновь сделался необычайно мягким. — Сделай одолжение, позови Нагайну.

София послушно прошипела:

«Нагайна!

Ответа не последовало.

«Нагайна! — громче зашипела София. — Ты что?! Оглохла?»

Белые лица зловещими масками высились над столами, плотоядно созерцая её бесплодные усилия.

«Нагайна! Тащи сюда свой хвост, злодейка!!!».

Волдеморт засмеялся.

Смех его оказался легким и заразительным, словно пузырьки шампанского на фоне пылающей свечи.

«Послушай нашу маленькую подружку, — услышала София его шипение. — Иди к нам».

«Девчонка обещала мне кролика, хозяин», — наябедничала длиннохвостая вредина. — «Обещания не выполнила. Не стану её слушать».

— Велите Скабиору приволочить кролика из силков. Живого.

Беллатрикс снова засмеялась, предвкушая развлечение.

София сжалась, понимая, что затея вряд ли грозит ей чем-то хорошим.

Остальные УПСы невозмутимо продолжали вкушать пищу.

***

Не прошло и четверти часа, как Скабиор вошел в комнату.

— Кролик, как вы и просили, хозяин.

— Хорошо, — кивнул Волдеморт. — София, ты уже пользовалась волшебной палочкой? Посмотрим, сумеешь ли ты справиться с непростительным заклятием.

Беллатрикс засмеялась. В который раз за сегодняшний ужасный обед? Злобная стерва!

— Ну, это ты, положим, перегибаешь палку, Том, — подал голос Долохов. — Девчонка даже СОВ вряд ли осилит. Какие там непростительные?

— Увидим.

Тёмный Лорд порывисто поднялся из-за стола, легко скользнув на середину залы.

— Иди сюда, — позвал он племянницу.

Преодолевать кажущееся бесконечное расстояние, разделяющее её, любимого дядюшку и несчастного кролика, пришлось на ватных, почти не слушающихся ногах.

— Смотри, всё просто. Вскидываешь палочку и произносишь: Авада Кедавра.

— Зачем?

— Чтобы прикончить кролика.

— Змея и без меня его прикончит.

Волдеморт с рычанием склонился над Софией. Жуткое безносое лицо, похожее на череп, у которого по непонятной ошибке природы оставались живыми глаза. Живыми и, пожалуй, самыми страшными на монструозном лице.

— Я хочу, чтобы его прикончила ты, а не змея. Не смей прикидываться, что не понимаешь этого! Ты сейчас убьешь кролика иначе я применю заклинание к тебе самой.

— У меня не получится, — замотала головой София.

— А ты попробуй.

Она вытащила палочку. Взмах, рывок:

— Авада Кедавра!

Кролик по-прежнему беспомощно поводил ушами, испуганный и невинный. Белый, пушистый, как вся его ушастая братия.

— Неплохо, — со смешком констатировал Волдеморт, подтверждая сказанное лаконичным кивком. — По-крайней мере, ты сказала это.

София уже готова была отдаться чувству накатившего облегчения.

— Осталось дело за малым, чтобы твоё слово не расходилось с делом. Позволь помочь?

Резкий замах. Свистящее, хлесткое:

— Сектумсемпра!

Нервные ушки с кисточками отрезало серебряным лучом. В уши Софии ударил дикий, испуганный визг страдающего существа.

— Давай, София. Избавь несчастную тварь от страданий.

— Не могу!

— Ты как Хагрид. Тот тоже рыдал над птичками, рыбками, собачками. Жалко зайку? Никто не мешает облегчить ему страдания. Давай, София: Авада Кедавра. Это же так просто! Нет? Ну, как хочешь.

Новый хлесткий взмах.

И снова:

— Сектумсемпра!

Белый кроличий мех покрылся глубокими разрезами, набухая, как губка, кровью.

— Сектумсемпра!

Новая рана.

— Давай же, во имя милосердия! Ты же добрая девочка, правда, София? Авада Кедавра, просто как все настоящее и истинное. Авада Кедавра — и ему не будет больно!

— Редукто!

Клетка разлетелась в клочья. Кролика тоже разорвало неумело пущенным проклятием. Кровавые ошметки шерсти, костей, мяса разлетелись в стороны, как в плохом ужастике. Брызги крови забрызгали стоящего рядом Скабиора, заставив его скривиться.

От громогласного гогота за столом содрогнулась вся комната.

— Не плохо, — отсмеявшись, констатировал Тёмный Лорд. — Только вот змее ничего не осталось. Боюсь, Скабиору придется принести ещё одного бедняжку.

9. История Тома Редла

На кровати сидел белый кречет. Черные блестящие пуговицы глаз казались одновременно умными и пустыми. Крючковатый заостренный клюв, как и длинные когти на пушистых лапах, внушали опасение.

«Надеюсь, встреча с Томом прошла относительно благополучно? — писала Василиса. — Как бы он не повёл себя, просто верь: с тобой ничего не случится. Всё же, дорогая София, без нужды не дёргай волка за хвост. Тот, хоть и на привязи, может больно укусить.

Нравится кречет? Его зовут Фабиан. В Хогвартсе предпочитают почтовых сов, но нам, ночным тварям, полагаются ведь фамилляры посерьезней? Сделай одолжение — прими подарок. Когда потребуется, просто открой окно и позови его.

Я взяла на себя смелость прислать тебе ноутбук. Сотовый не шлю — всё равно пользоваться не разрешат. Да и не получится.

Ставлю в известность: с твоими родителями все в порядке. Так что привыкай, адаптируйся, ни о чем не беспокойся.

Любящая тебя

Василиса».

— Фабиан!

Кречет, забив крыльями по воздуху, перелет к девушке на плечо. Похожие на лезвие когти сжались довольно чувствительно, но непричиняя боли.

— Жаль, нечем тебя угостить.

София осторожно пригладила мягкие птичьи перья.

Кречет затрещал, беззлобно щелкнув клювом.

— Лети!

Распластав крылья, он взмыл в темнеющие небеса.

Красиво парил в вышине — блистательный, бесстрашный, гордый, неуязвимый.

«Девчонка», — прошипел змеиный голос.

София попятилась от неторопливо вползающей Нагайны.

— Что тебе нужно?

«Не бойся. Ты — не еда. Я принесла приглашение. Хозяин хочет тебя видеть».

***

Дверь в большую, неожиданно светлую комнату, приглашающе приотворена.

Больше всего помещение походило на кабинет или библиотеку. Здесь, так же, как и в гостиной, жарко горел камин.

«Хозяин! — зашелестела Нагайна. — Я выполнила приказ».

— Молодец. Иди сюда.

Змея скользила, изгибаясь всем телом, пока не обвилась вокруг ног мага, положив угловатую морду на свитое в тугие кольца тело. Прикрыв глаза перепончатыми веками, затихла.

— Ты тоже, — поманил костлявым пальцем Тёмный Лорд.

София подошла к креслу, не отрывая взгляда от волнующихся языков пламени — лишь бы не смотреть в лицо жуткому родственнику.

— Садись, — к ногам по скользкому паркету подкатился пуфик. — Поговорим. София всё же заставила себя посмотреть на безносое лицо обтянутого кожей черепа.

— Скажи, ты считаешь меня убийцей, правда?

София пожала плечами.

— Правда.

Она сжала руки коленями, пытаясь унять дрожь.

— Вчера вы убили кролика.

— Действительно — я? А мне-то, неразумному, показалось, будто несчастный кролик пал от твоего искусного Редукто?

— Вы меня спровоцировали!

— Хотелось посмотреть, на что ты окажешься способна. Но вернёмся к моему вопросу. Ты считаешь меня безжалостным, беспринципным убийцей. А с чего, разреши полюбопытствовать, ты все это взяла? Дайка подумать? — согнутый указательный палец коснулся сухих губ. — Как же тут не вспомнить о детской сказочке, где есть добрый-добрый боженька с серебристой бородой по имени Альбус Дамблдор. Есть несчастная жертва, Мальчик-Который-Выжил. И есть Черный-Черный Человек без лица, души и сердца: Тот-Кого-Нельзя-Называть. А кстати, почему нельзя? Ах, да! Априори каждому умнику известно, стоит произнести: «Воланд!», как начинаются мучения, избиения без разбору всех и вся, причем в особо извращенной форме. Почему я так поступаю? Это и маггловский первоклассник знает: а потому что магглов не люблю. Всей душой и всем сердцем. Теми самыми, которых у меня нет. Все верно излагаю?

София кивнула, по-детски надув губы.

— В наивности жить уютно, правда? Твёрдо знаешь, где верх; где низ. Не сомневаешься в том, кто прав, кто виноват. И всё так определённо: добро есть добро, зло есть зло.

— Но в мире всё так и есть: зло это зло; а добро это добро. У вас, дядюшка, хватит цинизма отрицать, что вы продали душу дьяволу, предварительно расколов её на части? Станете утверждать, что это не так?

— Можно ли продать душу тому, кого нет?

— Вы думаете, дьявол всего лишь выдумка?

— Я вообще об этом не думаю. Но могу сказать, что не встречал на той стороне никого, кто бы претендовал на эту роль. Может быть, я показался твоему дьяволу не достойным его высочайшего внимания? — криво усмехнулся Тёмный Лорд. — Но сейчас речь не о дьяволе. Можешь мне не верить, но я вовсе не стремлюсь стать властелином мира. Мне плевать и на мир, и на власть. Всегда, в общем-то, было плевать. — Темный Лорд шевельнулся в своем кресле, подпирая подбородок рукой и устремляя задумчивый взгляд на пляшущие огненные языки в камине. — Хочешь узнать настоящую историю? Устами Роулинг Дамбалдор рассказал свою версию. Я поведаю другую. В моей истории Альбус далеко не такой светлый, чистый, непогрешимый, как у тёти Джоан.

София заёрзала, пока дядюшка выдерживал паузу.

— Я родился и вырос в приюте, это ты знаешь. Но ты не знаешь, не можешь знать, что значит быть приютским отродьем со странностями. Магия с младенческих лет сделала меня изгоем среди сверстников-магглов. Дамблдор воображает, что понимает, каково это. Но одно — понять, совсем другое — пережить.

Человеческие детёныши меня травили. Я огрызался, как мог. Так однажды мы повздорили с Билли Стаббсом. После того, как Билли разделал меня на все корки его

любимец, кролик, оказался повешенным на балке. Болтался туда-сюда в добром десятке футов от земли. К тому времени, как его обнаружили, кролик, конечно же, сдох. Вообще-то повесить кролика мог кто угодно. Но единогласно убийцей признали меня.

— У вас маниакальная антипатия к несчастным зверюшкам, — не смола сдержат смех София.

Тёмный Лорд вернул улыбку.

— Что тут скажешь? У каждого свой рок. Потом было ещё одно происшествие. Раз в году несчастных сироток вывозили на природу. Чаще в деревню; гораздо реже, к морю. Друзей в приюте у меня так и не нашлось. Но, если люди чувствуют в тебе силу, всегда найдётся кто-то, готовый лизать пятки. Энни Бенсон и Деннис Бишоп в тот год следовали за мной попятам, повсюду. Мы носились по песчаному дну, покрытому вонючими ленточными водорослями и лужицами солёной воды. Исследовали пещеры, отыскивая новые подземные ходы, в которых я впервые понял, что могу понимать змей. К сожалению, товарищей эта моя способность шокировала. С того дня они избегали меня. А я-то полагал, что обретенный талант прибавит мне веса в их глазах! Наивный. — Волдеморт замолчал на секунду. Затем продолжил. — В приют часто приходили усыновители, — голос рассказчика зазвучал ниже и отрывистей. — Нас рядами выставляли, словно товар на витрине. Дамы в элегантных шляпках и костюмах по моде того времени, жеманно опираясь на руки супругов, на высоченных каблуках прохаживались между шеренгами детей, выбирая себе игрушку. Меня усыновляли таким образом три раза. И каждый раз возвращали в приют из-за «необъяснимых странностей, происходящих в моём присутствии». Сложно поверить, но шестилетний мальчишка тоже мечтал, что его могут полюбить. И горько переживал свои разочарования. Это пойзже я перестал надеяться, разучился верить. Потому что разуверяться слишком больно. Больней, чем когда тебя просто прикладывают рожой об стену. Больней, чем когда тебя избивает шайка отморозков до бессознательного состояния без причины и без повода. Больнее всего поверить, потянуться к чему-то, нужному, словно глоток воздуха; как свет в темноте; как вода; как тень в зной и наткнуться на пустоту.

Если ты нуждаешься в ком-то, ты начинаешь от него зависеть. Если тебе никто не нужен, ты независим, ты неуязвим. Именно у магглов я начал постигать эту простую науку.

В мире, лишённом магии я жил, словно в психологическом вакууме. Один, несмотря на то, что изо дня в день меня постоянно окружали люди. И вот однажды появился он: серебряноволосый волшебник с длинной бородой и умными пронизательными серыми глазами.

— Я — профессор Дамблдор, — заявил он высокомерно, взирая на меня сверху вниз.

Насторожившись, я отодвинулся:

— Вы — доктор? Зачем вы пришли? Я не поеду в дурдом. Отправьте туда эту старую кошку.

Я изо всех сил пытался скрыть жгучий страх наполоам с белой яростью.

Последнюю я вообще пытался игнорировать — обычно в таком настроении и случались различные неприятности, из-за которых приходилось опасаться вмешательства специалистов душевного профиля.

— Я не из дурдома, — прозвучало в ответ. — Я — учитель. Если ты посидишь минутку спокойно, я расскажу тебе о Хогвартсе. Не захочешь там учиться, никто не станет заставлять.

— Посмотрел бы я на тех, кто попытается, — оскалился я.

Мне в тот момент было действительно страшно. Я был готов покончить с собой, но не отправляться в дурку. Если потребуется, убить и этого высокомерного профессора, и ненавистную миссис Коул. Всё что угодно — только не психиатрическая больница.

— Я знаю, что ты не сумасшедший, — серьезно, проникновенно промолвил тогда Дамблдор. — Хогвартс — это школа для волшебников.

Я замер. Если существует такая школа, тогда... но такого просто не может быть. Словом, моё состояние в тот момент именно ты, София, можешь прекрасно себе представить, потому что недавно прошла через нечто подобное.

Попытавшись заглянуть в голову к старикану (читать мысль я мог всегда, задолго до того, как узнал о легилемении), вместо живого разума наткнулся на пустоту.

Даже у животных мозг беспрестанно транслирует какую-то картинку. То, что я не мог ничего увидеть в голове этого человека, заставило меня почти поверить ему.

— То, что я умею — это колдовство? — напряженно и недоверчиво спросил я.

— А что ты умеешь?

— Двигаю вещи, не трогая их руками. Заставляю зверей делать то, что мне надо, без всякой дрессировки. Могу сделать тем, кто меня раздражает, что-нибудь нехорошее. Если захочу, могу причинить им боль.

— Ты — колдун, — холодно блеснув глазами, кивнул мужчина.

На мгновение я почувствовал себя счастливым. О таком я и мечтать не смел!

В темнице открыли окно, ворвался свежий ветер...

Я рванулся к человеку в странных летящих одеждах, почти как к родному:

— Вы — тоже колдун?

— Насколько я понимаю, ты принимаешь предложение учиться в Хогвартсе?

— Конечно!

— Тогда тебе следует обращаться ко мне «профессор» или «сэр», — отстраняющим тоном оборвали мой порыв.

Я понял, то, что этот человек колдун, не сокращает дистанции между нами. Волшебник не помочь хочет, он просто выполнял то, что считал своим долгом. Сам я ему был крайне неприятен, как неприятна грязь, приставшая к начищенным до блеска ботинкам. Ему было мерзко разговаривать с миссис Коул; находиться со мной в комнате, дышать одним воздухом. Он — чистокровный волшебник. Я — грязный полукровка. Только об этом я тогда ещё не знал.

— Извините, сэр.

Попятился я, чувствуя себя так, как будто распахнул душу, а мне туда смачно плюнули. Вежливо так, воспитанно харкнули. Утонченно, можно сказать.

Следом за этим диалогом Дамблдор наглядно продемонстрировал, какое я дерьмо и полное ничтожество, вызвал огонь очищающий, явив моему, неготовому раскаяться взору, украденные вещи. Всякую ерунду. Я даже не помню, что там было: какой-то наперсток, чертик на веревочке.

Ему, выросшему в богатой семье магов, сама способность польститься на такую мелочь, казалась странной. Мне прочли лекцию о том, что воровство в Хогвартсе, мягко говоря, не одобряется.

Я уже все успел понять, а он все нудел и нудел...

Я честно заявил, что денег у меня нет. И понял, что это тоже сочтено за наглость.

Скривившись, словно заглотил ложку не разбавленной лимонной кислоты, профессор протянул мне мешочек с деньгами. Никогда за всю длительную жизнь, ни до, ни после, меня не унижали до такой степени.

С первых дней в Хогвартсе я почувствовал утопичность собственных надежд на новую жизнь. Оказалось, в магическом мире предрассудков, гонора и человеческой глупости ничуть не меньше, чем в мире магглов: чистокровки, полукровки, грязнокровки — социальная градация была четкой и строгой.

Магглы не хотели со мной общаться, потому что я был маг. Маги игнорировали, потому, что видели во мне маггла.

Дамблдор не раз внушал своим приспешникам, что друзей у меня нет. Они мне, якобы, не нужны. На самом деле это такая же неправда, как и всё, что он обо мне говорит. Неправда, продиктованная предвзятым, с самого начала, отношением. У меня были друзья. Старший Лестрейндж. Иван Розье. Тот же Долохов. Я прошел с ними долгий путь.

Когда я впервые убил, я пришел к ним, к моим друзьям, — потерянный, раздавленный, сломленный. И они меня поддерживали, помогли выжить. Они стали для меня семьей, которой я не имел.

Кстати, что бы там не трещал Дамблдор, я не планировал убивать отца. Мне хотелось просто посмотреть в глаза твари, способной выкинуть собственного ребенка и никогда об этом не пожалеть. Наверное, в душе я ещё надеялся, что, может быть, он раскается? Ложность надежд стала очевидной, стоило поглядеть в пустые глаза. Богатый, пресыщенный жизнью, слабый слизняк! Он был не достоин жизни.

Потом та шумиха с Тайной Комнатой? Вся история о том, что наследник Слизерина выпускал василиска для уничтожения грязнокровок — полный бред! Ну, какое было дело мне, сироте-полукровке, до чистоты крови обучающихся в Хогвартсе студентов? Мне нравилось управлять змеей, демонстрировать её друзьям. Потом мы с друзьями додумались, что на шкуре и яде василиска можно неплохо заработать — денег, как всегда, не хватало...

Дважды василиск вырывался из-под контроля. В первый обошлось. А во-второй погибла девочка. Роковая случайность, не преднамеренное действие! Только у Дамблдора своя правда. Ему нет дело до обстоятельств, для него важны лишь факты. Убил, выпустил, украл! Дамблдор всю жизнь дышал мне в затылок! Именно он причастен к тому, что я попал в тайную магическую организацию, напоминавшую маггловское ФСБ.

Меня завербовали в качестве агента, целью которого стало уничтожение Гриндевальда. Попытавшись рыпнуться, я столкнулся с необходимостью либо отправляться в Азкабан за непредумышленное убийство незнакомой мне девочки и за убийство отца, либо проявить покорность.

Когда Гриндевальд пал Министерство приняло решение закрыть своих тайных агентов. Полностью. Со всеми вытекающими последствиями.

Мы узнали о принятом решении. И встретили карательный отряд во всеоружии. Вот так и родились Упивающиеся Смертью. Родились тогда, когда мы вынужденно защищали наши жизни и жизни близких нам людей. Сначала защищали и только потом, уже через много лет, перешли в нападение. Но историю пишут выигравшие. А выиграла не мы.

Теперь плавно подходим к истории о близоруком Мальчике-Который-Выжил.

Я сделал крестражем Поттера отнюдь не по недомыслию, как бесомненно, думает старый маразматик. Я создал седьмой, самый совершенный крестраж преднамеренно. Одного не учел — материнская защита предохранила мальчика не только от убийственного

заклятия, но воспрепятствовала черной магии, исказив её действие.

Я сгинул. Моих приспешников кинули в Азкабан. Мой учитель отпраздновал победу.

Но теперь я вернулся. И хочу отыграться. Я очень опасен. Мне ненужны ни власть, ни любовь. Все, кто был мне дорог, умерли. Я хочу теперь только одного — мести!

10. Диагон-аллея

Софии снился кошмар: она стояла перед большим, в человеческий рост, зеркалом. Не шевелясь, наблюдала как мелкие, юркие змейки, кишачие в воздухе, набрасывались, забирались в мозг через уши, нос, рот.

Вскоре двойник вместо головы имел коллаж из копошащихся змеиных тел...

***

В отличие от людей, большинство книг содержательны. С ними интересно. Книги никогда не заставят чувствовать себя не в своей тарелке, не предадут; не попросят любви; не заставят ревновать. Они не способны желать от вас сексуальной близости в момент наивысшего физического утомления. Куда бы ты не пошел; как бы себя не повел, книги молчаливо, без осуждения дождутся прихода и поддадутся взявшей их руке. Когда же ты прочтешь книгу от корки до корки, отставляя в сторону ради другой, новой, яркой, она не посмотрит вслед с горькой укоризной и ни в чём не упрекнёт. Книга, она даже лучше собаки: её не нужно выгуливать. Книга — идеальная спутница человека.

В личной библиотеке Тёмного Лорда пылилось множество книг. Но прочесть их не представлялось возможным, ибо языки, на которых тома написаны, для непосвященных оказались немы.

— Что вынюхиваешь?

В дверном проёме в нарочито-изломанной позе застыла Беллатрикс Лестрейндж.

— Пока ещё не решила, — огрызнулась София. — Что получится.

Белла усмехнулась:

— Здесь много интересного. И опасного. Особенно для маленькой девочки.

Накручивая на палец прядь волос, она перешагнула порог. Безумные глаза её загадочно, насмешливо поблескивали:

— Разве Тёмный Лорд не предупреждал?

София отрицательно помотала головой.

Она напряженно следила за перемещением Упивающейся, не зная, чего от неё ждать.

— Тебе, наверное, скучно здесь? С нами? Почему бы не отправиться в Косой Переулок? Купить, что полагается по списку. А заодно капельку развлечься? — предложила Белла.

— С чего вы решили быть со мной милой?

— А с какой стати мне тебя ненавидеть тебя? Ненавидят равных. Ты забавна. На мой взгляд недостаточная причина для ненависти.

***

Лающий смех сумасшедшей Беллатрикс Лейстрейндж градинами катился по залу пока сама она стремительно шествовала к столу, шелестя длинными юбками.

— Приятного всем аппетита, — пропела ведьма.

— Идите сюда, мои девочки, — благожелательно распростёр руки Темный Лорд. — Ближе-ближе, куколки. Одна по правую руку, другая — по левую. Пусть все мне завидуют! Женщина — такая роскошь в нашей скучной жизни. Верно, Рабастан? Даже такого неотёсанного грубияна, как ты, присутствие женщины способно сделать капельку вежливее.

— Да, мой лорд, — склонил голову младший Лестрейндж.

— Дамы, окажите честь, разрешите поухаживать за вами? Простым образом, как у

маглов. Белла, будешь «седло барашка»? Если он тебе не понравится, я заставлю Скарби съесть собственные уши.

Белла обнажила в усмешке белоснежные ровные зубы. В этот момент София подумала об акуле, вечно голодной хищнице морских глубин.

— Тонни, — взгляд Воланда метнулся к Долохову, — Белла совершенно правильно заметила: девочке необходимо подготовиться к Хогвартсу. Пойдешь с Софией в Косой Переулок. Позаботишься, чтобы она приобрела всё необходимое.

— Почему именно Тони? — подал голос Яксли.

— Потому что Рудольфу и Белле появляться на людях опасно. Рабастан бредит манией чистой крови (видимо парень полагает, что его кровь чище моей). К тому же и София, и Антон разговаривают на одном языке и хорошо понимают друг друга.

— Я с удовольствием позабочусь о мисс Мракс, — заверил Антонин.

***

Улица выглядела неправдоподобно узкой, словно из-за нехватки места маги решили строить один дом прямо на другом. Ряды построек разделяли дороги настолько узкие, что ни на чём, кроме велосипеда, проехать по ним не представлялось возможным. Даже ветер застревал в этой длинной чёрной трубе, не говоря уже о твердом физическом теле.

Центром Волшебного мира стал не центр искусств, науки или магии. Центром стал банк — символ западного гарантия благополучия. Единственное здание в этом Королевстве Кривых Зеркал, имеющее нарядный вид. Неподалеку рядом с ним располагался «Ежедневный Пророк»; за ним прятался мрачный на вид магазин: «Совы».

Следом за Долоховым, принявшим вид безобидного сухенького старикашки, София посетила книжный магазин «Флориш и Блоттс», зашла в «Мантии на все случаи жизни», где мадам Малкин развела бурную деятельность по сбыту товара; купила в магазине котлов дорогой самопомешивающийся котёл.

— Непротив, если я на секундочку забегу в «Дырявый котел»? — шепотом поинтересовался Антонин.

— Против, — отозвалась София. — Это что-то меняет?

— Ничего, — согласился Долохов. — Небеспокойся, я ненадолго. Можешь забежать во «Всевозможные волшебные вредилки», детище двойняшек-Уизли. Не будь эти парни отчаянно-рыжего цвета, я бы заподозрил матушку Молли в адюльтере. Больно уж эти двое умные. Для Уизли, имею ввиду.

У входа в магазин жёлтым неонам на фиолетовом фоне сверкало:

Испугались Сами-Знаете-Кого-с?

А страшнее, сами знаете: ПОНОС!

Страх и прос-Т-рация

вредны для нации!

Народ живо сновал между рядами витрин с товарами: «Блевальные батончики»; «Кровопролитные конфеты»; «Обморочные орешки».

Безумно-весёлый клоун покачивал румяной головой, демонстрируя широкую улыбку. Просто экспонат из Кинговского «Оно».

— Могу чем-нибудь помочь прелестной леди?

София с любопытством окинула взглядом широкослулое, горбоносое лицо, подвижное, улыбчивое и наглое. Малиново-фиолетовая роба эффектно оттеняла огненный оттенок

волос. Сухопарое тело юноши словно состояло из полых костей, хрупкое и легкое.

Судя по всему, Уизли демонстрировал дружелюбие. Но глаза внимательно сканировали незнакомку. София успела подумать о том, что в узком магическом кругу, где каждый волшебник друг другу либо сват, либо брат, незнакомое лицо вызывает если не подозрительность, так непременный интерес.

— Раз вы зашли, будет невежливо с вашей стороны уйти с пустыми руками, мисс...?

— Гринграсс. Астория Дафна Гринграсс, — представилась София.

— Разве последний из Гринграссов не погиб в конце семидесятых?

— Понятия не имею. До недавнего времени я вообще считала волшебников персонажами детских сказок.

— Ты иностранка?

— Да. У магглов я жила под фамилией Морозова.

София про себя вознесла благодарность умершей бабуле. Что Ивановы, что Морозовы, что Кузнецовы — собак нерезанных в России меньше, чем представителей названных семейств. Корни фигушки найдешь!

Синие глаза Уизли сверкнули:

— Ты из России?! Ух, ты! Никогда не встречал никого из русских. Добро пожаловать, Астория Дафна Гринграсс, в наше маленькое царство. Я — Фред. Позволишь на несколько минут стать твоим гидом? Интуиция подсказывает мне, что девицу вроде тебя не заинтересует «Висельник многоразового использования» или «Набор начинающего негодяя»?

— Поразительная проницательность! — восхитилась Астория Дафна Гринграсс.

— Драже-вонючки — тоже вряд ли, — соорудив глубокомысленную мину, покивал головой начинающий маркетолог. — В «Гарантированном десятисекундовом пятновыводителе» ты, слава Мерлину, совершенно не нуждаешься. Вот оно! «Самозаправляющиеся перья для письма» — волшебный аналог шариковой ручки. Наверняка подойдет, — Уизли заговорщицки подмигнул. — Идея беззастенчиво у магглов и стянута. Берёте?

— Беру. Только я в магических нутах совершенно не разбираюсь, — отцепив от пояса платья бархатный мешочек, где постукивали монеты, девушка развязала тесёмки. — Отсчитайте, пожалуйста, сами.

Уизли мягко отвел протянутую руку:

— Это подарок.

София нахмурилась:

— Подарок? Я не желаю подарков, молодой человек, — строго заявила она. — Мне кажется, здесь достаточная сумма...

Фред пожал плечами. Прислонившись плечом к стене, скрестил руки на груди:

— Вполне достаточная, чтобы купить весь магазин. Но это ничего не меняет. Подарок — есть подарок, — широко растянул Фред рот в шутовской улыбке.

— О, Мерлин! — новый голос — точная копия первого. Такое же лицо, такая же копна медных, ярких волос. — Разве не понятно, красотка? Прохиндей просто клеится, пытаюсь запудрить мозги. Фреду нельзя верить. Раз это говорю я, его брат, значит, так оно и есть. Ни за что не принимай у него перья. Прими их от меня.

София перевела взгляд с одного лица на другое, и у неё возникло впечатление, что шалопаи над ней потешаются.

Девушка затянула тесемки на кошельке, неторопливо прицепив его обратно на пояс.

— Чтобы никому не было обидно, я приму от каждого по перу, — одно самозаправляющееся, другое, — София скользнула взглядом по надписи на витрине, — со встроенной проверкой орфографии. Уверена, — оба пригодятся.

Близнецы ударили по рукам.

Через пару минут София держала в руках два чехла, обернутых в блестящую подарочную бумагу.

— Надеемся, ты поступишь в Гриффиндор. Гринграсс в Гриффиндоре! — звучит, правда? О, Фредди, глянь-ка, — толкнул локтём брата Джордж. — Вот туда, в сторону «Патентованных грёз наяву». Мне мерещится, или там наша умная девочка и самый популярным волшебник «Харри», как обожает титуловать его Флёр?

Вид Грейнджер откровенно разочаровывал. Реальная Гермиона близко не стояла с обаятельной, чарующей Эммой Уотсон. Единственное, что объединяло оба персонажа — копна волос. Скуластое, размером с кулачок, личико, с выпирающей вперед тяжелой упрямой челюстью, было ничем непримечательно. Да ещё подбитый глаз, заплывший темно-бардовым синяком, нисколько не прибавлял шарму.

— Знаешь, — захлебывалась от восторга говорила Гермиона стройному юноше, игнорируя полное отсутствие энтузиазма у собеседника, — это магия высшего уровня!

— За это, Гермиона, получишь экземпляр бесплатно, — проговорил Фред, кланяясь парочке.

Молодой человек обернулся, давая Софии возможность рассмотреть Гарри Поттера во всей красе.

У Поттера была светлая кожа без намека на румянец; крупный рот; римский нос и удивительно яркие, красивые зеленые глаза. Даже оправа очков, серебристая и тонкая, удивительно ему шла.

— Фред? — улыбка осветила лицо юного волшебника.

— Как жизнь, Гарри? — пожал Фред руку товарищу. Присвистнул, глянув на Гермиону. — Что у тебя с глазом?

— Нашла ваш дерущийся телескоп, — скрестила на груди руки девушка, буравя рыжего обвиняющим взглядом.

— Прости, кто же знал, что ты туда полезешь?

Гермиона фыркнула:

— Можно было бы догадаться!

— Точно. Вот, возьми, — Фред вытащил из кармана тюбик.

— Что это? — подозрительно повела носом Гермиона.

— Гематоморастворитель. Он всегда при нас, как предмет первой необходимости. Ведь все наши «шуточки» мы сначала проверяем на себе.

Здесь Гарри вопросительно взглянул на Софию. Фред, проследив за взглядом приятеля, представил новую знакомую:

— Астория Гринграсс. Представляете, прожила всю жизнь среди маглов, и только недавно узнала, что волшебница?

Взгляд Гарри потеплел.

— Она ещё и русская, — весело заметил подоспевший Джордж.

Гермиона отвлеклась от тюбика и вернула Софии любопытный взгляд.

— Никогда не видела русских. Не считая Долохова! — на лицо девушки напоззло

темное облачко.

— Будешь учиться в Хогвартсе? — повернулся к ней Поттер.

София поняла, что у неё к гортани язык прилипает. Она с трудом заставила себя кивнуть.

Заметив в окне физиономию Долохова, девушка сникла.

— Мне пора. Меня ждут.

— Увидимся, — кивнул Гарри.

11. Крестражи и Поттер

Порт-ключ перенёс Долохова и Софию обратно в мрачный бор, где затерялся коттедж — убежище преступников от волшебного мира. Блуждание среди сосновых вековых деревьев напоминало затейливую причудливую игру. Развевающийся за спиной плащ заставлял Софию чувствовать себя загадочной и зловещей. Сухие, истлевшие от времени хвойные иголки хрустели под ногами с безнадежной жалобой.

— Мне они понравились. И Гермиона. И близнецы Уизли, — вздохнула София. — И Гарри Поттер — в особенности.

— И это повод для тоски? — засмеялся Антон. — Преждевременно скуksилась. Ты, конечно же, не писанная красавица, но девчонка вполне себе ничего! Может, что ещё и получится?

София бросила на своего проводника возмущённый взгляд:

— Я совершенно не об этом!

— А о чём же, в таков случае?

— Я не хочу становиться врагом Гарри Поттера!

— Ну, если у тебя есть хоть крупичка мозгов, врагом Волдеморту ты не захочешь стать тем более, — мужчина дружелюбно похлопал подопечную по плечу. — Брось, Сонька! Никто же не требует от тебя принести голову Поттера на тарелочке с золотой или, любого другого цвета, каёмочкой? Даже против вашей дружбы с Поттером Том вряд ли станет возражать.

— Почему это?

— Ты будто всерьёз считаешь, что мы воюем с детьми? Поттер — это знамя. У паренька для этого идеальное происхождение: биография, печальное прошлое, постная мина. Но кто ж в здравом уме со знаменем дерётся-то, а? Трофей, конечно, попытаемся захватить при случае, не без этого. Но драка планируется не с марионеткой, а с кукловодом. Вредным, мудрым, сильным кукловодом. Авроры басенку о том, что мы истребляем магглов, придумали. Истребляли самих авроров. Магглам, конечно, тоже достаётся. Но не всем подряд, а лишь тем, в ком есть крупичка волшебной крови — завтра мугродье может встать на сторону противника.

— Не логичнее ли перетянуть это самое «мугродье» на свою сторону?

— Логично, но невыполнимо. Нет ни времени, ни денег, ни людей, готовых этим заняться.

Протяжный вой, звенящий на высокой ноте, раздался из глубины леса.

— Адские гончие, — скривился проводнику — Ходу, ходу, девица! Как бы в историю не попасть.

Неприятный разговор закончился на пороге коттеджа, к облегчению обоих собеседников.

София, подхватив покупки, магически уменьшенные, поднялась в комнату. Она продолжала пребывать в смятенных чувствах — ей не нравилось выступать на тёмной стороне.

— Всё в порядке? — раздался за спиной тихий высокий голос.

Девушка обернулась:

— Я не слышала, дядя, как вы вошли.

— Извини. С моей стороны невежливо врываться без стука. Войти ещё раз? — голос

Темного Лорда был мягок, интонации вежливыми.

— Не стоит.

Подойдя ближе, дядюшка взглянул через её плечо на результаты шопинга:

— Всё купили?

— Надеюсь. Я в этом не разбираюсь. Но мне кажется, месье Долохов все сделал правильно.

— Он хороший друг, — кивнул Волдеморт.

— Я думала, что он для вас хороший слуга.

— Служить этот ублюдок совершенно не умеет. Данную нишу занимают Червехвост, Нотт, Эйвери, Краббэ. Даже Лестрейнджи. Ах, да, забыл Малфоя. Тебе ведь не терпится познакомиться с этим семейством? В твоих мыслях они присутствуют почти постоянно.

— Вы читаете мои мысли?! — возмутилась София.

Волдеморт, пинком развернув кресло, лениво в него опустился:

— Я не читаю — я слышу, — устало выдохнул он, потирая виски. — Чтобы ментально оглохнуть приходится прилагать постоянные усилия. Либо зелья. Если принимать настойки непрерывно, возникает привыкание, так что глухая тишина — редкий подарок. От «слышанья» порой ужасно устаёшь — вообрази, если бы тебе в уши всё время орал радиоприёмник?

София состроила сочувственную гримаску.

— Не будем об этом, — махнул Тёмный Лорд рукой. — Антонин рассказал, ты познакомилась с Гарри Поттером? И как он тебе? Симпатичный, да? — ухмыльнулся маг. — Храбрый, умный мальчик. Мне он тоже нравится.

— Можно мне сесть? — поинтересовалась София.

— Можешь даже лечь. Меня это несколько не смутит, уверяю тебя.

София с наслаждением опустилась в кресло, вытянув гудящие от долгой ходьбы ноги.

— Чувствую, ты проголодалась, — Волдеморт левитировал из бара поднос со сладостями. — Не самая полезная еда, но зато снижает аппетит и повышает настроение. Ты ешь, а я продолжу рассказ о нашем с Дамблдором противостоянии, что, в конечном итоге, снова приведёт нас к симпатяге Гарри.

Ах, Гарри, Гарри... Бедный славный пупсик Гарри!

Итак, закончив Хогвартс, я планировал занять пост преподавателя Защиты от Темных Сил. Нежелание Дамблдора видеть меня на этом месте имело гораздо больший вес, чем моё желание его занять. Дабы избавить неискушенные юные умы от возможного растлевающего влияния полукровки из рода Мраксов раз и навсегда, так сказать, с гарантией, мудрецу пришла в голову счастливая идея поспособствовать моей вербовке в засекреченный отдел Министерства Ночные призраки. Вот так, с лёгкой руки тогда ещё заместителя директора, я и отправился к Геллерту Гриндевальду, бывшему Дамблдоровскому любовнику. Конечно, о нетрадиционной ориентации великого мага в сказках не пишут. Хотя, теперь, я слышал, магглов этим не смутишь? У них даже вошло в моду носить мужчинам стринги; дарить друг другу розы и называть половое бессилие, банальную неспособность продолжить род, цветом неба? — Волдеморт засмеялся. — Наверное, именно это в конечном итоге примирило старого маразматика с былыми врагами. Ведь по молодости лет он люто ненавидел магглов, всех, без исключения. И как ненавидел! Говорят, у него была на то веская причина: магглы,

якобы, способствовали тому, что его драгоценная младшая сестричка стала идиоткой. Смешно! Близкородственные союзы на протяжении трёхсот лет в роду Дамблдоров повинны в сумасшествии Арианы гораздо больше. Нападение магглов было лишь толчком к тому, что болезнь начала прогрессировать. Ты не в курсе, что папенька с маменькой Альбуса, были родными братом и сестрой? Это не афишируется, но сей факт, сдаётся мне, куда лучше объясняет идиотизм Арианы и нездоровые склонности самого Альбуса. Ветвь Дамблдоров вот-вот сгниёт и обрушится. И с Богом, как говорится у магглов.

Так, занесло меня что-то... О чём, бишь, я говорил?

Я попал в отдел Ночных призраков. Меня снабдили всеми возможными инструкциями и велели подложиться под самую большую страсть нашего Святого и Непогрешимого. То, что я коренным образом не приемлю подобных отношений, работодателей не смутило. Наверное, бог на земле все-таки есть, потому что в Германии я первым встретил не Гриндевальда, а Василису. Узнав, в какой впросак угораздило попасть её незадачливого потомка, бабуля вызвалась помочь. И к моменту моего выхода на арену Гриндевальд успешно поменял нетрадиционную ориентацию на традиционную; позабросил дела и бывшие увлечения. Власть инкубов и суккубов сильно недооценивают. — Волдеморт переплел тонкие пальцы. С безобразного лица на Софию смотрели зрачки-лезвия. — Не только Гриндевальд оказался пленен моей бабкой, я и сам ею бредил. Вечно прекрасная, вечно юная, обладающая такими познаниями в темной магии, каким не обучишься нигде. А главное — бессмертная!

Оданако, к прискорбию моему, Василиса наотрез отказалась поделиться со мной обретенным даром. Богатства, покровительство, связи — всё это пожалуйста. Но не бессмертие. Дамблдор, ненавидящий нашу бабулю столь же страстно, сколь Гриндевальд её обожал, как-то подкинул мне чудесную книжицу о Дарах Смерти. Простенькая на вид, она содержала ценнейшую, подробнейшую информацию по созданию крестражей.

Да-да! Это был не профессор Слагхорн, это был добрый старина Дамблдор.

Итак, в книге была следующая информация. В былые времена существа, которых на Земле почитали богами, могли вычленять часть своей личности, скажем гнев, раздражительность, злобу, в предметы. Позднее маги додумались воссоздавать нечто подобное, помещая в предмет часть личности, какое-либо её качество.

Расчёт волшебника оказался верен. Я, как малёк, широко раззявил рот и схавал наживку на раз-два. Старательно воссоздав ритуал, вызвал древние, страшные силы...

Первым, что я отделил от своей сущности, оказалась способность любить. Помнишь: раз не любишь, значит — не зависишь? Любовь делает нас уязвимыми, слабыми, ранимыми. Любовь к Василисе измучила меня. Обида на родителей тоже произросла на корне любви. Итак, способность любить я поместил в известный теперь всему миру пресловутый дневник. Вторым крестражем стало фамильное кольцо Мраксов. Не желая походить на Гриндевальда, я вычленил вторую черту своей личности — желание властвовать. Третий крестраж я добыл, сознательно пойдя на преступление: моим неопытным юным мозгам представлялось, что чем ценнее артефакт, тем сильнее его магия. Теперь-то я знаю, с тем же успехом можно использовать придорожные камни, эффект будет тот же, а отыскать их сложнее. Так или иначе, Медальон Слизерина послужил стражем стремлению всегда и во всем быть первым; Чаша Пенелопы освободила от желаний пола, Диадема Кандиты Когтевран от желания получать знания — одна из ключевых сторон моей натуры, разлука с которой далась сложнее всего. С созданием последнего крестража я утратил способность радоваться жизни,

и начал постигать науку наслаждаться смертью. Чужая боль имеет вкус перца, чужая смерть — как ваниль. Вот так и умер Том Риддл. — Развёл руками темный маг, вздыхая. — Вот так родился Волдеморт, с которым каждый, воображающий себя слугой света, обязан бороться. Я наглядно мог видеть результаты предпринятой ворожбы: эмоции — не смущали; совесть — не беспокоила; старость — не приходила.

А теперь пришла пора вернуться к нашему мальчику.

Я стремился сделать ребенка своим отражением, своим вторым я. Ведь у меня не было детей, и быть уже не могло — побочное действие создания крестража из Чаши. Поскольку я не слишком-то рассчитывал, что Василиса обретет свою золотую мечту — отыщет потомков Гретель, которая, по моим подсчетам, вполне могла умереть бездетной, мне нужен был наследник, ибо я тогда верил, что стою у истоков величайшего открытия.

Почему Поттер, спросишь ты? Потому что, в отличие от Лонгботтома, у его была кровная связь с нашим родом. Потому что Поттеры, как клан, изначально симпатичнее Лонгбботомов. Выбирать приходилось из этих двух, потому, что последний крестраж можно было создать лишь из ребенка, рожденного в определённый день и час.

План был прост. Убираю Джеймса Поттера, создаю крестраж, обладающий живой душой, соединяю его с частью моей души, и мальчик становится как бы моим духовным сыном. Потом стираю память Лили, отвожу её к Северусу Снейпу, внушаю женщине, что последний есть отец её ребенка, а потом участвую в воспитании мальчишки. И все довольны. И дело сделано.

Проблем с Джеймсом не случилось. А вот Лили...

В итоге моей ворожбы я оказался развоплощен. Вот тогда-то и понял, в какую ловушку себя загнал.

Крестражи, — Мерлинова борода! — не дают бессмертия. Душа не нуждается ни в чём подобном, потому что, милостью небес, бессмертна сама по себе. Крестражи привязывают душу к земле, не давая её покинуть. Так же, как определенный ритуал не даёт телу покойника гнить, создавая инферналов.

Чем эта история закончилась, ты в курсе.

Ну, может быть, не знаешь, что Червехвоста ко мне направила наша дорогая Василиса? Как же я люблю её! Я подразумевал именно то, что сказал — люблю. Это такое чудо — любить! Закат или рассвет, улыбку на лице красивой женщины. Хорошую книгу. Вкусное вино...

Лишь позже я узнал от Люциуса, как Поттер успел уничтожить дневник, вернув мне утраченную способность. Так часть моей души после уничтожения крестража вернулась ко мне.

София слабо шевельнулась, закусив губу:

— Два крестража из семи уничтожены. Для того, чтобы мне вновь стать человеком, нужно уничтожить оставшиеся пять. Два из них живые существа. Один — Гарри Поттер, другая — Нагайна.

София не сразу поняла, что слушает дядюшку с открытым ртом.

— Почему? — медленно подбирая слова, сказала она. — Почему вы всё мне это говорите?

— Хочу, чтобы ты поняла: я не желаю гибели Поттеру до тех пор, пока он не уничтожит созданные мной крестражи. Только он, мой светлый двойник, сможет помочь выбраться мне из ловушки. Он и никто другой. Гарри Поттер нужен мне живым.

В конце всей истории Мальчик-Который-Выжил все равно умрет. Я знаю об этом. Знает и Дамблдор. Он растил парня, как свинью, на убой. Заметь он делал это — не я.

Вот такая некрасивая история про Героя и Злодея. Финиш.

А теперь, что касается тебя и Поттера? Я не буду возражать, если ты станешь ему врагом. Я одобрю и вашу дружбу. Если ты примешь решение держаться в стороне от всего этого сыр-бора, по-слизерински беспокоясь лишь о своей драгоценной шелковой шкурке, я все равно останусь тобой доволен.

Крестражи, маглы и Пожиратели — всё это совершенно не твоя забота. Ты должна успеть получить образование, найти подходящего чистокровного волшебника (Годрик с вами, пусть хоть кого-то из Уизли). Даже Лонгботтом сгодится. Должна выйти замуж и родить наследника. Настоящего. Не такого, как самозванец Поттер. Огромное количество чистокровных семей погибли в этих треклятых войнах! Множество старинных могущественных семей потеряны навсегда. Я сыграл свою роль; Дамблдор — свою; Гриндевальд тоже внёс лепту. Война ещё не закончилась, а потому кровь ещё прольётся. Выбирай отца будущему ребёнку тщательно и со всей ответственностью.

— Что скажешь насчет моего племянника Драко?

Хриплый женский голос звучал насмешливо, но за насмешкой притаилось напряжение.

— Белла? Как ты посмела войти?

— Мой Лорд, — склонила женщина увенчанную буйной копной черных волос голову.

Насмешка в её голосе зазвучала ярче. Беллатрисс словно стейком, нервно постукивала волшебной палочкой по раскрытой ладони.

— Где ты была весь день?

Подхватив длинные развивающиеся юбки, чтобы не путались под ногами, женщина пританцовывающим шагом подошла к свободному креслу. Опустилась в него, дерзко положив ноги на колени величайшему темному магу столетия.

— Ассио, бокал! Ассио бутылка.

Фужер переместился из тонких пальцев Волдеморта в руки черноглазой ведьмы.

— Не возражаешь? — с вызовом откинула она кудрявую голову.

— На здоровье. Так где ты была? Я хотел тебя видеть ещё несколько часов назад, но тебя не нашли.

— Значит, плохо искали, — Беллатрикс отсалютовал обоим потомкам Мраксов, залпом осушила бокал. — Кислое, — капризно скривилась она. — Просто язык обдирает. У Снейпа и то лучше. Спрашиваешь, где была? — женщина гоготнула. — Гуляла с Цисси. Бедняжка! Почти потеряв мужа, теперь отчаянно переживает за сына.

Глаза Беллатрикс сверкнули.

— Она ведь безосновательно переживает, правда, мой лорд?

— Это ты сейчас о чем?

— Ты ведь не хочешь наказать Люцци, лишив жизни его сына?

Волдеморт смерил колдунью леденым взглядом.

Атмосфера накалялась.

— Я не планирую убивать парня. Однако мальчишка слишком долго жил в розовом замке. Пора взрослеть.

Беллатрикс подалась вперёд.

— Мой Лорд...

— Белла! — предостерегающе поднял он руку.

— Если уж вы взялись устраивать браки, то я повторюсь с предложением: что скажешь насчёт Драко?

— Что я скажу на его счёт? — повысил голос ведьмак. — Он заносчивый, самовлюбленный, пустой... чуть не сказал, ублюдок! Прости, это не справедливо по отношению к твоей сестре, которую я искренне уважаю и чья добродетель вне подозрений. Нарцисса — чудо! Но её сын является не только воплощением её девичьей фамилии. Он «тот, которому нельзя доверять». Если папаша-Малфой просто жук навозный, пекущийся лишь о своих интересах, то сынишка — слабак. Нич-то-жес-тво! Я предпочту Уизли!

Грудь Белатриссы судорожно вздымалась, ноздри гневно раздувались, глаза сверкали:

— И это всё, что Блэки и Малфои получают за годы преданной службы?! За кровь, что проливали за тебя? За лишения?! Ты предпочитаешь нам предателей крови?! Твоими стараниями, мой повелитель, — Белла словно плевалась словами, — мой род пришел в полный упадок. Блэков больше нет! Малфои вот-вот потеряют состояние, что наживали веками! И всё равно мы недостаточно хороши для грязнокровки, в которой и четверти крови Мраксов нет?!

— Белла, Драко не просто слабак — он извращенец, гадёныш и недоносок. Ни твои заслуги, ни заслуги Люциуса не могут изменить сего огорчительного факта. Я не желаю, чтобы София была несчастлива всю оставшуюся жизнь — это раз. И ещё больше не хочу, чтобы её дети походили на твоего племянника. Это два. Прости. Больше обсуждать эту тему я не намерен.

12. Ночь кошмаров

Пасмурный день сменился ненастным вечером. Старый коттедж под порывами ветра ухал, вздыхал и жаловался. София кожей, каждой порой, клеточкой, ощущала тёмные токи, идущие со всех сторон, обтекающие строение, уходящие вглубь мрачного леса.

Не оставляла гнетущая мысль: в доме, кроме неё, никого нет.

Крадучись, она выбралась из своей комнаты. Миновав коридор, спустилась по лестнице, вошла в гостиную.

Впервые, за время её пребывания в резиденции УПСов, в камине главного холла не пылал огонь. Скрипнувшая под ногой половица в вязкой тишине прозвучала оглушительным выстрелом. Стекла дребезжали под ударами ветра, гулявшего за стенами. Нетопленная комната напоминала склеп.

Сколь ни мрачны УПСы, без них стены сделались вдвое холоднее и втрое темнее обычного. Подземелья Василисы по сравнению с коттеджем выглядели уютным гнёздышком.

София поспешила к выходу. Как ни странно, на улице атмосфера была далеко не такой гнетущей.

— Прогуляться вышла, подруга?

Скабиор, привалившись плечом к стене, с насмешкой рассматривал девушку. Ветер трепал небрежно выбившуюся из хвоста егеря крашенную медную прядь.

— Я тебе не подруга, — ответила София. — Где остальные?

— А кто вам надобен, миледи? — чуть наклонив голову, егерь будто вслушивался в готовый прозвучать ответ. — Отправляясь на ночную прогулку, ты хоть палочку-то взяла? Можешь не отвечать, — вздохнул он, — твой вид говорит сам за себя. Ассио, палочка Астории!

Пролетев со свистом, словно стрела, артефакт лёг в ладонь егеря.

— Лови! — галантно вернул он палочку законной владелице.

София машинально поймала главное магическое орудие колдовства.

— Считаешь меня отбросом, принцесса змей? Не желаешь со мной якшаться? Выходит, я виновней, чем...тс! — насмешливо приложил он палец к губам, — ...Тот-Кого-Нельзя-Называть?

Не оборочаваясь, София пошла вперёд. Она не сразу поняла, что рубеж, за которым обычно располагалась невидимая стена, удерживающая не хуже замков, давно остался позади. Вокруг смыкали ряды зловещие сосны. Под щекоткой ветра хвоя таинственно шептала. Небо, там, наверху, ещё не до конца утратило цвет, но здесь, внизу, уже царила темнота.

В уши ударил вой, прозвучавший на самой высокой ноте.

Адские гончие!

На поляну выскочило четыре зверя. Огромные, черные, с ошетиенными загривками, оскаленной пастью и пылающими, жёлтыми глазами. То был жуткий гибрид гиено-пантеры. Демоны внушали ужас. Именно такими некогда девушка представляла себе Собаку Баскервилей.

Припав к земле, скребя лапами, Гончие Ада приближались, по-кошачьему изгибая

спину. В нескольких шагах звери застыли, сверкая желтыми фосфоресцирующими глазами.

Псина, что была ближе остальных, опустилась на землю, вытягивая вперёд длинные лапы и по-змеиному прошипела:

— Хозяйка!

София даже дышать старалась как можно реже и незаметней. Вдруг малейшее движение покажет тварям, что никакая она не хозяйка, а самая что ни на есть, перепуганная, заплутавшая в лесу, девчонка.

— Поделись кровью, — обратились к ней демоны. — Дай испытать!

— Дай крови, Хозяйка и мы не причиним вреда. Добровольная жертва! Нам нужна добровольная жертва!

Какая-то часть внутри Софии знала древний ритуал, будто она выполняла его тысячи раз. Что ж? Чтобы повелевать, нужно жертвовать.

Подавляя дурноту, она потянулась к палочке. Молясь про себя, что не отрезать кисть и не вскрыть вены, девушка прошептала: «Дифиндо!».

Образовавшийся порез оказался чист и аккуратен, словно выполнен хирургом.

Кровь набухла мягкой теплой каплей.

Глаза ночных тварей полыхнули.

Ещё одно «дифиндо» и на второй руке возник порез — близнец первого.

— Пейте!

Поскуливая, псины подползли и стал слизывать кровь. Сухие ледяные языки наждаком скребли по коже, растравливая раны.

Откровенно говоря, было жутко. Если бы был выбор...но выбора не было.

— Спасибо, — вырвалось из пасти зверя змеиное шипение. — Чем можем служить Госпоже?

— Хочу найти Тёмного Лорда.

— Доставить Хозяйку к Хозяину? — уточнил демон.

— Да, — подтвердила София.

Тварь лязгнула зубами. Перед глазами взвихрилась алая вуаль.

В следующее мгновение они переместились на опушку леса.

Казалось, сам воздух здесь напоён чем-то противоестественным и неправильным. Даже адские гончие не искривляли пространство до такой степени.

В скупом свете костров удалось рассмотреть процессию в длинных, развевающихся на ветру, мантиях. Лица закрывали глухие маски с узкими прорезями для глаз.

Коленопреклоненные УПСы расположились по кругу, оставляя центр свободным, образовав, таким образом, нечто вроде арены. В центре возвышалась, похожая на концентрированный сгусток мрака, фигура.

Видимо шоу началось задолго до прихода Софии — в сторонке аккуратно отдыхало несколько трупов.

Высокий голос легко наполнял пространство, вкрадчиво вливаясь в душу. Незаметно, как яд, отравляя сознание до той поры, пока не перестанешь понимать, где верх, где низ; пока не перепутаешь правду с ложью.

— Сегодня мы собрались, чтобы провести очередной ритуал. Кто, спрашивается, достоин чести провести его первым? — по-отечески раскинул руки Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут. — Кто является одним из самых сильных, самых умных, самых достойных? Кто, в силу возложенных на него обязанностей, в силу выбранного им самим признания,

несёт знания и просветления в умы?

Из дальнего сегмента кольца поднялась маска, неторопливо проследовав к Тёмному Лорду, замерла в нескольких шагах от него.

— О, да! Ты безупречен. Ты верен и предан, не так ли? — сочился мёдом голос Волдеморта.

Фигура оставалась неподвижной, словно дуб в безветренную погоду.

— Не один из твоих непосредственных воспитанников не обманул наших чаяний.

Маска продолжала безмолвствовать.

— И, наконец, ты наша самая изысканная игрушка, мой любимый друг, — прошипел Тёмный Лорд, добавляя в мёд яду.

София не понимала подоплеку происходящего, но опыт и интуиция подсказывали — дядюшка «Томми» отнюдь не благоволит к столь расхваливаемому им предмету.

Сердце сжалось от дурных предчувствий. Девушка успела тысячу раз пожалеть, что не осталась в своей уютной, но безопасной комнате.

— Ты считаешь, жизнь не стоит внимания, Снейп?

Фигура снизошла до неопределённого пожимания плечами.

Держался слизеринский декан (а судя по названному Тёмным Лордом имени, это был именно он) отстранёно, если не сказать — высокомерно.

— В таком случае ты не будешь против, чтобы все мы немножко развлеклись за твой счёт? Кто-то из дорогих гостей поможет мне? — повернул Тёмный Лорд неприкрытое маской лицо к последователям, его окружившим.

— Мой лорд? — разрезал ночь каркающий, словно вечно простуженный, женский голос.

— Нет. Ты слишком горяча, моя прелесть. После тебя зельевар наврядли сможет продолжать развлекаться дальше. Что сам думаешь?

— Полагаю, Беллатрикс лучше оставить на десерт.

— Полностью разделяю твоё мнение. Эйвери?

— Топорно.

— Нотт?

— Не испытывает ко мне никаких эмоций.

— Гойл?

— Коновал.

— Разве это не то, что нужно?

— То, что нужно? — маска скрывала выражение лица говорившего, но Софии мерещилось, что губы незнакомца кривятся. — Удовольствие должно хоть сколько-нибудь длиться. Этот же дуболом просто вырубит меня — никакой зрелищности.

— Миссис Малфой?

Тонкая, невысокая, хрупкая фигурка, поднялась с колен.

— Хороший выбор, — согласился Снейп.

Волдеморт жестом приказал женщине подойти.

Нарцисса Малфой медленно приблизилась.

— Приятного времяпровождения, дети мои. — царственно кивнул Тёмный Лорд.

София не желала смотреть. Больше всего ей хотелось оказаться далеко-далеко отсюда.

— Поблагодаришь Хозяина, Цисси? — издевательски прозвучало из-под маски Снейпа.

— Не фамильярничайте, господин Зельевар, — дёрнул плечом Тёмный Лорд. — Вы

чего-то ждете, миссис Малфой? — бросил он женщине. — Какого-то особого знака?

Женщина вскинула руку.

Снейп скрестил руки на груди.

София опустила голову. Ей хотелось зажмурить глаза и заткнуть руками уши, но такая поза привлекла бы к ней излишнее внимание.

Остро пахло пылью. И пылью.

— Не стесняйтесь, миссис Малфой, — разрешил профессор Снейп.

— Круцио! — воскликнула маска красивым, нежным, как у канарейки; мягким, точно колокольчик, голосом; слишком нежным для посыла проклятия.

София подняла глаза как раз вовремя, чтобы увидеть, как профессор-зельевар медленно опускается на одно колено.

Женщина-эзекутор отвела палочку в сторону, повернувшись к Волдеморту в ожидании дальнейших распоряжений.

Тёмный Лорд, шагнув вперед, сорвал маску со Снейпа.

— Подними лицо! — прорычал Хозяин.

Зельевар подчинился.

Капли пота блестели на висках, пряди волос прилипли ко лбу.

Волдеmort недовольно свёл брови:

— Что это такое, Нарцисса?! Это ты называешь проклятием?! Продолжай! И постарайся, чтобы вторая попытка оказалась не такой смехотворной. Нехотелось бы портить настроение Белле видом твоих мучений.

Жена Малфоя вновь подняла руку. Даже в неровном полумраке было заметно, как она дрожит.

— Круцио!

— Цисси! — прохрипела Белла Лейстрейндж. — Какого Мерлина!

Зельевар продолжал стоять на коленях, крепко жмурясь и кусая губы.

— Белла, помоги любимой сестричке, — разрешил Хозяин.

Третья фигура в маске, — по характерной пластике ошибиться в том, кто скрывается под ней, было невозможно, — вышла в центр.

Взмах руки. Хлесткое:

— Круцио!

Снейп упал, как подкошенный.

Ведьма с хохотом отвела палочку, дав жертве передышку ровно настолько, чтобы избавить её от потери сознания.

— Круцио!

Алый свет, словно лазерная указка.

Снейп царапал руками землю, но по-прежнему с истерзанных зубами в кровь губ не сорвалось ни одного стога, ни единого всхлипа.

— Довольно, Белла.

Лестрейндж покорно опускает палочку.

— Ты — молодец. Но всё же твоё проклятие недостаточно хорошо, так что прости... — Волдеmort разворачивается в сторону хрупкой, словно рябинка в поле, фигуры, спокойно роняя, — Круцио!

С пронзительным визгом Нарцисса Малфой сложилась пополам, обхватывая себя руками. Ноги женщины подкосились. Распластавшись, она ужом завертелась по траве. Маска

слетела с её лица. Палочка, выпала из рук.

Истошный крик не смолкал ни на минуту.

— Силенцио! — приказал Тёмный Лорд. — Круцио!

Жертва продолжала извиваться; черты лица искажались в беззвучном и оттого ещё более жутком, крике.

Беллатрисс опустилась рядом с дёргающимся телом сестры на колени:

— Мой лорд, прошу! — молитвенно сложила она руки. — Мы обе старались выполнить ваши желания! Ты сам знаешь, мои проклятия сильны. Хозяин! — сиплый голос Лестрейндж срывался от волнения. — Ты же её убьёшь!

— Что ж, может быть эта смерть научит её мужа быть более осмотрительным и менее щепетильным, не так ли?

— Это сделает его вашим врагом, — проговорил поднявшийся с колен зельевар.

Его штормило, но усилием воли Снейпу удавалось удерживать тело в вертикальном положении.

— Считаешь, я способен испугаться Люцци?

— Ну, что вы? — с мягкой насмешливостью отозвался Снейп. — Вы для этого слишком самонадеянны и погрязли в гордыне. Мой Лорд.

Отвешенный профессором поклон выглядел скорее издёвкой, чем знаком почтения.

— Круциатос! — прорычал «дядюшка Томми», переводя палочку с раздавленной болью женщины на мужчину.

Снейпа скрючило. Но он по-прежнему молчал. Как ни старался Тёмный Лорд, зельевар стоические переносил страдания, что не могло не вызывать уважение дядюшкиной племянницы.

Белла, тем временем, подползла к сестре и трясущимися руками перевернула бесчувственное тело с живота на спину.

— Как видите... — с усилием проговорил Снейп, поднимая лицо, искажённое гримасой боли, насмешки и презрения, — не только... наши очаровательные сестры Блэк... не могут заставить меня... кричать. — Волдеморт нависал над коленопреклоненным зельеваром, грозный и темный, похожий на саму смерть. — Вы и сами-то не ахти преуспели.

Следующий: «Круцио!», заставил Снейпа потерять сознание.

— Идёмте, друзья мои, — перешагнул через распластанное тело Волдеморт. — У нас впереди много интересного.

Воспользовавшись минутной передышкой, пока УПСы, рассыпались по полянке, София поспешила вернуться в лес. Она бежала вперед, спотыкаясь и падая, припадая к деревьям, будто пыталась получить от них утраченную силу, подорванную уверенность и веру.

«Я не люблю причинять женщинам боль...»

Как же! Лицемер! Лгун!

Сейчас жизнь Софии похожа на эту тьму и этот лес. Без ориентиров. Непонятно, куда идти, кому верить. Вернее, куда идти, было очевидно, вот что самое страшное — как не претила мысль о возвращении в змеиный гадюшник, другого пути не было.

Юная ведьма опустилась на землю, прикасаясь ладонями к её холодному, мокрому, покрытому иглами и шишками, телу.

«Идите ко мне! — позвала она на серпентарго. — Помогите отыскать логово Большой Змеи и Её Хозяина. Слышите?».

И через несколько минут услышала ответ:

«Мы здесь. Следуй за нами».

13. Нерушимая клятва

Лес казался бесконечным. Возможно, не только казался — был таким.

Мысль, что в ту ночь, в баре, София погибла и попала в чистилище, возвращалась с настойчивой навязчивостью. По непонятной причине личным чистилищем Хвелёвой стал наполненный шипящими рептилиями мир, порождённый воображением англичанки Роулинг.

— Хочу домой, — срывалось с губ. — Домой!

«Скор-р-ро, — шелестело в ответ из темноты змеиными голосами, — ещё чуть-чуть...».

Почти привычный вой адских гончих заставил девушку остановиться.

Следом за высоким протяжным звуком в мрачной густой тишине пронёсся гортанный и глухой, перешедший в отчаянный женский визг, в пронзительные крики. Беспроглядную темноту леса разрезали вспышки зелёно-алых лучей.

Подхватив полы длинной мантии, София поспешила вперёд, на звуки борьбы.

Ещё несколько ослепительно-зелёных вспышек, одна из которых прошла совсем рядом, а потом её взору открылась такая картина. Беллатрикс Лейстрейнж отбивалась от круживших вокруг, чудовищных псино-котов. Стараясь держать оборону, ведьма безостановочно сыпала ругательствами и проклятиями. Её сестре повезло меньше. Нарциссу Малфой твари успели сбить с ног.

Третья фигура, в которой София подозревала профессора Снейпа, оседлав гадину, не оставляющую попыток растерзать женщину, протолкнул той в пасть собственную руку, мешая хищнику сомкнуть клыки на горле жертвы.

— Стойте! — прошипела девушка на серпентарго.

Демоны замерли, разворачивая саблезубые морды с пылающими желтизной глазами в её сторону.

«Сэшэдэн феридас», — прошептала она, протягивая к чудовищам руки.

От произнесённого заклятия раны открылись, кровь вновь закапала с пальцев.

— Хозяйка? — шелестели порождения темной магии. — Ты — наша Хозяйка? В твоей крови мы чуем вкус смерти...

История повторилась. Чудовища испили крови и покорно удалились, никому не причинив вреда.

— Миссис Малфой сильно ранена? — поинтересовался Снейп.

Прислонившись спиной к дереву, он баюкал раненную руку.

— Боюсь, что да, — прорычала в ответ старшая Блэк. — Иди сюда, — позвала она Софию. — На счёт три: «Вингрардиум Левиоса».

Леветировать бессознательное тело было почти так же тяжело, как тащить его на себе. Следовало избегать малейших резких движений и ни на секунду не терять концентрации внимания. К моменту, когда они, наконец-то, добрались до дома, София совершенно выбилась из сил.

При свете удалось разобраться, что в помощи нуждалась не столько Нарцисса, на которой оказалось несколько, правда глубоких, царапин, сколько Снейп, рука которого превратилась в кровавые лохмотья.

— Открой мой чемодан, Белла, — сквозь зубы, проговорил белый, как простыня,

зельевар. — Вторая склянка справа. Да, — кивком подтвердил он правильность выбора. — Эта. Пять капель на столовую ложку для миссис Малфой. Остальное тащи мне.

Кровь имеет неприятный металлический запах. Во влажной нетопленной комнате её аромат распространялся тяжелыми волнами.

— Я могу чем-то помочь, сэр? — обратилась София к профессору.

— Отойдите подальше, мисс.

В словах не было ничего обидного. Но тон! Ей как будто дали пощечину.

Снейп, безусловно, сильный, мужественный человек. Интересная личность. харизматичная, но едкая, как уксус. В его присутствии, оказывается, очень тяжело дышать.

София развернулась к лестнице, намереваясь, уйти.

— Это она? — послышался тихий и мягкий, нежный, словно пение малиновки, голосок Нарциссы.

Белла смотрела на сестру тревожно, Снейп — выжидающе.

В длинных струящихся одеждах, с рассыпавшимся по плечам водопадом неестественно-светлых волос, с узкими зрачками, плавающими в озёрах серебристой, похожей на ртуть, светлой радужки, с запекшимся, как открытая рана, губами и лихорадочным румянцем, Нарцисса выглядела тем, кем и была — проклятым, потерянным созданием, порождением ночи и кошмара. Упивающаяся Смертью вейла. Русалка-утопленница.

Стремительно пролетев разделяющее их расстояние, она бухнулась перед Софией на колени, молитвенно протягивая к ней руки.

— Цисса... — шокировано выдохнула гордая Белла.

На лице старшей сестры читалось неодобрение и тревога. Но брюнетка не пыталась помешать блондинке.

— Прошу тебя! Ты же не такая, как Темный Лорд, девочка? Ты добрая! Иначе не стала бы там, в лесу, вступаясь за нас, уплачивать долг кровью?

Профессор Снейп отвернулся, будто наблюдать подобное унижение было ниже его достоинства.

— Нарцисса! Вспомни о гордости, в конце концов! — вскричала Белла.

— Нет у меня гордости. Тёмный Лорд хочет его смерти. Он убьет моего мальчика! А зачем мне тогда всё это: красота, богатство, принципы...гордость?! Ничто не имеет значение...

— Одумайся, — увещевала Белла. — Что ты говоришь? Тёмный Лорд никогда...

— Молчи! — истерично прокричала Нарцисса. — Молчи! Не смей мне лгать! Ты бы сейчас ни за что не позволила стоять мне на коленях перед этой девочкой, если бы не знала, что я права! Черный Лорд презирает моего сына. Он считает его слабым и... Это ты во всем виноват! — вне всякой логики набросилась несчастная мать на Снейпа. — Если бы ты не спал с ним...!

— С кем? — угрожающе откликнулся зельевар.

— С Драко!

— О! Вот каковы последние новости? А я-то полагал, будто у нас роман с твоим мужем.

— Будь ты проклят! — визгнула Белла. — Насмешник! Предатель! Отщепенец!

Софии казалось, ещё минута, и она сойдёт с этими УПСами с ума.

— Мне совершенно не интересны подробности вашей частной жизни, — сказала она. — С вашего разрешения, я пойду.

Нарцисса снова вкаталась в неё, как коршун в мышь.

— Не уходи! Выслушай меня! Драко грозит страшная опасность...

— Миссис Малфой, — вновь подал голос профессор, — вы, в самом деле, полагаете, что мисс Гринграсс интересуется судьба вашего сына?

— Он чудесный мальчик, и... — участившиеся всхлипывания сделали речь женщины почти не разборчивой.

— То, что может иметь значение для нас с вами, миссис Малфой, совершенно не обязательно столь же ценно для мисс Гринграсс.

Полные слёз глаза матери молили Софию об участии.

— Чем, вы полагаете, я могу помочь? — не удержавшись, откликнулась София на мольбу несчастной матери.

На несколько секунд в комнате воцарилась тишина. Было слышно, как поскрипывают ставни, как завывает ветер.

— Выходи замуж за Драко!

***

София от неожиданности, растерявшись, только ресницами хлопала.

— Что?.. — спросила она, хотя прекрасно расслышала бредовое предложение с первого раза. — Нет!

— Миссис Малфой пусть успокоится, — проговорил Снейп, — а вы, мисс Гринграсс, окажите любезность, подойдите и обработайте мою рану. Я, тем временем, вкратце обрисую, почему ваш брак с мистером Малфоем-младшим видится нам единственной возможностью спасти ему жизнь.

София ощутила дурноту от открывшейся перспективы. Мысль о замужестве с племянником Белатрикс сама по себе безумие! А тут ещё перевязка?

Даже беглого взгляда на руку Снейпа оказалось достаточным, чтобы ощутить тошноту. Лохмотья ткани будто бы вплавились в разорванную, лохмотящуюся, открытую рану. От мысли, что к этому придётся прикасаться... дальше без комментариев.

— Что я должна сделать?

— Прежде всего, вымойте руки.

София старательно выполняла инструкции зельевара, чёткие, ясные, лаконичные.

Размачивая присохшие ткани каким-то местным аналогом перекиси водорода, она методично отдирала их. Снейп, тем временем, пока София предпринимала жалкие попытки оказания медицинской помощи, говорил:

— Общая расстановка сил такова. Ваш дядюшка не отличается ни добронравием, ни забывчивостью, ни незлобливостью характера. Наш славный Люци напортачил с пророчеством. Это одна сторона медали. Есть и другая, — черные глаза профессора стрельнули взглядом, — Драко не нравится ему сам по себе. Чувственный, впечатлительный, излишне ранимый, нетерпеливый и манерный мальчишка, избалованный маменькой гораздо больше, чем следует баловать мальчиков, вызывает у Хозяина агрессивную гадливость.

— Его можно понять, — огрызнулась София, откидываясь на спинку стула.

С рукой профессора Снейпа было, слава богу, покончено. По окончании всевозможных манипуляций она была надежно перевязана.

— Почему лично вас интересуется судьба какого-то мальчишки? Простите мою дерзость, профессор, но вы не выглядите хоть сколько-нибудь сентиментальным.

Снейп придавил её взглядом:

— Вы намекаете на слова миссис Малфой о нашей, якобы, плотской связи? Клянусь,

мисс Гринграсс, она существует только в её воспаленном, больном и богатом воображении. Так же, как и наша, якобы, дружба, — скривился зельевар, будто откусил лимон, — с её супругом. Мы на самом деле хорошие друзья и очень близки с Малфоей-старшим. Близки в духовном смысле слова, если вы в состоянии понять, о чем я. Впрочем, сильно сомневаюсь в этом, — судя по выражению лица Снейпа, он не только не был мужеложцем, скорее относил себя к гомофобам. — Однако, у меня достаточно недоброжелателей, кому отсутствие в моей жизни любовниц, кажется веским основанием для гнуснейшей клеветы. К слову сказать, мне крайне неприятно давать подобные объяснения, мисс Гринграсс. Что же касается моего беспокойства о Драко Малфое? Как вы полагаете, Астория, то, что я знаю мальчишку с младенческих лет; то, что он является сыном моего единственного друга; одним из моих лучших учеников, может считаться веской причиной желанию видеть его смазливую физиономию среди живых?

София кивнула.

— Я всё равно не понимаю, каким образом какая-то нелепая свадьба сможет помешать Темному Лорду его убить?

— Правильно составленная формула нерушимой клятвы обеспечит Драко Малфоею жизнь.

— Пожалуйста, — обняла её за плечи подошедшая Нарцисса. — Не отказывайся! Ты будешь с ним счастлива. Он красивый, умный, очень нежный мальчик. Вот, взгляни.

София бросила взгляд на картинку, которую вложили ей в пальцы.

На фоне зубчато-ступенчатой башни стройный белокурый юноша в длинной развевающейся мантии смотрелся и впрямь эффектно.

— ...хорошо воспитан, умён, — продолжала вещать миссис Малфой. — Мы с детских лет с Люциусом прививали нашему мальчику верность семье, долгу и чести. Он станет тебе хорошим мужем. Клянусь!

— Клясться стать хорошим мужем может только ваш сын. Да и то, с его стороны это было бы опрометчиво. Быть может, ему нравится другая девочка, и всё это...

— Да причём здесь: нравится — не нравится?! — не выдержала Белла. — Драко чистокровный волшебник! Он с детства знает, что в нашей среде браки заключаются по договорённости. К тому же, если ты скажешь: «нет», — у него, возможно, вообще не будет возможности жениться. Ни на ком!

— Астория, вы должны понять, — проговорил Снейп, — для этого мальчика, — он взглядом указал на колдографию, — вы единственная надежда на будущее. Без вас у него его не будет. Никакого. Я лично был свидетелем тому, как Макнейру отдавался приказ с очередного задания мальчишку живым не приводить.

Нарцисса охнула, зажимая рот руками, прилагая усилия, чтобы не завывать в голос.

— Верьте, мисс Гринграсс, если бы был иной выход, мы бы не обратились к вам с этой странной просьбой.

В конце концов, какая разница, за кого выходить замуж? Младший Малфой симпатичен, богат, чистокровен, как того и требовал Волдеморт. К тому же дядя говорил, что не против их союза, если сама София захочет. Не то, чтобы она «хотела» Малфоя, но, если сейчас не сказать «да», троица в чёрном никогда не оставит её в покое.

— Нам нужна Нерушимая Клятва. — вкрадчиво проговорил Снейп. — Я буду Скрепчим.

Уточнять, что такое Нерушимая Клятва, София не стала. Название говорило само за себя.

Следом за Нарциссой она опустилась на колени. Они переплели пальцы, сцепляя руки. Снейп навис над ними, как священник при венчальном обряде; приставил палочку к рукам.

— Клянёшься ли ты, Астория Гринграсс, выйти замуж за Драко Малфоя по достижении тобой семнадцатилетнего возраста?

— Клянусь.

Алмазное, переливающееся сияние вырвалось из палочки профессора, накрыло переплетенные тонкие женские пальцы. Потом маленькими, сверкающими змейками-молниями впиталось в кожу.

— Клянёшься ли ты, Нарцисса Малфой, урожденная Блэк, что твой сын, Драко Малфой женится на девице Астории Гринграсс по достижении семнадцатилетнего возраста?

— Клянусь! — отозвалась белокурая красавица.

Новый столб серебристо-алмазного сияния оплёл руки раскаленной проволокой.

— Клянёшься ли ты, Астория Гринграсс, в случае гибели Драко Малфоя по вине Воладеморта никогда впредь не выходить замуж, не иметь детей от другого мужчины?

София подняла изумленный взгляд.

Ого?! Так они не договаривались!

Но, смутно понимая, что прервать обряд уже нельзя, девушка прошептала:

— Клянусь.

— Нарцисса Малфой, в случае расторжения данной помолвки по вине Драко Малфоя ваш сын никогда не сможет иметь наследников, ни женского, ни мужского пола, и род Малфоев прервётся.

— Клянусь, — почти беззвучно отозвалась женщина.

Серебристая текучая цепь намертво связала руки женщин.

Какое-то время оковы светились, а потом впитались в кожу переплетённых замком рук.

Снейп отступил, опуская палочку.

Пронесшийся по полу ледянящий сквозняк заставил напрячься и повернуть лицо к двери.

Широко расставив ноги и уперев руки в бока, в дверном проёме грозно застыл Волдеморт. Поразительно, это существо, не побоявшееся расколоть собственную душу на семь кусков, вернувшееся откуда, откуда не возвращался никто и никогда из рожденных смертным, и в уродстве своём оставалось удивительно привлекательным.

— Что здесь происходит?

Белла со всхлипом отступала назад, выставляя перед собой руку, в заклиняющее-умоляющем жесте. В этот момент она показалась Софии самым пугающим и трагичным персонажем в комнате. В её облике угадывалось безумие и страсть; ужас и любовь. А ещё бесшабашное, отчаянно веселье проклятого существа, лишённого надежды.

Нарцисса, накрыв ладонью руку Софии, с вызовом и торжеством взидала на Тёмного Лорда. И в этом была по-своему безумна.

Заговорил Снейп. Склонившись в поклоне перед Тем-Кого-Нельзя-Называть, он тихо произнес:

— Мисс Гринграсс только что принесла Нерушимую Клятву стать миссис Драко Малфой. В случае несчастного случая, происшедшего с последним по вашей воле, она поклялась никогда не выходить замуж. И не иметь детей.

Волдеморт перешагнул через порог.

Ветер хлопнул дверью за его спиной.

— Почему? Зачем ты сделала это?!

София молчала.

С гортанным рычанием Тёмный Лорд опустил голову, будто бык, вознамерившийся поднять противника на рога.

Палочка, зажата в правой руке тёмного мага, яростно подрагивала.

— Ты предала меня, Белла, — тихо прорычал он.

Лейстрейндж вскинула голову, будто нарочно демонстрируя точенную, лебединую, уязвимую шею.

— Драко последний, в ком течёт кровь Блэков! Отдав распоряжение уничтожить его, ты первым предал меня, мой лорд.

— Я бы не стал его убивать! — разрезал тишину крик, полный ярости и сатанинской злобы. — Убирайтесь с глаз моих. Вон отсюда! Все!!!

Часть II. Уроки Хогwartса

Уроки Хогwartса

1. Хогвартс-экспресс

Долохов заметно нервничал, то и дело оглядываясь по сторонам. Его нервозность казалась Софии обоснованной, вокруг сновали толпы людей — вокзал есть вокзал. Здесь кто угодно мог затесаться: террорист, УПС, аврор.

Сама София едва подавляла беспричинную истеричную веселость, представляя, как разбегается, а потом нелепо бьётся лбом о монолитную каменную колонну 9.

— Сама пройдёшь? — с надеждой поинтересовался Долохов.

— Сомневаюсь.

— Хорошо, — раздраженно буркнул её проводник. — Через барьер я тебя проведу, но дальше справляйся, как знаешь.

В какой-то момент он просто отпустил её руку, словно растворившись в воздухе и, оступившись от неожиданности, София упала.

Перед глазами мелькнули большие ноги в тяжелых ботинках. В следующую минуту высокий парень уже помогал Софии подниматься с земли.

— Это я вас толкнул? — Подняв голову София встретила взглядом с глазами тёмно-карего цвета. — Простите! Я такой неуклюжий.

— Нет, что вы? Вы тут совершенно не при чём! Я сама споткнулась.

Кожа на правой коленке оказалось ссажена. Как в детстве, быстро образовывалась щиплющаяся, кроваво-тёмная корочка болячки.

— Больно? — сочувственно скривился новый знакомый.

— Не очень, — поморщилась София, — терпеть можно. Астория Гринграсс, — поспешила представиться она.

— Невиль. Невиль Лонгботтом.

— Очень приятно.

— Взаимно.

Молодые люди обменялись улыбками.

— Гринграсс? — раздался над ухом ворчливый, неприятно грассирующий букву «р», голос. — Разве род Гринграсс не прервался ещё двадцать лет тому назад?

— К счастью — нет, — мягко возразила София.

— Но ни о ком из Гринграсс за последние годы не было слышно, — продолжала докапываться дама в летах.

— Моя мама сквиб, её выдали замуж за магла, — озвучила София заранее придуманную легенду.

— Но ведь это же здорово, что род Гринграсс не пресекся, правда, ба? — внезапно напомнил о себе Невиль.

— Наверное. Что ж? — сказала пожилая леди. — Раз тебя угораздило сбить даму с ног, окажи девушке любезность, Невиль, и помоги донести её вещи.

— Позвольте? — неуверенно потянулся Лонгботтом к саквоюжу Софии.

Мысль о том, что не придётся в одиночестве тащиться по поезду, выискивая место среди множества незнакомцев, сразу повысила настроение. Невиль казался милым.

Впереди щебетала стайка девчонок, окруживших Гарри Поттера, который был явно не в восторге от сложившегося положения дел.

Заметив их, Поттер радостно замахал спутнику Софии:

— Невиль! Мы с Луной как раз тебя искали!

— Ну вот и нашли, — смущённо улыбаясь, отозвался Невиль.

Из-за спины Поттера выглянуло хорошенькое, кукольное личико.

— Привет, — кивнула девушка, по всей видимости и бывшая названной Луной.

В ушах у неё болтались серьги странного вида, почти в натуральную величину морковки из крашеного пластика.

— Луна! Как я рад тебя видеть! — Лицо Невилля словно озарилось внутренним светом. — Как провела лето?

— Хорошо.

— Давайте где-нибудь сядем? — предложил Поттер. — Пока! Увидимся, — радостно попрощался он с разочарованными девчонками, от которых ему удалось ловко ускользнуть под удачно подвернувшимся предлогом — встречей с другом.

Как и положено лидеру, юный волшебник зашагал впереди.

— Идите сюда, — позвал он ребят, найдя свободное купе.

Луна проскользнула первой, Невиль — за ней, а София затормозила, не уверенная, что может отнести приглашение и на свой счёт.

— Ты с нами разве не идёшь? — удивился Поттер.

— А можно?

Гарри наморщил лоб, и София вдруг вспомнила, что где-то под смоляно-чёрной, взъерошенной чёлкой прячется зигзагообразный шрам — метка её страшного покровителя.

— Ты ведь Астория, да? Мы, кажется, встречались в «Хохмагазине» у близнецов? Рад видеть тебя снова.

Гарри забрал у Софии чемодан и ловко забросил его наверх.

В коридоре за дверью снова раздались звонкие девчачьи голоса:

— Ты спроси!

— Нет, ты!

— Ну, если вы обе такие трусихи, я спрошу сама!

Дверь с треском отъехала в сторону, являя взглядам очень красивую девушку с черными волосами и ресницами такой длины, что из них можно было выкроить опахало.

— Здравствуй, Гарри! Я Ромильда Вейн, — представилась незнакомка. — Не хочешь перейти в наше купе? У нас гораздо лучше. Тебе ведь не обязательно сидеть с ними?

— С кем — с ними? — в голосе Поттера зазвенели льдинки. — Это мои друзья. Нигде лучше, чем с друзьями, не бывает.

От такого приёма красавица явно стушевалась:

— О! А-а. Ну, тогда...ладно. Тогда я...пойду?

— Иди. — разрешил Поттер.

Девчонка выскочила в коридор, как ошпаренная.

— Жёстко ты с ней, — не удержалась София от комментария.

— Необходимый урок вежливости, — пожал плечами Гарри.

— Все уверены, что у тебя должны быть друзья поприличнее нас, — с шокирующей прямоотой заметила Луна.

— Кого следует понимать под словом «поприличнее»? — хмыкнул Гарри.

— Хорька? — раздалось из-за вновь отъехавшей в сторону двери.

— Рон!!! — радостно взвился Поттер, протягивая рыжему руку.

Пока друзья обменивались рукопожатием, София получила возможность как следует рассмотреть ещё одного члена Золотого Трио.

Влюбленность Гермионы в младшего Уизли всегда казалась ей надуманной, необъяснимой и необоснованной. Потому что ни в книге, ни в фильме Рон близко не был таким чертовски красивым! Высокий, широкоплечий, длинноногий, с такой задницей, что даже София, которая эту часть тела обычно игнорировала, зацепилась за неё взглядом. Волосы золотисто-огненными языками взвивались вокруг широкоскулого лица с квадратным подбородком. Губы были твердыми, упругими и выразительными. Глаза — синие, как васильки в поле, такие поразительно-яркие на фоне золотых ресниц, что дух захватывало.

— Когда уже начнут разносить еду? — пророкотал Рон голосом, отдающимся дрожью в позвоночнике. — Умираю с голоду.

Рон закинул руку на сиденье. Широкое запястье с мягкими золотистыми волосками оказалось рядом со щекой Софии.

— Здорово, Невиль. Привет, Луна. Гарри, а это кто?..

— Астория Гринграсс. Мы познакомились с ней в лавке твоих братьев. Астория — это Рон. Рон — это Астория.

— Очень приятно, — кивнула София.

— Астория? — свел брови Рон. — Ах, да! Астория? Кажется, Фред про тебя рассказывал...

— Правда? — улыбнулась польщённая София.

От лукавой улыбки на щеках и подбородке Рона появились очаровательные ямочки:

— Просто все уши прожужжал о самой красивой девушке, которая якобы прибыла к нам прямиком из Мугляндии. Джорж очень сокрушался, что больше не учится в Хогвартсе и не может помочь бедняжке освоиться в нашем мире. Гарри может подтвердить, что я говорю правду. Правда, Гарри?

— Да... — не очень уверенно кивнул Гарри. — Наверное.

— Надеюсь, ты их успокоил? — ядовито пропела застывшая в дверях Гермиона.

— Кого? — обескураженно протянул Рон, не сразу поняв, о чём говорит подруга.

— Взволнованных братьев? Пообещал лично исправить ситуацию? — Гермиона одновременно напоминала Немезиду и разобиженную кошку. — Как тебе не стыдно, Рон. Нельзя же бегать за каждой юбкой!

— Гермиона, тебя кто-то по дороге покусал? — озабоченно посмотрел на подругу рыжий.

— Никто меня не кусал! — сузила глаза Гермиона.

— Приятно слышать, — с показным облегчением вздохнул Рон. — Значит, я могу быть уверен: если ты покусает меня, бешенства точно не случится?

— Хватит бездельничать и болтать ерунду, Рон Уизли! Не забывай, что теперь ты староста. И должен выполнять свой долг.

— Ой! Завелась, завелась! — скривился Рон. — И давай пилить, и давай! Мне мама за все лето столько нравоучений не прочитала, сколько ты за четверть часа!

Гермиона часто заморгала и выскочила в коридор.

Рон, запустив руки глубже в карманы, поспешил за ней, бормоча под нос что-то нелицеприятное.

— Они так всегда? — спросила София, глядя искрометной парочке вслед.

— Частенько, — кивнул Поттер.

Дверь снова растворилась, словно ей категорически возбранялось долго быть на засове. На сей раз на пороге стояла улыбчивая женщина с тележкой, полной сладостей. Ребята с энтузиазмом на них набросились, набивая карманы, рты и желудки.

Не успели они от всевкусных орешков перейти к шоколадушкам, как вернулись несколько успокоившиеся гриффиндорские старосты.

— Ну? Как там ваши обязанности? — любопытствовал Поттер, бросая шоколадушку Рону.

— Нормально, — кивнул Рон. — Кстати, думаешь, Малфой потел вместе с нами? Ничуть не бывало! Фигушки!

— Рон! — возмутилась Гермиона. — Не выражайся!

Мальчишки, не обращая на неё внимания, продолжали беседовать. Вернее, говорил Рон:

— Хорёк восседает в купе с друзьями.

— И что он делал, когда вы его видели? — нахмурился Поттер.

— Как обычно, — отмахнулся Рон.

— Что ты имеешь ввиду? Что — как обычно?

— Гарри! — Гермиона закатила глаза. — Я тебя умоляю! Ну, не начинай снова эту паранойю. Не заводи старую волюнку, ладно? Хватит. Я ещё в прошлом году устала от одного имени: «Малфой»! Ну что подозрительного в том, что он решил не таскаться по всему поезду? Может, ему наскучила инспекционная бригада?

— Дай подумать? — состроил мину Рон, изображая руками чаши весов. — Инспекционная бригада — Паркинсон; Паркинсон — инспекционная бригада? Гермиона, любой нормальный парень выберет инспекционную бригаду, это же ясно. — Уизли повернулся к Поттеру. — Ты прав, Гарри. То, что Хорёк торчит там с ней — ужасно и подозрительно. Двух менин на этот счёт быть не может.

Дверь купе уже ожидаемо уехала в сторону, пропуская девочку лет двенадцати-тринадцати. В руках у нее были два пергаментных свитка, перевязанных фиолетовыми лентами.

— Мне велели передать вот это Невиллю Лонгботтому и Гарри П-поттеру...

Произнося последнюю фамилию, девочка запнулась, встретившись глазами с Гарри. Голос её предательски дрогнул. Она густо покраснела. И бросив свитки ребятам, убежала.

Поттер развернул свиток.

— Что там такое? — потребовал разъяснений Рон.

— Приглашение, — ответил Гарри со вздохом. — От нового профессора зельделий.

— А я-то ему зачем? — нервно сглотнул Невилль.

— Понятия не имею, — отозвался Гарри. — Слушай! Давай пойдем под плащом-невидимкой? Заодно посмотрим на Малфоя и попробуем выяснить, что он там задумал.

— Гарри! — зашипела Гермиона. — Мне казалось, мы это уже обсудили и решили...

— Это ты решила, Гермиона. Прости, но я сделаю по-своему, — с этими словами Гарри закрыл дверь за собой и Невеллем.

Гермиона с досадой спряталась за книгу, кусая губы.

***

Красный поезд не спеша бежал по рельсам. Колеса постукивали.

2. Слизерин

— Полагаю, что не ошибусь, высказав мнение, будто в Гриффиндоре скоро появится ещё одна студентка? — предположил Рон, окинув Софию многозначительным взглядом.

— Разве не всё равно, на каком факультете учиться? — в ответ пожала та плечами. — Знания одинаково можно получить везде. Ведь так?

Гермиона, не отрывая взгляда от книги, процедила сквозь зубы:

— Всё, чего можно добиться от Рона по этому поводу, будет приблизительно такого содержания: Гриффиндор — это круто; Слизерин — это отстой.

— Потому что это правда! — упрямо заявил рыжий.

— Нет, Рон! — демонстративно заявила Гермиона, захлопывая книгу и с вызовом взглянув на друга. — Эта правда лишь в твоём понимании. Объективная правда другая.

Видимо конфликт между этим двумя так и не уладился, и они оба лишь искали повод, чтобы продолжить выяснять отношения.

— Слушай и запоминай, — повернулся Рон к Софии. — Расклад в Хогвартсе таков: слизерин — рассадник зла; хаффалпаф — факультет для неудачников, равенкловцы все сплошь повальные зануды...

— И только гриффиндор достоин уважения, — саркастично закончила Гермиона.

— Не хочешь прослыть змеёй подколодной, тупицей или занудой, милости просим к нам, Астория, в Гриффиндор! — развёл руками Рон.

Дверь, успевшая порядком застояться, вновь скользнула в сторону, пропуская в купе хорошенькую девушку с огненным облаком вместо волос.

— Гарри ещё не вернулся? — с ходу спросила она.

— И тебе «здравствуй», Джинни, — кивнула Луна.

Джинни нетерпеливым жестом отбросила волосы с лица.

— Простите, что не поздоровалась, — сказала она, — просто я очень беспокоюсь. Собрание у профессора Слагхорна закончилось полчаса назад, а Гарри нигде нет, и я подумала... — заметив Асторию, Джинни смолкла на полуслове. — Это ещё кто?

— Астория Гринграсс, — представила Софию Луна.

Джинни, подбоченившись, повернулась к Софии:

— Не могла бы ты немного погулять, Астория Гринграсс? — видимо сообразив, что была не слишком-то любезна, рыжая сбавила тон. — Не принимай на личный счёт, просто нам нужно кое-что обсудить. Это важно, а поскольку мы тебя не знаем, сама понимаешь...

Софии оставалось только встать и тихонечно выйти, прикрыв за собой дверь.

Возможно, у рыжей были веские причины вести себя подобным образом, но симпатии к ней это не добавляло.

Около получаса София стояла и молча наблюдала, как за окном мелькают живописные английские долины и холмы, попутно размышляя о том, что быть новенькой одинаково неприятно как в магическом, так и в маггловском мире.

— Астория? — окликнула её Гермиона, в сотый раз открывая дверь в купе.

— Вы уже поговорили? — обернулась к ней София. — Я могу забрать свои вещи?

— Не нужно их забирать. Оставайся с нами, — дружелюбно предложил Рон. — Посуди сама, ну куда ж тебе идти? Ты же в Хогвартсе кроме нас всё равно никого не знаешь.

— Не хочу мешать, — ответила София.

Она чувствовала себя обиженной.

— Ты и не мешаешь, — дружелюбно заверила её Луна.

Джинии фыркнула, смерив новенькую прищуренным взглядом. У Софии не оставалось никакого сомнения, что если бы решение о её присутствии в купе зависело от рыжей, то её, Софии, здесь бы точно не было.

Уже стемнело, когда поезд, пыхтя и отдуваясь, прибыл в Хогсмед, а Гарри так и не вернулся. Его друзья приуныли.

Газовые рожки на пероне светили тускло. Софии, привыкшей к ярким московским неоновым витринам, освещение казалось убогим. Прохладный ветер после царящей в поезде многочасовой духоты пронизывал насквозь, до костей.

Вагонный состав продолжал гудеть и вздрагивать, похожий на длинную добродушную усталую гусеницу. Чей-то голос созывал первоклассников.

София, следуя за гриффиндорцами, шла по узкому переходу, ведущему от поезда к дороге, соединяющей станцию Хогсмед с Хогвартсом, где их поджидали самые настоящие кареты, запряженные невиданными зверями: костлявыми конями-ящерами с драконьими мордами и чёрными кожистыми крыльями, как у гигантских летучих мышей.

Джинни и Рон остановились и о чём-то с кем-то говорили на повышенных тонах. В свете фонарей тускло багровели макушки брата и сестры.

Первое, что бросилось в облик их собеседника в глаза Софии, были чёрные туфли из очень дорогой кожи, начищенные до такой степени, что блестели даже в сумерках, потом взгляд задержался на модно подстриженных платиновых волосах и лишь потом остановился на узком бледном лице, кривящемся в недоброй гримасе.

— О, нет! — простонала Гермиона. — Драко Малфой!

Гриффиндорка устремила к друзьям с решительностью тарана. София из любопытства последовала за ней — ей было интересно взглянуть на будущего мужа вблизи.

Малфой стоял, широко расставив ноги и запустив руки в карманы чёрного, похожего на футляр, пиджака. За его спиной темнели два крупных силуэта.

«Крэбб и Гойл», — догадалась София.

— Предатели крови нищebroды Уизли, — протянул блондин, небрежно кивая в пародии на приветствие. — А вот и грязнокровка Грейнджер и новенькое сомнительное нечто. Вижу в вашем полку Г.А.В.Н.Э прибыло?

София решила, что будущий муж смазливый тип (даже слишком для парня-то), но в серых холодных глазах было столько раздражения и ненависти, что это невольно отвращало.

— Кстати, я что-то не вижу среди вас Чудо-Мальчика? — снова скривил губы суженный-ряженный Софии. — Куда он запропостился?

— Куда надо, туда и запропостился, — воинственно вздёрнул подбородок Рон.

Малфой неприятно засмеялся:

— Ты уверен, Уизел, что ему туда нужно?

С этими словами Драко Малфой удалился, по пятам сопровождаемый своим эскортом: Краббэ и Гойлом.

— Гадёныш! — процедила сквозь зубы Джинни.

— Чёрт! — Рон с досадой бросил чемоданы. — Как думаете, Хорёк просто издевается или действительно что-то знает?

— Сложно сказать, — вздохнула Гермиона. — Если Гарри не появится до ужина,

расскажем об этом профессору Дамблдору.

Пустынная дорога нырнула между каменных столбов, змеей скользнула за высокие ворота с фигурами крылатых верпей и вывела к гигантскому замку с башенками и бойницами, стоящему на вершине высокой скалы. У подножий замка раскачивались под ветром фонари, а в огромных окнах отражался свет усыпавших небо звёзд. Широкие двери гостерпиимно распахнулись, пропуская прибывших в большой зал с четырьмя длинными факультетскими столами. Преподавательский стол стоял отдельно, на возвышении. Под высоким потолком прямо в воздухе парили свечи, с первых шагов даря атмосферу уюта и волшебства.

— Я профессор МакГонагалл, декан факультета Гриффиндор, — представилась Софии женщина в годах, строгая и элегантная. — Следуйте за мной.

Вслед за женщиной София подошла к табурету, стоявшему посредине зала. Её попросили надеть на голову старую конусообразную шляпу. Опасливо покосившись на полуистлевший от времени головной убор, София со вздохом выполнила просьбу и мир сузился до ветхой, затёртой почти до дыр, внутренней подкладки.

Шляпа хранила молчание.

«Я хочу в Райвенкло», — сообщила Софии артефакту-распределителю.

Шляпа продолжала молчать.

«Можно и в Хаффлпаф, — решила София быть посговорчивее. — Или даже в Гриффиндор. Только бы не в...

— Слизерин! — закричала Шляпа.

София сняла её с головы и трясущимися руками отдала обратно МакГонагалл.

Путь до стола слизерницев показался ей Голгофой. София имела все основания предполагать, что там её вряд ли будут рады видеть.

Крэбб подвинулся, освобождая место, и София осторожно присела на краешек деревянной скамьи рядом с ним.

— Как нам повезло-то, Мерлин великий и всемогущий! — разглядывая её, протянул красивый парень с темными глазами. — Теперь грязнокровки добрались и до Слизерина.

— Я и сама не рада попасть сюда, — огрызнулась София. — Это всё сумасшедшая шляпа. И что её моль до сих пор не съела?

— Как бы ты, мугродье, не пожалела, что попала к нам, — угрожающе навис над ней Гойл.

— Уже жалею, — тоскливо вздохнула София, украдкой бросая взгляд на гриффиндоский стол.

Там, казалось, даже свечи пылали ярче.

Малфой вновь криво ухмыльнулся. Но на сей раз его ухмылка относилась не к новенькой.

— Смотрите-ка, кто к нам пожаловал! — протянул он.

По проходу между столами шёл Гарри Поттер. Вид его оставлял желать лучшего: под левым глазом лиловой тенью налился синяк, на губе темнела ссохшаяся корочка крови.

Темноволосый красавчик, что заговорил с Софией первым (Блейз Забини, как она узнала позже) присвистнул:

— Кто же это так отделал гриффиндорского героя?

— Я, — гордо заявил Малфой.

— Когда успел-то? — саркастично спросил Блейз.

Малфой легкомысленным жестом закинул в рот виноградину:

— В Хогвартс-экспрессе можно многое при желании успеть.

Курносая соседка Слизеринского Принца надула губки:

— Драко! Ну зачем?.. О чём ты только думал?

— О том, как расквасить Поттеру нос. Очевидно, Паркинсон. Разве нет?

— Дамблдор спит и видит, чтобы выкинуть тебя из школы, а ты?.. — укоризненно поглядела слизеринка.

— Неблагодарно давать ему повод сделать это, — заметил Блейз Забини.

Ужин показался Софии бесконечным и, против ожидания, скучным. Но даже самые неприятные вещи имеют обыкновение заканчиваться.

Большинство обучающихся в Хогвартсе в свои гостинные поднимались по лестнице, и только слизеринцы спускались вниз, в подземелье.

Окон в гостиной Слизерина не было. Повсюду возвышались колонны, переплетаясь у потолка в многочисленные аркады. Конструкция множественных арок вытраивалась таким образом, что складывалась впечатление, будто они находятся внутри какой-то огромной рептилии.

Тёмные массивные буфеты, круглые, инкрустированные перламутром столики, черные кожаные диваны, тахты и пуфики, светильники, испускающие холодное свечение — всё было отменного качества, создавало впечатление дорогого элитного клуба.

Коридор к гостевым комнатам проходил под озером, так что над головой у них находился настоящий аквариум.

Комната, в которую София прошла следом за Панси Паркинсон мало напоминала спальню. Центр занимал круглый массивный стол, осажженный тёмно-зелёными, почти черными, диванами. Вдоль правой стены возвышались массивные шкафы, вдоль левой тянулись кровати, прячась под пышные бархатные зеленые балдахины.

— Твоя кровать вон там, — указала Панси, — а вот там твой шкаф. Если у тебя, конечно же, найдётся, что в него положить.

***

Утром София едва не проспала. Она поспешно собралась, поэтому толком даже не успела привести себя в порядок. Отстать от соседок было смерти подобно, ведь сама она в замке ещё совершенно не ориентировалась.

Когда во время завтрака началась раздача почты и в Большой зал вместе с совами влетел изящный белый кречет, почти все взгляды обратились к Софии.

— Первый раз вижу, чтобы почту приносил сокол, — презрительно фыркнула Паркинсон.

Проигнорировав провоцирующую завистливую реплику, София развернула свиток с письмом и пробежалась по нему взглядом:

«Дорогая София, — писала Василиса, — спешу сообщить, что у твоих родителей все хорошо: отец получил должность декана и прибавку к зарплате. Я так же помогла твоей матери найти жилье в замечательном, экологически чистом районе — потомки Салазара Слизерина не должны ютиться в многоквартирном доме. Рядом с домом есть очаровательное озеро — тебе должно понравиться.

Дорогая, как случилось, что ты не рассказала мне о помолвке? Том написал про то, что ты, якобы, натворила. Должна сказать, он крайне тобой недоволен. Разделяя его

беспокойство, я, однако, не могу на тебя сердиться. Будучи маглорождённой, ты ведь не представляла, на что идёшь.

Бессмертием клянусь, идея со свадьбой принадлежала чёрному юмористу по имени Снейп? Его шутку оценили.

С другой стороны, что бы там Том не твердил, всё складывается хорошо. Блэки старинный род — один из самых древних в магической Британии; в жилах Малфоев тоже течёт древняя кровь. Ты даже специально не смогла бы подыскать себе лучшей партии.

Но если сын Люциуса окажется тебе не по вкусу, не огорчайся. Замужество — это не навсегда, если рядом есть я, готовая оказать любую услугу.

Искренне твоя

Василиса Мракс».

София отпустила кончик пергамента и свиток сам собой свернулся.

В задумчивости она пристально уставилась на сидящего перед нею Малфоя.

Что там говорила о сыне Нарцисса? «Красивый, умный, очень нежный мальчик»? Ага, как же! Холёный и аристократичный? Сколько угодно! Только не нежный.

София внимательно рассматривала зачёсанные назад белоснежные волосы, идеально отутюженный чёрный костюм, золотые часы на правой руке — всё в Малфое, казалось бы, привлекало к себе и удерживало внимание. И вместе с тем он вызывал отторжение и неприятие. И дело было даже не столько в его вызывающем, высокомерном, капризном, как у истеричной барышни, поведении (хотя и это, конечно, тоже). Было что-то ещё, что подсознание уже зафиксировало, а до сознания не доходило, но вылилось в стойкую антипатию.

Малфой поднял голову и исподлобья глянул на Софию, взглядом давая понять, что так глядеть девушке на парня неприлично.

Особенно девушке сомнительного происхождения на парня аристократа.

Опомнившись, София поспешно отвела взгляд.

— Что, Гринграс? — скривил губы в усмешке Малфой. — Нравлюсь?

— Напротив. Не нравишься.

— А чего ж ты тогда на меня пялишься?

— Задумалась, — пожала плечами София.

— О чём это, интересно?

— О том, как сильно ты мне не нравишься

Ехидно улыбнувшись, София вышла из-за стола.

Первым уроком числилась Защита от Темных Сил.

Кабинет был увешен своеобразной наглядностью. Несколько забавно смотрелись эти ужасные картины, представляющие собой нечто среднее между творением Босха и подробной анатомической иллюстрацией: раскрытые раны, вывернутые под невероятным, неестественным углом конечности, оторванные части тела.

Живописненько так. Тошнотворно.

— Я никому не велел доставать учебники, — рывкнул стремительно появившийся на пороге класса профессор Снейп. — Потерпите, мисс Грейнджер, ещё успеете зубрить. Сейчас я намерен говорить и требую безраздельного внимания. — Снейп обвел учеников взглядом. — До сих пор, насколько мне известно, у вас было пять разных преподавателей по моему предмету? Естественно, у каждого из них была своя методика, собственные предпочтения. При такой путанице остается только удивляться, как вы вообще сумели

наскрести проходной балл сдавая экзамен на СОВУ. Мой предмет требует серьезных, углубленных знаний.

Говоря это, Снейп расхаживал по классу, шурша дорогой шелковой мантией.

— Силы зла бесчисленны, разнообразны, изменчивы и — вечны. Это многоглавое чудище. На месте отрубленной головы всякий раз вырастает новая, хитрее и страшнее предыдущей. Ваш противник неуловим. Он постоянно меняет обличье и не поддается уничтожению. Следовательно, защищаясь, — чуть громче продолжил Снейп, — нужно быть не менее изобретательным и гибким. Эти картины, — он махнул рукой, указывая на стены, — дают довольно верное представление о воздействии, к примеру, пыточного проклятия, — он ткнул пальцем в женщину, зашедшуюся криком в агонии, — последствиях поцелуя дементора (колдун с абсолютно бессмысленным лицом, бессильно привалившийся к стене) или нападения инфернала (кровавая каша на земле).

Взгляд Снейпа прилип к Софии.

— Мисс Гринграсс, что вы спрособны поведать нам об этом виде нежити?

София напряглась, почувствовав на себе множество взглядов, хотя Василиса и Темный Лорд успели ей рассказать достаточно, чтобы дать ответ на этот вопрос.

— Инферналы являются порождением темной магии, попадающей под раздел некромантии. Они подконтрольны только создавшему их магу и ограничены в своих действиях наложенным на них заклятием. Очень опасны, особенно если маг не способен удержать их под своим контролем. Постоянно жаждут крови.

— Десять баллов Слизерину. Насколько я понимаю, мисс Гринграсс, вы совсем незнакомы с невербальными заклятиями? Можете назвать преимущества?

— Внезапность? — попробовала догадаться София.

Рука Гермионы нетерпеливо взметнулась вверх.

Профессор Снейп почти обречённо посмотрел в сторону гриффиндорки:

— Мисс Грэнжер, вы неотвратимы, как английские туманы. Хотите дополнить ответ мисс Гринграсс? Что там у вас?

Гермиона подскочила, словно чёртик на пружинке:

— Преимущества невербальных заклинаний в том, что соперник не знает о ваших намерениях. Это даёт фору в долю секунды.

София нахмурилась. Разве она только что сказала не то же самое другими словами?

— Слово в слово из «Стандартной книги заклинаний, класс 6», — презрительно скривился Снейп, — Всё верно, дамы. Если вы овладели искусством колдовать, не выкрикивая заклинаний, то ваша магия обретает элемент неожиданности. Разумеется, на это способен далеко не каждый. Здесь требуется особая концентрация воли и мысли. Сейчас, — продолжал профессор Снейп, — вы разделитесь на пары и по очереди будете пытаться безмолвно заколдовать друг друга. Приступайте, — взмахнул он рукой.

Большинство невербальных попыток заканчивались пшиком. Блейз Забини, в паре с которым пришлось работать Софии, аж побледнел от усилий, но толку было — ноль. Когда они поменялись ролями, результат был тот же.

Профессор Снейп, разглуивающий по классу, наблюдал за стараниями учеников, пока не задержался около пары Рона Уизли и Гарри Поттера.

Сколько не старался рыжий зачаровать друга, у него, как и большинства в классе, не получалось. Из тридцати пяти человек преуспели в выполнении задания лишь Гермиона Грейнджер и Драко Малфой. Гермиона, не издав ни звука, сумела отразить ватноножное

закливание Невилля, Малфой, молча вырвал оружие из рук Крэбба, применив, по всей видимости, Экспеллиармус.

Однако Снейпу приспичило придраться именно к Рону и Гарри.

— Жалкое зрелище, Уизли. Смотрите!

Снейп направил палочку на Гарри.

Непонятно по какой причине у последнего сдали нервы, и он заорал, как сумасшедший, на весь класс: «Протего!». Рикошетное заклинание сбilo учителя с ног. Потеряв равновесие, профессор едва не рухнул на пол.

Выпрямившись, Снейп с разъяренным видом двинулся на Гарри:

— Вы помните, в чем суть урока, Поттер?! В том, чтобы тренироваться в использовании невербальных заклятий! Не-вер-баль-ных!

— Помню, — буркнул Гарри.

— Помню, сэр!

— Вам не обязательно называть меня «сэр», профессор...

София не поняла, то ли Гарри издевается, то ли у него это непроизвольно вырвалось.

В классе повисла напряженная пауза.

— Взыскание, в субботу вечером, у меня в кабинете, — сквозь зубы произнес слизеринский декан. — Я никому не позволю мне хамить, Поттер... даже Избранному. Урок закончен!

***

Уроки в Хогвартсе стали для Софии настоящим кошмаром. Минувя первые классы сразу поступать в старшую школу не слишком разумно. Пончалу очарованная тем, что попала в настоящую сказку, София как-то упустила этот момент из виду. Она думала, что в магическом мире всё сложится как у Иванушки-дурочка — по щучьему велению да по её хотению.

Не сложилось.

На ЗОТИ невербальные заклинания не давались никому, но на остальных уроках София выглядела белой вороной — она не могла выполнить простейших заданий.

Будучи амбициозной и исполнительной София всегда хорошо училась. В круглых отличницах не ходила, но получение тройки для неё было всегда трагедией маленького масштаба. А в Хогвартсе её место оказалось даже ниже, чем на уровне среднячков. Спасибо, что в штабе у Пожирателей её хоть немного поднатоскали, а иначе она бы и вовсе стала всеобщим посмешищем.

Чтобы хоть как-то выпроводить ситуацию, София усиленно занималась. Почти всё свободное время она проводила в библиотеке, где кроме неё чаще бывала разве что всеобщее признанная всезнайка Грейнджер.

Обложившись свитками с ног до головы София зубрила, чертила схемы, пыталась по полочкам разложить историю магии и заклинания, уловить хоть что-то общее, выявить систему, но пока все магические законы представлялись ей полнейшим хаосом.

Софии нравилось в библиотеке. Она находила там желанное уединение. На занятиях ей зачастую удавалось попросту игнорировать высокомерных, заносчивых однокурсников, общаясь с более дружелюбными представителями с других факультетов.

В гостинной же Слизерина она всегда чувствовала себя напряжённо, была там чужой, словно инородное тело в хорошо отлаженном организме.

В тот вечер, когда София вернулась в гостинную из библиотеки, стрелки часов уже

миновали ометку «десять». Младшие курсы успели разойтись по спальням, оставив удобные кресла у камина в распоряжении старших товарищей.

С первого взгляда обстановка могла показаться даже уютной — ярко пылающий огонь в камине, на длинных зелёных диванах вальяжно распложился студент, наслаждающийся теплом и одиночеством.

Драко Малфой...

Когда вошла София, блондин сидел, полузакрыв глаза. В длинных белых пальцах дымилась сигарета.

В помещении было уже изрядно накурено, а на маленьком столике выстроилось в ряд не менее трех бутылок огневиски.

Забывшись на мгновение София стояла и наблюдала, как тонкие белые руки с длинными музыкальными пальцами плавно поднимаются к губам, как Малфой, глубоко затягивнувшись, задерживает дым в лёгких, а потом выдыхает белое, полупрозрачное, дрожащее облачко.

— Что? Опять пялишься на меня, Гринграсс? Может быть тебя сигареткой угостить?

Голос у Малфоя был манерный, тягучий. Он растягивал слова так, словно с наслаждением смаковал каждое из них.

— Курение, это же маггловская привычка? — холодно ответила София. — К тому же курить в помещении, к твоему сведению, это дурной тон.

Она попыталась уйти, но Малфой нарочито небрежным движением вытянул ноги, положив их на кресло, стоявшее напротив, тем самым преградив ей дорогу.

— Будешь учить меня хорошим манерам, грязнокровка?

— У тебя очень скудный словарный запас, Малфой. Кроме «грязнокровка» других оксорблений не знаешь? Кстати так, для справки, это определение никак меня не задевает.

То, что произошло дальше, выходило за рамки, кажушиеся приемлимыми для поведения нормального, адекватного человека.

Малфой стремительно поднялся и вмиг оказался рядом:

— Сейчас же попроси прощения.

— За что? — изумилась София.

— За то, что я вынужден дышать с тобой одним воздухом.

— Так не дыши, будь сильнее обстоятельств, — насмешливо откликнулась София. — Не знаю, Малфой, что ты там курил и почему никатин на тебя так странно действует. Возможно ты просто псих с рождения, но я бы на твоём месте всё равно свела спиртное к минимуму. Вредные привычки обостряют психические заболевания.

Малфой прищурился:

— Ты будешь извиняться?

— Не буду. Не за что.

Малфой больно, грубо схватил её за руку, резко притягивая к себе.

— Какого черта?! — возмутился София. — А ну убери от меня свои грабли, придурок!

— Ну и манеры у тебя, Гринграсс! — засмеялся Малфой.

София почувствовала, как его рука скользит вдоль спины и почти рефлекторно уперлась ему в грудь руками, пытаясь освободиться.

— Пусти! — повторила она требование.

— Или — что? — прищутив глаза, спросил он.

— Или пожалеешь.

Несильно схватив её за горло, Малфой снова прошептал на ухо:

— Не смей мне угрожать, сучка.

— Пусти! — в третий раз повторила София пытаясь вырваться, но добила только того, что хватка Малфоя стала жестче.

Он намеренно, с явным удовольствием причинял ей боль.

«Он воспитанный, нежный мальчик», — снова всплыл в памяти голос Нарциссы.

Интересно, все матери так плохо знают свои сыновей?

Поняв, что ей не вырваться, София собразила резко обмякнуть в удерживающих её руках. Это заставило Малфоя принять на себя вес её тела. Он пошатнулся, утратив равновесие и хватка его на мгновение ослабла. София воспользовалась этим, чтобы вывернуться из его рук.

— Не этично, Гринграсс, — губы блондина сложились в очередную презрительную ухмылку. — Будучи волшебницей, не следует драться по-магловски, особенно когда ты — слизеринец. У тебя был шанс. А сейчас — прости, но... Петрификус тоталус.

Тело будто налилось свинцом. София не могла пошевелить ни одной мышцей, будто её разбил паралич. Словно подкошенная, рухнула на пол. Хотелось визжать от ужаса, но голос покинул её, как и способность двигаться.

Медленно, с какой-то почти женской кошачьей грацией, смахивая воображаемые пылинки с безупречной мантии, Слизеринский Принц приблизился и присел рядом на одно колено, победно и снисходительно взирая на поверженного противника.

— Поиграем, грязнокровка? — выдохнул Малфой, и София почувствовала дурноту — от него сильно пахло огневиски.

Блондин ловко поднял её, перехватив за талию, и прислонил к стене, словно полено. София чувствовала, как его рука скользит по её бедру и ничего не могла сделать. Если бы она могла хоть вырываться! Хотя бы мычать, как глухонемая! Но даже таким способом выразить свой протест не было возможности. Всё, что было доступно под обездвиживающим заклятием — это взгляд. Но им врага не сразишь.

Было такое чувство, будто всё происходит не с ней. Ничего более постыдного в жизни переживать не приходилось. Это чувство полнейшей беспомощности и страха перед тем, кто сильнее тебя и не ведает о том, что такое милосердие — его не описать.

Если бы только ещё лишиться возможности чувствовать его отвратительные прикосновения! София сгорала от страха и отвращения, пока Малфой неторопливо расстегивал застёжку её мантии, ряд пуговиц на блузке. По-прежнему криво ухмыляясь, глядя Софии прямо в глаза, медленно провёл по самому сокровенному месту, которое, если верить литературе, является средоточием женских желаний. И точно! Одно его прикосновение разбудило в Софии настоящий вулкан — вулкан ярости, ненависти и горячего, горького на вкус, стыда.

Дядюшка Томми, ты был прав, этого блондинистого пакостника следовало заавадить ещё в колыбели. Вместо Поттера.

— Что здесь происходит? — прогремел голос Снейпа.

София подумала, что сейчас просто сгорит со стыда, но с другой стороны возблагодарила бога за появление декана.

— Что здесь происходит!? — голос профессора зельделий вопреки ожиданиям не поднялся вверх, а наоборот, зазвучал ниже, но при этом сделался ещё более угрожающим.

София почувствовала, как словно волна прошла по телу, возвращая мышцам

возможность сокращаться и двигаться. Малфой невербально снял проклятие, наложенное ранее.

— Ничего, сэр, — ответил гадёныш. — Мы просто немного развлекались.

— Это ты развлекался за мой счёт, подонок! — вскричала София.

— Полегче! — прошипел в ответ Малфой.

Она круто развернулась и направилась в сторону застывшего на пороге декана.

— Ваш... Слизеринский принц только что пытался меня изнасиловать и кажется уверен, что это сойдёт ему с рук?

Малфой засмеялся:

— Да это полный бред. Не хотел я её насиловать. Просто подумал, что небольшой урок этой выскочке не помешает.

— Ты!.. — София едва сдерживалась, чтобы не наброситься на мерзавца.

— Я?.. — нахально развернулся к ней Малфой.

— Довольно! — прервал их Снейп.

Неровные пряди черных волос обрамляли бледное перекошенное злостью лицо профессора с гневливо изогнутыми бровями и презрительно сжатым ртом.

— Кто позволил тебе пить в школе, Драко? О твоём неподобающем поведении будет немедленно доложено твоей матери...

— Я же уже говорил, эта сумасшедшая выдаёт желаемое за действительное. Да я никогда бы и пальцем не коснулся мерзкой грязнокровки...

— Ты дешевый лицемер и трусливый лгун! — гневно перебила его София. — У тебя не хватает силы духа элементарно отвечать за содеянное? Ты просто жалок!

София повернулась к декану:

— Ваша прямая и непосредственная обязанность обеспечивать безопасность ваших студентов, — заявила она Снейпу. — Разве не так? Вы не имеете право оставить подобное безнаказанным.

— Вы же не желаете предать случившееся огласке? — хмыкнул Снейп.

Малфой снова засмеялся, кривляясь:

— Что ты собираешься сделать, грязнокровка? Нажалуешься Дамблдору? Что, по-твоему, старикан может сделать мне? Выкинет из школы? Как страшно! Трепещу. Валяй, жалуйся. Хоть всей школе расскажи о случившемся. Выставляй себя полной дурой!

— Замолчи, Драко, — одёрнул его Снейп, устало потирая пальцами переносицу словно у него вдруг внезапно началась мигрень.

— Похоже ты прав, — согласилась София. — Жаловаться Дамблдору смысла нет. Он же наверняка постарается замять инцидент, сгладив острые углы. Лучше я поговорю с Темным Лордом.

При упоминании о Волдемorte блондин зашёлся в почти истеричном хохоте:

— Серьёзно?! Ты действительно думаешь, Тёмному Лорду есть дело до глупой грязнокровки?

София одарила его такой ядовитой улыбкой, что даже Нагайна ей бы позавидовала.

— Смеётся тот, кто смеётся последним, мистер Малфой.

С этими словами София вышла из гостиной.

3. Под знаком змеи

У кабинета зельеделий толпилась чертова дюжина учеников: четыре слизеринца, четыре равенкловца, гриффиндорское Золотое Трио и один хаффалпаффец.

Профессор Слагхорн Софии не понравился — толстые усаые дядьки, да ещё с замашками жуира, всегда вызывали у неё неприязнь. Сам кабинет походил на лабораторный класс по химии или биологии. Повсюду витали запахи, напоминающие ароматерапию, в которой парфюмерные композиции не слишком удачно подобраны. Они раздражали назойливостью до головной боли.

Взгляды Малфоя, которые София то и дело ловила на себе, настроения тоже не добавляли.

— Ну? — радостно потёр руками профессор Слагхорн.

На толстых пальцах блеснули массивные золотые украшения.

— Достаем весы, наборы для изготовления зелий и учебник «Высшее зельеделание». Те, у кого нет ингредиентов, могут позаимствовать их из хранилища, — жизнерадостно оповестил учитель. — Весы, я уверен, найдутся там же, даже небольшой запасец старых учебников имеется. Итак, приступим, мой дорогие? Сегодня для показа я приготовил зелья. По завершению курса все вы должны будете научиться их готовить. Наверняка каждый из вас о них уже слышал, даже если варить и не приходилось. Кто знает, что это такое?

По внешнему виду состав, кипящий в колбе, напоминал обыкновенную воду.

Две руки взметнулись над классом одновременно: Гермиона и Малфой. Гриффиндорка вытянула руку порывисто, резко, чуть ли не подсакивая с места, слизеринец поднял её с ленивой неторопливостью.

— Мисс Грейнджер? — как истинный джентльмен Слагхорн предоставил слово даме.

— Это Веритасерум, — выпалила Гермиона. — Бесцветная жидкость, лишённая запаха. Вынуждает того, кто её выпьет, говорить только правду.

«Магический аналог детектора лжи», — подумала София.

— Теперь — это?

Жидкость, булькающая во второй колбе, выглядела вязкой и мутной.

— Тоже весьма известное. О нём, кстати, недавно упоминалось в предписании министерства. Кто...? — начал было Слагхорн.

— Это Всеэссенция, сэр! — снова дала правильный ответ Грейнджер.

— Прекрасно, прекрасно... Теперь это... да, моя дорогая? — с некоторым раздражением протянул Слагхорн видя, что Гермиона снова тянет руку.

— Амортенция! — с видом триумвиратора выпалила Гермиона. — Самое сильное любовное зелье в мире.

Слагхорн попытался продолжить:

— Многие, я уверен, узнали это зелье по очевидному перламутровому блеску...

— И по пару, который поднимается вверх характерными спиралями, — с воодушевлением подхватила Гермиона, словно они с профессором вели беседу с глазу на глаз. — А ещё для разных людей Амортенция пахнет по-разному, в зависимости от того, кому что больше нравится. Я, например, чувствую запах свежескошенной травы, новенького пергамента и...

— Верно, мисс Грейнджер. Вы, случайно, не родственница Гектора Дагворта-Грэнжера, основателя «Экстраординарнейшего общества зельделов»?

Покрасневшая Гермiona, опустила ресницы:

— Вряд ли, сэр. Я магглорожденная.

— О! Грейнджер! Гермiona Грейнджер? Как же! Как же! Та самая подруга легендарного мальчика? Восхитительно! Двадцать баллов Гриффиндору, мисс Грэнжер, за ваши правильные ответы! Но вернёмся к нашему зелью. Разумеется, амортенция не рождает настоящей любви. Создать любовь искусственно невозможно. Зелье вызывает лишь страстное увлечение, одержимость. Пожалуй, это самое опасное и сильнодействующее вещество. По крайней мере, здесь, в нашем кабинете. Да, да, — мрачно покивал Слагхорн, — не стоит так улыбаться. Когда вы повидаете столько, сколько довелось увидеть мне на своём веку, то перестанете недооценивать силу страсти. Впрочем, — перебил сам себя учитель, — вам пора приступить к работе.

У Гермiony зелье получилось просто идеально, чего никак нельзя было сказать о творении Софии. В её котле кипело что-то, весьма отдалённо напоминающее Амортенцию.

По окончании урока растроенная, София запихнула палочку в сумку и направилась было к выходу, когда за её спиной раздался тягучий голос Малфоя:

— Гринграсс!

Она ускорила шаг, не желая с ним разговаривать.

— Подожди! — догнал он Софию, удерживая её за руку. — Нам нужно поговорить, — почти просительно звучал его голос.

Просительно для Малфоя, конечно же.

— Нет, Малфой. Нам говорить не нужно. Это нужно тебе. А я не хочу тебя даже слушать.

— Я всего лишь хотел извиниться за вчерашнее поведение. Я перебрал с выпивкой и вёл себя не наилучшим образом.

— С этим трудно поспорить.

София снова предприняла попытку пройти мимо, но Малфой загородил ей дорогу.

— Малфой, мне нужно идти, — возмутилась София. — У меня дополнительное занятие с мадам Хуч.

— Что мне сделать, чтобы ты приняла мои извинения? — Блондин понизил голос почти до шепота. — Откуда я мог знать, что ты Его племянница? И ещё — почему ты сама не сказала мне, что мы с тобой помолвлены?

— Я не нуждаюсь в твоих извинениях. А насчёт помолвки... как ты себе это представляешь? И вообще, сначала я хотела посмотреть, что ты такое.

— Посмотрела?

— Моё мнение о тебе ты уже знаешь, Малфой — ты мне не нравишься.

— Ты мне, Гринграсс, тоже, — насмешливо парировал он. — Кажется тоже.

— Кажется? — хмыкнула София. — То есть ты не уверен?

— Откровенно говоря, Гринграсс, до рассказа Снейпа я тебя вообще мало замечал.

— Правильно. Грязнокровка она и есть грязнокровка. Что её разглядывать-то?

Драко Малфой посмотрел на неё как-то странно. С каким-то даже интересом, что ли? Словно действительно видел её впервые раз.

— Почему ты согласилась? — неожиданно поинтересовался он.

София даже немного смутилась.

Секунду поколебавшись, она решила сказать правду:

— Пожалела твою мать.

Драко нахмурился:

— Пожалела мою мать? — повторил он за ней вслед эхом.

— Да.

— Ты дала нерушимую клятву, связывающую тебя по гроб жизни с совершенно неизвестным тебе человеком лишь потому, что пожалела едва знакомую с тобой женщину? — свёл Драко тонкие брови. — Ты дурочка, Гринграсс?

В его утверждении была изрядная доля истины. Мало того, сейчас София и сама думала так же. Но выслушивать это от Малфоя было, мягко говоря, неприятно.

— Я понятия не имела, что нерушимая клятва действительно нерушима. Знаешь, я и сейчас в это не до конца верю. Возможно, отыщется способ всё-таки не выходить за тебя замуж?

Драко пожал плечами:

— Такого способа нет. Если мы разрушим помолвку, оба останемся бесплодными.

— Не страшно, — отмахнулась София. — Мне действительно пора идти. Метла и мадам Хуч ждут меня.

***

— Ну? Приступим? — нетерпеливо приветствовала Софию профессор Хуч. — Встань рядом с метлой, — проинструктировала она. — Вот так.

София послушно встала.

— Вытяни правую руку... Гринграсс! Вы правую руку с левой различаете? Вот так. А теперь прикажите метле: «Встать!».

София с сомнением покосилась на распростёртый по земле веник.

— Встать... — покорно повторила она.

Метла даже не шевельнулась.

— Ещё раз.

— Встать! — решительнее произнесла София.

Метла дрогнула и перекатилась по земле.

— Уже лучше, — одобрила мадам Хуч.

— Встать! — в третий раз произнесла София.

Рукоятка метлы больно ударила по ладони.

— Отлично! — похвалила учительница. — Теперь клади руки — вот сюда... вот так...

Оседлав палку, София чувствовала себя глупее не придумаешь.

— По свистку поднимайся на несколько футов, выше не надо. Чтобы взлететь вверх, тяни рукоятку на себя. Во время полёта держи метлу ровно. Не бойся, метла не лошадь, тебя не сбросит. Чтобы вернуться, наклоняйся вперёд. Всё поняла?

— Да, — нервничая, кивнула София.

Крепко сжимая руками и ногами обыкновенный длинный веник, она задавалась вопросом — когда успела настолько утратить рассудок? Сердце разогнало кровь с такой силой, что та ревела в ушах похлеще ветра.

Это было хуже плавания, хотя до сей поры, София пребывала в твёрдой уверенности, что хуже не бывает.

— Готова? — спросила мадам Хуч.

«Нет!», — хотелось крикнуть Софии.

— Раз...

Сердце бьется гулко и быстро...

— ...два...

Болезненно толкается в груди. Во рту сухо, мокрые ладони скользят по древку...

— ...три!

Резко дернув метлу на себя, София полетела вертикально вверх, точно пробка из бутылки. С ужасом осознав, что земля стремительно удаляется, и ничего с этим не поделать, она завопила.

Весь мир превратился в глухие удары, стучавшие в ушах, в запястьях, в висках. Однако вскоре, чисто инстинктивно, девушке удалось выровнять метлу. Паника медленно отступила.

Внизу мутно поблескивала темная гладь почти идеально круглого озера. Под ногами раскинулась зловещая, отдающая чернотой, зелень Запретного Леса. Мадам Хуч тоже осталась где-то позади.

«Я была навеселе

И летала на метле

Хоть сама не верю я

В эти суеверия», — весело крутилась в голове незамысловатая мелодия.

София вдруг поняла, что это скольжение, как на воздушных салазках, приносит удовольствие. Крутанувшись на метле, словно шkodливая обезьянка на турнике, она откинула голову и наблюдала, как над ней летит солнце, одновременно оставаясь на месте.

— Спускайся вниз! — кричала ей мадам Хуч. — Спускайся! На сегодня достаточно!

Стоило направить метлу к земле, как страх высоты вернулся. Но несмотря на это София чувствовала себя в приподнятом настроении. Жизнь будто бы начала налаживаться?

***

— С тех самый пор, как воскрес Тёмный Лорд, Дамбалдор в школе почти не появляется, — поделился за ужином с однокурсниками своими наблюдениями Нотт. — Да уже только за одно за это Сами-Знаете-Кто может рассчитывать на мою вечную преданность.

Малфой, пародируя директора, восторженно прогнусавил:

— Ещё один великолепный день прошёл и всё это благодаря Поттеру! Так отдадим же Гриффиндору Кубок Школы, наплевав на то, что Слизерин обогнал их баллов так на двести. Скажем дружно: «Ура!» — он зло оскалился.

— Вот Годрик! Что б ему... — Блейз Забини, до сего момента методично штудирующий за ужином «Ежедневный пророк», стрельнул взглядом в Малфоя.

— Что там? — напрягся блондин.

Панси Паркинсон выхватила газету и прочла вслух:

«Артур Уизли вновь побывал в Малфой-мэноре, — лицо Драко стало похожим на маску, словно застыло. — Это уже второй обыск жилища Упивающегося Смертью, — продолжила читать она, — Артур Уизли из Отдела по обнаружению и конфискации фальшивых оберегов сказал, что его бригада действовала по сигналу, полученному от частного лица...

— Поттер, сволочь! — произнес блондин полузадушенным хрипом.

— При чём тут гриффиндорский Избранный? — поинтересовался Забини.

— При том, что это наверняка Поттер натравил на Малфоев Уизела-старшего, — вздохнула Панси.

После ужина слизеринцы перестраляли гриффиндорцев в дверях.

— Поттер? — Малфой преградил ему дорогу. — Ты, оказывается, не только сын грязнокровки, песий крестник, но ещё и стукач у нищебродов?

Гриффиндорец и слизеринец одновременно вскинули палочки.

Винсент Крэбб зачем-то шагнул вперёд, встав между ними, и проклятие, посланное Золотым Мальчиком в своего противника, угодило в него.

Винсент растянулся на полу, судорожно дёргая всё удлиняющимися ногами. Метаморфоза напоминала кадры из фильмов ужасов. Ноги Винсента всё растягивались и растягивались, бесконечно, будто резиновые. Этому всё никак не было конца.

Невозмутимо перешагнув через рухнувшего противника, Надежда Магического Мира вознамерилась удалиться.

— Поттер! Стой, сволочь!!! — брызжа слюной, кричал Малфой, пытаясь вырваться из рук удерживающих его Нотта и Гойла.

Неизвестно, чем бы закончилось дело для Винсента, не вмешайся подоспевшая Гермиона:

— Гарри! Прекрати это. Немедленно! — не терпящим возражения тоном потребовала она.

— Как скажешь, — не хорошо улыбнулся золотой гриффиндорский мальчик.

Ноги стонущего Крэббэ к тому моменту занимали почти весь коридор. С мерзким хлопком, словно кто-то отпустил до предела растянутую резинку, они начали быстро-быстро укорачиваться.

Винсент заорал, царапая ногтями по полу, и потерял сознание.

Малфой и Паркинсон кинулись к пострадавшему другу, София, повернувшись, оказалась почти лицом к лицу с Поттером.

— Ну ты и козел, Мальчик-Который-Выжил — бросила она ему.

Поттер открыл было рот, чтобы ответить, но не успел.

— Что здесь опять происходит?! — прогремел голос Снейпа.

— Поттер проклял Краббэ, сэр, — обвиняющим тоном сказала Панси. — Вот что!

— Не правда! — возразила Парвати Патилл. — Гарри не произнёс ни слова! Мы все видели.

Забини фыркнул:

— Кажется, кто-то не так плохо усвоил урок, как вы думали, сэр.

— Сегодня вечером будьте добры явиться в мой кабинет, — медленно выговаривая каждое слово, процедил зельевар. — За новым изысканием. Вы меня поняли, Поттер?

— Да, понял.

— Да, понял, сэр.

— Да, сэр. Я вас понял.

София едва не упала, когда кто-то сильно толкнул её со спины. Развернувшись, она изумленно посмотрела на красное, словно свекла в борще, точёное лицо Рона Уизли:

— Мы думали, ты нормальная, Астория Гринграсс. А ты, оказывается, такая же змея, как все слизеринцы

Он смачно плюнул ей под ноги.

Не веря глазам, София покосилась на белый пузырящийся плевок.

— Пытаешься произвести впечатление на даму, демонстрируя принятые в клане Уизли манеры? — засмеялся Драко Малфой.

Рон впечатал его в стену.

— Это что ты себе позволяешь, Рон Биллиус Уизли? — продолжал нагло ухмыляться Малфой в лицо рыжему. — Если вздумал приставать ко мне, то говорю сразу — ты не в моем вкусе.

Гойл, Нотт и Забини окружили их. Они явно вознамерились опуститься до банального магловского мордобоя.

— Не надо, — зыркнул в их сторону серыми глазищами Малфой. — На сегодня разборки закончены. С тобой, Уизли, мы скоро сочтёмся. За моего отца. За Мэлфой-мэнор. За мать. Обещаю.

Это звучало уже серьёзно.

Драко Малфой едва доходил Рону Уизли до плеч. В огромных кулачищах Рона он смотрелся особенно хрупким, словно ивовый прут или легкий штрих на холсте. Но каким-то непостижимым образом ухитрялся выглядеть при этом и пугающим, и внушительным.

Рон воинственно сжав челюсть, разжал кулаки.

— Пошёл вон, хореk вонючий.

— Только после тебя, жалкий нищелрод.

4. Василиск

София уверенно шагала по направлению к условленному месту встречи. Пушистый ковер из успевших нападать листьев мягко шуршал под ногами. Запах прелости и влаги, грибов и опасности витали в воздухе, раздражая обоняние и приятно будоража нервы.

Огромная ворона слетела с ветки и через секунду в облаке оседающего черного дыма вырос стройный женский силуэт — истинное порождение ночи. Шагнув к Софии навстречу, Василиса обняла её. Ледяной холод вместо обычного человеческого тепла напомнил, что она не смертная женщина.

— Волдеморт знает, что ты здесь? — поинтересовалась София.

— Тс! — холодный палец прижался к губам, — не произноси вслух его имя.

— Почему?

— В нём заложена магия вызова. Том способен слышать тех, кто его произносит. А нам он сегодня ни к чему. Ты готова к новому уроку?

— Мы опять будем поднимать мертвецов? — поежилась София.

— Ты должна научиться управлять своей главной силой. Учителя вряд ли станут учить тебя некромантии, так что эту часть твоего обучения мне придётся взять на себя. Если всё пройдёт, как я запланировала, ты не только получишь новые знания, но у тебя появится надёжный союзник, о котором сам Салазар Слизерин не мечтал. Я говорю о василиске.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

— О василиске? Из Тайной комнаты?

— Именно, — подтвердила Василиса.

— Но разве Поттер не убил его? Или в Хогвартсе их несколько?

— Живой василиск способен убивать взглядом. Согласись, существенный минус? К тому же, живая тварь всегда действует по собственному почину, в то время как поднятый мертвец та же марионетка, без твоей воли он — прах. Мертвый василиск не сможет ползать по трубам и убивать без приказа, на чём в свое время погорел Томми, но, если потребуется защищать тебя, он не остановится, пока не убьет того, кого приказано. Он — это ты. Он — ничто без твоего желания. А потому и бояться его не стоит.

— Поттер убил эту ядовитую тварь почти пять лет назад. Он уже сгнил давно, наверное! — попыталась отлынить от неприятной обязанности София.

— Василиски не гниют — они превращаются в камень, — услужливо поведала Василиса. — Заклятие вернёт ему плоть, ты приобретёшь неуязвимого защитника и заодно потренируешься. Пошли!

— Разве ты можешь зайти в Хогвартс?

Василиса засмеялась:

— Ни в Хогвартс, ни в любое другое здание, в котором живут смертные, я войти не могу, — она многозначительно сощурилась, — без приглашения. Но все меняется, если меня позовут.

— Я не стану...

— Конечно станешь, София. Ведь без меня тебе не справиться ни с василиском, ни с Томом.

София кусала губы:

— Я не прошу себе, если по моей вине пострададут люди.

— Если я захочу принести кому-то смерть, что помешает мне дождаться человека за порогом?

София не знала, чем ещё возразить. Ей совсем не хотелось оживлять василиска. Было жутко.

София очень надеялась, что по дороге их накроет Филтч, но ни он, ни его легендарная кошка даже и не подумали появиться. Без приключений они с Василисой миновали все коридоры, переходы и лестницы.

В окна заглядывала любопытная луна, подмигивая с неба, раскидывая прозрачные голубоватые тени. Средневековые латы, притворяющиеся статуями, сторожили многовековой покой Хогвартса. Мирно подрёмывали, отказываясь замечать потустороннюю чёрную тень, фигуры на портретах.

— Туалет, в котором угораздило умереть той глупой девчонке, кажется, находится здесь, — Василиса увлекла девушку за собой в боковой проход.

Дверь в уборную тихонько скрипнула под её рукой.

— Его до сих пор называют туалетом Меланхольной Миртл. Говорят, её призрак всё ещё тут, — боязливо оглядываясь, сказала София.

Потолок растворялся во мраке, как и дальние стены. В центре комнаты туалетные раковины складываясь в нечто, вроде колонны и возвышались, будто гигантская ваза без цветов.

— Посвети, — велела Василиса.

— Люмос! — послушно отозвалась София.

На одной из сторон медного краника они разглядели крохотную змейку.

— Вели комнате открыться на змеязы, — подсказала Василиса.

«Откройся!» — на серпентарго прошипела София.

Кран засиял алмазным светом, раковина начала двигаться, вращаясь до тех пор, пока не исчезла, открыв вход в длинный туннель, напоминающий чёрную трубу.

Василиса шагнула в темноту первой, София последовала за ней и началось бесконечное падение. Труба изгибалась, выворачивала куда-то, неуклонно опускалась всё вниз и вниз.

Когда падение завершилось, они оказались в глубоком подземелье. Тьма стояла такая непроглядная, что маленькая дрожащая точка света в руке Софии почти не могла противостоять торжествующему мраку.

Стены пропитались влагой. Вода была здесь повсюду. Тишина била по ушам и действовала на нервы. Когда под ногой что-то хрустнуло, София не могла сдержать испуганного вскрика. Опустив палочку ниже, девушка увидела, что пол усеян костями.

Ход снова изогнулся, выводя их с Василисой к стене с изображением двух переплетённых змей.

И снова на змеязы пришлось повторить требование открыться.

Стена раскололась надвое, открывая доступ в тускло освещенный, длинный зал. Каменные колонны в форме переплетённых змей поддерживали терявшийся во мраке потолок. Колонны сходились к высокой, высотой, наверное, во весь зал, статуе, ноги которой обвивало тело окаменевшего василиска. Рядом с ним лежал пронзённый гигантским острым змеиным зубом, блокнот.

София подозрительно покосилась на пронзённую грудой серой бумаги:

— Это первый крестраж дяди Тома?

Когда она наклонилась, намереваясь поднять тетрадь, Василиса перехватила её руку:

— Не стоит, дорогая. Яд по-прежнему смертелен. С течением времени он мог стать даже токсичнее.

Покосившись на порванную, пропитанную ядом тетрадь, Василиса грустно вздохнула:

— Надгробие его любви... Бедный мальчик! Ладно, пусть мертвое прошлое хоронит своих мертвецов. А ты возьми мел.

— Обыкновенный мел? — на всякий случай уточнила София.

— Самый, что ни есть, обычный, — с сарказмом заверила её Василиса. — Главное, чтобы рисовал, большего от него не требуется. Обведи им тело василиска, постарайся сделать так, чтобы круг при этом всё же был похож на круг, а не стал квадратным.

Высунув от старания язык, ползая на четвереньках, София выводила по полу окружность.

— Когда вызывают сущность из потустороннего мира, чаще всего ставят два круга, — наставляла Василиса. — Вокруг комнаты, чтобы сущность без твоего ведома не могла вырваться в вещественный мир. И вокруг себя. Понятно для чего, надеюсь? Кстати, вызывать демонов самостоятельно я категорически тебе запрещаю! Только попробуй послушаться и...

— Василиса! — засмеялась София. — Я и этот круг не рисовала бы, если бы был хотя бы шанс, что ты оставишь меня в покое. Какой уж там демон?

Василиса продолжала распинаться:

— В данном случае ты никого не вызываешь, поэтому второй защитный круг ставить не обязательно. Обошлись бы и без первого, но поскольку ты совсем без опыта, мы просто подстрахуемся, понятно? Если что-то пойдёт не так, выбегай за границы круга и замыкай линию. Вот соль. Ты крещеная?

— Да, — в недоумении кивнула София.

— Тогда возьми щепоть соли и произнеси молитву — маггловский способ вызывать Патронуса. Он куда менее энергозатратен, чем у нас. Теперь слушай внимательно. Вот четыре черные свечи, их нужно расставить внутри круга по сторонам света. Порядок, которым соединяются точки, значение не имеет. Потом встанешь в круг, закроешь глаза и будешь ждать прихода силы.

— А как понять, что...

— Ты её почувствуешь и ярче загорятся свечи.

— Говорить что-нибудь нужно?

— Нет. Длинные словеса — фокусы для публики. Тёмная магия, если только дело не касается призывов, почти всегда обходится без слов.

Взяв свечи, София перешагнула меловую черту.

Установив толстые черные свечи по четырём сторонам, следуя инструкции, села на колени в центр и закрыла глаза.

Капала вода. Равномерно, через определённые интервалы.

Кап...

Кап...

Кап...

Тот, кто одинок, тот непобедим, потому что нельзя потерять то, что тебе не нужно, а сознание бессмертно.

Кап...

Кап...

Медленно выются серебристые снежинки, падая на стылую землю. Капли замерзают, стихая...

Кап...

И — темнота.

Только сознание воспринимает само себя, больше ничего нет.

Веки поднялись с трудом. И далеко не с первой попытки.

Бросив взгляд на свечи, девушка с удивлением увидела, что те не просто горели — они пылали, вытягивая вверх неправдоподобно узкие, длинные языки.

Вокруг ног белыми кристаллами выпал иней. Кожу кололо, словно с мороза.

Юная колдунья вытянула руки, представляя, как змеиное тело, обвивающее статую Слизерина, становится мягче, гибче. Чтобы облегчить ход силе, София взяла из воздуха материализовавшийся нож и проколола палец. Алые капли упали на мраморные изгибы тела василиска.

Одна, другая, третья капли просачивались сквозь белый камень.

По полу пошла вибрация, словно волна. Громкий глухой звук ударил в уши, будто одна из многочисленных колон рухнула, рассыпаясь на части. Змеиное тело подёрнулось многочисленными трещинами. Трещины всё разрастались, ширились, пока каменный панцирь не треснул, и ядовито-изумрудный змей не поднялся, раздувая капюшон и обнажая острые клыки. Судя по белой пленке, затянувшей глаза монстра, василиск, как и предсказывала Василиса, был слеп.

Помещение заполнилось неприятными, сладковатыми запахами гниения.

Монстр замер, будто кто-то невидимый остановил киноплёнку.

— Прикажи ему вернуться на своё место у ног Салазара, — велала Василиса.

Мертвый змей послушался безукоризненно.

Как только тело василиска перестало изгибаться тугими волнами, София попятилась, выходя за рамки мелового круга. Ноги у неё подгибались со страха.

Василиса выглядела недовольной:

— Если бы эта тварь была хоть немного опасна, ты бы погибла, — сказала она. — Что за манера замирать столбом?

— Я испугалась, — оправдывалась София.

— Привычка впадать в ступор вредна для здоровья. Если ты будешь пугаться тех, кого создаёшь, скажи, какой в этом смысл?

София не считала, что она создала василиска, но говорить об этом вслух не стала.

— Я сделала всё, что ты хотела. Мы можем уйти? — спросила она.

— Ты уже придумала, как выберешься наверх?

— В смысле? — встревожилась София. — Я надеялась, что ты мне в этом поможешь?

— Тебе нужно учиться самой о себе беспокоиться. Я планировала улететь отсюда на своих крыльях. А у тебя, напомню, есть василиск.

— Нет, Василиса!.. Ты не можешь бросить меня здесь одну!

— Я одну тебя и не бросаю. За твоей спиной лежит прекрасное средство передвижения, а также оружие защиты и нападения. Всего-то и нужно — научиться пользоваться им.

Густое облако черного дыма или теней оплело стройную фигуру Василисы.

— Василиса, не смей меня здесь оставлять!

София чувствовала себя как никогда близкой к истерике.

— В любом случае я не брошу тебя здесь надолго. Вернусь завтра или, может быть,

послезавтра. До встречи!

Обернувшись птицей, Василиса метнулась в непроглядную тьму извилистых переходов.

— Ненавижу магов! — пнула София ближайшую колонну. — Ненавижу Василису!

Ожившие трупы терпеть не могу!!!

Смахнув с лица злые слёзы и переведя дыханье, она взяла себя в руки и заставила прошипеть на змеёязе. — Тащи сюда свой хвост, змеюка подколотная! Я спать хочу.

Змеиное тело вновь начало перекачиваться волнами. Шурша по полу, словно сухая листва, гонимая ветром, иногда издавая мягкое неприятное постукивание, оно ползло. Ползло до тех пор, пока огромная треугольная голова с глазами-бельмами не вытянулась рядом с повелевающей им ведьмой.

София с замиранием сердца заставила себя наступить на змею, обхватить руками ледяную чешуйчатую шею чудовища.

— Подними меня в туалет Плаксы Мирт.

Было такое чувство, что под нею задвигалась платформа странного аттракциона. Как и в случае с метлой, страх вскоре сменился чувством удовольствия. Впрочем, когда горизонтальное перемещение по тоннелям сменилось вертикальным подъемом, эйфория прошла. Держаться было трудно.

Когда змея выползла из трубы на пол, София чувствовала себя полностью разбитой, руки покрылись синяками и ссадинами.

— Возвращайся на место и спи, — приказала она созданному монстру.

Вспышка алмазного света словно стёрла все следы их с Василисой пребывания в Тайной комнате.

Добравшись до спальни, София с головой укрылась одеялом и провалилась в сон, в котором летала над Хогвартсем, утопающем в ярко-алом закате на огромном крылатом змее, а облака над головой складывались в буквы, которые прочитать София не могла, но твердо знала, что они обозначают: «Не будите спящего дракона».

5. Проклятое ожерелье

— Астория! Астория Гринграсс!

Обернувшись, София с некоторым удивлением увидела, что к ней, чуть задохнувшись, приближается Гарри Поттер.

Догнав её, он обезоруживающе улыбнулся:

— Привет.

— Привет, — кивнула София.

— Я хотел извиниться за то, что случилось вчера.

— Тогда тебе нужно к Винсенту Краббэ, — пожала она плечами. — Это не мои ноги пострадали.

— Гарри недавно нашел одну очень занимательную книгу, — раздался за спиной надоедливой менторский голос Грейнджер.

У Софии складывалось впечатление, что она по пятам ходит за Мальчиком-Который-Выжил, не оставляя его без присмотра ни на минуту.

— Вот теперь он и применяет проклятья с неизвестным действием направо и налево. Не удовлетворившись неприятелем вчера, сегодня, я слышала, ты решил немного поэкспериментировать над Роном? — Гермиона осуждающе покачала головой. — Здравствуй, Астория, — кивнула Софии гриффиндорская зазнайка. — Как поживаешь?

Голос её слишком сочился патокой, чтобы быть искренним.

— Что за книга? — спросила София. — Из запретной секции?

— Гермиона любит преувеличивать, — скрестил на груди руки Поттер. — Простое заклинание из обычного учебника по зельеделию.

— Простое заклинание из обычного учебника вряд ли увеличило бы ноги Краббэ в размерах, — фыркнула гриффиндорка.

— Всё, хватит, — твердо заявил юноша. — Тема закрыта.

Гарри повернулся к Софии и поинтересовался уже совсем другим тоном:

— Хочешь пойти сегодня с нами в Хогсмет?

Гермиона снова фыркнула. На сей раз презрительно.

София покачала головой:

— Спасибо, что пригласил, Гарри. Но — нет.

— Пожалуйста! — настаивал Поттер. — Мне очень не хотелось бы, чтобы из-за моей вчерашней дикой выходки мы с тобой стали врагами. В знак примирения пойдём с нами?

— Ладно, — улыбнулась София.

Её тоже не хотелось числить в ряду врагов Гарри или Рона.

После обеда она постаралась как можно незаметней улизнуть из слизеринской гостиной.

У выхода уже собралась целая толпа. Филч развлекался во всю, въедливо проверяя списки студентов, которым разрешалось посещать Хогсмед, тщательно досматривая каждого счастливца лично изобретённым сенсором секретности.

— Какая разница, что мы выносим? — громогласно возмущался Рон Уизли. — Проверять нужно то, что вносится, — острил он.

За порогом их встретила яростная непогода. Дождь, смешенный со снегом, превращал

дорогу в непролазную грязь. Ноги скользили, норовя разъехаться или провалиться в какую-нибудь особенно непролазную и неприглядную канаву.

София в который раз про себя обозвала всех магов извращенцами. Куда их всех сейчас несла нелёгкая?

Температура опускалась быстро. Не успели они дойти до Хогсмета, как дождь превратился в снег, валивший белыми крупными хлопьями.

— Магазин закрыт, — вздохнула Гермиона, дую на озябшие ладошки.

Она хотела купить новые перья.

— Пошли уж сразу в «Три метлы», хоть погреемся, — резонно заметил Рон.

Паб выглядел переполненным. Софии показалось, что тут собрался весь Хогвартс.

— Вон свободный столик, — кивнул Гарри на пустующее место в уголке.

Не успели они присесть, как к ним тут же подошла яркая, очень красивая, фигуристая, несмотря на излишнюю пышнотелость, женщина. В руках у неё был блокнотик и изящное золотое перо:

— Что будете заказывать?

— Четыре усладэля.

Барменша поставила на стол четыре кружки с ароматным пенистым элем и удалилась к другим клиентам — непогода сгоняла к уютному очагу всё больше и больше народу. От стакана веяло запахом яблок. Аромат воскрешал воспоминания об антоновских сортах. Вкус у напитка был сладко-кислым, фруктовым, очень приятным.

— За дружбу и взаимопонимание, — провозгласила тост Гермиона. — То, что иногда мы принадлежим к враждующим сторонам ещё не значит, что мы обязательно должны стать врагами?

Она встретила с Софией глазами, и София так до конца и не смогла понять, что в них — вызов, вопрос или желание убедиться в своей правоте.

— За взаимопонимание и здравый смысл, — поддержала она гриффиндорку.

Но допить до конца свои усладэли они не успели. На пороге паба нарисовалась странная, очень подозрительного вида фигура. Софии она не понравилась, но той реакции, которая последовала за появлением этой фигуры она никак не могла ожидать.

— Это Мундунгус Флэтчер, — с перекошенным от ярости лицо проговорил Поттер, пытаясь подняться.

— Гарри, нет! — схватила его за руку Гермиона.

— Он украл вещи Сириуса!

Рон схватил друга за другую руку:

— Гермиона права, не стоит устраивать скандал на глазах у всех. У тебя и так в последнее время репутация не самого уравновешенного ученика в Хогвартсе, — попытался урезонить его рыжий.

— Ты хочешь, чтобы мы сидели тут и просто любовались на него?! — зарычал Гарри.

— Мы можем уйти, — понизив голос, сказала Гермиона.

— Мы же только пришли, — виновато поглядев на Софию вздохнул Гарри, но было видно, что оставаться в пабе с этим Флэтчером ему не хочется.

— Нам и правда лучше вернуться, — поддержала его София.

Крупницы снега теперь летели над землёй почти горизонтально. Казалось, они попали не в метель, а в густое ледяное молоко.

Удалось пройти уже почти четверть пути, когда Гарри остановился, будто к чему-то

прислушиваясь:

— Слышите?

— Что? — откликнулся Рон.

— Крики!

Они ускорили шаг и вскоре увидели это.

Группа девочек семикурсниц с Гриффиндора стояли, задрав голову и в ужасе наблюдали, как одна из них, Кэтти Бэлл, парила над землёй на высоте нескольких метров, похожая на зловещий призрак — пшеничного цвета волосы полоскались на ледяном ветру, глаза закрыта, а лицо выглядело отрешённо-спокойным, словно у мёртвой.

София безошибочно почувствовала энергию смерти. Чёрный вихрь, похожий на воронку торнадо, вращался вокруг парящей над землёй девушки. С каждой минутой чёрный inferнальный туман густел и всё быстрее просачивался в тело жертвы. На интуитивном уровне София поняла, что времени у бедняжки немного. Как только тьма окончательно овладеет телом пораженной жертвы, ты умрёт.

София беспомощно обернулась на своих гриффиндорских спутников, но судя по выражению их лиц, черноты, коконом окружающей тело Бэлл, никто кроме неё не видел.

София попыталась мысленно как бы оттянуть липкую мглу от Кэтти, но ничего не получилось. Тогда она усилием воли заставила чёрную воронку пролетия вращаться быстрее, так, чтобы центробежная сила не давала той приблизиться к телу жертвы. Это подействовало. Вмешательство Софии привело к тому, что проклятье как бы оплело девушку, вместо того, чтобы просочиться в её тело. Это давало отсрочку и, следовательно, шанс на спасение.

Пока София колдовала, совместными усилиями гриффиндорцы сумели вернуть Кэтти на землю.

Бэлл металась и кричала, никого не узнавая. Она так извивалась на земле, что они вчетвером едва её удерживали.

— Оставайтесь здесь! — заорал Поттер, перекрикивая шум ветра. — Я приведу помощь!

Минуты тянулись как часы. С каждой секундой Кэтти, казалось, становилось всё хуже.

Наконец Гарри, сопровождаемый Хагридом, одетым в огромную, бесформенную бобровую шубу, возвратился бегом.

— Отойдите! — словно иерихонская труба протрубил великан. — Дайте взгляну!

Хагрид секунду смотрел на Кэтти, затем, не говоря ни слова, сгреб ее в охапку и понесся к замку.

— Что с ней случилось? — спросил Поттер у девушек, с которыми гуляла Кэтти.

— Когда разорвался пакет, Кэтти начала кричать... — всхлипнула одна из них, кивая на сверток в промокшей коричневой бумаге, лежащий неподалеку.

Из надорванной упаковки сочился зеленый свет. Внутри полуразвернувшегося свертка виднелось очень красивое опаловое ожерелье.

София вздрогнула. Она явственно видела, что чернота распространялась именно от этой изящной с виду вещицы.

— Что это? — невольно сорвалось с губ.

Рон нагнулся и протянул руку, но Гарри успел перехватить его запястье и оттащил назад.

— Не трогай! Я его уже видел, — заявил он. — В витрине «Борджина и ДАвилло». Н

ценнике было сказано, что оно проклято. Кэтти, видимо, до него дотронулась... но как оно к ней попало?!

— Она принесла его из туалета в «Трёх метлах», — смахнула с лица слезинки подружка Кэтт. — Сказала, что это сюрприз для кого-то в Хогвартсе... но она была такая странная! Ужас! Ужас! Кэтти наверняка попала под проклятие подвласть, а я даже не поняла этого!

Девушка зарыдала с новой силой. Гермиона сочувственно похлопывала ее по плечу.

— А Кэтти не говорила, кто передал ей сверток? — допытывался Поттер.

— Нет... она отказалась... тогда я сказала, что она дура, и что в школу его брать нельзя, а она не хотела слушать и... я попыталась его отобрать... и... и... — девушка в отчаянье застонала.

— Давайте лучше вернемся в школу, — предложила Гермиона.

Поттер, стащив с шеи шарф, наклонился к ожерелью.

София опасно поинтересовалась:

— Что ты собираешься делать?

— Возьму его с собой. Покажем его мадам Помфри.

С крыльца навстречу ребятам выбежала МакГонагалл.

— Хагрид говорит, что вы четверо видели, что случилось с Кэтти Бэлл? Идите в мой кабинет.

Компания поведала о случившемся.

Поттер чуть ли не с пеной у рта доказывал, что во всем виноват Малфой. Но даже его друзья без особого энтузиазма выслушали эту версию.

МакГонагалл сообщила, что мистер Малфой никак не мог быть замешен в эту историю — он отбывал у неё взыскание. Почти железное алиби.

Поттер просто заикнулся на блондине-слизеринце. Малфой, конечно, не подарок, но зачем ему потребовалось проклинать Кэтти Бэлл? Это же абсурд.

***

София хотела войти в спальню, но задержалась, услышав возбуждённые голоса. Она остановилась, прислушиваясь.

— Как ты могла?! Ты должна была проследить!

Голос Драко звучал отрывисто и зло.

— Прости, прости! — рыдала Панси. — Я так испугалась!

— Ты меня подставила! Думаешь, Дамблдор идиот?! Думаешь, он не сумеет сложить два и два!?

— Прости, Драко! Я не хотела!

Услышав звук смахнутой пощечины, София стремительно ворвалась в комнату.

Панси стояла, держась за щёку, на которой явственно отпечатался след удара.

— Гринграсс? — зло зашипел Малфой. — Что ты здесь делаешь?

— Что я здесь делаю?! Что делаешь здесь ты?

— Разговариваю с Панси, — скрестил руки на груди он.

— Вот как это теперь называется? — саркастично протянула София. — Ну что ж, поговорили и хватит. Пошёл отсюда.

Малфой угрожающе шагнул к ней. В глазах его сверкала плохо сдерживаемая ярость.

— Пойди, отдохни, Слизеринский Принц, — распахнула ему дверь София. —хлопотный, должно быть, выдался денёк? Неблагодарное это дело — воевать с женщинами. Никто ведь в итоге не оценит твои героические старания.

На бледных щеках Малфой внезапно выступили лихорадочные алые пятна, как у чахоточного.

Какое-то время в комнате висела довлеющая тишина, нарушаемая лишь яростным прерывистым дыханием обоих.

— Что ты хочешь этим сказать? — процедил Малфой.

София поглядела ему прямо в глаза, будто надеясь прочесть отрицательный ответ на вопрос, что собиралась задать:

— Кэтти Бэлл случайная жертва?

— Тебя это не касается! — яростно прорычал он.

София почувствовала, как в сердце неприятно кольнуло.

— Ты даже не спросил — чья, Малфой. Но зачем?! Что она тебе сделала? Ты хоть в курсе того, что сделает с ней это проклятое ожерелье?

Глаза Малфоя предательски забежали:

— Отвали, Гринграсс, со своими моральными сентенциями! Если чем-то недовольна, ступай, выскажи свои претензии... Сама-Знаешь-Кому!

— Да какая нам разница, что станет с этой гриффиндоркой?! — подала голос Панси.

— Разница есть, Паркинсон, — ледяным голосом проинформировала София. — Проклятье превращает в инфернала. Не завидная судьба.

— Я не хотел её убивать! — затряс головой Драко. — Я вообще никого не хотел убивать, будь всё проклято!!! И уж тем более превращать кого-то в инфернала! — схватив вазу, стоявшую на прикроватном столике, парень шархнул её об стену.

От него несло алкоголем и чем-то сладким. Опиум? Гашиш? Вот только этого не хватало.

— Уходи, Малфой, — снова потребовала София.

Он что-то хотел сказать, но она перебила его:

— Уходи. Пожалуйста.

Сжав челюсть, он вышел.

София прикрыла за ним дверь.

Отчего-то у неё было такое чувство, что её вывалили в чем-то грязном. Как будто она потеряла друга или в чем-то разочаровалась. Но разочароваться можно только в том, кем был когда-то очарован.

С Малфоем ведь совсем не тот случай?

6. Уроки эмпатии

Узнав о состоянии Кэтти Бэлл Дамблдор вернулся незамедлительно. Девушку перевели в больницу святого Мунго.

О таинственном проклятии несколько дней распространялись самые невероятные, пугающие слухи. Однако перед приближающимся квидичным матчем все проблемы в Хогвартсе отступили на второй план. Игра должна была состояться между непримиримыми соперниками: львами и змеями. Стоит ли говорить, на чьей стороне были симпатии большинства?

София возненавидела квидич заочно, так ни разу его и не увидев. Столько шума из ничего: подумаешь, футбол в воздухе?! Это — важное событие?

Но даже Драко Малфой ради такого случая перестал надираться, как последняя свинья. Правда, черные круги под серыми, яркими, словно цветные стекляшки, глазами, никуда не делись. Глаза у Слизеринского Принца казались подведенными тушью, словно у актера. В облике Малфоя просвечивало нечто болезненно-нервное, как у наркомана во время ломки.

Примерно через неделю после несчастья с Кэтти Бэлл, София застала свою соседку Панси горько рыдающую в подушку.

— Эй, — окликнула она её, осторожно присаживаясь на свою кровать, — Панси, что случилось?

Ответа не последовало.

Просто встать и уйти было как-то неловко, поэтому София сделала ещё одну попытку:

— Чтобы не произошло, оно не стоит твоих слёз.

— Много ты понимаешь! — подняла Панси красное, злое, мокрое от слёз лицо и сердито стрельнула глазами. — Ты же бесчувственная, холодная кукла! Тебе на всех наплевать! Одинаково!

София почувствовала глухое раздражение. Особенно потому, что в словах Паркинсон было куда больше правды, чем София готова была признать. Но она никак не могла отделаться от мысли, что всё происходящее происходит не на самом деле и вот-вот кончится. И тогда она, София, вернётся в родную Москву, к маме и папе, к Ленусику и Владу, такому привычному и близкому. А Драко и Гарри вместе с Темным Лордом останутся там, где им и положено быть — в книжке.

Но вот перед ней сидела зареванная, растроянная Панси. И эта реальность никуда не хотела исчезать. Нужно было как-то существовать в ней.

София подавила тяжелый вздох:

— Что ещё натворил твой блондин? Опять тебя ударил?

— Он... он... изменяет мне с... с Розмертой! — всхлипнула Панси.

— С Розмертой? — нахмурилась София, пытаясь припомнить хоть кого-нибудь с таким именем.

Панси презрительно фыркнула:

— С барменшей их «Трёх мётел».

София попыталась представить этих двоих вместе. Но картинка не складывалась.

— Ты уверена? — недоверчиво протянула она. — В любом случае не стоит из-за этого так плакать.

— Астория, ты когда-нибудь теряла любимого? — в упор посмотрела на неё Панси.

София вспомнила Влада. Воспоминания приятно грели, но от разлуки сердце её вовсе не обливалось кровью.

— Нет, — честно призналась она.

Паркинсон заехала кулаком в подушку.

— Это всё Тёмный Лорд! Ненавижу его. Ненавижу!!! Я же Драко с детства знаю. Он всегда любил выпендриваться, но он хороший. Правда!

Панси вдруг затихла, вся сжавшись.

— Когда мы только поступили в школу, я думала, что это Блэйз возглавит нашу маленькую компанию. Но Драко претендовал на эту роль так уверенно, что ни у кого не хватило наглости оспорить его желание. Или решение? — мимолетная улыбка скользнула по губам слизеринки. — Непрерывное бахвальство, постоянные непрозрачные намеки на покровительство отца, неуёмный темперамент, самолюбование, доходящее до абсурда, пренебрежение к другим, неискоренимый авантюризм — в этом весь Драко! Он слеплен из привлекательных недостатков, — Панси смахнула с ресниц слёзы. — Все его грандиозные планы то и дело рушились, один за другим, но он не унывал и тут же изобретал новые, не менее обреченные, — хмыкнула девушка. — Драко всегда исхитрялся сохранять чувство собственного достоинства, в любых ситуациях. Даже когда он взял дурную привычку изводить Поттера вместе с таскающимся следом за ним Уизелом, всегда находя предлог подраться это почему-то не выглядело нелепостью. Хотя куда ему, изнеженному нарциссу, звездному мальчику было выстоять против Рона, выросшего с кучей старших братьев? Да у этого бугая кулаки каждый с макушку Малфоя! Но Драко это никогда не останавливало — упрямый он, как осёл! — Панси спрятала лицо в руках, в который раз уже судорожно всхлипнув. — Тот человек, которым он стал теперь... Они его просто сломали, как куклу. Все они: Люциус, Беллатрикс, Тёмный Лорд!

Никогда не забуду, как на первом курсе я спустилась в гостиную. Было уже скорее рано, чем поздно. Драко сидел, съежившись. Его судорожно сжатые в кулаки руки были такими маленькими, такими бледными... он тогда в Запретном Лесу видел убитого единорога и... Того-Кого-Нельзя-Называть.

А ведь знаешь? Хагрид бросил Драко одного в лесу и никому до этого не было никакого дела. Никто не защитил его! Никто не защитит и сейчас. Думаешь, я плачу потому, что он там с этой Розмертой? Я плачу потому, что он там один. Совсем один. Затравленный, одинокий, отчаявшийся... ну почему он меня отталкивает? — закусила губу Панси. — Это, наверное, глупо, — опустив голову, продолжила она. — Но я ничего не могу с собой поделать. Драко нужен мне как воздух. Для меня он освещал своим присутствием подземелья все пять лет. Как же я была счастлива, когда он пригласил меня на Святочный Бал на четвертом курсе! В тот вечер мы впервые поцеловались. Мне так хотелось обнять его крепче, но я не решилась.

Панси обхватила себя руками, глядя куда-то очень далеко. Голос её зазвучал холодно, сухо, обезличенно.

— В ночь, когда Люциуса Малфоя забрали в Азкабан, мы гостили в Малфой-мэноре. И если бы мракоборцы не явились первыми, отца Драко уже не было бы сейчас в живых; Тёмный Лорд его бы уничтожил.

В ту ночь я нашла Драко в кабинете отца. Он с отрешенным видом просматривал старые журнальные подшивки. Рядом с ним был отцовский кальян и бутылка огневиски.

«Отец запрещал мне пить, — со смехом заявил тогда Драко, — но из Азкабана он вряд ли сможет меня остановить, правда?», — слизеринка фыркнула. — Моя мать всегда говорила, что отец Драко один из самых привлекательных и страшных людей. А моя мама не из пугливых.

София слушала признания Панси и чувствовала себя гадкой предательницей. Ведь по сути они были соперницами. Панси ещё не знала, что та, кому она изливала душу, проставатана за того, кого она любила.

Наверное, следовало сказать Панси правду? Но как? Нет, на это у Софии духа не хватит.

— Не плачь, — погладила София слизеринку по волосам. — Всё будет хорошо. Всё как-нибудь уляжется.

— Как?

— Ещё пока не знаю. Увидим.

В одном дядя Том прав: любовь — это ненормальное чувство, а болезнь, причем с осложнениями. Иначе как объяснить то, что вполне здравомыслящая девушка так убивается по парню, единственным достоинством которого сама София могла признать разве что смазливую физиономию? Причина недостаточно веская для той одержимости, которую выказывала несчастная Панси.

А может быть сама София просто плохо знала своего жениха? Само слово звучала нелепо по отношению к их случаю. Ну какой он ей жених? Какая она ему невеста? Это какой-то фарс.

Хотелось открыть окно и вдохнуть холодного, бодрящего воздуха.

Но окна на самом деле не было — одна лишь иллюзия. Да и та на ночь исчезала. Оставалась стена...

Вот и в жизни Софии всё уперлось в какую-то непроходимую стену, на которой, как на экране, показывали картинки из предуманной кем-то сказки, на поверку оказавшейся не такой уж детской и безобидной.

***

— Доставайте свитки и чернила, — велел слизеринский декан.

Он угрожающе нависал над аудиторией со своей кафедры.

— Потрудитесь записать тему урока: «Эмпатические связи». Кто может ответить, что такое эмпатия? Лонгбботом?

Невиль нерешительно поднялся, переминаясь с ноги на ногу:

— Э...эмпатия, сэр?

— Да, Лонгбботом, эмпатия. Вы меня плохо слышите? Или разучились понимать смысл английских слов?

— Я н-н-н-незнаю, сэр...

— Минус десять баллов с Гриффиндора. Патилл?

Профессор Снейп как всегда упрямо игнорировал поднятую руку Грейнджер.

— Эмпатия в переводе с греческого означает сопереживание. Этим словом определяется постижение эмоционального состояния другого человека, — ответила Парватти.

Гермиона продолжала держать руку.

— Мисс Грейнджер? Хм-м. Хотите ещё что-то добавить?

Профессор Снейп говорил почти не разжимая губ.

— Да, сэр, — твердо заявила Гермиона. — Эмпатия представляет собой восприятие

субъективного мира другого человека так, как если бы сам воспринимающий был этим другим человеком.

— Никак не желаете оставить дурную привычку отвечать готовыми фразами из учебника? Попробуйте самостоятельно сформулировать определение.

Гермиона задумчиво свела брови:

— Эмпатическая связь сродни спонтанной обратной?

— Понятия не имею, что вы под этим подразумеваете, — пренебрежительно дёрнул плечом профессор. — Возможно, термин, предложенный вами, ближе к маггловской психологии, в то время как я веду речь о магии. В магии, мисс Грейнджер, никакие связи спонтанно не возникают и не проходят. Их создают или уничтожают при помощи обрядов. Попрошу привести пример эмпатической связи. Мисс Гринграсс?

— Я не знаю.

— Паркинсон?

— Любовь, сэр?

— Правильный ответ.

«Опять эта проклятая любовь», — скривилась София, раздосадованная тем, что не смогла ответить.

— Сегодня мы будем рассматривать два вида эмпатической магии: симпатическое и антипатическое; следовательно, притяжение и отторжение объектов. Самими известными из них, широко применяемыми на практике, являются приворотные зелья.

Класс едва успевал записывать за ним.

— Симпатические зелья по известным причинам пользуются большим спросом и популярностью. Они применяются в тайнописи, любовных эликсирах, даже медицине. Я уже не говорю о Темных Искусствах. Почему, мистер Малфой?

— Приворот между противоестественными объектами; причинение боли через симпатическую связь, — без запинки, будто читая по буквам, ответил юноша.

— Верно, Драко. Связанные таким способом объекты обречены на одинаковые чувства...

Снейп вдруг замер и резко побледнел.

София заметила, как одновременно с этим Драко Малфой откинулся на спинку стула, стискивая зубы так, что желваки заходили.

— Если один объект подвергнуть пытке, — внезапно осипшим голос продолжал профессор, опираясь руками на стол, — то же самое будет чувствовать и другой, как бы далеко в этот момент не находился. К несчастью, в волшебном мире довольно много ублюдков, использующих симпатические зелья именно для этих целей. Мистер Малфой, — вы, кажется, плохо слушаете и снова ничего не пишете? — процедил учитель.

Драко в ответ неопределённо пожал плечами.

— Помимо бездарного развлечения, симпатическая связь может использоваться для информирования связанных таким образом людей, — неторопливо продолжил Снейп, — это своего рода болевые часы... — профессор покачнулся и прислонился спиной к стене.

По лицу Драко Малфоя разлилась мертвенная бледность.

— При помощи симпатической связи можно создавать незаживающие раны...

Снейп сжал зубы, скрестил руки на груди и опустил голову вниз. Волосы, упав на лицо, частично скрыли его выражение.

София почувствовала дурноту. Что ещё за фокус выкидывает любимый дядюшка

Томми? От мысли, что оба они, носящие Темный Метки, как тавро — рабы, сейчас испытывают сильную боль, она в равной степени ощутила ужас и отвращение.

Когда профессор резко выпрямился, лицо его было белее простыни и блестело от испарины:

— Откройте учебник и перечитайте тему, — сквозь зубы процедил он. — Приступайте. Мистер Малфой? Следуйте за мной.

Нетвердыми шагами с прямой спиной профессор Снейп покинул кабинет. Драко, шатаясь, словно пьяный, шёл следом.

— Что это такое с вашим деканом и с вашим старостой? — ухмыльнулся Уизли.

— Да известно — что, — захихикала хорошенькая Лаванда Браун, прикрывая ротик ладошкой. — Симпатическая связь!

— Заткнись, и делай, что велено! — зашипел на Рона Блейз Забини.

— Фу! — обиженно надула губки красавица Лаванда, — какой ты злой!

Вечером в слизеринской гостиной снова было не продохнуть от сладковатого запаха гашиша.

— Какого дракла?! — накинулся на Малфой, развалившегося на диване, Маркус Флинт. — Завтра квидичный матч! Как ты будешь играть? Что ты себе позволяешь?!

В ответ блондин желчно рассмеялся:

— А плевать я хотел на квидичный матч, Маркус, — развязно протянул Драко, снося крышку с очередной бутылки сливочного пива. — Ваше здоровье, ребята.

— Ты в своем уме?! — встрял Монтегю. — У нас каждая пара рук на счету, а ты сидишь тут, надираешься...

— Выйду я завтра на поле или нет, гриффы все равно нас уделают, — с философским спокойствием отмахнулся Малфой. — Как уделывали все эти годы... и не только на квидичном поле.

— Ты обо что-то головой ударился, да? — полюбопытствовал Гойл, присаживаясь рядом.

Малфой привалился головой к его плечу.

— Может, траванулся чем, а, Драко? Что-то не припомню я такого момента, когда тебе было бы наплевать на то, что мы сдадим матч.

— Ну, сегодня твой жизненный опыт обогатился ещё на одно событие... Эй, Паркинсон? — мерзко ухмыльнулся Малфой, отсалютовав ей бутылкой. — Чего на меня таращишься? Беспокоишься за меня, да? Думаешь, оно мне надо?! Считаешь, я нуждаюсь в тебе? Или в твоей тупой, дешёвой жалости?

— Драко, запомни на будущее, — попытался прервать поток язвительных жестоких слов Забини, — не следует алкоголь с коноплей мешать. Добром такое не заканчивается.

— Конопля это для нищевродов, — рассмеялся блондин. — Для Малфоев существуют зелья подороже и позабористей.

Краббэ и Гойл услужливо заржали.

— Как думаешь, Панси? — не унимался паршивец, — могла, Гринграсс нечто вроде любовного отворота от тебя для меня сотворить?

— Больно Гринграсс надо от тебя Паркинсон отваживать? — презрительно передёрнула плечами Миллисент Булстроуд.

Малфой вновь приложился к бутылке:

— Конечно, Гринграсс это не нужно, — согласился он. — Ей вообще ни черта не нужно.

Да и где грязнокровке хоть что-то соображать в антипатических зельях? Так что Паркинсон, правда такова: меня не от антипатического состава воротит, а от тебя. Потому что ты просто тупая жирная корова. В этом все дело.

— Всё дело в том, что кто-то нажрался, как свинья, — не выдержала София. — Завязывай пить. И так уже хорош.

— Ага, — кивнул Малфой, криво усмехаясь. — Я хорош! Я так сказочно хорош, что все меня хотят...

— Про коноплю с пивом тебе уже говорили, — покивала Бултстроуд. — Сама не пробовала, но говорят и не такое чудится.

— Да много ты понимаешь? — почти весело фыркнул Малфой, продолжая то и дело потягивать пиво из бутылки. — Паркинсон, а, Паркинсон?.. Вы теперь с Гринграсс что, дружите?

— Не твоё дело, — холодно бросила ему Панси.

Она стояла, скрестив руки на груди и почти неприязненно смотрела на предмет своего воздыхания.

— А вот и моё.

— Тебя не касается, с кем я вожу дружбу.

— А кто тут говорит про тебя, дурёха? — издевательски засмеялся Малфой. — Но вот грязнокровка Гринграсс теперь моя невеста. Так что круг её общения очень даже моё дело, — остальютовал опустевшей бутылкой он. — Что такое? Ай-яй-яй. Она тебе не рассказала? Эх! Какая жалость.

В гостиной стало так тихо, будто все разом не то, чтобы говорить — дышать перестали.

— Что за бред ты несёшь? — сдавленно выдохнула Панси.

— Этот бред сушая правда, — пожал плечами Малфой.

Панси посмотрела на Софию так, что той захотелось куда-нибудь заползти. Нужно было рассказать ей об этом самой. Но Малфой-то хорош! Мразь полная! Зачем он так с Панси?

Панси развернулась и вышла из гостиной, стуча острыми каблучками.

— За союз двух сердец! — смеясь, крикнул вслед ей Драко. — Аллилуйя!

— Чтоб ты упился до смерти! — в сердцах пожелала ему София перед тем, как последовать за Паркинсон.

7. Кровь и вода

Добраться до спальни София не успела. Её перехватил начинавший казаться уже вездесущим Снейп:

— Мисс Гринграсс? Директор хочет поговорить с вами. Идёмте.

Дамблдор встретил девушку, сидя в кресле у камина, в котором ярко пылал огонь.

— Добрый вечер, мисс Мракс, — приветствовал он её.

— Добрый вечер, сэр.

— Присядьте, — указал Дамблдор на пуфик рядом с собой. — Здесь, у огня, теплее. Хотите лимонную дольку в сахаре?

София отрицательно замотала головой.

— Шоколадушку? Сахарное перо? Нет? Жаль. Мне сладкое всегда помогает пережить плохую погоду и неприятности, — Дамблдор забросил конфетку в рот. — Мисс Мракс, могу я поинтересоваться, как вы поживаете?

Ну не рассказывать же ему правду? София решила обойтись банальным:

— Спасибо, сэр, хорошо.

Хотя на душе делалось мерзко при воспоминании о приступах боли у Снейпа и Драко, о поведении последнего и о том, что ещё предстоит объясняться с Панси.

Наклонившись, старый волшебник подбросил поленьев в камин. Самых обычных поленьев. Дрова — они и в Африке дрова. А ведь, наверное, мог бы при желании соорудить нечто магическое? Грандиозное? Но не счёл нужным.

— Кэтти Бэлл должна была умереть, — медленно проговорил директор, снова откидываясь на спинку кресла. — У неё не было шансов выжить после того, как она коснулась ожерелья. Но она жива. И даже идет на поправку.

Руки директора, одна обтянутая морщинами, другая — тёмной перчаткой, безвольно покоились на коленях, скрытых под длинной мантией.

— Полагаю, мисс Мракс, вы не намерены предавать гласности, кому девушка обязана чудесным спасением?

— Если честно, сэр, я и сама не уверена, причастна ли я к этому? Даже если я и повлияла на какие-то магические процессы, истинная подоплека происходящего известна мне не больше, чем самой Кэтти.

— Все Мраксы, без исключения, обладали огромной силой, — вздохнул Дамблдор. — Жаль, мало кто из них пытался применить этот дар во благо. Тьма, такая же часть этого мира, как и Свет. Она может не только пугать, но и давать отдохновение, приносить сны, красоту, наслаждение. В то же время Свет способен палить, сжигать или ранить. Тьма и Свет не тождественны понятиям Добра и Зла. Черное и белое всего лишь краски. Я пришёл к выводу, что Темный Дар при желании своего хозяина может так же верно служить Добру, как и Светлый. Выбор всегда остаётся за самим человеком.

Дамблдор на мгновение умолк, баюкая затянутую в перчатку руку.

— А теперь, могу я задать вам несколько вопросов, София? Что вы видели в тот день, когда проклинали Кэтти Бэлл?

— Густую тень... тень, похожую на туман чёрного цвета. Он окружил Кэтти, словно бы пытаясь просочиться в её тело, как вода в песок...

Дамблдор внимательно слушал:

— Вы увидели тень — и?...

— И представила, будто темнота не может пройти сквозь невидимое препятствие...или нет, я велела ей... не знаю, как я это сделала! Все происходило слишком быстро; задумываться и анализировать не было времени.

Дамблдор, устремив взгляд в камин, наблюдал за огнём; за тем, как языки пламени то поднимаются, то опадают, танцуя на углях.

— В свете последних событий, я склонен думать, что ошибся насчёт намерений Василисы. Сила, заключенная в вас... — директор улыбнулся. — Вы ведь сами не осознаете редкость доставшегося вам дара?

— Я некромант. Это я знаю. И знаю, что могу повелевать мёртвыми и тем, что так или иначе связано в человеческом сознании со смертью.

Дамблдор покачал головой.

— Эта способность лишь маленькая толика ваших возможностей, мисс Мракс. При желании и некотором, назовём это творческим подходом, ваш дар способен создавать новые виды нежити или поработать души умерших, не давая им покинуть этот мир. Во власти некроманта вампиры, инферналы, оборотни — все твари, питающиеся человеческой плотью и кровью.

— Мне всё это неинтересно, — призналась София.

И она не кривила душой. После воскрешения, или как там назвать этот процесс в Тайной Комнате, ей совсем не хотелось повторять ничего подобного.

София с облегчением вздохнула, когда Дамблдор, сменив тему, поинтересовался:

— Вы уже знаете, где проведёте рождественские каникулы?

— Нет, сэр. Не знаю.

— София, могу я попросить вас об одолжении?

— Конечно.

— Не составите ли вы нам, мне и мистеру Поттеру, компанию в путешествии, в которое я планирую поехать? Это ненадолго. Всего на несколько дней.

— Как вам будет угодно, сэр.

— Как мне будет угодно, — задумчиво повторил Дамблдор. — Я буду вам очень признателен. А теперь, уже поздно. Разрешите пожелать вам приятных снов?

— Не возражаю, — улыбнулась София. — И вам спокойной ночи, сэр.

С тех пор, как Софии исполнилось пять, она перестала пугаться темноты, но переходы, лестницы, залы Хогвартса её пугали. Замку не нравилась София. Как и слизеринцы, он был вынужден терпеть её присутствие, но делал это с трудом.

Когда проход в гостиную Слизерина закрылся, София вздохнула с облегчением, как будто заперла дверь на замок, придя с улицы поздним вечером.

Против её ожиданий, гостиная не пустовала. В ней звучали голоса. Снейп и Малфой так увлеченно беседовали, что не заметили появления третьего лица.

Профессор сидел в кресле. Угловатые, костистые запястья свисали с подлокотников, белая в зеленоватом полумраке. Малфой примостился у ног зельевара, фамильярно положив белокурую голову учителю на колени.

София, притаившись за колонной с любопытством прислушалась к их разговору.

— Какую внутреннюю проблему вы пытаетесь решить предложенным вами радикальным способом? — с ленивой насмешливостью цедил зельевар.

— Проблему телесной подготовки к неизбежному знакомству с методами Тёмного Лорда. Из всех возможных кандидатов на роль учителя я без колебаний выбираю вас.

В голосе Малфоя отсутствовали привычные капризные интонации. Он звучал до обречённости грустно.

— Я не до конца понял, простите, за что мне оказана сия сомнительная честь? — насмешливо приподнял брови зельевар.

Драко отбросил длинную челку с глаз:

— Уверен, вы лучше, чем Мальсибер, Скабиор или Кэрроу. Я уж промолчу о Грейбеке.

Пальцы профессора пробежались по светлым кудрям юноши. В этом жесте одинаково можно было усмотреть как отеческую нежность, так и затаённую страстность.

— Не вижу смысла это обсуждать, Драко.

— А я вижу! — упрямо заявил Малфой. — Тёмный Лорд недвусмысленно дал понять, как именно он намерен поквитаться со мной. Раз уж это неизбежно, я бы предпочёл выбирать карателей сам.

— Никто не предоставит вам подобного права, потому что выбор — это непозволительная роскошь.

Малфой уткнулся лбом в темную обивку кресла и застонал.

Что могло его мучить до такой степени? И о чём они говорили со Снейпом?

София, опасаясь услышать что-нибудь ещё, тихонько прокралась обратно к двери и вернулась, топая, как слон.

— Мисс Гринграсс? — сощурился Снейп. — Ещё не спите?

— Я только что вернулась после разговора с директором. Вы же сами велели мне пойти к нему.

— Я помню, — кивнул Снейп. — Уже поздно. Извольте ложиться спать.

— Да, сэр, — холодно кивнула София.

В спальне царил полумрак и зловещая тишина. Кровать Паркинсон пустовала.

А вот дверь в ванную оказалась подозрительно приоткрытой...

— Панси? — позвала София. — Панси!.. Ты в порядке?

Она уже знала, что нет. Не могла Панси плавать полтора часа подряд.

София рывком дернула дверь на себя уже приготовившись увидеть нечто страшное, но всё равно отчаянно надеясь ошибиться.

Кровь была повсюду — на кафеле, на бортиках ванны. Словно багряная змея выползала из ран на запястьях, похожих на жадно открытые рты. Кровь собралась в маслянистые лужицы на полу, запачкала палочку, лежавшую рядом с безвольно раскрытой ладонью.

Первым побуждением Софии было завизжать, отчаянно и звонко, но мысль о том, что если Панси ещё жива, то её поступок лучше не предавать широкой огласке, заставил держать рот на замке.

Подавляя подступающую тошноту, София бросилась обратно в гостиную, молясь про себя, чтобы декан ещё не ушел.

— Мистер Снейп!

— Что ещё такое, Гринграсс?! — зло сверкнул глазами Драко Малфой, оборачиваясь. — Почему ты никак не угомонишься?!

— Панси, она... идите скорее профессор! Она...

Наверное, вид у неё Софии был совсем дикий, потому что оба, и учитель, и ученик, мгновенно сорвались с мест.

Драко все-таки оказался на полшага впереди учителя.

— Мерлин, Панси!..

Упав на колени рядом с прислонившейся к бортику ванны подругой, он губами прижался к её шее, целуя и одновременно стараясь почувствовать биение пульса.

— Она не дышит! Профессор! — взмолился Драко. — Сделайте же что-нибудь!

Подхватив девушку на руки, декан стремительно вышел, почти выбежал из спальни. Драко последовал за ним.

София понимала, что её присутствие не требуется. Да и откровенно говоря, ей было страшно идти с ними. Вдруг Паркинсон умрёт? Оставаясь здесь и не видя бескровного, как у восковой куклы, лица слизеринки, надеяться на благополучный исход было легче.

Время шло. Часы показывали сначала половина второго, потом половина третьего.

София старательно вымыла ванну, отёрла кровь. Если Панси выживет, ничто не должно напоминать о её безумном поступке.

Когда стрелки часов приблизились к четырем утра, София почувствовала апатию.

Неужели Панси умерла? Вот так глупо? Разве можно лишать себя жизни только из-за того, что кто-то тебя не любит? Чего больше в этом поступке — слабости или глупости? Да и какая разница? Всё равно страшно.

— Астория?

София вздрогнула, очнувшись от полудрёмы, в которую не заметила, как провалилась.

— Драко?.. Как Панси?!

Малфой выглядел прозрачным и бескровным, как вурдалак, за ночь не нашедший ни одной жертвы.

— Она жива, Драко?! Жива?..

Не думая, что делает, София схватилась за рукав его мантии.

Малфой посмотрел на её руки и пальцы Софии разжались сами собой.

— Жива.

— Слава богу!

На сей раз усмешка Малфоя была едва заметной:

— Я бы сказал: «Слава мистеру Снейпу».

— Какая кошмарная ночь, — устало потёрла виски София. — Ты с ума сошёл, Малфой? Почему ты так себя повёл? Ты же знаешь Панси лучше других. Не можешь не знать, как много для неё значишь? Это было жестоко и бессердечно. Зачем ты так? А если бы она сегодня умерла?

— Нужно же было как-то сообщить ей о нашей с тобой помолвке, — едва уловимо пожал он плечами.

— Но не так же! — всплеснула руками София.

Драко вскинул голову, словно хотел что-то сказать, но в последний момент передумал. Несколько секунд он смотрел на Софию, потом отвёл взгляд. София видела, как быстро бьётся жилка у него на горле. В полумраке глаза слизеринца казались серебрянными, а тени под ними придавали ему странно одухотворённый вид.

Неловкая тягостная пауза грозила затянуться.

— Уже поздно, — тихо сказала София. — Я думаю, мистер Малфой, вам лучше уйти.

Ей послышалось или он действительно тихо вздохнул в ответ?

Дверь вскоре закрылась.

София осталась одна.

8. Перед Рождеством

К утру Панси вернулась в комнату, живая и невредимая. Выглядела она настолько растроенной и сердитой, что желание задавать вопросы сразу отпадало. Атмосфера в комнате угнетала, и София поспешила покинуть её как можно быстрее.

Во время завтрака она лениво, без аппетита, ковырялась вилкой в тарелке, украдкой наблюдая за столом гриффиндорцев. На Уизли, точно груша на дереве, бесстыдно висела Лаванда Браун, а Грейнджер так увлеченно и старательно беседовала с Парватти Патилл, что это сразу бросалось в глаза.

Нарисовавшиеся в дверном проёме Малфой в компании Краббэ и Гойла заставил Софию забыть о гриффиндорской зазнайке и её мачо.

Он лучше всех, он выше правил, — нараспев декламировал Малфой, паясничая и размахивая руками в такт ритму, —

Меня отец к нему направил

И всё бы классно выходило

Когда бы не был он...» Всем привет! — почти повалился он на скамейку.

В веселости Малфоя сквозило нечто бесшабашное, почти истеричное.

— Доброе утро, Панси, — кивнул он Паркинсон. — Плохо выглядишь. Критические дни выдались с большой кровопотерей?

София даже задохнулась от такой циничности. Она почему-то тешила себя надеждой, что Драко расскаивается в содеянном. Ведь не привиделся же ей его вчерашний страх, почти отчаяние? И уж никак София не предполагала, что с утра он снова продолжит травить несчастную Паркинсон.

Характерный лающий смех Малфоя раздражал до зубовного скрежета.

— О-о! — хмыкнул Забини. — Год обещает быть интересным. За какой стол не глянь, всюду мексиканские страсти. Шекспир нервно курит в сторонке.

День прошёл, как обычно: уроки, обед, поход в библиотеку, подготовка домашнего задания и ужин чередовались с привычной периодичностью.

Вечер в гостиной Слизерина пролетел непривычно тихо. Играли в шахматы. За каждую потерянную фигуру назначался штраф. Закончив игру, курили раритетные сигареты, обсуждали «Квидич сквозь века», семейные предания, сплетничали о преподавателях. Панси делала вид, что ничего не произошло и София, правильно поняв намёк, даже и не пыталась поговорить с соседкой по комнате. Да и о чём им было разговаривать?

Как же отчаянно тосковала София по дому! Даже смог над московскими дорогами отсюда казался привлекательным. Увидеть, — хоть одним глазком! — серые многоэтажные здания, чистенькие супермаркеты, сверкающие яркими неоновыми огнями улицы, Старый Арбат, Кольцевую, «Макдональдс» — тысячи вещей, которым в обыденности не предаёшь значение, и о которых потом тоскуешь сильнее всего.

Здесь, на границе Англии с Шотландией даже воздух был чужим.

Россия представлялась Софии живой водой, а вся Великобритания, особенно магическая её часть, казалась тёмными мёртвыми водами. Был здесь свой бог — Альбус Дамблдор, был сатана — Тёмный Лорд, был мессия — избранный Гарри Поттер. Свита ангелов, которые даже называли себя по имени утренней зари — аврорами, были и их

противники — демоны УПСы. Всё было, кроме нормальной человеческой жизни и нормальных человеческих взаимоотношений.

А она, София? Какое место занимает она в этой псевдобиблейской истории? На что вправе претендовать серый ангел, до конца так и не решившийся примкнуть ни к одной из сторон?

«Уйдя от адских врат
Не брошусь в двери рая
И Вечность буду я
Стоять между дверей».
***

«Дорогая София!

Сообщаю, что Рождество ты будешь встречать с английскими родственниками. Миссис Малфой встретит вас вместе с Драко Мафлосом на Кинг-Кросс.

Василиса Мракс».

Ехать придётся с Малфосом? Как ни странно, София не испытала неприязни при этой мысли. В последнее время ей даже не хватало перепалок со Слизеринским Принцем.

Вечер накануне выдался оживлённым. Казалось, весь Хогвартс, к этому часу обычно уже мирно посапывающий, решил пойти развеяться, прогуляться по коридорам. Ладно бы только студенты, но преподавателям тоже не сиделось.

Заметив мантию декана София так, скорее на всякий случай, спряталась за одной из многочисленных рыцарских статуй. Уже сотворив эту глупость она мысленно надавала себе подзатыльников. С какой стати ей прятаться от зельевара? Она просто чинно и мирно возвращалась из библиотеки в гостиную, только и всего! Правда, немного запоздало, но ведь это не преступление?

Наверное, правда была в том, что под пристальным взглядом то и дело раздражённо суживающихся глаз София всегда чувствовала себя не в своей тарелке и лишняя раз старалась не попадаться профессору Снейпу на глаза.

Как оказалось, зельевар вышагивал не один. Следом за ним семенил Филч, таща за руку Малфоя.

— Я же говорю вам, это подозрительно, — причитал школьный сторож. — Чего этому парню делать без приглашения на вечеринке у Слагхорна?

— Оставьте нас, Филч! — велел ему Снейп.

Выразив фырканием своё недоверчивое презрение и негодование, старик удалился, припадая на правую ногу.

Снейп жестом приказал Драко войти в класс.

София, изнывая от любопытства, крадучись, приблизилась и прислонила ухо к двери.

— Прекрасная игра, мистер Малфой, — донёсся голос Снейпа.

— Благодарю, — отозвался Драко.

— Мне следовало гораздо раньше обратить внимание на ваши ошибки.

— Сожалею, что досаждаю вам, сэр.

— К Мерлину пустопорожние пререкания! Ты хоть имеешь представление о том, что творишь?!

— Конечно, профессор, — невозмутимо отвечал Драко.

— Имею наглость утверждать обратное. Я уже устал повторять: тебе следует быть осторожнее. Если тебя исключат из школы...ты уже не маленький и должен понимать, чем

это закончится.

— Я понимаю. И нечего на меня так смотреть! Я знаю, что вы задумали. Только у вас ничего не выйдет.

— Вижу, Беллатрикс постаралась? — невесело хмыкнул Снейп. — У вашей тёти есть чему поучиться. Вы уже обращались к ней с просьбой, аналогичной той, с которой подкатывали ко мне?

— Идите к Мерлину, профессор!

— Ах, Драко, Драко! — с наигранной укоризной пожурил Снейп. — Самовлюбленный и легкомысленный сын не менее самовлюбленного и легкомысленного отца. Ты ведь понимаешь, что если бы я вызывал к себе в кабинет кого-то другого, а он упорно не приходил...

— Так накажите меня, — на придыхании, со страстной яростью прошептал дерзкий мальчишка.

— Не сомневаюсь, это в тебе говорит кровь Блэков. Малфои ведут себя намного сдержанней. Кем ты себя возомнил? — уже другим, не мягким, ядовито-журчащим, а холодным, сухим тоном продолжил учитель. — Роковым соблазнителем?

Увлеченная подслушиванием София слишком сильно навалилась на дверь. Та скрипнула и, к её ужасу, отворилась.

София кубарем покатилась вперёд, растянувшись у ног профессора, при этом больно ударившись коленками. Чувствуя, что сейчас просто сгорит от стыда, она не торопилась подниматься, созерцая колышущийся подол иссиня-чёрной профессорской мантии.

Провалиться сквозь землю не представлялось возможным, поэтому пришлось подниматься, готовясь к насмешкам, которые вот-вот должны были посыпаться на её голову.

— Мисс Гринграсс? — скушаяще протянул Снейп. — Куда вы торопились на этот раз?

София молчала, опустив глаза долу, мелкими глотками выпивая заслуженное унижение.

- Услышали что-то для себя интересное? — Снейп скрестил руки на груди. — Ладно, милые детки, ступайте спать. Вам предстоит пережить веселые праздники: рождество в обществе Сами-Знаете-Кого. Так что набирайтесь сил.

— Для чего? — наконец рискнула поднять глаза София.

— Мисс Гринграсс, вы любите играть в фанты?

София нахмурилась, догадываясь, что над ней в очередной раз потешаются.

— Рождественские фанты с Темным Лордом — воистину незабываемое развлечение! Хотите знать, каковы будут ставки?

— Пытки, Империи, принудительный секс. Вряд ли Сам-Знаешь-Кто потрудится изобрести что-то новенькое даже ради своей племянницы, — зло процедил Малфой.

— Вы всерьёз полагаете, что он заставит меня в этом участвовать? — ужаснулась София.

Когда зельевар повернул к Софии желчное лицо, в черных глазах вспыхнула презрительная жалость:

— А вы всерьёз полагаете, что нет?

***

В Лондон Хогвартс-Экспресс отправлялся с платформы Хогсмеда в одиннадцать часов. После завтрака, погрузив вещи в карету, запряженную невидимыми для большинства тварями, часть студентов покинула школу.

Накануне шёл мокрый снег и деревья покрылись инеем. Ветки гнулись, изнемогая под

тяжестью налипших льдинок, но выглядело это красиво.

К моменту, когда кареты дотащились до станции, у всех успели покраснеть носы. Руки от холода не спасали даже перчатки. Восхищаться пасторальными пейзажами никого не тянуло.

В поезде София поспешила занять место у окна.

День выдался пасмурным. Во второй половине снова повалил снег густыми мокрыми хлопьями. Превращаясь в дождь, некогда безупречные кристаллы каплями стекали по стеклу, чертя прозрачные дорожки и, точно лупа, преломляя и искажая мир.

Малфой в купе почти не показывался, на сей раз решив с рвением подойти к обязанностям префекта. Забини, Нотт и Краббэ с Гойлом играли в магический аналог маггловских карт. Пожалуй, за всё пребывания в Хогвартсе, время, проведённое в Экспрессе, оказалось для Софии самым спокойным.

Когда поезд прибыл на Кинг-Кросс, уже стемнело. Стрелки на часах показывали шесть.

Малфой, зайдя за багажом, повернулся к Софии:

— Гринграсс, не могла бы ты сделать одолжение?

— О чём речь, Малфой?

— Не демонстрируй, пожалуйста, моей матери, насколько плохо мы к друг другу относимся.

София, ничего не ответив, потянулась за сакфояжем.

Малфой перехватил её за руку:

— Гринграсс, пожалуйста, — с нажимом проговорил он. — Просто будь со мной поприветливее в её присутствии. И всё.

— В её присутствии я буду сама любезность. Доволен?

— Спасибо, — кивнул Драко, убирая руку.

— Не благодари. Я выполню твою просьбу с одним условием. Расскажи, чего ты хотел от Снейпа?

— Когда? — нахмурился Малфой.

— В ту ночь, когда надрался как последняя свинья и вёл себя соответствующе.

— Таких ночей было много.

— У ту ночь, когда Панси пыталась покончить с собой. Эту-то ночь ты помнишь, надеюсь?! Я слышала часть вашего разговора, слышала, как ты просил декана о каком-то одолжении? Так о чём шла речь?

— Это тебя не касается.

— А мне кажется, что касается. Малфой, для нормального парня ты слишком манерный и к девушкам излишне жёстко относишься... я бы даже сказала, жестоко. Скажи правду, ты гей?

— Я — кто?..

— Не прикидывайся! — топнула ногой София. — Ты прекрасно понимаешь, о чём я говорю.

— А если и так, то что? Тебя как-то задевает моя неправильная ориентация? Может быть, ты ревнуешь?

София набрала в лёгкие воздуха, чтобы разразиться ответной тирадой, но не успела.

— Я уже говорил тебе, что ты полная дура, Гринграсс. Даже если бы мне нравились мальчики, думаешь, я пошёл бы с этим к Снейпу?! Единственному другу моего отца и моему крёстному, которого знаю всю свою жизнь, который нам как родственник?

Малфой, схватив девушку за талию, подтащил её к себе, зашипев в лицо:

— Гринграсс! Я не...

Ярость, гнев, волнение слетело с белого лица, словно их ветром сдуло. Оно застыло в надменно-пренебрежительную маску так резко, что София не смогла удержаться и смирив странного юношу удивленным взглядом.

— Я не об этом его просил, — замораживающим тоном закончил Драко, отпуская её.

Он взял в одну руку свой саквояж, в другую — Софиин, пинком отодвинул дверь и шагнул в коридор.

***

Миссис Малфой, дожидаящаяся их на перроне, воскрешала своим образом в памяти стихи Блока:

И каждый вечер, в час назначенный

(Иль это только снится мне?),

Девичий стан, шелками схваченный

В туманном движется окне.

И медленно, пройдя меж пьяными,

Всегда без спутников, одна

Дыша духами и туманами

Она садится у окна.

И веют древними поверьями

Её упругие шелка,

И шляпа с траурными перьями,

И в кольцах узкая рука...

Единственным светлым пятном в облике этой Незнакомки были волосы, во всем остальном преобладал черный цвет.

— Драко, дорогой! — шагнула Нарцисса навстречу сыну.

Лицо её, озарившись светом любви, из просто красивого стало прекрасным.

— Как поживаете, мисс Гринграсс? — обратилась она к Софии.

Миновав платформу 9, они подошли к значку 13 1\5. Шагнув за барьер, оказались в чистом поле, во власти свирепой метели. Экипаж, запряжённый чёрными, как смоль, лошадьми, воскрешал в памяти карету графа Дракулы — лакированная, с черными занавесками на окнах, покрытая серебристыми вензелями, изображающими ощерившихся рептилий она сразу выдавала в своих владельцах темных магов.

Драко помог подняться в экипаж сначала матери, потом Софии.

В карете, против ожиданий, было почти так же холодно, как и на улице, с той лишь разницей, что не задувало со всех сторон, да не кололо кожу ледяными иглками остроконечных снежинок.

— Куда мы едем? — спросила София.

— В резиденцию Тёмного Лорда.

9. Возвращение в логово Змея

Карета подозрительно раскачивалась. София предпочитала в окно не смотреть. Её терзали подозрения, что экипаж запряжен не лошадьми, что черногривые красавцы всего лишь иллюзия, и мчатся они сейчас не по тверди земной, а по облакам.

— Об отце есть известия? — спросил Драко у Нарциссы.

Леди Малфой покачала головой:

— Он жив, Драко, а это сейчас самое важное. Тёмный Лорд дал слово, что Люциус скоро будет на свободе, с нами.

— Ага! — зло скривился тот. — Только забыл уточнить, каким образом. Наверное, когда Дамблдор сдохнет, своды Азкабана падут сами собой?

От нового толчка София едва сама не упала Нарциссе на колени.

Движение прекратилось. Они приехали.

За распахнутой дверью путешественников встретил Скабиор. София невольно задержала на нём взгляд. Он неизменно приковывал её внимание встрёпанными волосами, ломаной пластикой движений и язвительно-задумчивым взглядом:

— Добрый вечер, миссис Малфой, — поклонился он, — добрый вечер, мастер Драко. Мисс Мракс, — отвесил егерь и Софии издевательский поклон, — Тёмный Лорд ожидает вас.

Любимый дядюшка сидел за письменным столом и в ожидании племянницы перебирал бумаги. Общество ему, как всегда на досуге, составляла Нагайна. Змея дремала, устроив голову на плече у хозяина.

Стоило перешагнуть порог, рептилия зашипела. Со стороны это звучало весьма грозно, но на деле же она просто здоровалась.

— Добрый вечер, София, — кивнул Волдеморт. — Пребывание в подземелье не пошло тебе на пользу. От бывшего румянца, увы, не осталось следа. Садись, — отбросив в сторону перо, темный маг потянулся. — Не люблю разговаривать, глядя на собеседника снизу-вверх.

София села.

Она старательно разглядывала собственные руки, прилагая усилия к тому, чтобы не думать ни о чём, что могло бы привлечь внимание или (тем более), разозлить любимого дядюшку.

— Пустые хлопоты, моя милая, — задумчиво постучал пальцами по столешнице Тёмный Лорд. — Если мне потребуются твои мозги, я возьму их с легкостью. Так что не трудись.

Ножки кресла закрипели по паркету, Волдеморт поднялся.

— Полученные тобой оценки не впечатляют. Признаюсь, я ожидал от тебя большего. Ну ладно, Мерлин с ней, с учёбой. Расскажи, как тебе понравился избранный жених?

София поморщилась:

— Он не может нравиться.

— Очень даже может, — возразили ей. — Белла, например, от него в восторге. Ты кривишь душой.

— В каком смысле?

— В прямом. О том, кто не «может нравиться» обычно много не думают, а Драко

Малфой постоянно присутствует в твоих мыслях. Никогда не лги самой себе, София. Другим — сколько угодно, но не себе. Ступай, приведи себя в порядок, переоденься к ужину. Одень что-нибудь нарядное. Не выношу дурно одетых людей. До тошноты в приюте насмотрелся на всякое убожество и теперь хочу, чтобы меня окружало всё только самое красивое.

Согласно УПСовской моде Софию ожидало чёрное узкое платье со шлейфом.

Как у большинства россиянок, у девушки был летний тип внешности — волосы пепельного оттенка, светлая, холодного оттенка кожа с легким намеком на румянец. Глубокие чёрные тона шли ей не больше, чем Ленусику. Если бы не бриллианты, можно было бы подумать, что София в глубоком трауре.

Когда она спустилась, Долохов и Якли поприветствовали её дружелюбным кивком, Нотт, Краббэ и Гойл-старшие покивали со сдержанной вежливостью, Рудольфус Лейстрейндж и профессор Снейп ограничились беглым взглядом, а Рабастан сделал вид, что Софии в его реальности просто не существует.

— София, повальсируешь со мной? — предложил ей руку Темный Лорд.

— Но ведь никто не танцует? — возразила она.

— Мы это исправим.

Взмах волшебной палочкой наполнил зал музыкой.

— Я плохо танцую, — предупредила София.

— Зато я — отлично, — с улыбкой сказал Волдеморт и положил руку на волнуемый изгиб девичьего стана. — Я всегда всё делал на отлично. Иногда это даже утомляло. Теперь, случается, думаю, может и не стоило прикладывать так много усилий к пустякам?

Видя твой драгоценный жених заскучал в обществе своих быстро пустеющих бокалов, — неприятно ухмыльнулся Темный Лорд. — Пора ему напомнить о твоём существовании.

— Может, не стоит? — попробовала возразить София.

Но кто б её слушал?

Они остановились у камина, у которого Драко Малфой коротал вечер.

Сегодня вечером Слизеринский Принц, вопреки привычке, был в белом костюме, и София подумала, что белый цвет идёт ему ничуть не меньше чёрного.

— Драко, — вкрадчиво поинтересовался Тёмный Лорд. — Не желаешь потанцевать со своей невестой?

Малфой на секунду замешкался, ставя пустой бокал на поднос.

— Мистер Малфой, — прошелестел Тёмный Лорд, — я не люблю разговаривать с людьми, демонстрирующими мне свою спину. Создаётся, бесспорно, ложное впечатление, что мною пренебрегают.

— Простите, милорд. Я не хотел выказывать неуважения. И конечно же я потанцую с вашей племянницей, если вы на этом настаиваете.

— То есть, если я бы не настаивал, тебе бы даже и в голову не пришло поинтересоваться своей невестой? — посмеиваясь, произнёс Тёмный Лорд. — Как лестно для девичьего самолюбия, не правда ли? — небрежно бросил он Софии.

За плечом обожаемого господина хрипло засмеялась нарисовавшаяся Белла. Вот уже четверть часа она развлекалась тем, что безрезультатно висла на невозмутимом Снэйпе, и ей это явно наскучило. Она была рада развлечься, пусть даже и за счёт племянника.

— Чего вы от меня хотите? — глаза у Малфоя блестели, то ли от ярости, то ли от наворачнувшихся слёз.

Тёмный Лорд брезгливо поморщился:

— Всегда недолюбливал Блэков: богатые, самоуверенные, набалованные психи. Стеклярус, возомнивший себя бриллиантом. Уж, прости, Белла, но такова правда. Ты же, мальчик, превзошёл всех, что были до тебя.

— Мой лорд, Драко не Блэк, — возразила Белла.

Она зашла за спину племяннику, припадая к его плечу. Глянцевые черные глаза горели весёлым безумием.

— Он — Малфой!

Тёмный Лорд никак это не прокомментировал.

— Ты спрашиваешь, чего я хочу? — обратился он к Драко. — А чего можно хотеть от жалкого подобия человека? Чего можно желать от маленькой пакости, способной ударить лишь в спину?

— Мой лорд ко мне пристрастен, — дрогнувшим голосом проговорил Малфой.

— Да-а? — прошипел Волдеморт. — Ну, извини, беспристрастнее я не бываю. Может, стоит задуматься над тем, чтобы сменить хозяина? А? Что ты на это скажешь? — голос Темного Лорда звучал с презрительной ласковостью, — Ты — убогая грязь, желчная дрянь. И я терплю тебя только из-за твоего отца. Но запасы моего, воистину ангельского терпения, не безграничны. Заруби себе на носу, щенок, — презрительно закончил Волдеморт, — я либо сделаю из тебя мужчину, либо — убью.

Равнодушно, почти беззлобно вослед полетело непростительное:

— Круцио!

Драко закричал, да так, что уши заложило.

Белла сморщилась; Снейп отвернулся. На лицах остальных не отразилось ничего.

Волдеморт на секунду отвел палочку в сторону:

— Давай, юный Малфой, — растекался по комнате ядовитый тихий голос. — Покажи, на что ты способен?

Драко силился удержаться на трясущихся ногах, но те, не слушаясь, подогнулись. Из носа на белоснежную рубашку обильно стекала кровь.

— Круцио! — повторил Волдеморт.

Драко упал. Его трясло так, будто тело пронзало электрическими разрядами. Какое-то время ему удавалось сдерживаться, но несмотря на все старания, через несколько мучительно долгих секунд с губ снова сорвался крик.

Темный Лорд отвел палочку в сторону. Алый луч погас.

Драко дышал так часто, что Софии даже сделалось страшно: а вдруг он задохнётся от гипервентиляции лёгких?

— Будь мужчиной, Драко Малфой, — презрительно произнёс Тёмный Лорд. — Учись держать себя в руках.

— Я стараюсь, мой лорд... — прохрипел тот в ответ.

— Терпение лучшая добродетель. Круцио!

Драко корчился на полу, его кулаки сжимались, ногти до крови впивались в ладони. С усилием подняв трясущуюся руку к губам, он закусил костяшки пальцев, но больше так и не закричал.

Чувствуя, что не в силах на это смотреть, София отвернулась, переводя взгляд на Беллу.

Женщина наблюдала за племянником из-под опущенных век, грудь её тяжело и часто вздымалась. На лице была не жалость, не сочувствие, не возмущение жестокостью своего

господина — на нём крупными буквами было написано желание, похоть хищницы, получающей удовлетворение от созерцания чужих мук.

— Уже лучше, — насмешливо похвалил Тёмный Лорд. — На первое время — сойдет. На сегодня урок закончен. Можешь быть свободен, Малфой. София! Помоги жениху добраться до его комнаты, а то ещё сдохнет тут посреди зала.

По залу летел легкий, холодный, безжалостный смех Тёмного Лорда — смех существа без души, без сердца и совести.

Не слишком охотно София приблизилась к молодому человеку.

— Малфой? — позвала она, опускаясь рядом с ним на колени. — Драко?

С тихим стоном он приоткрыл веки. Всегда такие красивые и ясные, сейчас серые глаза покрылись красными полосками лопнувших сосудов.

— Нужно уходить, — зашептала она. — Встать можешь?

— Попытаюсь, — кивнул он.

Перекинув руку юноши через плечо София обняла его за талию, помогая подняться.

Драко всегда казался легким, грациозным, тонким и резким, как росчерк пера. Так откуда же в его тощем теле такой вес?

— На каком этаже твоя спальня?

— Не стоит со мной нянчиться. Сам доберусь.

— Не доберёшься. Рухнешь где-нибудь на лестнице.

— Поглядите, какие мы милые!

— Впереди ещё столько этажей... спорим, по закону подлости, твоя комната на самом верху?

— Угадала, — невесело усмехнулся он. — Ладно. Убери руки. Я же сказал — пойду сам.

Оттолкнувшись от стены, он сделал несколько шагов, но потом начал медленно оседать на пол. София едва успела подхватить его.

— Где твоя девичья скромность, Гринграсс? Так навязываться молодым людям? Ай-яй-яй...

По лицу Драко, по тому, как он сжимал губы и судорожно цеплялся за перила, было заметно, что он еле держится.

Когда они, наконец, добрались до его комнаты, София в нерешительности потопталась у порога.

— Иди к себе, Гринграсс. Что у тебя за привычка всё время на меня таращиться.

— Я не таращусь, я... — София осеклась, решив не развивать эту тему. — Ладно, отлёживайся. Спокойной ночи.

— Приятных снов, деточка, — насмешливо полетело в ответ.

10. Дом призраков

Ванная впечатляла со знаком минус. Купаться в ней было равносильно самоубийству — всё равно, что напрашиваться на воспаление легких. Мало того, что отсутствовал всякий намёк на отопление, так ещё свободно задувало со всех щелей, а оных насчитывалось немалое количество.

Кое-как приведя себя в порядок, замерзшая и злая, София, вернулась в спальню, где споткнулась о взгляд Волдеморта.

— Доброго утра, — милостиво снизошёл до кивка великий родственник.

— Д..доброго, — запинаясь, отозвалась девушка. — Я не ожидала, что...

— Не важно, — отмахнулся Тёмный Лорд. — Предлагаю не тратить время на пустопорожнюю вежливость. У меня к тебе, София, есть дело.

— Какое дело? — сразу насторожилась она.

А кто бы на её месте не насторожился бы?

— Предстоит отправиться в Исландию. Есть такое островное государство в северной части атлантического океана...

— Я знаю, где находится Исландия, дядя, — раздраженно фыркнула девушка. — Зачем я должна там оказаться?

— На одном из островов есть замечательный дом где, по слухам, поселились то ли призраки, то ли демоны. Прибудешь туда. Оглядишься. Почистишь дом от нечести.

— Я?... — нервно моргнула София. — Но я же не священник!

— Ты некромант. Это даже лучше.

— Никакой я не некромант. Да я понятия не имею, как заклинать всю эту нечисть. Вы же видели мои оценки? Я почти ни на что неспособна, да это и не удивительно, учитывая мой опыт...

— Поедешь и точка, — отрезал Темный Лорд, хрустнув пальцами. — Я уже отмечал, что недоволен результатами твоего обучения в Хогвартсе? Мои обучающие методы, как ты могла вчера заметить, много жёстче, зато и куда эффективнее, чем беседы со вкусом лимонных долек у Дамблдора. Твой дар позволяет повелевать мертвыми. Вот поезжай и повеливай.

— Дядя! — взмолилась София. — Дар — даром, но, чтобы справляться с монстрами, необходимы знания, умения! А у меня их нет! Я не могу...

— Если Василиса права, то ты с легкостью справишься, — холодно отрезал Темный Лорд. — А если нет, то ты мне не нужна.

— Пожалуйста! Пожалуйста, не поступайте так со мной!

— Никогда ничего ни у кого не проси, и никто не посмеет унизить тебя отказом.

Мир стал неясным, размытым — это на глаза набежали слёзы.

Да, просить, биться в истерике, валяться в ногах бесполезно. Это существо холодно ко всему, одинаково ко всем беспощадно и безразлично.

***

В разбитое окно тянуло сквозняком. Остро пахло плесенью, сыростью, затхлостью и тленом. По полу густым пушистым ворохом проросла пыль, кое-где на ней виднелись следы от острых коготков. Сверху, с потолка, спускалась затянутая паутиной люстра, щеголяющая

разбитыми хрустальными рожками. На окнах болтались некогда пышные, но успевшие истлеть бархатные занавеси, их первоначальный цвет даже угадать не представлялось возможным. В засиженные мухами окна свет пасмурного дня едва пробивался, везде царила полумгла.

Почти в каждой комнате были часы. Они висели на стенах, стояли на полу, полках, каминах, подзеркальниках. На всех замершие стрелки показывали половину четвертого, то ли утра, то ли вечера?

За господской половиной дома тянулся коридор, ведущий в служебные помещения — кухню, прачечную, кладовки, где на проржавевших крюках продолжали свисать давно истлевшие туши. На кухонном столе стояла затянута коричневой грязью чашка, словно кто-то так и не успел её допить. В раковине плавала алая муть, издалека до жути напоминающая кровь. Запах витал соответствующий. Зажав нос, София поспешила выйти.

Вернувшись в гостиную, она заставила себя подняться по лестнице, ведущей в коридор на втором этаже, выполненный в виде длинного балкона. С одной стороны истлевших половиц тянулась стена, завешенная картинами, с другой — деревянный бордюр. Портреты чередовались с дверями. За дверями таились маленькие, тесные комнатки.

Пока дом безмолвствовал. Скорее всего до наступления темноты следовало запастись терпением и, по-возможности, свечами.

Вернувшись на кухню, София принялась шарить по полкам, игнорируя мерзкий запах и налипающую на пальцы паутину. Усилия её увенчались успехом — удалось отыскать несколько свечей. Хотя, если подумать — на что свечи, когда есть Люмос? Просто необходимо было чем-то заняться, пока минуты складывались в часы ожидания.

Софии никогда в жизни не было так страшно. То, что ждало её, было частью Ада, — иррациональное, необъяснимое, непредсказуемое.

Ожидание выматывало. Час за часом ничего не менялось. Всё так же недвижимо лежала пыль, тускло мерцали зеркала, стояли часы.

Наконец в дверь постучали.

София стояла на вершине лестницы, с силой сжимая перила, и расширенными глазами смотрела, как сотрясается дверь под ударами пустоты. Она изо всех сил сдерживала дыхание. Затихнув, словно трусливый зайчишка, спрятавшийся под кустом от волка, она отчаянно надеялась, что зловещий стук вот-вот прекратится.

Когда стихли удары, заголосили канализационные трубы. Казалось, чья-то рука разом открыла все краны и завоздушенная добрую сотню лет система освобождалась, выдыхая из себя скопившиеся нечистоты.

В голове издевательски зазвучали строки Маяковского:

«А вы ноктюрн сыграть смогли бы
На флейте раскаленных труб?»...

Впрочем, только безумец мог бы назвать какофонию звуков ноктюрном.

— Силенцео! — крикнула София, взмахнув палочкой.

Возмущённо булькнув, дом заткнулся.

Наступившая тишина казалась более зловещей, чем недавний истошный вой.

Дом злился и готовился к новой атаке. С каким-то извращенным любопытством, София ждала, что же он предпримет дальше?

Ждать пришлось недолго. Широко распахнулись окна, одно за другим. Ворвавшийся ледяной ветер развеял наложенные Софией чары молчания и сквозняки завывали, словно

ранненные звери.

Когда сверху упала одна из массивных цепей, удерживающих тяжелую громоздкую люстру, София поняла — дом перестал просто пугать. Он стал по-настоящему опасен.

Картины и светильники со свистом полетели со стен на пол, будто невидимая рука срывала их в ярости, бросала, разбивала, крошила в мелкие щепы.

Потом послышался звук шагов. Сначала в одной стороне, потом в другой. На втором этаже забегало множество маленьких ног.

С громким тиканьем пошли часы, трезвоня со всех сторон на разные лады.

Сначала София списала это на игру света и тени. Потом, обернувшись, воззрилась, не в силах поверить: у лестницы стояла девочка, одетая в платьице, похожее на наряд Мальвины. Из-под юбочки выглядывали кружевные панталончики. На голове красовался огромный старомодный бант. Когда-то он был белым, но теперь выглядел так, как и полагается выглядеть тряпкам, тлевшим в земле больше полувека. Девочка подняла лицо.

Одна его половина оказалась обезображена: глазное яблоко висело на отвратительных белых ниточках, из развороченного рта торчали обнаженные зубы. Вторая же его половина была по-прежнему красива: округлая щечка, мягкий изгиб совершенных губ.

Изуродованный труп, рыча, кинулся на непрошенную гостью.

— Левиоса! — отшвырнула София инфернала и бегом поднялась по лестнице, увёртываясь от падающих картин. Вбежав в одну из комнат, заперла за собой дверь. Взгляд метнулся по сторонам: лавка под окном, стол, заваленный чем-то, подозрительно напоминающим птичьи перья, кровать, закрытая полуистлевшим балдахином, колышущимся под порывами сквозняка.

Или не сквозняка?..

Равномерный скрип пружин...

В прорехе ткани мелькнули полуразложившиеся, посеревшие, раздувшиеся тела утопленников, совокупляющиеся друг с другом с механической монотонностью.

Пружины скрипели...

София потянула за ручку и с ужасом поняла, что та не поддаётся. Дернула ещё раз. Ещё! Ещё! Безрезультатно.

Кольца балдахина съехали в сторону.

При жизни, возможно, любовники были даже стройны и привлекательны. Но сейчас при взгляде на них невозможно было удержаться от тошноты. Переплетённые тела, словно чудовищный краб, поднявшись на вывернутые под неестественным углом конечности, поползли к Софии. Колыхались раздутые животы и груди, белые, как жабье брюшко.

— К нам! К нам! К нам! — стонали они.

— Алохомора! — завопила девушка.

Дверь сорвало с петель. София кинулась в образовавшийся проход. Далеко, однако, не убежала: между ней и лестницей стояло с десятков инферналов. Белых, с отрешенными лицами и залитыми чернотой глазами.

— Бомбарда!

Вверх полетели щепки и шпукатурка. В облаке пыли призрачные фигуры словно растворились.

София, не теряя времени, кинулась к выходу.

На пороге она снова наткнулась на препятствие, упав в чьи-то руки.

— Тише, Гринграсс! — зашипел над ухом знакомый голос. — Тише! Совсем спятила?

— Малфой?! Это действительно ты?! — София судорожно вцепилась в рукав его мантии. — О, господи, Малфой! Ты здесь? Какое чудо!!!

— Вот уж не думал, что доживу до того момента, когда моё появление ты приравниешь к чудесам, — съехидничал он.

— Нужно срочно выбираться отсюда. Убираться с этого проклятого острова!

Малфой не мешал Софии заливаться слезами. Не отталкивал и не обнимал, просто стоял и ждал, когда её истерика сойдёт на нет.

— Полегчало? — спросил он, когда её рыдания перешли во всхлипы. — Ну а теперь слушай. Уйти, не выполнив задание Лорда мы не можем. Поэтому придётся вернуться.

София замотала головой.

— Я туда ни за что не вернусь!

— Придётся, Гринграсс. Просто поверь на слово — лучше инферналы, чем разъярённый Тёмный Лорд.

— Но что можно сделать с таким количеством инферналов? Может быть лучше спалить этот дом к чертям собачим?

Драко покчала головой:

— Тёмный Лорд хочет, чтобы мы очистили дом, а не уничтожили его.

— Но как это можно сделать?

— Не знаю. Это у тебя сила управлять мертвецами.

— Я не умею. К тому же их там слишком много...

— Давай начнём с малого? Я призову кого-нибудь одного, а ты потренируешься? — предложил Драко.

Других вариантов не было, поэтому стали действовать по плану Малфоя.

— И как мы будем призывать мертвецов?

Через минуту что-то, подозрительно напоминающее мумию, упало на землю. Малфой поморщился.

— Половина дела сделана, — взмахнул он палочкой. — Дальше твоя работа.

Холод. Он распространялся от оскаленного, сморщенного трупа. Леденящий холод и маленькие воронки черноты. Будто кляксы.

«Во имя Отца, и Сына, И Святого Духа, Изыди, нечистая сила! Убирайся в ад во веки веков. Аминь!».

Воронки убыстряли вращение, чувство холода усиливалось.

Кап. Кап. Кап...

Где-то далеко лежит озеро, полное темных вод...

Озеро без дна и без движения.

Неподвижное мертвое озеро, куда возвращаются маленькие черные кляксы, заставляющие двигаться тела мертвецов.

***

София поняла, что была в трансе, только тогда, когда вынырнула из него.

— Ты сожгла труп даже без палочки! — восхитился Малфой.

Не прошло и четверти часа, как они любовались на исполинский костер.

— Малфой?

— Что?

— Спасибо, что пришёл. Что помог. Что просто был рядом.

— На здоровье, Гринграсс, — кивнул он.

11. Сектумсемпра

Каникулы закончились. Жизнь в магической школе понеслась по привычному кругу: уроки, обеды, походы в библиотеку, язвительные замечания Снейпа, не замечающие взгляды Малфоя и внимательный, изучающий — Поттера.

София изо всех сил старалась не попадаться на глаза Дамблдору и, по возможности держаться подальше от Паркинсон. Она с головой погрузилась в учебу, стремясь хоть как-то сравняться в знаниях с однокурстниками. В библиотеке то и дело приходилось сталкиваться с Грейнджер. Девушки вежливо раскланивались, садились с книгами за разные столы и, не перебросившись ни словечком, читали.

Со слизеринцами София больше не конфликтовала. Однокурсники её не замечали и роль невидимки её вполне устраивала. Однако случались дни, когда хотелось обыкновенного человеческого тепла и дружеского участия. В такие дни София с тоской посматривала на гриффиндорский стол. Там человеческие чувства и отношения не были под запретом, там было всё то, о чём она мечтала.

С приходом февраля снег почти полностью сошел, морозы сменились пронизывающей сыростью. Непрерывно лили дожди, размывая газоны.

В это время в Хогвартсе шестикурсники традиционно записывались на курсы по аппарации. Учить студентов прибыл колдун из Министерства и первый урок был назначен на субботу.

— Доброе утро, — проговорил невзрачный на вид человек. — Меня зовут Уилки Эйджели. В ближайшие двенадцать недель я буду учить вас аппарировать.

Заметив, что Малфой резко выговаривает что-то Краббэ и Гойлу, София отвлеклась.

Оба здоровяка выслушивали Слизеринского Принца понутив головы. И все, включая Малфоя, выглядели взволнованными.

МакГонагалл тоже это заметила, и с видимым удовольствием прокричала на весь зал:

— Мистер Малфой, замолчите же, наконец!

Губы профессора Снейпа раздражённо изогнулись. Он явно не был в восторге от замечания, сделанного его любимому ученику и смерил гриффиндорскую профессоршу яростным, обжигающим взглядом.

— Вы, вероятно, знаете, что на территории Хогвартса аппарировать невозможно, — бубнил, между тем, министерский колдун. — Однако директор снял заклятие. Всего на час и в пределах Большого Зала. Подчеркну, проникнуть за стены Большого Зала нельзя и с вашей стороны это было бы глупо.

Урок прошел безуспешно. Переместиться так никому так и не удалось, даже всезнайке Грейнджер.

— Малфой, — догнала блондина София по дороге в подземелья. — Нам нужно поговорить.

— Соскучилась и решила признаться мне в любви?

Взгляд у него был колючий и затравленный, словно у зверя, загнанного в ловушку.

— Жду тебя после девяти в туалете Плаксы Миртл.

Когда в девять часов девушка переступила порог женской комнаты, к её удивлению, Малфой уже ждал её там.

— Привет... — начала была София.

— Здоровались уже, — дернул плечом блондин. — Чего тебе надо? Зачем мы здесь?

София отметила, что выглядел он бледным и усталым.

— Я беспокоилась...

Губы юноши сложились в знакомую, кривую ухмылку.

— Гринграсс, неужели обстановка кажется тебе подходящей для романтических признаний? — закатил он глаза. — Если ты закончила, я, пожалуй, пойду.

— Нет. Я не закончила. Я даже ещё и не начинала.

— Ну так начни, — предложил Малфой.

— Я знаю о задании, который дал тебе Тёмный Лорд.

— О чем ты, Гринграсс?

София внимательно поглядела ему в лицо:

— Как именно ты планируешь убить директора, Драко?

Какое-то время они оба молчали, привыкая к тому, что это сказано вслух.

После длительной тягостной паузы блондин пожал плечами

— У меня нет плана, Гринграсс. Я понятия не имею, как прикончить одного из самых выдающихся магов современности, с которым не сладили ни Гриндевальд, ни сам Темный Лорд.

— Поттер следит за тобой. Ты об этом знаешь? Сегодня он глаз с тебя не сводил.

— Да он всегда рыщет вокруг, словно влюбленная барышня!

Малфой прислонился лбом к колонне, словно пытаясь унять мучающий его жар прикосновением холодного бесчувственного камня.

— Да и какая разница? Пусть следит! Вряд ли что путное выследит. Меня это не волнует. Единственное, что меня сейчас беспокоит, так это то, что мама полностью находится во власти Темного Лорда. А я, как любит говорить твой дядюшка: «этакая маленькая пакость», ничего не могу сделать.

— Тёмный Лорд говорил, что не любит причинять женщинам боль.

— Зато он любит использовать женщин, чтобы причинять боль мужчинам. Ты же поинмаешь, что мне не справится с Дамблдором, — в отчаянии сказал Драко. — Более того — я и не хочу справляться! Если его не станет... — он отвернулся, не договорив фразу до конца. — Я устал! Устал бесконечно ждать конца.

София не нашлась, что сказать, чтобы хоть как-то его утешить.

***

Пара недель промелькнуло незаметно, без приключений. Несмотря на временное затишье Софию не покидало ощущение, что Хогвартс — это большой корабль, который в любую минуту может попасть в полосу шторма. Казалось, все они бодро шагают над пропастью, каждый глядя строго перед собой и игнорируя факт, что под ногами бездна, в которой нет дна.

Малфой с каждым днём всё больше нервничал и всё чаще исчезал. Порой даже прогуливал занятия, а Панси глядела волком, как будто в происходящем была Софиина вина. Поттер не переставал вынюхивать. Мальчик-Который-Выжил, всё время прислушивался и присматривался, неотвязно вращаясь вокруг объекта под названием Драко Малфой. Герой явно что-то подозревал. И подозревал — активно.

В тот день Поттер как обычно опоздал на урок по Защите от Темных Искусств — он часто опаздывал, хотя на другие предметы являлся всегда вовремя. Напряжение между

Слизеринским деканом и дамблдоровским любимчиком нарастало, становилось почти осязаемым — хоть ложкой черпай. Ни учитель, ни ученик не желали идти на компромисс во взаимной антипатии.

— Снова опоздание, Поттер? — презрительно изогнул губы профессор Снейп, не удосужившись даже взглянуть на надежду магической Британии и гордость Гриффиндора.

Небрежно облокотившись на кафедру, учитель наблюдал, как Избранный, взлохмаченный, серьёзный и злой, пробирается к месту рядом с лохматой Грейнджер и красавчиком Роном.

— Минус десять баллов с Гриффиндора, — с видимым наслаждением осязая каждый слог, просмаковал учитель.

Во взгляде Поттера сверкнула такая яростная ненависть, что София передёрнулась. Однако Снейп и бровью не повёл.

На самом деле «минус десять», было через чур — половина класса ещё даже учебники достать не успела. Снейп придирался, не таясь и не скрываясь, получая от процесса удовольствие.

— Прежде всего хочу собрать ваши работы по дементорам, — оповестил класс учитель. — Ради вашего же блага надеюсь они лучше того вздора, что мне пришлось читать о сопротивлении проклятию подвластия. А теперь, если вы сообразовали открыть учебники... в чём дело, Финниган? — раздраженно обернулся Снейп к осмелившемуся робко поднять руку подростку.

— Скажите, сэр, как отличить привидение от инферния?

София вздрогнула, почувствовав, как ладони становятся влажными.

— С чего вас вдруг это заинтересовало? — шелковым голосом поинтересовался профессор.

— В «Прорицательской» писали...

— Ничего подобного — скучающе возразил профессор. — Ничего подобного в «Прорицательской» не писали. Если бы вы внимательно читали газету, то поняли бы, что речь идет не об инферниях, а о жалком воришке. Кажется, Поттеру есть чем с нами поделиться? — слизеринский декан впился черными глазами в золотого гриффиндорца.

Мальчишка выпрямился, отстраняясь от Рона, с которым что-то увлеченно только что обсуждал. Рыжий принял недовольный, сердитый вид.

— Поведайте нам, юноша, чем же привидения отличаются от инферналов? — продолжал допытываться преподаватель, не потрудившись изгнать из голоса насмешку.

— Э-э...м-м...привидения прозрачные, — промямлил Гарри.

— Гениально, — издевательски восхитился Снейп, — привидения прозрачные? Шесть лет не прошли для вас даром, Поттер! Потрясающий ответ!

Паркинсон хихикала, Забини ухмыльнулся. Даже Малфой, в последнее время витающий на уроках в облаках, начал прислушиваться.

— Да, — вскинув подбородок, твёрдо, с вызовом, заявил гриффиндорец, — привидения — это духи, а значит они прозрачные. А инферналы трупы, поэтому они твердые.

— Великолепно, Поттер. Ве-ли-ко-леп-но. Поведано с непосредственностью пятилетнего ребёнка. Ответ же студента шестого курса должен был звучать приблизительно так. Инфернал это труп, воскрешённый заклятием черного мага. Обычно для создания инферния требуются жертвоприношения, как правило, человеческие. Создать инферналов способен далеко не каждый маг. Но существует очень редкая каста, получившая название

некромантов, о которых вы, безусловно знаете? Мисс Грейнджер, вам известно, кто издревле обладал некромантическими способностями?

— Салазар Слизерин? — не очень уверенно прозвучал звонкий голос всезнайки.

— Паркинсон? — обернулся Снейп к старосте Слизерина.

— Сам Салазар Слизерин не обладал способностями некроманта, но среди его потомков этот дар проявлялся довольно часто. За способность подчинять Темные Силы их называли Мраксами. Самое главное, что отличает инферналов от привидений — первые не самостоятельны. Они действуют как марионетки, повинаясь воле своего повелителя, — закончила Панси.

— Как зомби? — сорвалось с губ Софии.

— Верно, — согласился Снейп, — магглы называют инферниев зомби. В то время, как привидения есть суть оттиск почившей души, оставшейся на земле...прозрачный оттиск, по замечанию юного Поттера.

— Да Гарри по сути же верно все сказал, — вмешался Рон, поддерживая друга. — Вот иду я темной ночью, встречаю нечто. Переулочек тёмный. Пойди, сразу пойми, твердый он или нет? Не спрашивать же: «Извините! Вы случайно не оттиск почившей души?».

По классу пробежал хохоток, быстро сникший под профессорским взглядом.

— Очень умно, Рональд Уизли, — усмехнулся одними уголками губ профессор Снейп. — Минус ещё десять баллов с Гриффиндора. А теперь, класс, открываем учебники на странице двести тринадцать, и читаем два абзаца о пыточном проклятии...

За ЗОТИ следовало зельеделание.

— Давайте забавляться, — весело потирая руки, почти пропел профессор Слагхорн. — Сегодня каждый из вас приготовит мне что-нибудь интересненькое!

— В каком смысле интересненькое? — процедил Малфой.

— Удивите меня чем-нибудь! — легкомысленно всплеснул толстыми ручками своеобразный человек.

София видела, что Драко злится.

— Пустая трата времени, — процедил он сквозь зубы.

— Тише, — предупредила София, указывая взглядом на Поттера, который не сводил с них глаз, наблюдая поверх учебника.

Урок кончился тем тем, что профессор расхвалил своих любимчиков, а на остальные работы едва глянул.

Отсидев в библиотеке несколько часов, готовясь к завтрашним Рунам, София, поднявшись в спальню, нашла среди свитков, приготовленных к завтрашнему дню, записку:

«Жду тебя у входа в Комнату Секретов. Нужно срочно поговорить».

Поднявшись на седьмой этаж, София свернула к туалету Плаксы Миртл.

В уборной стояла глухая тишина, свойственная пустым помещениям. Но в треснувшем зеркале успели отразиться две половинки Малфоя: тонкая черта поперёк зеркала ломала юношеский образ на части.

— Я боялся, ты не придешь, — признался он.

София пыталась сообразить, что могло взволновать Драко до такой степени, чтобы он сам снизошел до приватной беседы?

— Это правда, что ты можешь отозвать дементоров из Азкабана?

— Что?!.. Нет, конечно!

— Вчера я слышал, как Рабастан говорил Яксли, будто Темный Лорд собирается

вытащить наших из Азкабана, рассчитывая в этом на тебя. Там, в Доме с призраками Темный Лорд просто проверял твои силы, понимаешь? Если все получится, — Малфой до боли стиснул руку Софии, — если всё получился, мой отец может выйти на свободу!

— Это хорошо или плохо? — на всякий случай уточнила София.

— Ты ещё спрашиваешь?

— Драко, это глупости. Я даже не представляю, как эти дементоры выглядят.

— Можешь поверить на слово — жуткие твари. Инферналы по сравнению с ними пушистые зайчики и плюшевые мишки.

— Сомневаюсь, что что-то получится.

— Должно получиться, — вздохнул Драко. — Темный Лорд не прощает неудач.

В коридоре за дверью что-то дико загрохотало, заставляя Драко и Софию отскочить друг от друга.

Лицо Малфоя исказилось первобытной, дикой яростью.

— Поттер! — прошипел он, растягивая слова, выплёвывая каждую букву. — Выхухоль очкастая! Так и будешь всюду таскаться за мной?!

— Драко! Не нужно! — попыталась остановить его София, но блондин стряхнул её, словно надоедливую муху.

— Что вы здесь делаете? — потребовал отчета Гарри меряя слизеринца холодным, изучающим взглядом.

— Не твоё дело, — вскинул голову Драко. — Может быть, у нас тут свидание?

Гриффиндорец недоверчиво фыркнул:

— Других идей, куда привести девушку, не нашлось?

Малфой вскинул палочку, Поттер в ту же секунду выхватил свою.

Порча в гриффиндорца полетела первой, однако Гарри успел отскочить в сторону. Чудом не задев цель, заклятие угодило в лампу на стене, вдребезги её разбивая. Раздался оглушительный грохот. Тяжелый чугунный бак для мусора, стоявший за спиной Поттера, взорвался, рассыпаясь острыми осколками.

Когда раскололся бочок позади Софии, она не удержалась от испуганного крика.

Поттер, кинувшись вперёд, оттолкнул девушку за колонну из раковин, убирая её с линии огня, сам едва успевая увернуться от летящей в него Бомбарды.

Повсюду фонтаном забила вода, растекаясь по полу неглубоким озерцом.

Гриффиндорец, не удержавшись на скользком кафеле, растянулся на полу. Слизеринец, торжествуя, навис над ним:

— Круци...

— Сектумсемпра! — взревел Поттер с пола, бешено размахивая палочкой.

Кровь брызнула густым алым фонтаном. Она так быстро заливала рубашку Драко, будто на него из ведра плеснули алым. На лице блондина проступило недоумение. Он провел рукой по груди, и пальцы тотчас окрасилась в бардовый цвет.

— Мерлин... — скривился Драко.

София не могла проронить не звука, охваченная ужасом.

— Молодец, Поттер, — хрипло выдохнул Малфой, перед тем, как с громким всплеском рухнуть в лужу. — Спасибо...

Волшебная палочка выпала из обмякшей руки.

— Нет... — хрипло выдохнул Гарри, рванувшись к противнику. — Драко, держись! Астория, не стой столбом. Позови кого-нибудь!

— Оставь, Поттер... — прохрипел Малфой, отталкивая пытающуюся поддержать его руку. — Дай сдохнуть спокойно...

— Драко, я не хотел... я тебе не позволю!

Поттер стоял на коленях рядом с Малфоем, лежащем в луже собственной крови, растекающейся по воде и иступленно шептал, будто его слова могли что-то изменить:

— Малфой, черт тебя возьми, не смей умирать! Не смей умирать, слышишь?..

Дверь с шумом распахнулась, пропуская бледного, как привидение, о которых шла речь на недавнем уроке, профессора Снейпа. Грубо оттолкнув Поттера, он сам опустился возле Драко на колени. Плавной палочкой над ранами, все повторял и повторял какое-то заклинание, звучавшее, словно песня.

Рана медленно затягивалась.

София и Поттер смотрели в полном потрясении.

— Драко? — донесся тихий глухой голос зельедела. — Ты как?

Истеричный, лающий тихий смех, полный запредельного отчаяния:

— Вашими стараниями, профессор, моя эффектная кончина отодвигается.

— Встать можете, мистер Малфой?

Драко кивнул.

Обхватив юношу за тонкую талию, профессор помог ему подняться.

— Тебе нужно в больницу. Не исключено, что останутся шрамы, но если незамедлительно принять ясенец белый...

София никогда не замечала ранее за профессором склонности к многословию. Видимо, тот тоже был от потрясения слегка не в себе.

Повернувшись в дверях, до которых успел дотащить Драко, Снейп проговорил:

— Вы, мисс Гринграсс, незамедлительно пройдите к директору. А ты, Поттер, — в голосе профессора звенела ледяная ярость, — ты жди меня здесь.

12. Пещера

Поттера за стычку с Малфоем лишили возможности выступать за гриффиндорскую команду на квиддичном матче. В результате Гриффиндор остался не только без ловца, но и без капитана.

Паркинсон, ликуя, сообщила, что Снейп намерен заставить Избранного разобрать старые папки с записями о нарушителях школьной дисциплины.

— Ему придётся заново переписать весь этот мусор, рассортировать в алфавитном порядке и разложить по коробкам. Вручную, без магии!

Панси пребывала в приподнятом настроении. Такой счастливой София её не помнила.

К слову, отсутствие Поттера не помешало Гриффиндору обойти Слизерин на двести очков. Рыжая бестия по фамилии Уизли летала за себя и «за того парня», сумев обеспечить команде победу, Рон тоже не ударил в грязь лицом. Так что радость Паркинсон была преждевременной.

Спустя несколько дней после матча Дамблдор снова вызвал Софию к себе.

— Вы обещали составить мне компанию? — напомнил он. — Время пришло.

— Куда мы отправимся? — настороженно спросила София.

— За одним из крестражей вашего дяди и... попрошу воздержаться от дальнейших вопросов до прихода Гарри. Не хотелось бы говорить об одном и том же дважды. — Дамблдор глянул на часы. — Гарри должен прийти с минуту на минуту. А-а, вот и вы, молодой человек!

— Профессор, внизу, у Выручай-Комнаты, я встретил профессора Треллани. Она... — Гарри мгновенно смолкнул, заметив Софию.

— Нам нужно идти, Гарри.

Дамблдор будто не слышал обращённых к нему слов.

— Но профессор Треллани... она...

— Гарри, — мягко перебил директор, — нам нужно идти. Не будем медлить.

— Минуточку всё же помедлим, сэр, — со свойственной ему дерзостью возразил Поттер. — Скажите мне только одно: вы знали, что это Северус Снейп донёс Волдеморту с пророчестве?

Между серебряными бровями директора пролегла глубокая морщинка.

— Гарри... — устало выдохнул он, и плечи его тяжело опустились, словно под гнётом прожитых лет. — Да. Я знал.

— Ну так я теперь тоже об этом знаю! Не понимаю только, почему, будучи в курсе, вы взяли эту мразь работать в Хогвартс?

Казалось, гриффиндорец с трудом удерживается от того, чтобы не начать крушить всё вокруг.

— Гарри, пожалуйста...

Но Поттер с вызовом глянул в лицо Дамблдору:

— Прошу вас не говорить мне о том, будто он совершил ужасную ошибку. Он...он гнусно подслушивал под дверью!

О Софии в пылу беседы благополучно забыли, и она была этому только рада.

— Я попрошу тебя понять, — сказал Дамблдор, — что, когда профессор Снейп услышал

первую половину пророчества, он ещё состоял на службе Волдеморта и вполне естественно, что он рассказал обо всём своему патрону. Северус не знал, не мог знать, за кем из мальчиков начнётся охота. Он понятия не имел, что речь идёт о знакомых ему людях...

— Вы доверяете ему?! — заорал Гарри. — После всего, что он сделал?! Вы ему доверяете?!

— Верю, как самому себе, — твёрдо сказал Дамблдор.

— Да это же глупо! Они сейчас с Малфоем затевают очередную гадость прямо у вас под носом, а вы продолжаете им верить?!

В голосе Дамблдора, когда он заговорил, зазвучала сталь:

— Мы уже обсуждали эту тему, Гарри, обсуждали не единожды. Я не раз и не два объяснял тебе свою точку зрения.

— Как вы можете?! Как вы смеете?! Я готов поспорить: когда сегодня вас не будет в школе, Малфой и Снейп...

— В чем конкретно ты их подозреваешь?

— Они что-то задумали, я это знаю точно! Только что я столкнулся внизу с профессором Трелани, она прятала херес в Выручай-Комнате, и слышала, как Малфой...

— Достаточно, — не терпящим возражения тоном оборвал Дамблдор. — Мисс Гринграсс, волшебная палочка при вас?

— Профессор, я...

— Довольно, Гарри!!! На время моего отсутствия будет включена дополнительная защита. Пожалуйста, не думай, что я несерьёзно отношусь к безопасности моих учеников.

Выпрямившись во весь рост, директор сжал старческими пальцами руки подростков:

— Я беру вас при одном условии, — вымолвил директор, — вы оба будете беспрекословно подчиняться моим приказам, сразу и без обсуждения. Даже если я скажу «беги», «прячься» и «возвращаться не надо». Ты меня понял, Гарри?

— Конечно.

— Если я прикажу спрятаться, ты подчинишься?

— Да.

— Если прикажу бежать, ты побежишь?

Поттер, сжав зубы, процедил:

— Да.

— Если прикажу бросить меня и спастись, ты сделаешь, как я сказал?

— Я...

— Гарри?

Мгновение старик и юноша в упор смотрели друг на друга. В итоге Поттер, сдавшись, кивнул.

— Да, сэр.

Спустя четверть часа директор и двое студентов шагали по подъездной аллее Хогвартса. Темнело быстро, с запада заходили тяжелые ливневые тучи. Порывами дул ветер, наполненный удушливой влагой.

— Мы аппаратуем, — проинформировал Дамблдор.

Тот, кто никогда не перемещался подобным образом счастливый человек. Тебя словно тянут по узкой, скользкой трубе, вращающейся как карусель «Ветерок». Осознание, что в любой момент какая-нибудь часть твоего тела может от тебя отделиться удовольствия не добавляла. Потом резко падаешь вниз, оставляя желудок где-то наверху.

Когда падение-скольжение-растягивание завершилось, влажный ветер всё так же хлестал по щекам. В воздухе витал острый запах соли и йода.

София, Гарри и Дамблдор стояли на высокой скале, у подножия которой бурлили и пенились волны. Пейзаж вокруг был суров, сплошь море да камни. Ни деревца, ни травы, ни песка.

— Сюда привозили детей из приюта? — недоверчиво озирался по сторонам Поттер.

— Выше, на середине горы, есть деревушка, — ответил Дамблдор, — там сироты и дышали свежим воздухом. Думаю, не ошибусь, высказав предположение, что сюда не забредал никто, кроме Тома Риддла. Но конечная наша цель не здесь. Она находится ниже.

Следуя за директором, молодые люди побрели к обрыву.

Множество небольших выступов, образуя подобие ступенек, вели к валунам под скалой, наполовину выступающей из воды.

— Осторожней, — предупредил Гарри, поддерживая Софию под руку. — Камни мокрые, не поскользнься.

Софию мутило со страха. Расщелина находилась на уровне моря, а вода внизу просто кипела, словно поджидая неосторожную жертву.

— Кажется, придётся немного промокнуть, — усмехнулся Поттер, видимо, желал приободрить Софию, но от его слов стало ещё хуже.

Ей было не смешно, а страшно.

София заупрямилась

— Я туда не пойду. Никогда в жизни не ныряла.

— Дай руку, — попросил Гарри. — Я не позволю тебе утонуть, — пообещал он. — Дак слово, с тобой ничего плохого случится.

Преодолевая подступающую панику и нежелание доверяться зыбкой холодной водной стихии, София вложила пальцы в худую и твёрдую мальчишескую ладонь.

Не думать. Просто ни о чём не думать. Сделать то, что должна. Например, шагнуть в ледяную кипящую пучину, почти не умея плавать.

До этого София ныряла один единственный раз в жизни, с импровизированной тарзанки. Приспособление было нехитрым. К сучку, расположенному низко над водой, привязали веревку и, отталкиваясь ногами от берега, плюхались в воду. Ощущения оставляли желать лучшего: пятки горели, в носу щипало, к тому же потом её долго преследовал запах тины.

— Готова?

Поттер крепко сжал пальцами запястье Софии.

Она не успела крикнуть: «Нет!».

Резкий рывок выбросил её вперёд. Вода больно ударила по телу и сомкнулась над головой, однако через мгновение Софию вытолкнуло вверх. В панике она стала глотать воздух, изо всех сил пытаясь оттолкнуться от воды руками.

Со спины, просунув руку подмышку, её подхватил Поттер.

— Спокойно! Я держу тебя.

— Все нормально, — отплеываясь от солёной воды, прохрипела в ответ София. — Просто будь рядом, ладно?

Липкий и вязкий, словно разлившаяся нефть, ядовитый страх забирал силы. Противная солёная вода попала в нос. Но паниковать не было времени.

Расщелина вскоре обратилась туннелем. Стены, покрытые слизью, блестели, как

мокрым гудрон.

— Ещё немного, Астория, — одобряюще шептал Гарри. — Ещё немного.

Следуя естественному изгибу, они повернули туда, где впереди серебрились длинные волосы Дамблдора.

Директор стоял в воде по пояс. Заплыв близился к концу.

София никак не решилась встать, и только уцепившись, наконец, за руку Гарри, заставила себя коснуться ногами дна. Юноша поддерживал её, пока они карабкались вверх, трясясь от холода, словно осиновые листья на ветру.

«Простудимся насмерть», — подумала София.

Когда Гарри применил согревающие чары, стало немного легче.

Дамблдор уверенно подошел к стене и, осторожно проведя по ней кончиками пальцев, забормотал какое-то заклинание. На миг в камне проступил контур арки, вспыхнув белым огнем, но через секунду стена снова стала просто стеной.

— Вход запечатан, — задумчиво проговорил директор. — Астория, как я и предполагал, потребуется твоя помощь. Требуется заплатить за вход и тут нужна особая дань.

Когда Дамблдор вытащил нож, София испуганно вздрогнула. Она-то надеялась, что брать кровь станут каким-нибудь особенным, безболезненным, волшебным способом.

Боль была мгновенной. В темноте капли крови выглядели чёрными. Смазав кровью Софии стену, Дамблдор вновь повторил заклинание. Полыхнувший контур возник и на этот раз не исчез. Камень внутри арки словно бы испарился, образуя проем, за которым царил полный мрак.

Место выглядело смутно знакомым — пещера, тьма, черное озеро, из глубины которого шло таинственное, мрачное ядовито-зелёное свечение. В тот вечер, когда Василиса пробудила в Софии дремлющие магические способности они были в похожем месте. Видимо, это был какой-то пространственно-временной портал.

— Не косайтесь воды, — предостерёг Дамблдор. — Держитесь поближе ко мне, — посоветовал он.

— По-вашему, крестраж находится здесь? — шепотом спросил Гарри.

— Да, — отозвался Дамблдор. — Вопрос, как к нему подобраться.

— Придется снова плыть? — поделилась опасениями София.

— Думаешь, то, зачем мы пришли, находится на дне? — как не храбрился Гарри, голос всё же выдавал его страх.

Дамблдор отрицательно покачал головой, указывая рукой на туманное свечение посередине озера.

— Что бы это ни было, оно находится там.

— Значит, придется плыть, — Гарри решительно шагнул вперед.

Дамблдор резко оттянул его назад.

— Ни в коем случае. Я же просил держаться подальше от воды.

Директор швырнул в непроницаемое зеркало темных вод камень и в футах в двадцати от берега взвилось нечто большое и бледное, но через секунду вновь исчезло с громким всплеском.

— Что это было? — сипло спросил Гарри, нервным жестом поправляя очки.

— Полагаю, нечто, готовое защищать крестраж.

Где-то очень далеко капала вода. Капли падали, дробясь о камни. Кап. Кап. Кап. Скрежещущий звук сминающегося в воде металла, безнадёжный и грозный. Темнота бездны,

куда никогда не проникает солнце, бездны, в которой нет жизни.

Только танцующие змеи...

Атум и Коатлинуэ...

София видела, как из воды медленно поднимается нос призрачной лодки.

— Молодец! — похвалил Дамблдор.

— Впечатляет, — поддержал Поттер. — Я и не знал, что ты так отлично колдуешь.

Лодка тем временем причалила к берегу с тихим всплеском. Она была такой маленькой, что они с трудом поместились в ней. Борта суденышка покачивались на одном уровне с водой. Одно неловкое движение, и шаткое равновесие будет нарушено.

Никто не грёб. Лодка плыла сама собой, будто её тянули невидимые веревки. От носа расходились длинные черные борозды, словно царапины на тёмном зеркале.

— Смотрите, профессор! — испуганно воскликнул Гарри. — В воде человеческая рука!

— Не стоит сейчас беспокоиться, — посоветовал Дамблдор. — Вот когда мы заберём крестраж, они станут действительно опасны.

Лодка мягко ткнулась носом в берег.

— Осторожнее, — напомнил Дамблдор, пока они выбирались, — не коснитесь воды.

Островок представлял собой небольшую, несколько метров в диаметре, плоскую каменную площадку. На гладком, тёмном камне на постаменте возвышалась чаша, служившая источником ядовито-зелёного света. По позвоночнику пошла волна холода, словно к спине приложили кусок льда. София понятия не имела, что именно плещется в сосуде, но знала твёрдо что бы там ни было, это результат самой темной магии.

— Чаша Страданий, — замудчиво протянул Дамблдор. — В ней собраны воспоминания людей, тех, чьи тела томятся в Темных Водах. Всех тех, кого Том Риддл убил и поставил на страже частички своей души, — лицо Дамблдора стало суровым. — Это опасней, чем кровь и трупы, ядовитей, чем укус змеи.

Директор отодвинул рукав и кончиками пальцев потянулся к зелью.

— Сэр! — перехватил его руку Гарри. — Не надо. Не трогайте!

— Не волнуйся, это бесполезно, — вздохнул маг. — В зелье нельзя погрузить руку. С ним вообще ничего другого нельзя сделать, кроме как выпить. А погружаться в Чашу Страданий мучительно.

— Нельзя ли решить вопрос как-то иначе? — с надеждой обернулся Поттер к Софии. — Как в случае с проходом или с лодкой?

— Даже самому Волдеморту, вздумай он забрать крестраж, пришлось бы пойти этой же дорогой. Другого пути нет, — твёрдо заявил Дамблдор. — Вы должны будете помочь мне.

— Сэр! — возмутился Гарри.

— Ты поклялся повиноваться, вот и повинуйся, — отрезал Дамблдор.

— Но я моложе и крепче. Зелье должен выпить я, — возразил Мальчик-Который-Выжил.

— Нет, Гарри, — покачал головой директор, — я старше, опытнее и не так ценен. Дайте мне слово, что сделаете всё, чтобы я выпил чашу до последней капли.

— Сэр...

— Слово, Гарри!

Прежде, чем Поттер снова успел возразить, Дамблдор опустил хрустальный кубок в чашу и, когда тот наполнился до краев, поднёс к губам.

Последующая четверть часа обернулась адом. Созерцать чужие страдания не менее

мучительно, чем страдать самому. Опустошать кубок раз за разом Дамблдору становилось всё труднее и труднее. Дыхание со свистом срывалось с синюющих старческих губ. Нос, и без того крючковатый, заострился. На висках выступили жилы.

Поначалу старый маг терпел страдания молча, сцепив зубы, но вскоре начал умолять прекратить это, не мучить, не заставлять его пить.

— Мне не нравится... я больше не буду...

Побелевший, сжавший челюсть чуть ли не до хруста, похожий на призрак самого себя, Гарри Поттер раз за разом снова и снова наполнял кубок, вливая зелёную слизь в рот несчастному старику.

София, стоя на коленях, сжимала пальцами виски, кусала губы, не позволяя себе отвести взгляд от двух самых мужественных людей, которых встречала в жизни. Как, наверное, Поттер ненавидел самого себя! Как верил в правоту учителя! Ведь только вера в правоту Дамблдора и в правильность собственных поступков могла заставлять его действовать.

— Пусть это прекратится, пусть прекратится... — плакал Дамблдор.

— Ничего, ничего, профессор, потерпите, — шептал Гарри. — Я с вами!

Сердце Софии сжималось от жалости, гнева и бессилия. Она ломала руки, не в силах помочь ни учителю, ни ученику.

Стоны сменились надсадным криком.

— Нет!!! — эхо многократно усиливало старческий дребезжащий голос, разнося его по огромной гулкой пещере. — Нет! Нет!! Нет!!!! Не заставляй меня! Я больше не могу...я не вынесу!!!

Гарри отшатнулся, попятившись. Подхватив выпавший из его рук кубок, София шагнула к чаше. Зелени в ней оставалось немного, но она была очень густой и почти перестала светиться.

«Нужно довести это до конца. Просто сделай это, иначе всё будет напрасно», — сказала она себе.

— Не надо!.. Не надо! — умоляюще хрипел старик.

Дамблдор стал отворачиваться, и София никак не могла влить в него яд. Поттер выхватил чашу и ловко влил в рот волшебнику зелье.

Снова над мертвыми глубинами раздался мучительный, даже не крик — вой. Хотелось кинуться в воду и перестать видеть, слышать, что-либо понимать. При очередном приближении Поттера бедный старик съежился, словно защищаясь от палачей и слабо стонал:

— Не мучайте. Не мучайте. Пожалуйста, лучше убейте меня!

— Выпейте, скоро вам станет легче.

Дамблдор, перестав разжимать веки, уже ни о чем не просил, только мелко дрожал с головы до ног.

А Гарри продолжал поить волшебника и тогда, когда тот, рыдая, катался по земле.

— Я хочу умереть... раздавалось под сводами пещеры и многократно усиливалось гулким эхом. — Хочу умереть...

Осушив кубок последний раз, Дамблдор издал прерывистый стон и замер.

— Ренервайт! — ревел в отчаянии Поттер, наставляя палочку на учителя. — Ренервайт!

Веки Дамблдора дрогнули:

— Воды, — хрипло простонал он. — Воды!

Гарри схватил хрустальный кубок и опрометью рванул к озеру.

Рядом с Софией упал золотой медальон и она, как зачарованная, взяла его в руки. Взгляд задержался на крышке с гравировкой оскалившейся змеи, поднимающейся над черепом.

Когда крик Поттера привлёк её внимание, София машинально спрятала медальон в карман мантии.

Поверхность озера бурлила, из неё поднималась целая армия мертвецов. Отовсюду выныривали бледные руки и головы — мужские, женские, даже детские. Поттер, предпринимая безуспешные попытки отбиться от ухватившегося за его мантию и утягивающего его в воду мертвеца, поскользнулся и упал. За его ноги сразу же уцепилось ещё несколько инферналов.

— Бобмарда! — прокричала София, и инферналов разорвало заклинанием на части.

Но передышки не вышло. Со всех сторон к ним тянулись костлявые пальцы, блестели пустые глаза.

Молодые люди, встав над телом Дамблдора, хаотично, беспорядочно сыпали проклятиями но, сметая первую линию, заклинания спотыкались на второй, увязали в третьей.

— Сектумсемпра! — орал Гарри, София вторила ему.

Но сквозь порезы на мокром тряпье с ледяной кожи мертвецов не стекало ни капли крови.

Ещё несколько минут и никому уже не спастись.

Руки мертвых оторвали её от земли и София перестала осязать теплую спину Поттера.

Её не терзали, не мучили, просто неуклонно тащили в темную воду.

— Астория! — орал Поттер. — Держись!

В последнем усилии сорвав с пояса бесчувственного Дамблдора нож, к которому мертвяки тоже уже тянули скрюченные тлением пальцы, София чиркнула по своему запястью. Горячие капли крови упали, смешиваясь с мертвыми водами.

— Коатликуэ! — воззвала наследница Мраксов к Темноте. — Именем твоим заклинаю: пусть мертвое вернётся во прах! Да упокоятся тела невинно убиённых, да обретут их души покой!

Перед внутренним взором явилось древо, в коем было десятки, сотни, тысячи тонких зелёных, ядовито-сияющих нитей, привязывающих тела инферниев к Чаше Страданий. Потянув за невидимый узел, девушка рывком расплела зелёную паутину.

Стало темно и очень холодно.

Волны сомкнулись над её головой.

***

Грудь разрывало от желания вдохнуть, ребра мучительно, немилосердно сдавливало. Спустя секунду София осознала, что всему виной Поттер. Под грудью было его острое колено, а на рёбрах его руки.

Извергая из собственных легких воду, отфыркиваясь и отплевываясь, последняя из рода Мракс окончательно пришла в себя.

Открыв глаза, София увидела, что с Поттера вода тоже лила в три ручья.

— Я думал, ты уже... — закашлявшись, он сел рядом, обхватив колени руками.

София поняла, что мальчик старается сдерживать подступающие рыдания, но даже отвернуться из вежливости не нашла в себе силы.

Спустя минуту Гарри удалось взять себя в руки:

— Не знаю, что за магию ты применила, но она подействовала. Инферналы ушли. Тебе холодно? — Гарри придвинулся, обнимая Софию за плечи и согревая теплом собственного тела — Закоченела? Я тоже.

Поттер произнёс какое-то заклинание, после чего их обдуло горячим, словно прямо от печки, воздухом. София чувствовала, как пальцы юноши успокаивающе перебивают пряди её волос.

— Когда выберемся отсюда, может, сходим все-таки в Хогсмёд, а? — с усмешкой спросил он.

— А Джинни возражать не будет? — саркастично поинтересовалась София.

— У неё нет прав возражать или соглашаться. Мы не встречаемся — просто друзья. Как с Гермионой или с Луной. У меня нет девушки.

Нет, ну вот кто бы ещё год назад смог поверить, что сам Гарри Поттер пригласит её на свидание, а она не сможет испытать ничего, кроме отупляющего чувства усталости?

— Поговорим об этом позже? — предложила София. — Сейчас нужно позаботиться с профессоре Дамблдоре.

— Ты права.

Привалившись спиной к чаше, София чувствовала, что сейчас уснет. Голос Поттера звучал где-то далеко-далеко. Веки слипались. Так хотелось спать. Какая всё-таки жалость, что она попала в Слизерин. Среди Гриффиндорцев в этой её жизни все могло сложиться по-другому.

Сквозь дремоту София слышала голос Дамблдора и мягкий плеск волн.

— В общем и целом защита оказалась весьма хитроумной. Один человек не справился бы. Ты молодец, Гарри. Большой молодец. И эта девочка...но об её участии в этом деле никто не должен знать.

— Почему? — удивленно прозвучал голос Гарри.

— Это опасно для неё. Когда-нибудь я расскажу тебе, кто она и почему её помощь для нас сегодня была столь бесценна.

13. Смерть Дамблдора

Открыв глаза, София не сразу поняла, почему на душу снизошло ощущение покоя, как будто с неё скинули тяжелый, давящий груз. Потом осознала — всё дело в небе. Звездном, высоком, чистом. Ей не придётся больше плыть, борясь с волнами. Всё позади.

Они стояли на одной из улочек Хогсмета.

— Ты как хочешь, а я завтра на ЗОТИ не пойду, — заявила София Гарри

— Отличная идея, — засмеявшись, согласился он.

— Мне теперь это станет в кошмарах сниться: мертвецы, огонь... а самое страшное, как мы поили директора этой дрянью!

Дамблдор с трудом держался на ногах.

— Сэр, как вы себя чувствуете? — волновался Гарри.

Голос Дамблдора едва шелестел в ответ:

— Бывало и получше. Это...зелье, — уголки губ дрогнули в едва заметной улыбке, — тонизирующим не назовёшь.

— Астория, нам нужно срочно отвести господина директора в школу, к мадам Помфри.

Дамблдор затряс головой:

— Нет, — возразил он. — Нужен профессор Снейп...но я...вряд ли смогу дойти...

Пещера не отпускала их и здесь, за сотни миль, удерживая невидимыми, но удушающими черными щупальцами.

Гарри затараторил:

— Сэр, послушайте! Я сейчас постучу в двери, мы найдем кого-нибудь... найдем место, где вам с Асторией можно будет передохнуть, а я сбегаю в Хогвартс и приведу помощь. Мадам Помфри...

— Северус, — Дамблдор произносил слова из последних сил. — Мне нужен Северус!

— Но...

— Гарри, не упорствуй, — посоветовала София.

— Но...

— Профессор Дамблдор лучше тебя знает, что ему нужно. И потом, — она понизила голос, — даже если он просто хочет его видеть, и профессор Снейп не сможет помочь, он всё равно имеет право рассчитывать на выполнение своих желаний.

— Что значит, «не сможет помочь!?!», — Гарри затравленно озирался. — Хорошо, пускай будет Снейп. Но мне придётся оставить вас ненадолго, чтобы...

— Гарри, — София накрыла его руку ладонью, — я же здесь. Я не беспомощна и смогу о нём позаботиться. Ни о чём не беспокойся.

— Я быстро! О! Розмерта! Какая радость!

Подбежав к ним, женщина остановилась. Тяжело дыша, она широко распахнутыми глазами глядела на Дамблдора. Пышная грудь колыхалась, и София с глухим раздражением отметила, как зелёные глаза Гарри проваливаются в занимательный вырез между двумя полушариями. Ветер трепал роскошное облако густых темных волос барменши.

— Вы здесь? — всхлипнула мадам Розмерта. — Хвала небесам!

— Он ранен, — заявил Гарри. — Можно Астория и профессор Дамблдор побудут в «Трёх метлах», пока я пойду за помощью в школу?

В глазах женщины отразился ужас.

— В школу?! Что ты!? Тебе нельзя в школу! — всплеснула она руками. — Вы что, не видите? Да взгляните, наконец, на небо! Я опускала шторы, когда это случилось...

Дамблдор поднял обескровленное, похожее на алебастровую маску, лицо:

— Мерлин! — с безнадёжной усталостью, почти с отчаянием выдохнул он.

Над школой висел светящийся зелёный череп со змеиным раздвоенным языком.

Директор Хогвартса медленно поднялся с земли. Его пальцы впились в плечо Гарри с такой силой что тому, наверное, было больно.

— Давно он появился?

Голос директора звучал тихо и напряженно.

— Буквально пару минут назад, — отвечала Розмерта. — Когда я выпускала кошку, его ещё не было, а вот когда поднялась наверх...

Как будто кого-то в подобных обстоятельствах могла заинтересовать загулявшая кошка?

— Нам потребуются метлы, — прошептал Дамблдор.

«Не пойду я в этот проклятый замок, — закусив губу, думала София. — Ни за что!».

— Мы должны немедленно вернуться...

«Только не я».

— Ассио, метлы Розмерты!

«Не полечу!», — ещё отчаяннее завертелось в голове.

Метлы подлетели и, чуть заметно вибрируя, замерли на уровне пояса.

— Розмерта, пошли, пожалуйста, сову в Министерство, — распорядился Дамблдор, седлая ближайшую метлу.

Ухватившись трясущимися руками за древко, София, в свой черёд оттолкнулась от земли, испытав привычное чувство тошноты и ужаса перед полётом. Она ненавидела магию — раз; родовую магию, связанную с мертвецами — два; летать на метле — три. Терпеть не могла дядюшку, бабушку, жениха, декана, нежданно-негаданно ухажера в очках, а ещё — директора Хогвартса. Но, самое парадоксальное: ей, кажется, придётся умереть в ненавистном замке рядом с ненавистными людьми.

Умереть, так и не выпавшись.

Дамблдор летел впереди. Прильнув к метле, он устремился прямо к Смертному Знаку зависшему над Астрономической Башней Хогвартса. Вокруг было так тихо, что на мгновение в сердце закралась надежда, что видение это просто чья-то злая, неудачная шутка.

София нахмурилась, заметив, как директор судорожно хватается за грудь:

— Ступай за Северусом, Гарри. Приведи его. Немедленно!

Юноша обернулся к спутнице:

— Астория!

— Иди, Гарри! — крикнула София. — Не мешкай!

— Но...

— Ты поклялся слушаться меня, — повысил голос Дамблдор. — ИДИ!!!

Гарри поспешил к двери на лестницу, но, едва схватившись за кольцо, остановился. На лице его отразилось напряжение, будто он прислушивался к чему-то. Обернувшись к Дамблдору, он хотел что-то сказать, но директор сделал ему знак молчать.

А потом Дамблдор произнёс какое-то неизвестное заклинание, и София с недоумением наблюдала, как Гарри косо валится на стену, растворяясь в воздухе.

— Что?..

Рука директора до хруста сжала ладонь девушки.

— Молчи! — грозно приказал он, отступая назад, к стене.

Лицо его было бледным, но удивительно спокойным.

Малфой, в черном костюме, похожем на дорогой футляр, с искаженным ненавистью и высокомерной брезгливостью, лицом, перешагнул порог.

— Добрый вечер, господин директор. Добрый вечер, Астория, — с издевкой поклонился он ей. — Хотя я и не до конца понимаю, какого Мерлина ты тут, моя дорогая, делаешь?

София не сводила глаз с нацеленной на них палочки, подрагивающей в тонких пальцах её жениха.

Губы Драко скривились в презрительно-пренебрежительной гримасе:

— Разве никто не уведомил принцессу Мракс о планирующемся прибытии в школу Упивающихся Смертью?

— Так-так, — вклинился в беседу Дамблдор. — Значит, ты все же нашел способ их выпустить?

— Это невозможно! — ужаснулась София, оборачиваясь к Драко. — Ты?.. Пустил их сюда?!

— Ну, и где же твои сторонники? — вежливо поинтересовался директор. — Что-то их не видно?

— Они сражаются внизу. Пока они ещё не здесь, я должен выполнить приказ.

— Драко, не надо! — взвизгнула София, делая шаг вперед и становясь между Драко и Дамблдором.

— Тебя я убью первой. Мне плевать на то, что будет потом. Ясно? Плевать!

— Что ж, если тебе действительно плевать, — ласково кивнул Дамблдор, — действуй, мой мальчик. Действуй.

Какое-то время волшебная палочка Малфоя была нацелена на Софию, а потом медленно переместилась на Дамблдора:

Малфоя трясло, как в приступе лихорадки.

Дамблдор бесстрастно наблюдал разыгрывающуюся перед ним сцену.

— Ты медлишь, Драко? Слишком долго для того, кто всерьёз собирается убить.

Расставив ноги, опустив безвольно свивающиеся руки вдоль напряженного, словно перед прыжком, тела, Драко глядел из-под упавших на лицо прядей волос затравленно и яростно, словно волк из клетки.

— Драко, Драко... — с уничтожающей ласковостью произнес Дамблдор. — Ты не убийца.

— Я должен. Отступать поздно.

За дверью раздался приглушенный вопль, удары и стуки.

— Кто-то оказывает мужественное сопротивление, — светским тоном заметил Дамблдор. — Пока он держится, у тебя есть время для второй попытки, — продолжил он к ужасу Софии.

Как будто уговаривать юного Пожирателя покончить с ним?

Дамблдор устало вздохнул, будто вся эта дешёвая буффонада ему бесконечно надоела.

— Драко, не знаю, как тебе, а мне ясно, что ты не сможешь убить ни меня, ни Асторию. Это ведь не так-то просто, правда? Так что пока мы поджидаем твоих друзей, расскажи лучше, как тебе удалось провести их сюда?

— Я починил шкаф-исчезант.

— А-а-а, — это прозвучало, как стон. — Насколько я понимаю, у него есть пара?

— Да, — коротко кивнул блондин.

Грохот и крики сделались громче. Очевидно, сражение шло уже на винтовой лестнице, совсем рядом.

Ноги Дамблдора зашаркали в попытке сохранить равновесие.

— Я узнал все, что хотел, — сказал директор. — Не имеет больше смысла медлить. Давай, Драко.

— Не смейте мне приказывать! — Малфой замер в нескольких шагах от своего учителя. — Не смейте уговаривать убить вас!

Секунду спустя в дверь ворвались фигуры в черных робах.

Сорвав капюшон с головы, Белла торжествующе раскинула руки и зловеще захохотала. Волосы темной тучей клубились за её спиной. Она походила на воплощение грозы, необузданная, ужасающая и по-своему прекрасная.

— Добрый вечер и тебе, Белла, — спокойно поздоровался Дамблдор, словно приветствуя гостью, зашедшую к нему выпить чашечку чая. — Вот ты и снова в Хогвартсе. Мило с твоей стороны зайти ко мне.

— Думаешь, на смертном одре помогают идиотские шуточки? — засмеялась ведьма.

— Шуточки? Это простая вежливость.

Вперёд вышел огромный человек, в свой черёд скидывая маску с лица. Оно оказалось живым воплощением экспоната с острова доктора Моро. От незнакомца буквально разлило кровью.

— Рад видеть меня, Дамблдор? — поинтересовался незнакомец.

— Не сказал бы, Фенрир.

— Извини, не мог удержаться и пришёл. Обожаю детей! С недавнего времени вошел во вкус и одного раза в месяц мне теперь явно недостаточно.

Отвращение читалось не только в лице Дамблдора, но и в чертах Драко. Даже в черных глазах сумасшедшей Беллы.

— Что, Дамблдор? Я тебя шокировал? — хохотал жуткий тип.

— Не стану притворяться — да. Я просто потрясен тем, что Драко пригласил тебя в школу, где живут его друзья.

— Его-то я точно не приглашал, — прошипел Малфой, сверкая глазами.

Белла не переставала дико хохотать, размахивая руками, словно собиралась улететь.

— Наш сладенький не знал, что я приду, — подтвердил гнусный тип, плотоядно облизываясь и не сводя при этом глаз с блондина. — Но как отказаться от визита в Хогвартс? Столько нежных вкусненьких глоточек. Мням-мням, — тварь поковыряла в передних зубах длинным желтым ногтем. — А тебя, Дамблдор, я съем на закуску.

— Нет! — Белла подпрыгивала на месте, словно мячик. — Есть приказ Темного Лорда. Это должен сделать Драко.

Изогнув по-змеиному шею, блестя глазами и кривя рот в жутком оскале, Белла приблизилась к племяннику.

— Драко, любовь моя, сделай это, — замерев за спиной юноши, женщина оплела его плечи своими руками.

Пальцы, похожие на птичьи когти, сжались на белом полотне рубашки.

Ведьма насмешливо смотрела на приговоренного к расправе старика, пристроив острый

подбородок на плечо племяннику:

— Сделай это! — повторила она.

Драко опустил голову.

— Драко!!!

— Не дрейфь! Старик и так долго не протянет, — проговорил третий Пожиратель из-под маски, которую так и не осмелился сбросить.

— Что с вами такое, профессор Дамблдор? — захихикала Белла, увидев, как директор начал медленно оседать, сползая по стенке.

— Ничего особенного: пониженная сопротивляемость, замедленная реакция, — ответил Дамблдор тихим голосом, — старость, одним словом. Возможно, когда-нибудь она придёт и к тебе, Белла. Впрочем, сомневаюсь... на это мало надежды.

— Вечно одно и то же! — вскричал УпС, так и не осмелившийся расстаться с маской. — Сплошная болтовня — никакого дела! Даже не знаю, зачем Тёмному Лорду понадобилось тебя убивать? Только силы зря тратит!

— Драко! Кончай его! — требовала любимая тетушка.

— Дайте лучше я, — рычал Фенрир.

— Драко! Давай же! Давай! — подстрекала Блэк-Лейстрейндж. — Чего медлишь?! Ты хоть представляешь?!..

В этот миг дверь распахнулась. На пороге вырос Снейп. Черные глаза вобрали в себя всю сцену: Дамблдора, привалившегося к стене, трёх УпСов, Софию, Малфоя...

— У нас беда, — проговорил УПС в маске. — Кто-то крупно дрейфит, и старик всё ещё жив.

— Профессор! — умоляюще сложила руки София. — Помогите!

Белла разъярённо глянула на девушку:

— Я не поняла, ты на чьей стороне?!

— Снейп... — прошептал Дамблдор.

В его голосе Софии тоже померешилась мольба.

— Северус...пожалуйста...

Профессор Снейп поднял палочку и направил её на Дамблдора:

— Авада Кедавра!

Ударил зеленый сноп пламени. Старика подбросило в воздух. На мгновение он завис под блистающим черепом, оплетённым змеями, а потом медленно, как большая тряпичная кукла, перевалился через ограду башни.

София с ужасом смотрела и не верила тому, что видит.

Вот — так? Вот так вот просто?!

Был человек — нет человека.

Нет Альбуса Дамблдора, олицетворения гармонии, порядочности и надёжности. Пустота, оглушающая и мертвая, в которой даже капли не стекают. Пустота, тонкая, как лёд, под которой бурлят темные воды, грозя сломать и понести, затопить, захлестнуть удушливой, разрывающей сердце болью. Это как в детстве, когда сломал любимую игрушку и пытаешься в бессмысленной надежде сделать, как раньше, но уже понимаешь, что поломка слишком серьёзная и как прежде не будет никогда.

Словно пробиваясь сквозь вату, донёсся голос Снейпа:

— Уходим.

София продолжала стоять.

— Кончить заодно и девчонку? — облизал губы Фенрир.

Между губами блеснули настоящие звериные клыки.

— Уймись, придурок! — рявкнула Белла.

София почувствовала, как на одной руке сомкнулись пальцы Снейпа, на другой — Драко. Увлекаемая ими, она бездумно спускалась по ступеням кружащей, точно карусель, лестницы.

В тускло освещённом коридоре шло яростное сражение. Здесь были профессор МакГонагалл, Рон Уизли, какая-то совсем молодая женщина, отдаленно напоминающая Беллу. Со свойственным Блэкам азартом она сражалась с огромным светловолосым колдуном.

— Вытащи её отсюда! — крикнул Снейп Драко, отпуская руку Софии чтобы вступить в сражение.

— Протего! — отбил Малфой чьё-то заклятие.

— Импедимента! — закричала внезапно материализующаяся из серой пыли Джинни.

— Протего!

— Петрификус тоталус!

— Протего!

София увидела Поттера с перекошенным от ярости, залитым слезами лицом и съехавшими в сторону очками.

— Гарри!!! — закричала она, но Малфой слишком крепко держал её за руку.

Вынырнул Снейп из тучи пыли, поднимающейся от рухнувшего куска штукатурки:

— Дело сделано. Уходим.

Последнее, что София успела заметить, это как Фенрир кинулся на Гарри и повалил его на спину. Снейп послал в спину Фенриру парализующее заклятье со свойственной ему точностью. Как всегда — не промахнулся.

— Идем! — подгонял Драко. — Скорей!

Шаг за шагом, они пробивались к выходу.

— Получи, гадина! — вопила Минерва МакГонаголл, сыпля проклятиями в сторону Беллы.

Лейстрейндж, неистово хохоча, увертывалась, будто плясала на острие бритвы. Вот кому нравились жесткие, опасные игры.

Драко тащил Софию за собой, а она послушно за ним следовала. Ноги скользили по мокрому от крови полу. Повсюду лежали тела. Грохот за спиной с каждым шагом отдалялся.

За очередным поворотом вместо человеческих тел их встретили сплюснутые, раздавленные рыцарские доспехи и тогда София сообразила, что двигаются они в сторону выхода.

За порогом их встретила ночь, напоенная прохладой. На востоке уже брезжила заря.

Малфой шагал, не оборачиваясь. Снейп следовал за ними. Замыкала шествие Белла.

— Стоять!

На пути выросла огромная фигура Хагрида.

Белла захохотала, вскидывая палочку:

— Круцио!

— Не останавливайся! — снова приказал Софии Малфой. — До ворот осталось совсем немного, там аппарируем.

— Ступефай!

Красная вспышка просвистела рядом.

Снейп прокричал:

— Бегите! — и повернулся лицом к настигающему их Гарри Поттеру.

Палочки учителя и ученика взметнулись одновременно.

— Круц...

Снейп предупредил удар, невозмутимо и безмолвно его отбивая.

— Непоправимые проклятия не для тебя, Поттер, — презрительно бросил зельевар. —

Тебе не хватает ни духа, ни умения.

— Сражайся со мной! Сражайся, трусливая...

— Ты называешь меня трусом, Поттер? Твой папаша не решался на меня напасть иначе, как вчетвером на одного. Интересно, как бы ты назвал его?

— Ступе...

Снейп в очередной раз легко отразил проклятье.

— Я буду останавливать тебя снова и снова, снова и снова. Пока ты не научишься держать рот на замке, а мысли при себе.

— Импеди...

Подоспевшая Белла выкрикнула излюбленное:

— Круцио!

Поттер упал на землю, проклятие немилосердно его скрутило. Белый, как свежесыпавший снег, Снейп обернулся к Блэк.

— Разве ты забыла приказ? Поттер принадлежит Темному Лорду.

— Сектумс... — с трудом поднявшись на колени, юноша по-прежнему пытался атаковать.

Поттер, кажется, всерьёз решил умереть героем.

Что было дальше, София не узнала — Малфой и Белла увлекали её за собой.

Шаг, другой, третий и знакомое ощущение — противное, мерзкое, грозящее выдавить внутренности через горло падение возвестило о том, что они аппарировали.

Часть III Злой гений

Часть III Злой гений

1. Профессор Снейп

Рассвет неторопливо расползлся по земле, протискиваясь между ошестинившимися елями.

«В березняке жениться, в ельнике — удавиться», — вспоминалась Софии старая русская присказка. Впрочем, всё русское неуместно на английской земле. Слишком уж тут всё иначе. В русских сказках, например, с приходом первого солнечного луча нечисть отправляется почивать в край где нет ни утра, ни вечера, где есть одна бесконечно-серая мгла — в царство Нави, долину Серых Ангелов, не сумевших примкнуть ни к Свету, ни к Тьме.

В Англии на рассвете демоны так же свободны, как и в полночь.

УПСы, словно демоны, забрали её в мир кошмаров и теней. И не спастись!

Все они тут только тени: Драко Малфой, с которого слетело обычное нарочито-показное высокомерие, Белла Лейстрейндж, как-то разом подрастерявшая боевой пыл, непроницаемый и спокойный профессор Снейп, у которого всегда ядовитые замечания наготове.

Только Фенрир казался настоящим. Оборотень довольно скалился, широкой грудью разрезая колючий терновник, оплетший тропинку по дороге к особняку. Ему всё происходящее приходилось явно по вкусу.

— Дамблдор сдох! — загоготал Сивый, стоило им только перешагнуть порог коттеджа. — Сдох! Мы сделали это! Мы его прикончили!

Зал наполнился топотом, непристойным смехом, резкими голосами.

— Ты уверен, Фенрир? — на узких губах Волдеморта играла довольная улыбка. — Дамблдор действительно сгинул?

— Да, мой лорд, — прохрипела Белла.

Казалось, она вот-вот начнёт ластиться к ногам своего хозяина, как собака.

Темный Лорд торжествующе захохотал. Голос его покатился сорвавшимися с оборванной нитки бусинами. Смех растекался по стенам, размазывался по потолку, пачкал пол. Эхо, обитающее в полупустых помещениях, преувеличивало его сатанинскую радость.

Вскоре ужасающий смех повелителя стих.

Пожиратель, тот, что во время налёта на Хогвартс так и не снял маску, принялся о чём-то быстро-быстро нашептывать Волдеморту. Тёмный Лорд слушал его с видимым интересом.

— Так чья рука, говоришь, повергла нашего врага?

— Снейпа! — оскалился УпС. — Наш зельевар оказался достаточно решительным, чтобы заавадить Дамбика.

Улыбка Тёмного Лорда сделалась шире.

— Северус, дайте-ка сюда вашу палочку.

Зельевар с поклоном вложил её в раскрытую ладонь Темного Лорда.

Волдеморту прошептал заклинание и палочку окутала сияющая дымка.

Белла переминалась с ноги на ногу, охваченная волнением, схожим со страхом.

— Дамблдора убил действительно ты, — удовлетворённо кивнул Волдеморту, возвращая палочку Снейпу и поворачиваясь к Драко. — Весьма прискорбно, что ты сам не справился с

заданием, — протянул он с напускным сожалением.

Сжав пальцы на остром подбородке юноши, Повелитель заставил его запрокинуть голову. Склонившись к Драко так низко, что София всерьёз начала опасаться, как бы дядюшка не поцеловал её жениха, Лорд пристально заглянул в серые, дымчатые глаза Малфоя. Под этим взглядом глаза юноши сделались пустыми, точно стеклярус. Из носа черным маслянистым ручейком медленно потянулась кровь.

— Простите, сэр, — сквозь зубы, с явным усилием, прорычал Малфой. — У меня не хватило мужества...

— Дамблдор просил о пощаде? — тихим голосом поинтересовался Тёмный Лорд. — Молил сохранить ему жизнь?

— Нет, мой лорд, — закашлялся Драко. — Нет.

Голос его звучал тускло, приглушенно и хрипло.

— Профессор Дамблдор принял смерть, как подабает мужчине — со спокойным достоинством. Может быть, он и был старым недоумком, но, во всяком случае, он был храбрым и сильным недоумком. Хотел бы я иметь хоть часть его мужества.

Волдеморт с силой оттолкнул парня от себя, с размаха прикладывая его затылком об стену.

— Драко всего лишь сказал правду, милорд, — вступился за крестинка Снейп.

Извлекая из безразмерной, вечно летящей за ним вдогонку мантии сосуд из прозрачного стекла, зельевар опустился на колено рядом с учеником. Приставив палочку к виску юноши, несколько томительно длинных секунд он удерживал её, пока палочка обрастала чем-то похожим на длинные белые нити или на сахарную вату из маггловского цирка.

Закончив процедуру, профессор с легким поклоном протянул сосуд Тёмному Лорду.

Тот в раздумье помедлил, а затем взмахнул рукой и тонкий стеклянный сосуд оказался в его пальцах.

— Можешь убрать это, — кивнул Волдеморт на Драко.

Снейп легко подхватил крестника на руки и исчез.

— Прикажи эльфам накрывать на стол, — обратился Волдеморт к Белле. — Будем праздновать победу, — усмехнулся он. — Да, ещё! В память о нашем Серебряном Лисе пусть обязательно подадут лимонные дольки. — Мазнув взглядом по Софии, он небрежно бросил ей. — Следуй за мной.

Как только дверь захлопнулась, дядюшка осведомился о крестраже, добытом в пещере.

Запустив руку в карман мантии, София с облегчением обнаружила, что золотой медальон на тонкой цепочке всё ещё там.

Волдеморт резко выдернул артефакт из её ладони и, прищурившись, рассматривал его какое-то время. Потом швырнул об стену.

— Почему он оказался у тебя?! Он должен был остаться у Поттера! — Под взглядом Тёмного Лорда Софии захотелось немедленно аппарировать. — Смотри на меня, когда я с тобой разговариваю!

София, всхлипнув, подняла глаза.

— Боишься? — насмешливо выдохнул демон. — Чего ты боишься? Боли? Или смерти? Знаешь, — продолжил Повелитель сладким, как мёд, голосом, — а я готов признать, что ошибался по поводу неправильности твоего выбора. Ты прекрасно впишешься в клан Малфоев! Такая же жалкая, никчемная, нечестная! Ты ведь охотно предала бы меня, появившись у тебя такая возможность, да? Хуже того — будучи всем сердцем на стороне Ордена, ты и

пальцем не шевельнула ради них!

Софии хотелось крикнуть, что никого она не предавала. Что, следуя за Дамблдором, фактически выполняла приказ Волдеморта! Она не желала Дамблдору победы — она никому из них здесь её не желала! Никого не предавала, потому что никогда не принимала ничьей стороны!

Перед глазами, как укор, как опровержение всем её доводам, встало спокойное, понимающее, всепрощающее лицо Дамблдора в тот момент, когда Снейп произнес смертельное проклятье. Лицо совести, угодливо отброшенной ради собственной выгоды.

— Вот-вот, — ухмыльнулся Волдеморт. — Мою сторону не желаешь принимать из убеждений. Сторону Ордена Феникса не принимаешь из трусости. Воистину ты та, кому не следует доверять. Люциус в итоге окажется очень доволен. Вместо кары я, кажется, преподнес ему подарок? Но хочешь ты или нет, ты будешь служить мне! И только — мне! Ясно?!

София поспешно кивнула.

— Всё что угодно, только... только не заставляйте меня убивать, мой лорд.

— Вообще-то, если я того потребую, придется. Ты будешь подчиняться беспрекословно, София, во всем. Тебе не следует притворяться Асторией Гринграсс, перешедшей на Темную Сторону — тебе нужно её стать. Окончательно и безоговорочно. Я не терплю половинчатости. Помоги мне достичь власти, София, и я не забуду этого. Тем более, что мы с тобой в самом тесном кровном родстве.

***

Спустившись в общий зал, София обнаружила, что в нём слишком много мужчин. Чёрный цвет УпСов досаждал. Духота, царившая в зале, угнетала. Она сочла за лучшее прогуляться на свежем воздухе, никто не стал ей в этом препятствовать.

За порогом девушку встретило ясное, безоблачное небо. Из-за кустов, с небес, с веток — отовсюду неслась разноголосая, звонкая птичья трель. Покачивались папоротники, подрагивали лиственницы, шуршала под ногами не успевшая сгинуть за зиму прошлого года листва. Жизнь во всем её ярком многообразии была ключом. Мир продолжал жить по своим законам, что удивительным образом утешало и одновременно ранило. Здесь мало верилось в смерть вообще и в смерть Дамблдора в частности.

Скользя между деревьями, София размышляла о том, что иногда мы, люди, слишком высоко ценим себя. Нам-то кажется, что каждый из нас есть центр мироздания в то время как на самом деле мы просто бесчисленные незаметные песчинки, подхваченные вихрем, незначительные для всего, что нас окружает.

Не хотелось думать о смерти, но словно назойливая муха кружилась в голове мысль: «Дамблдора больше нет. Дамблдора больше нет. Дамблдора больше нет».

Ей-то, Софии Хвилёвой, какое до этого дело? Он, Дамблдор, ей не сват, не брат, не друг, не родственник. Она, София, не воин, не герой, не супер-пупер-мега ведьма. У неё не хватит духу противостоять Тёмному Лорду.

— Куда-то торопитесь, мисс Гринграсс?

София, споткнувшись, сбилась с шага.

В том, что она не заметила профессора Снейпа, не было ничего удивительного. Он стоял, прислонившись спиной к одной из старых елей, скрестив руки на груди. Его волосы уже успели намокнуть от росы, скопившейся на ветвях, то и дело срывающейся звонкой капелью. Видно, он простоял долго, потому что птицы, при появлении Софии резко

вспорхнувшие с места, до этого хлопотливо свивали гнездо, не обращая никакого внимания на человека.

— На вашем месте я бы выбрал другое место для прогулок, мисс.

— Если моё общество вас тяготит, сэр, я уйду.

— Не трудитесь. Я уже достаточно надышался здешним воздухом.

Сделав несколько шагов, профессор неожиданно рухнул, похожий на черного ворона, которого не удержали надломившиеся крылья.

— Что с вами? — кинулась к нему София.

Сухостойник жалобно стонал под лёгким весенним ветерком. Больше в ответ не раздалось ни звука.

Лицо Снейпа выглядело бескровным. Разглядывая его София вдруг смутилась, с удивлением осознав, что профессор совсем ещё молодой мужчина.

Захотелось убраться отсюда поскорей, но нельзя же оставить его одного в таком состоянии?

— Ренервейт!

Застонав, Снейп слабо шевельнулся. Пальцы зельевара вдруг властно притянули Софию к себе. Она оказалась прижатой к земле тяжелым мужским телом и в следующий момент ощутила жалящее прикосновение его горячих губ.

От профессора исходил горчащий запах трав и дыма.

Неожиданно голова закружилась, будто София выпила не одну рюмку шампанского. Волна незнакомых, пронзительно острых ощущений накрыла её с головой.

— Лили! Лили... — повторял профессор. — Лили!

— Придите в себя! — оттолкнула его София. — Что вы творите?! Никакая я вам не Лили!

В черных, бездонных, холодно-обжигающих глазах отразилось узнавание:

— Мисс Гринграсс... — прошептал зельевар бесцветным голосом, отстраняясь.

София, высвободившись из кольца мужских рук, принялась оправлять складки одежды, не зная, куда от смущения глаза девать. Губы саднили, будто их наждаком натёрли.

— Сожалею, мисс... Я был не в себе.

— Понимаю.

В ответ прозвучал безрадостный, похожий на шелест сухой листы, смех:

— Понимаете? Вряд ли!

— Вы бредили. Не заметить это мог разве что слепой. Похоже, дядя с утра успел выразить свою благодарность за вашу верную службу?

— Мы оба с ним неплохо развлеклись, так что я не в претензии.

— Могу я вам чем-то помочь?

— Оставьте, — в шепоте острым лезвием резанула насмешка. — Вы на сегодня помогли вполне достаточно.

Взгляд зельевара задержался на девичьих запястьях, где остались синяки от его прикосновений.

— Я не хотел причинять вам боль, мисс Гринграсс, — уже мягче проговорил Снейп, — не желал быть грубым. Простите меня и окажите честь — прогуляйтесь со мной немного. Я хочу вам кое-что показать. Может быть, это несколько сгладит тягостное впечатление от нашей встречи?

Деревья разошлись в стороны, словно театральный занавес, открывая взгляду кусты,

покрытые маленькими душистыми цветками, похожими на крохотные белые звездочки.

— Закрой глаза, — попросил её Снейп. — Когда-то я показывал это другой девушке, пытаюсь убедить в том, что магия не проклятие, а дар. Теперь открывай.

Они стояли в центре смерча из цветочных лепестков, медленно кружащихся в воздухе, наполняющих всё вокруг цветочным ароматом. Лепестки переливались прозрачной молочной белизной. Собравшиеся в лепестковых упругих изгибах капельки влаги в солнечных лучах сверкали ярче бриллиантов.

То был цветочный дождь, пролившийся напрямик из Эдема.

Профессор Снейп взмахнул рукой и лепестки, напоминавшие экзотическую стайку бабочек, закружились быстрее, перед тем как осыпаться на землю.

— Почему ты плачешь? — удивился он.

— Это было красивое волшебство, сэр, — покачала головой София. — Но взгляните на кусты? Они больше не цветут.

— Увы! Магия легко уничтожает, но нет ни одного мага на свете, способного вернуть жизнь человеку. Или хотя бы цветку? Даже Темный Лорд потерпел здесь фиаско.

— А... профессор Дамблдор?

София была готова откусить себе язык за невольно сорвавшееся с него имя.

Не отвечая, Снейп стремительно развернулся и заскользил между стволами деревьев, растворяясь в их тенях, словно неприкаянный, гонимый Немезидами, дух.

София устало привалилась к дереву.

Бог ты мой! Как могло так случиться, что она целовалась со Снейпом? И ей, кажется, это понравилось? Какой кошмар!

Обняв толстый шершавый ствол вековой ели, она устало закрыла глаза.

Безумие...

Всё вокруг чистой воды безумие.

2. Азкабан

— Всем приятного аппетита, — милостиво пожелал Хозяин, кивком приветствуя собравшихся за столом людей. — Не знаю, как вы, я же сегодня отлично выспался. Впервые за последние семнадцать лет, — проникновенным голосом поведал Тёмный Лорд. — Белла, как поживает твоя младшая сестрёнка? Что-то я давненько не видел нашу белокурую красавицу? Уж случаем, не прячется ли она от меня?

Побледневший Драко выронил нож.

— Какой ты неловкий, — попенял ему Рудольфус.

Белла растянула губы в улыбке, напоминающей клоуна. Яркая помада, размазанная по губам, не придавала ей привлекательности:

— Нарси безутешна, мой лорд. Она очень скучает без любимого мужа. Теперь, когда Дамблдор мёртв, разве нам не следует приступить к более решительным действиям?

— Уймись-ка со своим пафосом, — порекомендовал Рудольфус жене. — Лучше съешь кальмара, он сегодня удался на славу.

— Руди, — промокнув салфеткой тонкие губы, проговорил Темный Лорд, — на сей раз наша Беллочка абсолютно права: Нарцисса заслужила право получить своего мужа назад. Да и я, признаться, скучаю без этого красавца-прощельги.

Драко опустил голову. Упавшие волосы почти скрыли его лицо.

— Как пожелаете, Хозяин, — отодвинул Рабастан кальмара.

— Когда отправляемся? — поинтересовался Долохов.

— Сегодня же вечером.

Белла хохотнула:

— Вижу, вы полны желания угодить Нарциссе, мой лорд?

— Твоя сестра здесь не при чем. Я хочу наградить Снейпа за преданную службу и за его вчерашний подвиг. Север, ты ведь будешь рад увидеть своего друга снова, верно?

— Ну разумеется, — сдержанно кивнул зельевар.

— А я счастлив, когда мои люди счастливы, — растянул губы Волдеморт в улыбке, напоминающей оскал. — Иного счастья мне и не надо.

— На месте Снейпа я бы не торопилась радоваться до тех пор, пока события не переключались из раздела «планы» в раздел «реальность», — фыркнула Белла.

— Да уймешься ли ты, наконец?! — рявкнул на неё муж.

— Тише, Руди, тише, — протянул Темный Лорд. — Какой смысл впустую сотрясать воздух? Ни для кого не секрет, что твоя жена тебя не слушается. А ты, Белла, можешь передать любимой сестрёнке, что ещё до рассвета дорогой Люциус Малfoy будет с нами.

— Да, мой лорд — склонила женщина буйную голову.

— После обеда попрошу в мой кабинет братьев Лейстрейндж, тебя, Антонин, Ясли, Мальсибер и тебя, София.

— А я? — поднял золотистую голову Драко.

— Что — ты?.. — снисходительно взглянул на него Темный Лорд.

— Меня вы не приглашаете?

— Нет.

— Но... но ведь речь идёт о моём отце, сэр!!!

— И тебе не терпится провалить операцию с треском?

— Мой Лорд, — мягко заговорила София, — я думаю, мистер Малфой имеет право участвовать...

— Ну, надо же! — хохотнул Яксли. — Ваше Темнейшество, — с явным сарказмом проговорил он, — она ещё и разговаривать умеет?

— Кушай мясо, — сухо порекомендовал Тёмный Лорд. — Остроумие не твой конёк, Яксли, так что бери пример со Снейпа. Тот гораздо умнее тебя и умеет держать язык за зубами, что является гарантией того, что его голова останется при нём. А что касается Драко, София, он останется с матерью. Это не обсуждается.

— Но почему?! — вскинулся юноша, игнорируя предостерегающие взгляды учителя и родной тётки.

Волдеморт, видимо, пребывал в очень хорошем настроении, потому вместо того, чтобы испепелить охальника на месте, снизошел до объяснений:

— У тебя проблемы с самоконтролем, Драко. В решающий момент это может сыграть против нас.

— А у Астории проблем с самоконтролем нет?

— Без Софии операция невозможна. Уверен, если бы это зависело от неё, она махнулась бы с тобой местами не глядя. Вопрос закрыт. Надеюсь, ты не станешь испытывать моё терпение? Запасы его не безграничны.

— Да не то слово, — усмехнулся в бороду Яксли.

После обеда Волдеморт, Долохов, братья Лейстрейндж, Мальсибер и Скабиор собрались за столом в кабинете Тёмного Лорда.

— Как только стемнеет, мы, разделившись на группы, отправляемся к Азкабану. Я и София берём на себя дементоров, Рабастан и Рудольфус — вы отвечаете за яхту. Скабиор и Яксли — на вас сам побег. Ты, Антонин и ты, Мальсибер прикрываете всех на случай если что-то пойдет не так, обеспечиваете отступление. Лейстрейнджи, когда доберётесь до условленной маггловской яхты, при захвате судна людей лучше просто обездвигить, а не убивать.

— Какого Мерлина нам церемониться с магглами? — поинтересовался Рабастан.

— Бедные магглы яхты не покупают. А с богатыми даже у магов могут возникнуть проблемы, — пояснил Темный Лорд. — Захватив яхту, — продолжил он, — с чем, я уверен, трудностей не возникнет, вы перебросите её с южных широт в северные. Как только мракоборцы обнаружат исчезновение Упивающихся из Азкабана, они, в первую очередь, станут искать именно на магических путях, так что маггловская яхта на обыкновенном ходу даст нам фору в несколько часов.

— Путь труса!

Прежде чем Рабастан успел договорить, Темный Лорд грозно навис над ним.

Молодой человек откинул голову, стараясь втянуть в себя воздух.

— Ты. Посмел. Назвать. Меня. Трусом?.. — ласково поинтересовался у младшего Лейстрейнджа Волдеморт.

Печатая каждое слово, он вонзил острые, полыхающие алым пламенем зрачки в тонкое, порочное, злое лицо молодого человека.

— Я тебя правильно понял?

— Мой Лорд, я только хотел...

— Ты не должен хотеть!

— Я думал...

— Думать с твоими мозгами это фатальная ошибка. Не думай. Для этого в вашем родственном тандеме есть Рудольфус. Твое же дело исполнять мои приказы, причем беспрекословно. Ясно? Мне нужно чтобы вы пригнали эту чертову яхту без шумихи, мокрухи и дурной самодеятельности! Испортишь мне партию, я тебя петухом петть заставлю под Грейбеком. Так что ты слушаешься Рудольфа, и ни у кого из нас нет проблем. Так?

— Так, мой Лорд, — склонил голову Рабастан.

— Отлично. Теперь, что касается тебя, Антонин, Мальсибера и Скабиора? На вас ложится следующая часть операции. Аппорируете на условленные острова, оттуда до Азкабана добираетесь на метлах. Как только я подам знак, в первую очередь освобождаете Люциуса, затем остальных. На всё про все у вас не более четверти часа. Не уложите, оставайтесь в Азкабана, потому что, видит Мерлин, в случае провала мой гнев будет гораздо страшнее гнева авроров. Итак, четверть часа и наши узники должны будут вместе с вами аппарировать на яхту, которую Лейстрейнджи подведут к известной точке. Вопросы?

Вопросов не последовало.

Судя по всему, операция уже не единожды обговаривалась и обдумывалось, каждый винтик неплохо знал свое место в машине и в общем ходе движения.

— Готовьтесь, — кивнул Темный Лорд. — Все свободны, кроме Софии. Ты останься.

Дождавшись, когда дверь за последним УпСом закроется, Волдеморт повернулся к племяннице.

— Что касается твоего участия во всём этом, девочка моя, ты будешь делать то, что у тебя получается лучше всего — командовать мертвыми. Ты сделаешь это для любимого дядюшки. Я в этом не сомневаюсь. Я буду с тобой. Лично. Давай уточним, что ты знаешь о дементорах?

— Только то, что прочла у Роулинг, — обречённо выдохнула София. — Эти жуткие твари способны убивать, высасывая душу из человека.

— Бред! Душа находится вне досягаемости дементоров, заявляют со всей ответственностью. Эта неуловимая субстанция, душа, вообще неподвластна никому, кроме самой себя. Дементоры же способны свести с ума, вызывая такой ужас, что человек превращается в бесчувственный овощ. Это сгустки тёмной энергии, неспособные энергетически поддерживать самих себя. Теоретически дементоров можно отнести к энергетическим вампирам, причем, в отличие от призраков или демонов, эти твари не обладают самостоятельным сознанием. Это просто паразиты, пиявки. Однако, несмотря на кажущуюся их примитивность, высшие виды нежити победить гораздо проще. Тут действует тот же закон, что и в биологии: чем проще организм, тем он жизнеспособнее.

— И как, по-вашему, я должна с ними справиться?

Темный Лорд снисходительно усмехнулся:

— Нам не нужно с ними справляться, — подчеркнул он последнее слово. — Нам нужно привлечь их на свою сторону. А для этого не потребуются ни длинные дискуссии, ни переговоры, ни дипломатические реверансы. Ты просто прикажешь им оставить Азкабан — и всё! Потом запрем дементоров где-нибудь в надежном месте, например, в подвале Малфой-мэнора. А что? Отличная идея. Мне нравится. Так много ужасов, одним больше, одним меньше, уже неважно. Пусть себе в Малфоевском подвальнике дементоры тихонечко обращаются в ничто, чем, по сути, они и являются.

— Но...

— К шести будь готова. Оденься потеплей. Азкабан не курорт, он в северных широтах, предупреждаю тебя, радость моя. Насморк ещё никого не украшал, правда? Да, ещё: палочку не забудь.

К указанному времени София была готова.

Волдеморт выглядел безмятежным, если оживший, насмешливо-язвительный мертвец может быть таковым по определению.

— Готова? Идем.

В следующую минуту стены растаяли, растворяясь в тошнотворных ощущениях.

Когда небо и земля снова стали воздухом и твердью, а мозг получил возможность различать где находится вверх, а где низ, София обнаружила, что они стоят на утёсе. Внизу простирался узкий, длинный, причудливый остров, омываемый со всех сторон бескрайним бушующим седым океаном.

Обращенная к морю сторона утеса состояла из мягкого песчаного сланца, который, постепенно разрушаясь под воздействием внешних погодных факторов, трескался и расщеплялся на отдельные плиты. Видимо, во время бурь эти глыбы срывались и скатывались в пучину волн, бившихся у подножия скал — множество огромных осколков разбросало под утёсом. Прибой пенился и бушевал среди них гневно и яростно, словно надеясь раздробить наглые камни в мелкое крошево.

Остановившись на краю пропасти, дядя и племянница глядели на океан, кативший могучую мертвую зыбь. Валы разбивались о берег с яростью, равно поражающей слух и зрение. Они грозили немедленно гибелью всему, что могло быть захвачено их бурным течением.

— Взгляни! Что может быть прекрасней тёмных вод? Ничто, созданное человеческими руками, не способно преодолеть их. Рано или поздно они уничтожат и саму жизнь, которой когда-то дали начало. Океан и камни, жизнь и смерть — вечный круговорот.

Тёмный Лорд раскинул руки словно обнимая всё разом: высоту, довлеющее небо, бушующие волны, скалы и ветер.

— Смерть — продолжил он, — это гигантский птицелов, от которого не удавалось уйти никому.

Волдеморт обернулся к Софии, скалясь в зловещей улыбке, словно череп на знамени флибустьера.

— Ты считаешь, что Упивающиеся несут смерть? Но что не несёт её? Взгляни кругом и ответь, разве имеет значение, где умереть? На поле боя рок также подстерегает нас, как и дома за столом, или в постели. Если мы счастливо избегаем опасности, часто получается, что только затем, чтобы в дальнейшем влачить безрадостное и томительное существование. Уж не лучше ли умереть в бою, в поиске, в стремлении? Не чадить, а гореть, пусть даже с риском? Вперёд, София! Время не ждёт. Пора торопиться.

На расстоянии в несколько метров начиналась расщелина, через неё вилась узкая тропа, далеко не безопасная и не легкая. Не сбавляя шага, они двинулись по ней.

София старалась не задумываться об опасности. Не раз и не два огромные каменные глыбы, на которые она рассчитывала опереться, срывались из-под ног и с грохотом скатывались вниз, в бушующий океан. Тропа вывела их к заброшенным руинам.

— Здесь раньше была католическая церковь, — задумчиво произнёс Волдеморт. — Она в свое время пользовалась доброй славой, в 15–16 веках, когда могущественная система римской церкви опутала своими корнями всю Европу. Во времена расцвета католичества у

магглов здесь были свои святые и свои святыни, но пришедший на смену протестантизм запретил богослужение, уничтожил укоренившиеся заблуждения римско-католического вероисповедания и прежние святыни были преданы забвению.

Зрелище руин удручало. Яростные ветры с одной стороны погребли развалины церкви под огромными наносами песка, почти полностью скрыв боковую стену. С другой стороны, стихия обнажила гробницы тех, кто вкушал вечное отдохновение на старинном погосте. Кое-где останки мертвецов, с которых время сорвало саван, представляли взору в отвратительной наготе.

Руины окружали остатки давно сгнившей, обветшалой ограды, обвалившейся в большинстве мест, но всё ещё способной указать пределы бывшего кладбища.

Темный Лорд сверкнул кровавыми очами:

— Это место идеально подходит моим целям.

Он прошептал заклинание и на каком-то древнем памятнике проступило топорное изображение неизвестного рыцаря. Наискось висел щит с геральдическими знаками.

Опустившись рядом с ним на колени Волдеморт начал сгребать рыхлый легкий песок, распевая вполголоса нечто, напоминающее псалом. Словно попадая в единый ритм с тихим песнопением, пески начали взвихряться пока не обнажился свинцовый гроб.

— Здесь! — протянул он довольно. — Здесь, в обители смерти мы соберем наших безликих союзников. Счастлив тот, кто смеет уповать на тихую гавань, кто неуклонно держал верный путь в море жизни, — тех не тронут эти исчадия ночи, порождения тлена и страха! Те ж, кто не дерзает надеяться, будут повержены в ужас, — говорил он, явно с сарказмом кого-то цитируя.

Медленным, торжественным движением протянул он палочку к небосводу. Софии ударил в лицо яростный ветер, запевший с диким воодушевлением северного шторма.

Не говоря ни слова, Темный Лорд схватил девушку за руку и, подтянув к себе, резанул острым лезвием изогнутого ножа по тонкой коже на её руке. Тонкой струйкой кровь потекла на землю.

Крышка свинцового гроба отвалилась, обнажая давно сгнившие мощи с тонкой паутинкой длинных спутанных волос.

Капли крови падали на останки, одна за другой...

Град обрушился неожиданно. С неумолимой беспощадностью принялся хлестать по лицу, плечам, спине. Вода взбились в клубящуюся пену, большая часть которой, подхваченная ветром, уносилась обратно в океан. Серые тучи опустились так низко, что казалось, Волдеморт и София задевают их макушками. Температура стремительно падала. Вскоре вместо ливня вокруг вились белые крупные хлопья снега, словно слуги Снежной Королевы.

А потом звуки пропали, будто Софию поразила внезапная глухота.

Все было по-прежнему: ураган, град, буря, запахи и ощущения. Но в мире не стало звуков. Красок тоже не осталось, как будто переключили с цветного на черно-белое изображение. В серой подвижной мгле четко различался лишь силуэт Тёмного Лорда.

Спустя мгновение София поняла причину этих изменений: отовсюду к ним скользили дементоры. Длинные узкие фигуры в рясах. Фигуры без лица. Вдоль тела бессильно, безвольно свисали серые, покрытые слизью и струпьями, руки.

— Не бойся, — обернулся Волдеморт. — Они пришли, потому что мы позвали их. Подумай только, вообрази, эта слепая сила, способная обескровить мир, подвластна твоей

руке, словно игрушка ребёнку.

София смотрела на приближение этих игрушек задыхаясь от ужаса.

Подплыв, дементоры замерли, покачиваясь в воздухе, словно утопленники в глубинах вод.

«Что у этих тварей под капюшоном?», — пронеслась в голове шальная мысль.

Повинуясь её желаниям дементоры скинули капюшоны, открывая взгляду Софии тонкую, серую, покрытую струпьями кожу и затягивающе-пустые, слепые глазницы. Вместо рта у существ была разверстая, бесформенная щель, со смертным хрипом всасывающая воздух.

— Прикажи им покинуть Азкабан и проследовать в Малфой-мэнор, — велел Волдеморт Софии.

София покорно выполнила то, что ей было приказано.

— Теперь Азкабан остался без стражников, — довольно потёр руки Темный Лорд. — Пора возвращаться на яхту. Лестрейнджи уже должны были успеть доставить её на место. Держи порт-ключ!

София и пискнуть не успела, как уже привычный узкий шланг подпространства засосал её, точно гигантский пылесос.

***

«Красотка Мередит» гласила надпись на рубке.

Мощный стальной корпус сорокафутовой двухмоторной яхты впечатлял.

— Мой Лорд, все прошло благополучно! — поспешил заверить выбежавший им навстречу из рубки Рудольфус.

— София! — Темный Лорд сделал вид, будто не видит своего верного слуги и обращался исключительно к племяннице. — Не стой здесь, простынешь ещё, а у меня на тебя большие планы. Давай, топай в рубку и потребуй у Рабастана чашку горячего чая. И пусть этот сноб только попробует скорчить мину, я с него шкуру живьём спущу. Можешь так ему и передать.

«Красотка Мередит» словно огромная люлька качалась на волнах. Огни яхты пробивались сквозь туман, автопилот держал заданный курс.

В рулевой рубке было тепло. Рабастан, устроившись в гамаке, листал какую-то книжечку.

— Привет! — сахарным голосом обратилась к нему София.

Ей порядком поднадоели его высокомерные взгляды.

— Волдеморт приказал тебе приготовить для меня кофе, — ехидно улыбнулась она.

Рабастан уставился на девушку:

— Как ты смеешь называть Его по имени! — прошипел он.

— Если дяде что-то не понравится в моем обращении, он сам мне об этом скажет. Кофе, Рабастан! — напомнила София. — Или мне рассказать дяде, что его люди не выполняют его приказы?

— Сука! — выругался младший Лейстейндж, поднимаясь.

София, решив не заморачиваться над его плохим настроением, поспешила устроиться на освободившемся месте.

— Подавись!

— Не дождёшься.

София снова улыбнулась.

Как учила одна великая русская актриса, люди тебя гадость — а ты им конфетку, они тебе гадость — ты им снова конфетку. И так до тех пор, пока у них от сладостей несварение не случится.

Раздались аппарационные хлопки. Дверь в рубку отварилаь и вместе с брызгами и ледяным ветром, мгновенно наполнившим их маленький островок тепла, ввалились Скабиор и Яксли.

Они кого-то поддерживали под руки. Едва взглянув на него, София расслабилась. Во-первых, он был слишком молод, а во-вторых, совершенно не блондин, а значит, никак не мог быть господином Малфоем-старшим.

— Стэн Шанпайк? — удивленно воскликнул Рабастан. — Что он тут делает?!

— Неплохо справлялся с «Ночным рыцарем», справится и с маггловской «Красоткой», — объяснил Долохов. — Софья, как думаешь, сможешь залечить парочку царапин?

— Раньше не приходилось. Честно говоря, незнаю.

Лицо у парня было рябое, какое-то перекошенное и мокрое.

— Я сам о нем позабочусь. Не тревожьтесь, — пророкотал Яксли.

Скабиор встал у входа, скрестив руки на груди и привалившись к притолоке плечом. Вид у него был откровенно мечтательный, будто мыслями он был не здесь. Зато взгляд цепкий и колючий.

— Как все прошло? — поинтересовался Рабастан.

— Гладко, как по маслу, — Долохов налил кружку воды и залпом осушил её. — Дементоры в одночасье растворились в воздухе. Клянусь Мерлином, я такого ни разу в жизни не видел! Они не улетели, не разошлись, а попросту исчезли! В Азкабанае к такому оказались не готовы. Забегали, запрыгали, засуетились. Наше слаженное и спланированное нападение довершило дело.

Долохов засмеялся, обнажая ровные, но пожелтевшие от табака зубы.

— Уверен, когда они станут докладывать в Министерство о сегодняшнем инциденте, наши единицы превратятся в непобедимые сотни!

Губы Скабиора тоже сложились в саркастичную улыбку.

— Так они там что? — приподнял брови Рабастан. — Даже и не защищались?

— Клянусь памятью матери, вчера в Хогвартсе опасности было больше. Эти идиоты слишком привыкли полагаться на несокрушимость дементоров и охранных заклятий. Том прав, власть сгнила, и теперь просто ждёт не дожждётся, когда же явится кто-то достаточно смелый и дерзкий, чтобы взять её.

3. Малфои

— Идиоты, — констатировал Волдеморт, перешагнув порог рубки. — Вы все идиоты. Здесь очень тесно. Почему никому не пришло в голову применить расширяющие чары?

— Позвольте, мой Лорд? — спросил следующий за Волдемортом высокий мужчина в тюремной робе.

— Конечно!

Небрежный взмах палочки и вокруг стало заметно просторней.

Не узнать во вновь прибывшем Люциуса Малфоя было невозможно — Драко был его точной, только более бледной копией.

Красота Малфоя-старшего ослепляла. От неё дух захватывало. И это в тюремной-то робе! Но даже и она не была способна испортить впечатление.

— Садитесь, — любезно разрешил Тёмный Лорд, — как любит говорить мой друг Антонин: «В ногах правды нет».

Ледяной тон Темного Лорда противоречил показной любезности его слов. Однако Малфой-старший воспользовался разрешением и устало опустился на стул.

— Могу я поинтересоваться, спросить, как поживают мои жена и сын? — выдохнул Люциум хрипло, словно от постоянной влажности его голосовые связки заржавели.

— Все вопросы о вашей семье мы обсудим позже, в Малфой-мэноре. Вы уже в курсе, мой дорогой друг, что именно ваше родовое поместье я выбрал для своей резиденции и нового штаба Пожирателей? Нет? Ну что ж, теперь в курсе. Надеюсь, новость вас порадовала? Если нет, остерегайтесь высказывать мне неудовольствие. Я ещё не простил вам вашего прошлого промаха, Люциус.

Мужчина хотел что-то сказать, но Темный Лорд предостерегающе поднял руку:

— Знаю-знаю! — поморщился он почти безразлично. — Тысячу раз уже слышал от Нарциссы и Снейпа: Поттер, мол, и те детки, они, якобы, одного возраста с Драко! Ох и ах! ... Мне нужно было пророчество, Люциус. А что я получил? Разбитые осколки. Я неудовлетворен. Очень! Однако, поскольку Министерство уже наказало вас, позволю себе маленькую толику милосердия.

— Мой Лорд, — склонил голову Малфой-старший, — я всегда к вашим услугам. Мой дом — ваш дом.

— Хватит уже лицемерить, мой скользкий друг, — устало махнул рукой Темный Лорд. — Кто бы только знал, как я устал от подбострастного лицемерного вранья? Искренность — вот воистину ценный подарок в жизни. Но ты не можешь расщедриться, мой скользкий друг. Ты не знаком с понятием искренности. Увы! Тебе это так же неизвестно, как мне не понять смысла милосердия и прощения.

На бледных скулах Люциуса Малфоя загорелись яркие пятна:

— Вы накажете меня, мой лорд?

— Я уже посчитался с тобой, — неприятно засмеялся Хозяин. — Грейбэку наш сладкий Драко очень понравился! Такой белокурый, нежный... голубок.

София оцепенела от ужаса. Она, наверное, ослышалась? Что-то не так поняла?

Малфой-старший не отрываясь смотрел в глаза Волдеморту. Возможно надеясь на то, что Темный Лорд попросту играет с ним или что он тоже что-то не так понял.

— Вы, должно быть шутите, милорд?

Жестокая улыбка продолжала играть на губах Волдеморта, в глазах горело злое алое пламя.

— У меня специфичное чувство юмора, Люциус. Будь я в себе меньше уверен, мог бы даже подумать, что мои шутки не смешные.

— Это слишком... слишком жестоко: прийти к вам за величию и жизнью, а пожинать лишь унижение и смерть! Ваша жестокость бесчеловечна! Она бессмысленна, необъяснима. Что вы делаете? Вы же выжимаете последние капли крови из древнейших и благородных волшебных семейств! Неужели вы успокоитесь только тогда, когда ваша тень проклятием ляжет на всю нашу страну?! — взорвался Малфой-старший

Все стихли в тревожном ожидании глядя на Темного Лорда и его взбунтовавшегося скольского друга.

Волдеморт неторопливо приблизился к Малфою и положив руку на плечо, тихонько сжал его:

— Всегда подозревал, что ты обладаешь опасным даром красноречия, — ухмыльнулся он. — Осторожней на поворотах, красавчик!

Обстановка явно наколялась. София не желала больше ничего слышать. В тесной рубке стало нечем дышать. Дёрнув ручку двери, она вышла.

Снаружи встретили темнота и холод. Ветер отвешивал пощёчину за пощёчиной, осыпая все вокруг множеством водяных, соленых брызг, фонтаном взлетающих то справа, то слева. Потоки воды с грохотом растекались по палубе, превращались в мириады капель на ветровом стекле рубки.

Глаза Софии расширились от ужаса — перед носом яхты, упираясь в поднебесье, поднялся пенный гребень исполинской волны.

Секунда!

И потоки с невероятной силой обрушились, превратив мир в холодный непроницаемый мрак, из которого куда-то исчез весь воздух.

Когда волна скатилась, она, дрожа, цепляясь за снасти, принялась пробираться к середине яхты, намереваясь вернуться в укрытие кубрика. Но судно прыгало с гребня на гребень, словно взбесившийся скакун, в ушах стоял неистовый вой ветра.

— Какого Мерлина ты творишь?

Волдеморт вынырнул из вставшего на дыбы мрака, словно всемогущий демон.

— В рубке мне стало душно! — силилась перекричать вой бури София.

— Надеюсь, неплохо проветрилась? — засмеялся Волдеморт. — Держись!

Яхту завертело и закрутило. «Красотка» стонала, море ревело. Молнии одна за другой секли небо, и при их свете беснующееся водное пространство казалось ещё более грозным.

Волдеморт хохотал:

— Тебе, я вижу, не по нраву отношения Сивого и нашего малыша Драко? Увы! Уже ничего не изменишь. Всё случилось до того, как ты так неосторожно выбрала себе жениха... Ого!!! Здесь становится слишком жарко! Уходим.

Их рывком вышвырнуло из той реальности, где были волны и ветер, и перенёсло на узкую тропинку, озаренную холодным лунным светом, к кованым воротам.

Красивый особняк вырос прямо из темноты. Под ногами захрустел гравий.

Нарцисса рванулась к одной из безликих фигур, в темноте совершенно одинаковых, бог весть каким образом узнав мужа.

На краткое мгновение супруги сошлись в тесном объятии.

Потом хозяин Малфой-мэнора отшатнулся от жены, взгляд его заметался между лицами в надежде увидеть сына.

Как не старался Люциус владеть собой, его горделивые черты выражали тревогу.

— Ступайте, приведите себя в порядок, друзья мои, — раздался обманчиво-ласковый голос Темного Лорда.

Он говорил так, будто Малфой-мэнор уже принадлежал ему, и он имел право отдавать здесь распоряжения.

Полумрак скрадывал истинное богатство дома, но даже тьме оказалось не под силу полностью изгладить впечатление, что неизменно производит богатство в сочетании с тонким вкусом. Каждая ступенька, каждая гардина, каждый угол свидетельствовали о том, с какой душой и любовью хозяева обустроивали своё жилище.

Следуя за миссис Малфой, София вошла в комнату с выложенным мозаичным полом. Около алькова горел ночник, хотя в нем и не было необходимости, лунный свет, проникая в комнату через большие окна, скользил в самую глубину спальни, выбеливая обшитые кружевами простыни на кровати. Они напоминали белую пену.

— Отдыхай. Спокойной тебе ночи, дорогая, — с улыбкой сказала Нарцисса. — Ты заслужила отдых.

Оставшись в одиночестве, София медленно подошла к застекленной двери, ведущей на балкон. Кушетка манила присесть и полюбоваться великолепным пейзажем, открывающимся из окон. Взгляд охватывал сады, блестящую гладь воды в излучине реки. Мир выглядел чарующим и удовлетворенным, будто в нем никогда не было трагедий.

Раздавшийся шорох привлёк к себе внимание. София обернулась.

Прислонившись к косяку балконной двери, прямо за её спиной стоял Драко, скрестив руки на груди.

— Ты? Что ты здесь делаешь?

— Удивлена? — хмыкнул он. — Это же мой дом, Гринграсс. При желании я могу проходить здесь даже сквозь стены.

— Почему ты пришёл ко мне, а не пошёл к своему отцу?

— Все мы не вольны в своих желаниях с тех пор, как воскрес Темный Лорд.

Драко сделал шаг вперёд.

— Разрешите присесть рядом с вами, мисс Гринграсс? — насмешливо уронил он и, не дожидаясь ответа сел, облокотившись на каменную балюстраду. — Очень злишься на меня за ту безобразную сцену на Башне?

— Нет. За что на тебя-то злиться? Вот если бы убил Дамблдора, тогда другое дело.

— Я не смог заставить себя это сделать. Думал, что смогу и — не смог. Никак не ожидал, что так легко окажется разоружить старика.

Они оба помолчали, любясь речушкой, в ночи похожей на узкую ленточку.

— Ты видела моего отца? — тихо спросил Драко.

София кивнула.

— С ним всё в порядке?

— Он не ранен.

— Но что-то с ним не так, да?

— Волдеморт...

Драко зашипел, хватаясь за руку.

— Да не произноси ты этого имени!

— Темный Лорд, — поправила София, — сообщил твоему отцу о... о ваших взаимоотношениях с Фенриром.

— Что?!

Черты Малфоя словно истончились. Серые глаза вспыхнули.

— Как мило! — безликим, тусклым голосом выговорил он. — Ты, должно быть, довольна?

— Довольна?! Чем?

На скулах Малфоя-младшего вспыхнули алые пятна.

— Тёмный Лорд изобретательная личность. Даже и не представляешь — насколько! Недаром же моя тетка-маньячка пребывает от него в таком бурном восторге. Я нисколько не сомневаюсь, что он продемонстрирует тебе все это в процессе, наглядно... а может быть, даже пригласит поучаствовать.

— Хватит! Не хочу я этого слушать. Убирайся!

Драко поднялся.

Он просто стоял и просто смотрел. Но сколько бессильной ненависти было в ледяных светло-серых глазах-льдинках, что София поежилась.

— Это мой дом, Гринграсс. Не смей здесь мне отдавать приказы. Это. Мой. Дом. Эти стены пропитаны магией моего рода, стоят на нашей крови, пронизаны нашими слезами и смехом. Одного присутствия Темного Лорда недостаточно, чтобы всё изменить. Твой дядюшка старается испортить всё, до чего дотронется. Он хочет уничтожить Малфоев, так же, как он уничтожил Блэков. Уничтожить Ноттов, Забини, Уизли, Поттеров, чтобы наводнить мир такими, как ты и грязнокровка Грейнджер. Кем ты себя вообразила? Да ты просто шлюха!

— Как ты смеешь!?

— А как смеешь ты, моя наречённая невеста, целоваться со Снейпом?!

— Ч...что? — заикаясь, спросила опешившая девушка. — Что ты сказал?! Я не...я никогда!..

— Тебе понравилось, да? Ну, ещё бы! Взрослый, опытный мужчина!

София вонзилась ногтями в бледную, аристократичную, ненавистную высокомерную физиономию.

Малфой отпрянул, оступился, и они кубарем покатались по полу.

— Пусти! — зашипела София, когда Драко, заломив ей руку, прижал девушку своим весом к полу.

— Чтобы ты могла продолжать царапаться в своё удовольствие?

— Пусти немедленно!!!

— Повторяешься. Скучно.

Сухая ладонь зажала Софии рот.

— Тс-с! — склонившись к её уху, насмешливо выдохнул Малфой и от его голоса по спине побежали мурашки. — Переполошишь весь дом. Прибежит твой дядюшка, мой папенька, станут нам читать мораль...оно нам надо?

— Шёл бы ты к Грейбеку!

— Ага! Я к Грейбеку. А ты? Сразу к Снейпу?

— Пошел ты!..

— Может быть, обойдемся без них? Без всех? Грейбеков, Темных Лордов и Поттеров, а,

Гринграсс?

Горячее дыхание Драко теплом разливалось по телу Софии, освобождая его от холода, накопившегося за день. Тонкие длинные пальцы ласкали грудь, нежно и мягко, словно это был вовсе не Драко Малфой, а какой-то незнакомец с такими же светлыми, как у него, волосами, похожими на струящееся серебро.

Закрыв глаза, несколько коротких, почти счастливых мгновений София наслаждалась иллюзией близости. Наслаждалась неожиданно подаренной лаской — мимолетной искоркой в холодном мире тьмы.

Когда Драко отодвинулся, прерывая поцелуй, девушка испытала разочарование.

— Теперь у тебя есть возможность сравнить меня со Снейпом, — ухмыльнулся змеёныш.

— Зачем ты все время стараешься сказать мне гадость?

Он пожал плечами:

— Наверное мне нравится, как ты кидаешься на меня с кулаками?

На сей раз ухмылка Драко была живой и лукавой.

— Чем не повод стать ближе?

Он перебросил ногу через балконный парапет.

— Что ты делаешь? — испуганно охнула София.

— Ухожу.

— Для входа и выхода существуют двери.

— У магглов. В волшебном мире есть окна и метлы, — подмигнул он перед тем, как исчезнуть.

София не знала, сыпать ей вслед проклятиями или смеяться.

4. Учитель и ученица

Утро постучалось в комнату яркими лучами. София потянулась, радостно предвкушая новый день, но в следующую же секунду ощущение счастья смыло воспоминаниями о смерти Дамблдора, явилась мысль о запутанных отношениях с Драко, а тут ещё этот поцелуй с профессором Снейпом, будь он неладен! Жизнь день ото дня не делалась легче.

Спускаясь по широкой лестнице, на которой могли бы при желании разъехаться два автомобиля, София поймала себя на мысли, что какая-то часть её все равно не может поверить в происходящее. Случись победить Министерству, её ведь уничтожат вместе со всеми УпСами? Вряд ли кто-то станет разбираться в нюансах. Жизненный водоворот стремительно затягивал Софию. Боль, преступления и тайны сомкнулись над головой — не вынырнешь.

Заняв место за столом, она привычно обежала глазами комнату. Светлые волосы Малфоев выделялись ярким, притягивающим пятном. Взгляд невольно задерживался на бледных пальцах мужчины сидящего напротив неё. Отец, в отличие от сына, любил носить на руках украшения. Пальцы Люциуса были унизаны перстнями, отягощенными камнями. Нарцисса сидела по правую руку от мужа. В белом платье, с живыми орхидеями в волосах она выглядела привлекательно и очень молодо. Женщине невозможно было дать больше двадцати пяти, если не смотреть в глаза, которые честно выдавали не только возраст, но и все беды, горести и печали, через которые той пришлось пройти в последнее время.

Отовсюду слышался звон бокалов, лязганье столовых приборов.

Дядюшка сидел на возвышении, на темно-зелёном кресле с высокой спинкой.

«Как на троне», — невольно пронеслось в голове у Софии.

Как всегда, рядом с Темным Лордом находилась Беллатрикс. Волосы её спадали свободной и буйной, как её темперамент, волной. Открытый бюст в сочетании с ярко-алой помадой смотрелся откровенно вульгарно.

Когда в небольшую дверь за лестницей стремительно вошёл невысокий, полный, похожий на крысу человечек, все разговоры резко оборвались.

— Милорд, прошу вас, — в панике зашептал человечек, склоняя голову. — Сам министр в каминной сети!

Черепоподобное лицо Волдеморта исказила кривая улыбка:

— Какая великая честь для нас, господа! В нашем камине Министр Магии, собственной персоной!

Послышались подобострастные приглушенные смешки.

— Держу пари, наши вчерашние действия произвели должное впечатление, — потирая руки, поднялся из-за стола Тёмный Лорд.

День тянулся медленно. Никаких новостей о беседе Волдеморта и министра не было. Устав изнемогать от скуки и нетерпения, София вышла в сад, побродить по закоулкам, тропинкам и беседкам. Она не уставала восхищаться ажурной прелестью построек, естественной нежностью и прелестью цветов. Малфой-мэнор мог выдержать сравнение с Трианоном или даже самим Версалем.

За обедом выяснилось, что Тёмный Лорд не в духе. Видимо, разговор прошел не совсем гладко.

— Что потребовалось от нас министру, мой Лорд? — озвучила Белла терзающий всех вопрос.

Против ожидания, Волдеморт ответил «человеческим» голосом, лишь слегка сдобрив его легким шипением:

— Хотел засвидетельствовать своё почтение, которое невозможно не питать к такому великому магу, как я. Клянусь Мерлином, ему придется уважать меня ещё больше! И это случится быстрее, чем он опасается!

— Не сомневаюсь, мой Лорд, — поникла Белла.

— Жаль, что придется столкнуться со Скримжером на узкой дорожке, — задумчиво уронил Долохов, теребя сережку в ухе. — В своё время он мне нравился. Правда, тогда он ещё был обыкновенным аврором. Власть, как известно, портит людей.

— Снейп? Малфой? — хмуро окликнул Темный Лорд. — Вы проверили защитные барьеры на мэноре? Они надёжны?

— Все сделано, милорд, — растягивая слова, сообщил Люциус. — Головы не оторвет, но сунешься, рук лишишься наверняка.

— Все те же нелепые соображения туманной гуманности, Люци? По мне, так незванный гость без головы смотрится куда лучше, чем без рук. Но это твой дом, тебе и решать. Правила в Малфой-мэноре остаются теми же, что и всегда. Аппорировать сюда можно только по вызову, — Волдеморт выразительно постучал пальцами по левому предплечью. — Отсюда — только камином или порт-ключом. Камин в моем личном кабинете. Порт-ключ получить можно так же лишь у меня.

Покидая комнату после обеда, София отметила, что Малфои остались сидеть за столом, видимо, рассчитывая на аудиенцию.

Она снова принялась бесцельно бродить по комнатам в надежде отыскать хоть что-нибудь интересное.

Из окон открывались различные виды. То фасад поместья, то вымощенная плитами дорожка, украшенная вазами с цветами, то огромная поляна с причудливо постриженными деревьями, около которых безмятежно вышагивали белые павлины.

Прискучив, девушка надумала поизучать содержимое книжных шкафов, но книжные полки оказались заперты. Использовать Аллохомору она не решилась. От вопиющего акта вандализма удерживало не столько воспитание, сколько опасения, что книги могут оказаться опасными в прямом смысле слова.

Стрелки на часах двигались медленно. Очень медленно. Томительно.

Миновав несколько больших залов на первом этаже, уже знакомый холл с мозаичным полом и широкой лестницей, София нырнула в небольшую дверцу, спрятанную за одной из мраморных статуй.

Там обнаружилась лестница. Очень узкая.

Преодолев несколько пролетов, она вышла на площадку этажа. Повсюду здесь витал острый горький запах зелий, красноречиво свидетельствующий о роде деятельности хозяина крыла. Сгорая от любопытства, подстегиваемая скукой и уверенностью, что Снейп сейчас занят, а потому не сможет помешать, София потянула за ручку лаборатории.

Половину комнаты занимал застеклённый стеллаж, забитый книгами и отвратительными на вид вещами, судя по всему, ингредиентами для приготовления зелий. Перед стеллажами стояли два огромных стола: один рабочий, второй — письменный. Оба были пусты.

А чего, собственно, она ожидала? Что Снейп станет держать свои тайны под носом Волдеморта?

Но так хотелось, пусть хоть одним глазком, взглянуть на тайну...

Начало загадки для малыша

В воротах за поворотом.

В щелочку смотрит он, не дыша.

Тихо гадая: «А что там?»...

София знала, как зовут тайну. Знала, что это тайна была обычной девушкой. Но нигде, даже случайно, не удавалось наткнуться на изображение Лили Эванс-Поттер, так и оставшейся в этой истории серым кардиналом. Лик Лили вставал за плечом Волдеморта, напоминая о причине его падения; расплывчато маячил за Гарри, предопределяя его судьбу и вызывая к отмищению. Лили была в сознании Софии неразрывно связана с холодным, невозмутимым зельеваром, не менее таинственным, чем его мертвая подруга.

— Что-то ищите, мисс Гринграсс?

София с ужасом выпрямилась, отчаянно стыдясь собственного любопытства.

— Я спросил, что вы делаете в моей лаборатории? — все так же тихо прозвучал голос.

София углубилась в созерцание трещины на столе.

Раздался шорох мантии. Профессор опустился в кресло, тем самым попадая в поле зрения девушки.

— У меня нет объяснений, сэр.

— У особ, вроде вас, их никогда не бывает.

Снейп перевёл взгляд, уставившись в камин, и наблюдал остывшие угли, почти не шевелясь. Наконец с его уст слетел вздох:

— Подтверждения каким из ваших девичьих грез вы надеялись отыскать в моей бедной лачуге?

— Я не искала...

Брови Снейпа выразительно приподнялись.

— Я уже сказала, что... вы...

София сделала несколько шагов, удаляясь от стола, за которым пряталась.

— Вы не понимаете...

— Разумеется, — отозвался Снейп. — разумеется не понимаю. Вы и сами-то вряд ли понимаете себя, не так ли?

Черные глаза зельевара выразили презрительную жалость.

— Простите, пожалуйста. Я поступила, легкомысленно... но...

— Никаких «но», мисс. В том мире, в котором вам предстоит существовать, легкомыслие жестоко карается.

— Я просто хотела увидеть Лили Эванс! Что в этом такого?

Лицо Снейпа сделалось неподвижным. Глаза словно остекленели, оставаясь необыкновенно ясными, но при этом пустыми. Уголок губ приподнялся.

София густо покраснела.

— Я не... — начала она.

— Мисс Мракс! Ваша наглость... упоительна.

Какое-то время декан и его студентка мерялись взглядами. Потом София спросила:

— Почему вы примкнули к Темному Лорду? Что могло привлечь к нему такого человека, как вы?

— Не знаю, каких откровений вы жаждете, но, уверяю вас, они не способны улучшить моей репутации в ваших глазах.

София сжала руки в кулаки:

— Что заставляет вас помнить об этой женщине? Любовь к ней или чувство вины?

— И то, и другое, мисс Мракс, — холодно прозвучало в ответ. — И то, и другое. Чувство вины перед любимым человеком — тяжелый груз, о котором невозможно забыть ни на минуту. Когда причиняешь человеку боль, когда делаешь это сознательно, когда не успеваешь ничего исправить, то с этим приходится как-то жить. Искренне желаю вам никогда не узнать какого это на деле. Что касается моего выбора, то заверяю вас, я выбрал сторону Сама-Знаешь-Кого вполне осознанно и добровольно. Я выбрал мрак потому, что это казалось мне интересным.

— А сейчас? Сейчас вам все ещё интересно?

— Временами.

— Но грязь далеко не тот предмет, что способен надолго приковывать к себе внимание такого интеллектуала, как вы.

— Вы мне льстите. Я же не склонен к философским рассуждениям. Всего доброго. Дверь прямо за вашей спиной.

Как всегда, в словах профессора не было прямого оскорбления. Как всегда, София почувствовала себя так ужасно, как если бы появилась в обществе изысканно одетых людей на великосветском приёме голой.

— За что вы меня так презираете?

— С чего вы это взяли, мисс Мракс? Я не беру на себя труда презирать вас. А теперь подите же, наконец, вон.

— Как прикажите, профессор, — ядовито ответила София. — Сегодня вы, по всей видимости, не желаете предаваться воспоминаниями о драгоценной Эванс?

— Хотите сказать, что сожалеете об этом? — с усмешкой парировал учитель.

От его тона у Софии не только зарделись щеки, но и запыхали уши.

— Вы... вы ужасный человек!

— Если это вас утешит, — отвесил Снейп насмешливый поклон.

5. Диадема и оборотень

У входа в кабинет Волдеморта София наткнулась на Рабастана. Вернее, на его фирменный, леденящий душу взгляд — словно в прорубь окунулась.

— Мисс Гринграсс, — отвесил он издевательский поклон.

— Мистер Лестрейндж, — в тон ответила София.

Взявшись за дверную ручку, она вынудила младшего Лейстрейнджа посторониться.

Волдеморт сидел в кресле и лениво поигрывал своей палочкой, находясь в состоянии непривычной для него праздности.

— Добрый вечер, София.

Она в нерешительности остановилась у порога.

— Добрый вечер, София, — с нажимом повторил Темный Лорд, повернув голову. — Что? Хорошие манеры в Малфой-мэноре нынче не обязательны?

— Добрый вечер, дядя. Вы просили меня зайти к вам?

— Просил?..

— Вы велели мне прийти. И вот я здесь.

— Вижу.

Не поднимаясь из кресла, милорд вытянул руку, и бутылка вместе с двумя фужерами из шкафа мгновенно переместилась, материализовавшись между ним и Софией. Небрежно поведя пальцем, колдун заставил пробки вылететь, после чего бутылка зависла над бокалами, наполняя их рубиновой жидкостью.

София едва пригубила угощение.

— Боишься, что отравлю или моё вино тебе не по вкусу, племянница?

— Я плохо разбираюсь в винах, дядя.

— Для такой выдержки, на мой вкус, пожалуй, крепковато, — он вернул бокал на стол. — А если говорить начистоту, то это вовсе и не моё вино. На самом деле оно, как и всё здесь, принадлежит твоему будущему свёкру. Я никогда не любил алкоголь. Он призван в мир, чтобы лишить человека самого дорогого: способности мыслить трезво. Так что это и к лучшему, что ты не пьёшь.

Рюмка испарилась по мановению руки тёмного мага.

— Расскажи, — продолжил он, — как тебе понравились отведённые для тебя апартаменты? Надеюсь, они достойны той, в ком течёт кровь Слизерина?

— Я всем довольна, дядя. Спасибо.

Темный Лорд закинул ногу на ногу, сложил пальцы домиком и склонил голову на бок:

— Что ж, если эта тема кажется тебе неинтересной, давай сменим её. Не хочешь говорить о гостеприимстве Малфоев, поговорим о Снейпе?

Девушка попыталась проглотить образовавшийся во рту ком:

— Что о нём говорить? Я его почти не знаю...

— Зато я его знаю отлично. К слову, не нахожу ничего удивительного в том, что ты запала на этого засранца. Ещё бы! Он почти такой же, как ты сама, «серый ангел», да? — с издевательской насмешкой приподнял бровь Злой Лорд. — Он даже качественнее в своей серости, если можно так выразиться. Ведь всё, на что хватает тебя, дорогуша, так это скрещивать за спиной пальцы в надежде, что никто не увидит твоего молчаливого

несогласия, в то время как Снейп...о! Снейп, служа Дамблдору, бесстрашно участвовал почти в каждой саботажной операции, направленной против меня, без сожаления рая, порой даже убивая моих людей. У него это называется конспирацией. Действия оправдываются необходимостью, ведь люди Дамблдора ни за что не должны догадаться, на чьей стороне истинные предпочтения талантливого зельевара. Так что ты всего лишь трусливый мизантроп, в то время как твоего профессора Снейпа следует назвать человеком действия.

Как видишь, вы не одной с ним породы. Тут, надо сказать, нежный Драко из семейства куниц тебе более под стать. Не будем так же забывать и о финансовом положении папочки-Малфоя? Вклады Люциуса при любом раскладе обеспечат его потомкам весьма сносное существование. Даже в том случае, если завтра всем нам наступит крышка, а сам лорд Малфой сгниёт в Азкабана, пожертвовав свои мозги дементорам, Драко и его жена отнюдь не умрут с голода. Я уже готов одобрить твой мудрый выбор. Ну, почти готов... А что касается моего любимчика Снейпа, ему, увы, когда-нибудь придется заплатить за своё двурушничество. Правда, Нагайна?

Змея ответила шипением, поднимая голову из-под стола и пристраивая её на плече хозяина.

София трясущейся рукой поднесла бокал к губам и, не чувствуя вкуса, залпом осушила.

— Очень печально, душа моя, что я не могу тебе доверять так, как бы мне хотелось, — вкрадчивым полусшепотом проговорил Волдеморт, продолжая ласкать змею, как ласкают кошек. — И жаль, что ты не хочешь доверять мне. Кстати, никак не пойму, почему? Что стоит между нами? Я порой пытаю моих врагов, беспощадно наказываю моих друзей, но разве к тебе я когда-нибудь был жесток?

Тёмный Лорд наклонился вперёд, устремляя на Софию гипнотизирующий взгляд.

— Мне нужна твоя преданность! Кому же верить, как не собственной семье?

Он действительно ждёт, что она купится на эту сентиментальную чушь о родственных чувствах?

— Белла говорила, вы хотели поручить мне какое-то задание? — сочла за лучшее переменить она тему.

Волдеморт изобразил недовольный вздох:

— Верно.

Он задумчиво нахмурился, потирая губы костяшками пальцев, и не сводя с Софии глаз.

— Что я должна сделать?

Темный Лорд откинулся в кресле. Черепоподобное лицо укрылось тенью.

— В одном старом, очень старом доме, есть маленький тайник. Его содержимое нужно переправить в Малфой-мэнор. Это и есть твоё задание, о котором говорила наша кровожадная красавица. «Почему именно я?», — спросишь ты. Потому, что войти в зачарованный дом может только змеест. Видишь ли, я посчитал, что такое заклятие, при всей его простоте, весьма надёжно. Много ли найдётся магов, говорящих сегодня на парселтанге? Из известных только двое: я и наш дорогой Гарри Поттер. Очень удачно, что теперь есть ещё и ты.

Судя по голосу, Волдеморт улыбался.

— Что в тайнике? — спросила София.

— Старинное украшение с магической начинкой: диадема Кандиды Когтевран и, по совместительству, один из семи созданных мной крестражей. Пришло время вернуть

диадему в Хогвартс. Тебе нужно будет лишь забрать её, остальное сделают другие. На всякий непредвиденный случай, ну, там, например, если на пути вдруг неожиданно возникнут авроры, пойдёшь не одна. Ты всё-таки прекрасная дама и родственница Сама- Знаешь-Кого, а не отважный, опытный боец, закаленный в боях. Даме, известное дело, полагается почётный эскорт, и я верю, что никто не послужит тебе лучше тобою же избранных рыцарей Снейпа и Драко, — с ехидной улыбкой закончил дядюшка.

***

Профессор ждал их с Драко у входа, как всегда собранный, сосредоточенный и с виду, ко всему равнодушный.

— Вот и вы, — констатировал зельевар с легкой гримасой на лице, одарив молодых людей беглым взглядом.

Около дома деревья были тщательно пострижены, но чем дальше они удалялись вглубь, тем больше аллея напоминала дикий лес. Кроны почти смыкались над головами путников.

Стоило миновать ворота и стремительный водоворот аппорации, ставший уже привычным, переместил их на узкую деревенскую улочку.

Профессор Снейп, неторопливо оглядевшись, направился в сторону самого дальнего домика. Он первым вошел в ветхую развалюху, не рухнувшую до сих пор только каким-то чудом.

Внутри пахло плесенью и пылью.

— Осторожней, — шепотом предупредил Драко, поддерживая Софию за руку, когда они поднимались по лестнице на второй этаж, — перила сломаны, ступеньки сгнили к Мерлиновой бороде ещё в прошлом веке.

Поднявшись, они уперлись в потемневшую, покорёженную от времени дверь. София нехотя наклонилась к ручке в форме змеи.

— Откройся, — прошипела она на змеязые.

За дверью обнаружилось помещение небольших размеров с низеньким потолком. На круглом столе угадывались очертания предмета.

— Люмос!

Свет выхватил из полумглы деревянную шкатулку, изрядно пощелканную короедом. Не в силах противиться охватившему её любопытству, София осторожно потянула за крышку. Та легко поддалась, открывая взгляду удивительную по своей красоте вещь — изящную диадему с огромным камнем, скрепляющим между собой два резных золотых лепестка. София не особо разбиралась в драгоценностях, но, кажется, это был сапфир.

— Астория! — зашипел Снейп за дверью. — Живее! Чего ты там копаешься?

— Уже иду! — поспешила София захлопнуть крышку.

Им почти удалось спуститься с лестницы, как Снейп вдруг замер. Теперь и София расслышала в глубине дома шаги и тихое перешёптывание.

— Есть другой выход? — беззвучно, одними губами, спросил Малfoy у учителя.

Снейп отрицательно мотнул головой.

В напряженной тишине пролетело несколько мучительных секунд. А потом у лестницы выросла хрупкая фигура хорошенькой девушки с розовыми волосами.

Когда её палочка почти уперлась Снейпу в грудь, на лице незнакомки отразилась растерянность:

— Ты?!... - сорвалось с её губ. — Рем!

— Ступефай! — выкрикнула София.

Яркая вспышка промелькнула перед глазами, сбивая девушку с розовыми волосами с ног.

— Мерлинову мать! — сорвалось с губ Малфоя.

Мир превратился в ускоренную киноплёнку, в которой кадры сопровождались громкими криками, топотом, вспышками проклятий. Снейп сгреб их с Драко в охапку и выкинул за дверь, прикрывая собственным телом.

— Бегите!

— Но... — пытался возразить Драко.

Возражения выслушивать было некому. Снейп уже отбивался от худого, невысокого мужчины с пепельными волосами. Уйти им тоже не удалось — длинноволосый рыжий красавец налетел на Софию и Драко, словно ураган.

Мафлой, отбивая удары, старался держаться так, чтобы девушка всё время оставалась у него за спиной.

— Ну же, Уизли! — язвил он. — Ты промахиваешься только от злости, остынь. Как у тебя глаза горят! Аж покраснели вон! Тёмный Лорд увидел бы — обзавидовался! Охладись, Билли: Аква Эрукта!

Лающий смех, характерный, кажется, для всех Блэков, заставлял мокрого рыжего соперника нападать с ещё большим энтузиазмом.

— Ты, жалкая тварь, убившая Дамблдора! — рычал Билл Уизли, осыпая их проклятиями, которые Драко едва успевал парировать — Я прикончу тебя, Малфой! Сейчас тебе не выкрутиться, пользуясь хваленными связями и грязными деньжонками паршивого папеньки!

— Я выкручусь благодаря тому, что в поединке один Малфой стоит семерых Уизелов, нищесброд.

— Депульсо! — взвыл рыжий.

— Протего! — парировал блондин. — Ступефай!!!

Билл рухнул.

— Уходим, — скомандовал Снейп, уже успевший расправиться со своим противником. — Через минуту здесь будет весь Орден.

Они вновь стояли перед кованными железными воротами, отделяющими поместье Малфоев от остального мира. Железо при их появлении начало искажаться, преображаясь в страшное клыкастое лицо.

От неожиданности София ойкнула.

— Обычная охранная магия, Гринграсс, — презрительно сощурился Драко. — В первый раз видишь?

— Сообщите вашу цель, — механическим голосом робота потребовала железяка.

— Иди в задницу, — порекомендовал Слизеринский Принц.

Под его руками, повинувшись фамильной магии, прутья послушно разошлись в сторону.

— Успеем к ужину, — довольно подмигнул блондин Софии.

Волдеморт при их появлении улыбнулся самой своей зловещей, замораживающей кровь, улыбкой.

— Даже быстрее, чем я ожидал. Идите те же к столу, друзья мои, — милостиво пригласил он.

Люциус вежливо отодвинул стул перед Софией, умудряясь при этом отвесить элегантный полупоклон.

— Благодарю, — кивнула она.

— Всё прошло хорошо? — спросил Тёмный Лорд.

— Более или менее, милорд, — ответил Снейп. — Без стычки с аврорами, конечно, не обошлось.

Задумчиво повертев вилку в пальцах, Темный Лорд положил её рядом со своей тарелкой:

— Получается, кто-то осведомил Орден о вашем приходе?

София невольно задержала взгляд на лице слизеринского декана, но почувствовав, что Драко наблюдает за ними обоими, поспешила опустить ресницы.

— Северус, — протянул Темный Лорд, — как ты думаешь, могли ли авроры обнаружить вас случайно?

— Скорее всего, за домом следили и наложили на него сигнальные чары, сработавшие при нашем появлении.

— Возможно, — задумчиво потерев подбородок, кивнул Волдеморт.

После ужина УпСы разбрелись, оставив племянницу с дядюшкой наедине.

София, выудив шкатулку с диадемой из кармана, вернула той нормальный объем и, толкнув по столу, отправила прямиком в раскрытые дядюшкины ладони.

— Симпатичная диадема, — поделалась она наблюдениями.

— Тебе она не пойдёт, — пожал плечами Волдеморт. — Благодарю за услугу. Ступай, отдохни.

Давно стемнело.

В воздухе разливался запах жасмина. Блеснула дальняя зарница, пока ещё не сопровождаемая раскатами грома. Порывом ветра раздувало белые занавески на открытых окнах, напоминая о саванах мертвецов. Атмосфера вселяла тревогу. Слабое шевеление в конце коридора заставило искрить напряженные нервы. София поспешно юркнула за одну из многочисленных статуй, прислушиваясь к приближающимся шагам и стараясь унять биение сердца — кто-то шел по длинной галерее.

Гигантская густая тень скользнула ночному гуляке наперерез. Голубоватая бледная короткая вспышка подбросила тело в воздух; послышался глухой стук падения.

— Фенрир?! — узнала София голос Драко. — Что за?!...

— Мой сладкий голубок, я тебя давно здесь поджидаю! В прошлый раз нам наглым образом помешали. По твоей вине, щенок! Не стоит быть таким несговорчивым...

София крепче сжала палочку в повлажневшей ладони.

Малфой дергался, стоя на четвереньках, пытаясь оторвать руки от пола. У него ничего не выходило. В другой ситуации это выглядело бы забавным. Сейчас — противно и страшно.

Сивый, опустился на колени обнимая юношу.

— Убери руки, пес! — зарычал Драко. — Я тебе слова даю, мерзкая зверюга, сделаешь это — крупно пожалеешь!

— Наш голубок рычать пытается? — хохотнул Сивый.

— У меня руки не навсегда приклеились к полу!

— Я, пожалуй, рискну, — глумливо донеслось в ответ. — Ты слишком нравишься мне, чтобы так легко от тебя отказываться. Я все равно тебя отымею, высокомерный маленький ублю...

— Ступе... — начала, было, София, но оборотень успел среагировать быстрее:

— Экспелеармус!

Палочка вылетела у неё из рук.

— Гринграсс! — в голосе блондина слышалась такая ярость, которой сам Сивый с его стороны не удостоился.

— Так, так, так... Смотрите-ка, кто тут у нас? — хмыкнул оборотень. — Маленькая грязнокровочка? Баба за тебя вступилась, мой сладкий? Может быть, мне и её заодно...

— Что-то ты развоевался? — процедила София. — Кем ты себя вообразил? Половым гигантом?

Фенрир набросился внезапно. София не ожидала такой реакции и такой скорости. С обнаженных желтых клыков Сивого текла вязкая слюна, глаза его закатывались, он рычал, словно обезумев. И, хотя София твердо верила в авторитет дяди и в свою неприкосновенность, на одно страшное мгновение ей показалось, что её сейчас сожрут.

И тут Фенрира начала крочить. Кости с сухим хрустом выворачивались из суставов, тело билось в конвульсии. Дико подывая, вертясь, будто в брейк-дансе, Сивый катался по полу, скрипел зубами, царапал наполовину трансформировавшимися в звериные лапы руками отменный Малфоевский паркет.

София отползла в сторону. Драко подхватив её под руку, помогая подняться.

Где-то внизу захлопали двери. Факелы вспыхнули сами собой, ярко освещая отвратительную картину — оборотня в половинчатой трансформации.

С одной стороны к ним спешили Люциус и Снейп, с другой — сам Волдеморт.

— Что опять происходит? — устало вздохнул Темный Лорд, с любопытством ученого разглядывая корчившегося на полу Сивого.

— По-моему, он застрял в промежуточной стадии, милорд, — пожав плечами, прокомментировал Снейп, безглаголиво подбирая полы мантии.

Брызги крови, обрывки шерсти и какой-то жидкости, похожей на лимфу, запачкали пол вокруг.

— Что за проклятие вы применили? — осведомился Волдеморт у Драко таким тоном, будто они вели научную дискуссию.

— Мы не применяли проклятий, — поспешила заверить София. — Фенрир напал на меня, отнял палочку, и я... я испугалась, а потом... с ним случилось это.

— Мило! Кто попытается это прекратить?

— С вашего позволения, милорд? — выступил вперед Снейп. — Финита инкантатум.

Мертвому припарки. Как колбасило беднягу, так и продолжало.

— София, надо что-то с этим делать, — покачал головой Темный Лорд. — Или убей его илиними проклятие.

— Паркет мне влетел в галлеоны, — сокрушенно вздохнул Люциус.

— Финита Инкантатум, — подобрав с пола свою палочку, произнесла София, всерьёз опасаясь, что заклинание не подействует.

Но крик смолк.

Лежа на спине, Фенрир Сивый смотрел на потолок, тяжело дыша и вывалив язык, застрявший между зубами.

К этому моменту в коридор уже сбежались почти все УПСы, находящиеся в поместье.

— Спектакль окончен, — оповестил Волдеморт. — Фенрир, хватит валяться, — поддел он его носком сапога. — Не могла же тебя девчонка всерьёз отделать? Вставай, будь мужчиной.

Раздавались подобострастные смешки.

Фенрир медленно встал. Его изрядно пошатывало.

— Милорд, я...

— Позволил себе слишком много? Увы! Вынужден засвидетельствовать: ты забылся.

— Я...

— Долго был мне полезен? Не отрицаю. Но только что в очередной раз доказал, что ты всего-навсего лютый зверь и среди людей тебе не место. Можешь переночевать здесь сегодня в последний раз. Завтра чтобы духу твоего не было.

— Милорд!

Темный Лорд более не проронив ни слова, удалился.

— Вы в порядке, мисс Гринграсс? — с фальшивой учтивостью поинтересовался Люциус. — Как ты, Драко?

— Право, отец, не стоит обращать внимания на всякие мелочи. Особенно теперь, когда у вас поводов для беспокойства больше, чем достаточно, — с сарказмом ответил Драко, откидывая с глаз упавшие пряди волос. — С вашего позволения, — отвесив шутовской поклон, юноша направился к себе.

— Мистер Малfoy! — повысил голос Люциус. — Мне представляется, что я не давал вам разрешение удалиться!

На узком высокомерном лице застыло выражение холодной ярости.

***

Укладываясь в постель, София думала о том, что Драко мог бы поблагодарить её. Хотя, учитывая обстоятельства, может, даже и к лучшему, что тема не получила должного развития.

То, что она сумела одолеть оборотня, странным образом грело душу.

И совесть её нисколько не мучила.

Вот ещё!

6. Большие планы и маленькая любовь

Лёжа под раскидистым платаном, София наблюдала за тем, как сквозь ключья тяжелых туч пробивается солнце. Капли утренней росы вспыхивали под его лучами словно бриллианты, и лужайка преображалась, начиная светиться всеми цветами радуги.

Возвращаться в дом не хотелось. Там у УпСов ведутся интриги и собрания, строятся планы, тёмные и скучные. Волдеморт, как обычно, сидит на возвышение, в своём кресле с высокой спинкой, рядом Белла и Люциус сторожат, словно цепные псы.

Но идти всё равно пришлось. Куда ж денешься?

— Друзья мои, пришло время решительных действий, — вещал Тёмный Лорд. — В своё время я допустил огромную ошибку — желал соперничать с Министерством. Теперь у меня другой план: мы будем сотрудничать с ним. Обстановка в магической Британии нестабильная, нам совершенно ни к чему раскачивать и без того готовую дать течь лодку. Откровенно скажу, я не заинтересован в смене власти. Я заинтересован в смене её курса. Наша цель с вами, как законопослушных граждан, — Тёмный Лорд изогнул губы в ухмылке, — не допустить смуты, не говоря уже о гражданской войне.

Со смертью Дамблдора многое упрощается. Практически обезглавленное сопротивление легко уничтожить. И попрошу запомнить, что Министерству очень даже нравятся наши с вами цели — оно всего лишь не одобряет избранные нами методы, с которыми официальной власти всё же придётся смириться, ибо к полномасштабной войне с нами она не готова.

За текущий год многого удалось достичь. Мы способствовали проведению финансовой реформы, разобрались с врагами на континенте, подготовили почву к образовательной реформе, способной вывести обучение в Хогвартсе на новый уровень. Конечно, массовая истерия, продиктованная страхом перед неизвестностью, имеет место быть; конечно, потребуется время, чтобы сознание большинства изменилось в нужную нам сторону. Но всё же, я уверен, в свой час волшебники поймут: мы не угрожаем магическому сообществу — мы укрепляем его.

— А что насчет Поттера, милорд? — подал голос Рудольфус.

— А что — Поттер? Всего лишь знамя! Нужно не столько уничтожить мальчишку, сколько развеять миф. При желании и правильном подходе, может быть, даже удастся склонить его к сотрудничеству.

— Поттер упрямец, — процедил Люциус Малfoy. — Я знаю об этом непонаслышке милорд. Он может не согласиться.

— Я тоже не лыком шит, как говорили в стародавние времена далеко отсюда. Вам хорошо известно, что смерть Лили Поттер обеспечила парню защиту. Диву даешься, как много магии оказалось в этой пигалице.

София украдкой покосилось на Снейпа. Лицо профессора оставалось бесстрастным.

— Защита Эванс, иссякнет, как только мальчишке исполнится семнадцать. И тогда... — продолжил Тёмный Лорд.

— Тогда мы спокойно сможем найти его местонахождение? — с энтузиазмом догадался Яксли, но сник под саркастичным взглядом.

— Полагаю, Орденосцы знают об этом не хуже нас, а значит, предпримут ответные

шаги по обеспечению безопасности своего драгоценного Поттера. Уверен, что все эти годы Дамблдор прятал его среди магглов, у родственников Эванс. Но даже если бы мы и сумели его отыскать, в доме кровников к мальчишке всё равно не подобраться. После совершеннолетия авроры постараются переправить его в более безопасное, с их точки зрения, место. Снейп, поручаю вам разузнать, откуда, куда и как.

— Почему именно Снейп? — не поднимая глаз и почти не разжимая губ, поинтересовался Рабастан.

— Полагаю, вы разрешите мне не терять времени на пустые объяснения, Лейстрендж?

— Простите, милорд.

— Кого возьмете в напарники, Северус? — любопытствовал Волдеморт.

— Яксли.

— Хорошо, пусть будет Яксли. Теперь что касается дел с Министерством — не следует бросать наметившееся сотрудничество, пусть и с такими, не слишком-то на первый взгляд, яркими личностями, как мистер Тикнесс. Думаю, не помешает внедрить еще несколько наших верных людей в окружение Скримжера.

— Не проще ли министра попросту устранить? — предложил Мальсибер.

Волдеморт посмотрел на него с неприкрытым сожалением.

— Устранить, говоришь? — шелковым голосом проворковал Темный Лорд. — Ты вообще меня слушал? Я битых полчаса распинаясь о необходимости дипломатии, а он «устранить». Скорбен умом? Или давно под Круциатусом не валялся? Да, последнее на сегодня — мне нужна Чарити Бербэйдж. Драко, поручаю это дело тебе. На сегодня всё.

Когда Малфой догнал Софию на улице, в руках у него было две метлы:

— Полетаем, Гринграсс?

— Решил взять меня в компанию? С чего бы это?

— Ну, с тобой интересней, чем без тебя, — пожал он плечами. — К тому же мне надоело выслушивать упрёки отца в том, что я слишком мало уделяю внимания своей невесте.

— Думаю, когда-нибудь тебе удастся найти настоящую Асторию Гринграсс, вот тогда и осчастливишь её своим вниманием.

— Отказываешься, значит? Хотя и вправду, наверное, не стоит. «Всполох» не для чайников, как говорят у магглов.

— От «Всполоха» не смогу отказаться даже я.

— Тогда летим в сторону холма, наперегонки? На счет три. Раз. Два. Три!

Малфой пестрым вихрем понёсся вперед, не угонишься, как не старайся. Ветер растрепал волосы, поток воздуха заполнил ноздри, щеки немели от бешеной скорости.

Сделав петлю, Драко наклонился к метле Софии, хватаясь за древко. Метла вильнула, брыкаясь, как обиженная лошадь.

София завизжала:

— Перестань!

Он смеялся, прижимаясь коленом к её колену.

— Не смешно! — продолжала паниковать девушка. — Прекрати!

Хохоча, как сумасшедший, Драко всё сильнее накреньял метлу. Они торпедой устремились к земле.

— Драко! — кричала София в ужасе, но звук её голоса захлебывался порывом воздуха. — Мы разобьёмся!

Земля стремительно приближалась.

Вместо того, чтобы попытаться выровнять метлу, девушка вцепилась в неё обеими руками и зажмурилась. В последний момент Малфой сделал рывок, и они застыли в нескольких сантиметрах от земли.

София соскочила с метлы, с трудом удерживаясь от желания вцепиться ногтями ему в физиономию.

— Не больно-то ты сильна в полётах, Гринграсс. Маггловское воспитание есть маггловское воспитание.

— Да пошёл ты!

— Твоя любимая фраза? Да куда ты несёшься? Постой! Мы так и не поговорили.

— Что ты намерен сказать? — развернулась София. — Хочешь поблагодарить за то, что я вчера спасла твою задницу?

— Ни в коем случае. Но раз уж об этом зашла речь, тебе не следовало ввязываться в наши отношения с Грейбэком.

— Прошу прощения. Мне-то в темноте показалось, что волчья страсть безответна. Должно быть, я ошиблась.

На мгновение София подумала, что её сейчас ударят. Но Драко сдержался.

— Я предпочел бы разобраться сам! — сжав кулаки, процедил он сквозь зубы. — Это не тот случай, когда жаждешь получить в свидетели хорошенькую девицу.

— Я понимаю...

— Ни черта ты не понимаешь! — с обжигающей душу яростью прорычал Драко. — Что ты можешь понять? Это ведь не тебя Тёмный Лорд подкладывал под волосатого ублюдка в течении целого года! И как это мило, мерлинову мать, — рассмеялся Малфой без малейшего намёка на веселье, — что моё порочное прошлое не осталось тайной для будущей супруги.

— Ты же понимаешь, что наша помолвка просто дешевый фарс? Я не Астория Гринграсс. Данные от её лица клятвы недействительны.

— Тогда тебе придётся поклясться ещё раз! На этот раз, произнеся правильные имена. София Мракс, даже думать забудь о попытке играть в подобные игры с Сама-Знаешь-Кем, иначе на собственной шкуре испытаешь, какую цену платят Тёмному Лорду неудобные. Ну, ладно, — вздохнул Драко, — хочешь, я предложу тебе руку и сердце по всем правилам классического романтизма? Даже на колени встану для убедительности! Может, после этого тебе станет немножечко легче?

— Нет.

— «Нет, не станет» или «Нет, я не выйду за тебя замуж, Малфой»?

— Нет, я не выйду за тебя замуж, Малфой.

— Это почему же?

— Потому что мы нелюбим друг друга и в нашем браке нет никакого смысла.

— Какая, к Мерлиновой бороде, любовь? — закатил глаза Драко. — Для любви на свете существуют бордели, а брак это гораздо серьезнее. Брак есть совпадение интересов, это взаимовыгодный союз. А уж если пришла охота говорить о смысле, то могу только сказать, что быть вместе нам с тобой гораздо выгоднее, чем быть порозень.

— Знаешь, что, Малфой? Иди ты лесом со своими предложениями! И ещё, у тебя весьма странные понятия о классическом романтизме.

Во время перебранки молодые люди, шипя, словно две змеи, приближались друг к другу. Худая и мускулистая грудь Малфоя часто вздымалась. Взгляд Софии упёрся в

выступающие ключицы.

— Ты просто дешевый позер, — тряхнула она головой, чтобы прогнать странное головокружение, которое от этого только усилилось.

— Уверена? Может быть, делом тебя удастся убедить лучше, чем словами?

Его ладонь крепко легла на затылок девушке, вторая рука обвилась вокруг талии с такой силой, словно хотела переломить пополам. Губы, жесткие, жалящие, неистовые впились в её губы.

Мир качнулся, и София осознала, что лежит на земле, чувствуя на себе тяжесть мужского тела, его гневные, сминающие прикосновения. Она пыталась выскользнуть из объятий, одновременно терзающих и дарящих ранее неведомое блаженство. Она отбивалась от его рук, чтобы в следующее мгновение самой припасть к нему в изнеможении, покрывая поцелуями каждый сантиметр мускулистого тела; наслаждаясь его судорожными, приглушенными вздохами-всхлипами, словно аккордами, стройно звучащими под умелыми пальцами пианиста. Ей нравился перламутровый блеск его кожи в солнечных лучах, идеальные очертания скул, закусенные губы, тень от густых ресниц. Нравился платиновый жемчужный оттенок волос.

А потом она забыла, что именно ей в нем нравилось или не нравилось. Выгибаясь, точно бесстыжая кошка, София принимала в себя беспощадный шквал его жадной страсти.

Цеплялась за Драко точно лиана. Или репейник.

И казалось, небо вот-вот рухнет...

***

Но небо не рухнуло. Оно разошлось мягкой волной, найдя отклик в каждой клеточке тела Софии.

***

Дурман стремительно уходил, как вода во время отлива. Реальность во всей неприглядности встала без прикрас.

На серое небо напоззали тучи. Трава колола ладони. Земля была холодной и влажной.

Дыхание любовников перестало сбиваться. Малфой деловито оправил на себе одежду. Мазнув по Софии взглядом, откинул мягкие завитки непослушных волос с лица.

— Моё предложение остаётся в силе. Подумай, пока есть время.

София чувствовала себя опустошенной. Она была словно шарик, в который шалун ткнул иголкой, и воздух стремительно вышел, оставив жалкий порванный цветной лоскуток.

Она безучастно наблюдала, как Малфой идёт к своей метле, на ходу сминая пальцами длинную траву, напоминающую пшеницу. Черный силуэт юноши в развевающейся мантии четко выделялся на фоне серого неба.

Ловко оседлав метлу, Малфой процедил:

— Тебе придётся додумывать в вертикальном положении, дорогуша. Без меня дороги назад не найти. Поместье зачарованно.

Волдеморт прав, Драко Малфой редкостное дрянцо.

Будь он проклят!

7. Авада Кедавра

Утром, не успев окончательно очнуться ото сна, София встретила взглядом с серыми глазами стального оттенка — Люциус Малфой почтил её спальню присутствием.

Честь или святотатство, вот вопрос?

Несмотря на ранний час, хозяин Малфой-мэнора был, как всегда, безупречен: ворот белой рубашки под мантией жёстко огибал шею, волосы идеально зачесаны назад, осанка и жесты полны величия. Лишь чрезмерная бледность да обозначившаяся вокруг глаз сеточка морщин выдавали усталость и напряжение, в которых приходилось жить этому человеку в последнее время.

— Доброе утро, мисс Гринграсс. Как вы себя чувствуете? Надеюсь, под этой крышей вам хорошо спалось?

— Просто отлично, — скрестила София руки на груди, меряя утреннего визитера взглядом.

В том, что предстоит разговор она не сомневалась. Малфои просто так не приходят.

Но Люциус просто смотрел и молчал.

Прискучив игрой в гляделки, София скинула с себя одеяло и опустила ноги на пол.

— Что вы собираетесь делать? — любезно поинтересовался Люциус.

— Как всегда оденусь и пойду завтракать с дядей.

— Должен вас предупредить, господин сильно не в духе.

София в ответ пожала плечами. Отец Драко не вызывал в ней ни симпатии, ни уважения. Она не видела смысла в диалоге и хотела лишь одного — чтобы он поскорее ушёл.

— Так уж получается, — медленно ронял слова будущий свёкр, — что все ваши опрометчивые поступки дорого обходятся моему сыну.

— А я имею наглость полагать, что вашему сыну дорого обходится родство с вами, а также его личная глупость, избалованность и несдержанность, — парировала София.

Мистер Малфой спесиво вскинул голову, раздув длинные ноздри. Холодный металлический взгляд сделался совсем ледяным. Но, когда он заговорил снова, его голос был мягок, как шёлк — ему удалось усмирить вспышку гнева.

— Мисс Гринграсс, давайте расставим точки на i? Скажу прямо, на данный момент для меня очень важно заручиться, если не вашей симпатией, так хотя бы терпимостью. Я вчера разговаривал с сыном... — мистер Малфой пожевал губами, словно подбирая слова. — Драко оскорбил вас. Он действительно бывает неоправданно... резок.

София зло засмеялась:

— Это теперь так называется?

— Какую компенсацию вы готовы принять, чтобы предать забвению этот инцидент?

София, обняв себя за плечи, внимательно смотрела на дядюшкиного скользкого друга, пытаясь понять, к чему тот клонит. Ноги стыли на паркетном полу под залетающими сквозняками.

— Что способно смягчить ваш гнев? — вкрадчиво вопрошал Люциус, склоняя голову и будто гипнотизируя Софию взглядом. — Деньги? Удовольствия? Месть? Я приму любые ваши условия и пойду на всё.

— Что конкретно вы имеете в виду, мистер Малфой? Какую месть и какие удовольствия

вы мне предлагаете?

— Мисс Мракс, я, конечно, не Тёмный Лорд, но смею вас уверить, сильный маг. Я могу очень многое: заговоры на удачу, богатство, успех у противоположного пола — вы получите их оптом или в розницу. Если же вы, как и Тёмный Лорд, получаете удовольствие от созерцания чужих страданий, я готов...

— Прекратите! — София почувствовала, как запылали её щеки. — Да за кого вы меня принимаете?! Или в вашем высшем магическом обществе считается нормальным предлагать подобные садо-мазохистские игры?!

— Я не хотел вас обидеть, — мистер Малфой отступил на шаг. — Простите меня. Но подумайте вот о чем: прячась за спиной нашего всемогущего покровителя, вы легко можете чувствовать себя в безопасности. Это правильно. Но у вас есть родители, а волк Грейбэк на вас в большой обиде.

— Грейбэк не отважится причинить вред моим родителям! Он не посмеет!

— Вы унизили его, лишили расположения обожаемого господина, — сощурился Малфой, — боюсь, он доведён до крайности.

Лорд Малфой наклонился вперёд, леденя насмешливым взглядом, полным снисходительности.

— Советую подумать так же над тем, что Тёмному Лорду нужны лично вы, а до ваших родителей ему дела нет. Ваша мать, если не ошибаюсь, сквиб?

Он склонился к самому уху Софии и зашептал интимным шепотом:

— Вы, наверное, никогда не слышали о нападении оборотней на людей? Изуродованные тела так легко спрятать среди...да хотя бы тех же жертв автомобильных катастроф?

— Прекратите!

— Как прикажете, — покорно склонил голову Люциус, отступая.

София вскочила с кровати и принялась изображать из себя паровозик, мечась из одного угла комнаты в другой.

— Зачем вы мне это говорите?! Чего вы добиваетесь?!

— Я хочу убедиться, что помолвка между вами и моим сыном заключена по всем правилам. В обмен я обеспечу безопасность ваших родителей. Я дам вам Нерушимую Клятву, если потребуется, лично обеспечить эту чёртову безопасность...

— Да не дам я вам никаких обещаний! Скорее уж ад заледенеет, чем я соглашусь на это безумие ещё раз. С меня довольно унижений!

— Унижений?! — София видела, как сжимаются и разжимаются кулаки собеседника. — Унижений! Да вы только пригубили бокал, который каждый из нас осушил почти до дна. Не понимаю, — смягчил тон господин Малфой, хотя один он знал, чего ему стоило взять себя в руки, — не понимаю, почему вы противитесь? Драко вам не безразличен, какого же черта вы отказываетесь выйти за него замуж?! — рявкнул Люциус. — Послушайте! — грубо схватил он девушку за руку и развернул к себе, словно взглядом стараясь подавить её волю. — Сейчас не до нелепых капризов. Отказываясь от моего сына, вы подписываете ему смертный приговор. Подумайте, готовы ли вы принять на совесть подобный груз? Ваш дядя, точно паук, сплёл крепкую паутину, из которой в одиночку никому не выбраться: не мне, не моей жене, не моему сыну. Рискну предположить, вы в этом списке не исключение. Нужно держаться вместе, София. Этот союз нужен всем нам.

Больше книг на сайте - Knigolub.net

***

Спустя четверть часа София присоединилась к общему собранию внизу. Напротив огромного, обложенного мрамором камина, прямо над полированным столом медленно вращалась подвешенная на невидимых веревках вверх ногами женщина.

— Значит, вы готовы поручиться головой за то, что Орден планирует перевести Гарри Поттера в следующую субботу? — как ни в чём небывало вопрошал Волдеморт.

София, усаживаясь на указанное место, встретила глазами с Драко. Блондин выглядел почти как всегда, разве что был бледнее обычного.

— Милорд, — отвечал Лорду Снейп, — я слышал кое-что другое. Аврор Долиш утверждал, что мальчишку никуда не повезут до тридцатого, пока ему не исполнится семнадцать. Долиш так же уверен, что весь Отдел Авроров соберут, чтобы...

— Ты в курсе, где они намерены его спрятать? — резким голосом спросил Волдеморт.

— В доме одного из членов Ордена, скорее всего у Артура Уизли. Но я не уверен, вслух это не озвучивалось. На место наложили всю возможную защиту, милорд. Думаю, взять его не получится, если только Министерство не сдастся до следующей субботы, — пожал плечами зельевар, жестом подчеркивая абсурдность данного предположения.

Волдеморт повернулся к Яклси:

— Ну? Что скажешь? — задумчиво барабанил он пальцами по полированной столешнице. — Сдастся ли нам Министерство к следующей субботе?

— Мой господин, — выпрямился Яклси, — у меня хорошие новости. Хотя и не без труда, но удалось наложить Империус на Пиуса Тикнесса. Как вы знаете, у него налажены контакты с другими высокопоставленными лицами...

Белла бросила вопрошающий взгляд на господина, будто проверяя, доволен ли он.

Снейп и оба Малфоя сидели, опустив глаза.

— Хорошее начало, — кивнул Волдеморт. — Но Тикнесс всего лишь один человек, как бы высокопоставлен и влиятелен он не был. Сомневаюсь, что Министерство станет моим до следующей субботы. Скримджер должен быть окружен нашими людьми; только тогда, и ни минутой раньше, можно будет начинать действовать. Пока же вернёмся к нашей миссии. Выходит следующее. Мы не можем тронуть мальчишку на том месте, где он сейчас находится, потому что с магией крови даже демоны не всегда берутся сладить. Не можем взять его на месте нового пребывания, потому что охранные заклинания не обойти, пока Министерство не пало. Однако мальчишка нам нужен, хотя бы по той причине, что, если нам удастся им завладеть, мы сильно деморализуем противника.

Пожиратели усердно закивали.

— Получается, что у нас есть только один шанс схватить Поттера? — подала голос Белла. — Во время путешествия?

— Здесь у нас есть преимущества, господин, — угодливо подхватил Яклси. — Большинство людей из Отдела Магического Транспорта на нашей стороне. Как только Поттер аппаратирует или использует каминную сеть, мы...

— Он не сделает ни того, ни другого, — заявил Снейп с уверенностью. — Орден прекрасно осведомлен, что в Министерстве преданных вам людей куда больше, чем преданных идеям Дамблдора. Следовательно, они не доверяют ничему, что может быть отслежено и использовано против них.

Волдеморт посмотрел на крутящееся над столом тело.

— Я позабочусь о мальчонке сам. Поттер жив благодаря моим промахам, а не благодаря собственным успехам, талантам или усилиям, не забывайте об этом. Но на этот раз осечки

быть не должно.

Оглушительный, истощенный вопль, наполненный болью и страданием, исходящий откуда-то снизу, заставил большинство УпСов подскочить на месте.

— Что это такое? — в ужасе прошептала София, порываясь вскочить. Рука Драко накрыла её руку горячей ладонью, удерживая на месте.

— Тише! — зашептал он. — Не привлекай внимания.

— Но...

Злой взгляд Нарциссы заставил её замолчать.

— Что происходит? — озвучил вслух её вопрос Мальсибер. — Кто это только что так кричал?

— Оливандер, — Волдеморт, как обычно, не повышал голоса. — С недавнего времени он мой гость. От него я узнал одну простую истину: если я хочу одержать вверх над Поттером, мне понадобится палочка одного из вас.

София поразилась ужасу, почти шоку, отразившемуся на лицах окружающих её людей, будто Темный Лорд сделал заявление о том, что ему потребуются их руки, ноги и селезёнки-печенки впридачу.

— Люциус?

Лорд Малфой поднял глаза. Возможно, неровный свет был причиной тому, что его лицо снова походило на экзотическую хищную птицу. Глаза запали и потемнели, сделавшись почти черными.

— Мой Лорд?

— Я хочу твою палочку. Палочку, Люциус, — продолжал Темный Лорд. — Я требую твою палочку.

София заметила, как невозмутимая с виду миссис Малфой, схватила тонкие пальцы мужа и сжала их. Тот откликнулся едва уловимым пожатием. А затем быстрым движением, будто приняв мучительное решение, протянул свою палочку Волдеморту.

— Прекрасно! — удовлетворённо кивнул Тёмный Лорд. — Вот только не устаю удивляться, почему это Малфои выглядят такими кислыми? Сыночка не устроила моя племянница. Мамашу, видимо то, что я дал свободу тебе, Люциус? А вас, Люциус? Что не устраивает вас? — обернулся Лорд к хозяину Малфой-мэнора. — Не мое ли пребывание в вашем доме? Может быть, моё воскрешение? Или мое восхождение?

— Милорд, я...

— Поостерегитесь, мой скользкий друг, произносить лживые речи. Я неустанно слышу ваши мысли.

София не сразу поняла, что шипит не Лорд. Шипение раздавалось из-под стола. Через секунду огромная змея вползла по стулу Волдеморта и положила ему на плечо свою морду. Глаза с вертикальными щелями вместо зрачков неподвижно уставились в пустоту. Казалось, змея смотрит на всех сразу.

— Господин, — в голосе Беллы явственно проскальзывал страх. — Для всех нас честь приветствовать вас в этом доме. Для нас нет большего удовольствия!

— Приятно слышать, — склонив голову к плечу, с усмешкой проговорил Волдеморт. — Особенно от тебя, Белла. «Нет большего удовольствия», — повторил он, словно передразнивая самого себя. — Даже учитывая то радостное обстоятельство, которое, как я слышал, имело место в вашей семье на этой неделе?

Беллатрикс уставилась на него, явно не понимая, о чём речь:

— О чём вы, мой господин?

— О вашей с миссис Малфой единокровной племяннице, о Нимфадоре Тонкс. Кажется, это она вышла замуж за оборотня Ремуса Люпина?

За столом раздался оглушительный хохот. Многие Пожиратели наклонялись вперед, обмениваясь многозначительными взглядами. Нагайна, которой весь этот гвалт пришелся не по сердцу, грозно зашипела.

— Моя собственная племянница оказалась для потомка Блэков неприемлемой, — продолжал Волдеморт. — Твой племянник воротит от неё нос и ведёт себя как полный поддонок. А вот оборотень пришёлся Блэкам ко двору. Что скажешь, Драко? Будешь нянчить волчат? Маленьких Фенриров?

Нарцисса, перехватив взгляд сына, едва заметно кивнула ему, тут же устремляя пустой, как у статуи, взгляд, на противоположную стену. С точно таким же выражением Люциус глядел перед собой на стол.

— Она нам не племянница! — прокричала Белла в отчаянии. — Мы с Нарциссой не видели нашу сестру с тех самых пор, как она вышла замуж за проклятого грязнокровку! Нимфадора не имеет никакого отношения к нашей семье. Ещё меньше, чем покойник Сириус!

— Многие из наших старейших семей испортились со временем, — сокрушённо покачал головой Волдеморт. — Нам нужно очиститься, чтобы остаться в добром здравии. Отрезать все лишнее. Ты сделаешь это для меня, Белла?

— Не сомневайтесь, Повелитель, — фанатично выкрикнула Белла.

— Мы уберем все то, что отравляет жизнь действительно чистокровных, — закончил Темный Лорд, взмахивая палочкой, полученной им от Люциуса, направляя её на фигуру, парящую над столом вниз головой.

— Узнаешь нашу гостью, Северус?

Все Пожиратели подняли глаза на пленницу, будто получив на то разрешение.

— Да, — кивнул Снейп.

— Для тех, кто ухитрился остаться не в курсе: у нас в гостях профессор маггловедения, Чарити Бербедж, — представил Тёмный Лорд. — Ей показалось недостаточным забивать головы настоящих волшебников всякой ерундой. На прошлой неделе она решила переплюнуть Скиттер и написала яростную статью в защиту грязнокровок. Вырождение чистокровных, по мнению профессора, это то, чего все не просто желают — жаждут. Она, так точно хочет, чтобы мы подружились с магглами. И наверняка не возражает против общения с оборотнями. Всё так, Чарити?

— Пожалуйста! Пожалуйста... Я не сделала ничего плохого!

— Да-да! Конечно. Ты бесполезна во всех отношениях. Мне просто скучно, и я хочу капельку развлечься.

— Пожалуйста, Том! Мы ведь никогда не были врагами!

София, с щемящим чувством смотрела на то, как слезы женщины скатываются в волосы.

Чарити Бербедж давно успела оставить за плечами и юность, и молодость. Она не могла рассчитывать на то участие, которое невольно вызывает красота и неопытность, даже у самых черствых и закоренелых в грехах людей. Полное тело, измученное неправильным положением; лицо, искаженное ужасом, весь облик учительницы был непривлекателен и откровенно жалок.

— Ну, друзья? — насмешливо спросил Волдеморт. — Кто готов разъяснить

достопочтенной матроне ошибочность её взглядов? Люциус?

— У меня нет палочки, мой господин.

Тёмный Лорд дёрнул бровью:

— И, правда. Твоя палочка у меня. Что ж, я и начну. Круцио!

Истошный визг ударил по барабанным перепонкам. Тело, подвешенное в воздухе, дергалось, будто под током, пока не обвисло, утратив сознание.

— Слабачка! — брезгливо фыркнул Темный Лорд, сверкая красными глазами. — Ренервайт! Белла, твой черёд.

— Нет! Нет! Не надо! Северус, помогите мне! Помогите...! — закричала Чарити. — Нет!!!

Снейп наклонился вперёд, неожиданно заинтересовавшись разводами полировки.

Белла взмахнула палочкой, произнося проклятие невербально. Чарити беззвучно открывала и закрывала рот, но больше не слышалось ни звука. Новый взмах палочкой и глаза несчастной жертвы выпучились, как в американских мультиках. За столом раздался смех, скорее истеричный, чем веселый. Следующий замах и уши преподавателя маггловедения полетели на стол. Ноги жертвы удлинлись и переплелись между собой. По всей видимости, процесс сопровождался острыми болезненными ощущениями.

София зажала обеими руками рот, чувствуя, что сейчас её вырвет.

— Рабастан? — вновь прозвучал насмешливый голос Темного Лорда.

— Финита Инкантатум, — произнёс молодой человек.

Захлёбываясь рыданиями, несчастная повалилась на стол и, видимо, пребывая в состоянии шока, поползла к краю.

— Имперо! — произнёс младший Лейстрейндж.

Из глаз пожилой женщины исчезло выражение животного ужаса. Они стали пустыми, как у зомби.

— Поднимись, — ласковым голосом проговорил молодой человек.

Чарити повиновалась. Она стояла посреди стола, беспомощно хлопая подслеповатыми глазами, словно странная кукла.

— Давай, муглофилка, танцуй стриптиз!

Веселое жизнерадостное ржание потрясло своды столовой Малфой-мэнора, когда несчастная стала сбрасывать с себя скромные одежды, совершая непристойные телодвижения.

— Добавь огоньку, старая карга!

Женщина с ничего не выражающим, как у куклы, лицом, страстно извивалась, стягивая с давно утративших упругость ягодиц панталоны, явно непредназначенные для демонстрации широкой публике. По тонким ногам бежала сеть синих набрякших выступающих вен. Груды были похожие на вытянувшиеся мешочки.

— Давай! Давай! Ты уже, наверное, давно забыла, что такое секс, старая дура? Эй! Есть желающие ступить в эти райские кущи?

Непристойный смех, прозвучавший в ответ, снова сотряс стены.

— Извини, мугродолюбка. Желающих нет. Придется тебе воспользоваться вот этим...

София вскочила, потрясенная жуткой, омерзительной сценой. По ногам женщины текла кровь, она кричала от боли, насилуя самое себя массивным серебряным подсвечником.

Волдеморт смеялся вместе со всеми.

София заткнула уши, чтобы не слышать оглушительных криков жертвы. Ничего гаже она себе представить не могла. Унижение и боль, унижение и боль без конца, без сочувствия, без

снисхождения. О, боже! Она раньше не понимала истинной сути зла.

— Драко? — обращается к нему Темный Лорд.

Только не это! Она не вынесет, если он сотворит нечто подобное.

— Я не могу...

— Что?!

— Я не стану.

— Ты смеешь мне перечить?!

— Я не перечу. Я просто не могу! Я. Не. Могу!!!

— София?

София в ужасе взглянула на красноглазое чудовище.

— София, твоя очередь.

Профессор Бербедж подняла на неё искаженное болью и ужасом лицо:

— Пожалуйста! Пожалуйста...

На мгновение мелькнуло в памяти лицо Дамблдора, до конца сумевшего сохранить человеческое достоинство.

— Пожалуйста, Северус! Пожалуйста...»

— Что ж? — пожал плечами Волдеморт. — Я так и думал. Яксли?

София не желала больше слышать криков обреченной на боль и унижение жертвы. Они не успокоятся, пока не замучают её до смерти, поэтому быстрый конец станет для жертвы милосердием.

— Авада Кедавра!

Зеленая вспышка пронеслась по зале, словно фейерверк, освещая каждый уголок.

Чарити упала, глядя в потолок незрячими глазами. Пол скрипнул под её тяжестью.

Молчание повисло в зале. Снова все взгляды обернулись на Софию. Кто-то покашливал, словно прочищал горло.

А потом раздались хлопки. Это Волдеморт, ухмыляясь, аплодировал своей протее:

— Браво! Испортила всем потеху, но зато освоила Смертельное Проклятие. Добро пожаловать в наши ряды, дитя моё!

Черные глаза Снейпа разглядывали девушку с пристальным вниманием. Но что стояло за этим взглядом — осуждение или одобрение?

— Кушать подано, Нагайна, — ухмыльнулся Волдеморт.

8. О вреде и пользе алкоголя

— Тёмный Лорд лично возглавил операцию по поимке Поттера, — оповестила Белла, стремительно влетая в комнату.

— А ты чего ожидала? — не поднимая глаз от толстого фолианта, спросила Нарцисса. — Что он останется сторожить тебя?

— Ничего подобного, — Белла подошла к окну и принялась тоскливо всматриваться, как гадалка в хрустальный шар. — Наш господин не из тех, кто остаётся в стороне, когда дело касается риска. За это я и люблю его!

— Слишком сильно любишь для замужней-то дамы.

— Что ты хочешь этим сказать?!

— Ничего. Какой смысл вообще говорить об этом? — изогнула тонкую бровь Нарцисса.

Уставшая мерить шагами комнату Белла свернулась в кресле как кошка, и в этот самый момент оконные створки распахнулись, впуская в комнату ледяные сквозняки. Над столом задребезжала люстра и под этот нехитрый аккомпанемент на ковре возвысилась фигура Люциуса Малфоя.

Воцарилось молчание.

Не требовалось дополнительных разъяснений — искаженное яростью лицо мужчины говорило о поражении.

— Наш Лорд?!... - сдавленно прохрипела миссис Белла, хватаясь за горло — Он?...

— Невредим, — дёрнул плечом Люциус. — Но многие из наших серьёзно пострадали.

Нарцисса поднялась со стула и шагнула навстречу мужу, протянув ему ладони, которые тот крепко сжал в своих руках.

— Сначала всё шло по плану, — поведал он, — как только члены Ордена поднялись в воздух, мы взяли их в плотное кольцо. Лишь часть их людей была верхом на метлах, большинство для перелёта использовали тестралов. Даже зачарованный Сириусом мотоцикл пригодился, — Люциус невесело хмыкнул, — тот самый, с люлькой? Помнишь?

— Мне он всегда внушал зависть, — сверкнула глазами Белла. — Такой внушительный! Сириус классно на нём смотрелся!

— Теперь это рухлядь страшная, — поморщился Малфой. — Часть Орденосцев были под Оборотным, Поттеров оказалось целых семеро. Мы сыпали Непростительными в надежде выяснить который настоящий. В результате один из наших парней разбился о стену, порожденную в воздухе семейной магией Блэков. Представьте только, что именно в этой треклятой мотоциклетной коляске, так тебя впечатлившей, Белла, и сидел настоящей Поттер! А управлять мотоциклом доверили Хагриду!

— Скажи мне, что debil-великан не угодил драгоценного Мальчика-Который-Выжил?! — засмеялась Белла.

Люциус оскалился:

— Куда великану решить задачку, с которой не справился сам Лорд? Хотя нельзя сказать, чтобы переросток не старался. Но Хагрид даже среди дураков займет второе место — это же Хагрид. Во время схватки коляска оторвалась от мотоцикла... не бледней так, Цисса, всё закончилось хорошо. Даже слишком. Хагрид, успел выхватить Поттера...

— Как же вы узнали, который из Поттеров настоящий? — поинтересовалась София.

— Да? — поддержала её Белла. — Как?

— Он выкрикнул: «Экспеллиармус!». Тогда как любой другой на его месте прокричал бы, если не «Авада», так хоть «Ступефай».

— Дальше! — вскричала Белла. — Рассказывай, что было дальше!

— Как только выяснили, кто настоящий Гарри, Господин напал на него...

— Мерлин! — вскричала побелевшая Белла.

— Брось, — холодно подняла бровь Нарцисса. — Едва ли семнадцатилетний мальчишка представляет серьёзную опасность для Сама-Знаешь-Кого.

Люциус невозмутимо кивнул:

— Хозяин неоднократно повторял, что Поттер жив скорее благодаря его промахам, чем собственным заслугам. Вот и на этот раз палочка Поттера выкинула какой-то непонятный фиртель. А потом Орденосцы достигли Защитной Зоны, и никто из нас уже ничего не мог поделать. Снейпу удалось ранить кого-то из бесчисленного племени Уизли. Рудольфус пытался уничтожить Тонкс, но нарвался на заклятие Орденосцев.

Нарцисса бросила взгляд на Беллу. Вид у той был строгий и решительный.

— Что было дальше? — деловито спросила она.

— Дальше самая хорошая новость. Лорду удалось убить Грюма.

— Не может быть!?! — улыбнулась Нарцисса.

— Темный Лорд ударил его заклятием прямо в лицо. Грюм упал с метлы с высоты бог весть, сколько футов. Орденосцы, окруженные нами со всех сторон, даже и не пытались его спасти.

— Отлично! — загоготала Белла своим хриплым, напоминающим собачий лай, голосом. — Сначала Дамблдор, теперь Грюм! — захлопала она в ладоши.

— Это не изменит того факта, что мальчишка на свободе, — раздался как всегда тихий и всюду проникающий, голос.

Волдеморт зловещей черной кляксой вырос на пороге. За его спиной маячили УпСы.

— Люциус, когда ты оставишь дурную привычку покидать поле боя первым?

Пересекая большую комнату, Тёмный Лорд наполнял её грозовой атмосферой и шорохами черных одежд.

***

В Большом Зале устроили бурное пиршество по случаю гибели Алоstarsa Грюма. Стол, тот самый, на котором на днях скончалась Чарити Бербедж, буквально ломился от яств.

София смогла заставить себя выпить лишь бокал вина, от которого голова сразу же закружилась, и все происходящее стало казаться расплывчатым, ненастоящим и не таким уж и отвратительным.

— Мои дорогие друзья, — раздался голос Волдеморта, и перешептывания стихли. — Сегодня палочка Поттера снова выкинула крайне неприятную неожиданность. Эйвери, приведите к нам из подземелья господина Оливандера. Мне потребуются его объяснения.

София с раздражением поняла, что сердце, по всей видимости, решило жить в горле. И помешать этому неприятному обстоятельству она не в силах.

Дверь распахнулась. Эйвери ввёл в зал под прицелом палочки тщедушного человека с лысым черепом, прикрытым по бокам легким пушком. Человечек беспрестанно шурился от яркого света и дрожал всем телом.

Оказавшись на середине зала, мужчины остановились, и Эйвери отступил, смешиваясь с остальными зрителями.

— Посмотри на меня, — потребовал Волдеморт у старика.

Тот несмело повиновался.

— В прошлый раз ты утверждал, что Поттеру удалось избежать смерти лишь благодаря родственной магии наших палочек, которые в какой-то степени сходны, как сестры-близнецы. Я правильно излагаю?

— Да, милорд, — дрожащим голосом ответил человек.

— Следуя твоим советам, я поменял палочку. Господин Малфой, — усмехнулся Темный Лорд, — любезно одолжил мне свою. Но Поттер сегодня снова ушел. И снова я, при всех моих познаниях, не могу объяснить причины. Помоги мне, старик.

— Я не знаю, господин...

Тёмный Лорд поднялся из-за стола, выжидающе складывая руки на груди.

— Я, правда не знаю, мой господин! Я не знаю! Не знаю! Не мучайте меня! Я всего лишь старый волшебник. Я не могу...

— Не сможешь? — Волдеморт насмешливо кивнул. — Какая жалость, — произнёс он уже громче и злее. — Но, в таком случае, прости, ты мне больше не нужен...

— Нет! — вскричал человечек. — Нет, пожалуйста! — молитвенно сложил он трясущиеся руки перед собой. — Не надо, господин!

— Авада Кедавра, — разнёсся по зале скушающий голос Темного Лорда.

София схватила бокал вина и одним глотком осушила до дна, не почувствовав ни вкуса, ни запаха, ни хмеля.

Спустя два часа комната казалась не такой темной, а ситуация не такой уж безнадежной. Если подумать, даже забавной. Возня в магической песочнице в миниатюре отражала политику всего маггловского мира. А в центре этой причудливой паутины сидело чудо-юдо с алыми глазами и без аленького цветочка, который оно могло бы подарить красавице, с тем, чтобы позже влюбиться в неё и подобрать. Не место тут Аленушкам, в них нет нужды. Здесь царят Злые Мачехи и Страшные Ведьмы.

— Пожалуй, вам не стоит больше пить, — профессор Снейп ловко высвободил очередной бокал из пальцев Софии.

— Сэр? — наклонила она голову, с удивлением осознавая, что ворочать языком это, оказывается, совсем не такое простое занятие, как привыкла думать. — Вы так внимательны к своим ученикам...

— Есть более приятные способы умереть, чем алкогольная интоксикация.

— Лучше расскажите, когда грянет судьбоносный захват власти в Хогвартсе? Я слышала, вам, профессор, прочат директорское кресло?

— Захват Хогвартса грянет после судьбоносного захвата власти в Министерстве.

Пить дальше под придавливающим профессорским взглядом было невозможно.

— Мне, кажется, пора, — заикаясь, заплетающимся языком проговорила София. — Я не хочу разговаривать с вами и слишком пьяна, чтобы это скрывать.

— С чего ж такая немилость, мисс Гринграсс?

— С того что вы трус и бессовестный мерта...мерзла...мерзавец! — удалось наконец выговорить нечто близкое к задуманному. — С одной стороны, вы кажетесь порядочным, человеком, сэр. Но порядочные люди не убивают друзей, не целуются со студентками, не позволяют насиловать студентов у себя на глазах и не взирают равнодушно на то, как убивают их коллег, скармливая змеям. Но, если это вас это успокоит, я о себе не лучшего мнения. Знаете, я всегда считала, что жизнь стоит любых усилий, но в последнее время все

чаще сомневаюсь в этом. Иногда умереть, сохранив убеждения и совесть лучше, чем жить так, как живём здесь мы.

***

С того момента, когда София столкнулась с Драко и Фенриром, коридор внушал ей страх. Впрочем, он и без дурных воспоминаний навевал мрачные настроения. Наверное, так и было задумано архитектором.

Дверь в комнату Драко оказалась приоткрытой. София толкнула её.

Малфой-младший в шелковой пижаме, в свете ночника кажущейся черной, сидел на кровати, в высокой грудке подушек, с тяжелым фолиантом на коленях. Шея, лицо, руки и ступни выделялись ярким светящимся пятном. София не смогла удержаться от улыбки — постель была застелена черным атласом, в лучших традициях дамского романа.

— Астория? — поднял он голову.

В прозрачных студёных глазах плеснулось удивление.

Девушка неопределённо взмахнула рукой. Комната качнулась совсем чуть-чуть.

— Что за?... Ах, кажется, догадываюсь. Ты в стельку пьяна?

— Не уверена, что в стельку, — согласно кивнула девушка. — Но под определённым градусом — это точно.

— А ко мне зачем пожаловала?

— Сложно сказать. По наитию. Причин наносить визит, вроде как бы и нет? А повод, прости, придумать не успела.

— Ну, не стой в дверях, — усмехнулся Драко. — Заходи, коль пришла, — взмахнул он рукой.

София нерешительно двинулась, осматривая меблировку. Тяжелый шкаф, на её взгляд, старомодный и в то же время роскошный, на гнутых раззолоченных ножках и с такими ж ручками, изображающими ощерившихся химер. Кровать, слава богу, без балдахина, но с высоким изголовьем и раззолоченными столбиками. Белый и роскошный, как Малфоевские павлины, ковёр.

Стену украшало холодное оружие: шпага с тонким легким эфесом, с рукояткой из серебра, то ли потемневшего от времени, то ли специально подкрашенной под старину, но без драгоценных камней, столь любезных сердцу Люциуса Малфоя. Изогнутый восточный ятаган. Длинный палаш.

— Ты умеешь этим пользоваться? — с уважением взглянула София на Драко.

— Не обидишься, если сейчас не стану этого демонстрировать?

— Тебе нанимали специальных учителей?

— У чистокровных семей есть специальная система обучения, считающаяся классической. Считаются обязательными базовые заклинания, умение говорить, как минимум, на пяти иностранных языках, танцевать. Восточным единоборствам я действительно учился у учителей, но фехтованию отец обучал меня лично.

София вопросительно взглянула на двуручный меч, но Драко, усмехаясь, покачал головой:

— Он давно на пенсии. Остался в доме с тех самых пор, когда рыцари выступали в поход ещё на конях и в тяжелых латах. Сила удара, наносимого противнику сверху вниз тогда имела значение потому, что о скорости мечтать не приходилось. Таскать такого монстра на спине в пешем походе проблематично и имеет смысл лишь тогда, когда оружие зачарованно на определённый вид нечисти.

— А шпага и рапира — одно и то же? — поинтересовалась София.

— Рапирой можно только колоть, — разъяснил Драко, — видишь, у неё заостренный кончик? Рубить нельзя. Убить противника таким оружием сложно, поэтому чаще всего обучают фехтованию именно на рапирах. А вот лезвие шпаги, — Драко вытащил клинок из чехла на стене.

От света по нему побежали блики.

— Заточено, как лезвие, — София провела пальцами посередине сверкающего клинка. — Спасибо за познавательный рассказ, — улыбнулась она.

— Не за что, — с легким щелчком оружие вошло обратно в ножны.

— А Лорд способен слышать нас здесь?

— Даже их Темнейшество не способно следить за каждым из нас постоянно.

Они стояли рядом. София ощущала исходящее от юноши тепло.

— Астория?

— Да?

— Иди ко мне?

***

Разбудил её солнечный луч, пробившийся через шелку в толстых гардинах. София попыталась увернуться, но не получилось. Раскрыв глаза, она обнаружила, что спит на плече Драко, что тот уже проснулся и смотрит на неё с привычной насмешливостью.

— Проснулась, наконец? — дунул он ей в лицо. — Выспалась, надеюсь?

Попытавшись оторвать голову от его плеча, София застонала. Движение отозвалось головной болью и судорожным спазмом в желудке.

— Сейчас станешь говорить, что была пьяна и не помнишь, как тут оказалась? — вопросительно приподнял брови Драко.

— Помню, — простонала София. — Вошла через дверь.

— Последующее, надеюсь, не истерлось из твоей памяти?

— Это завуалированный вопрос, из серии: «Было ли тебе хорошо, дорогая»?

— Что? Нет! Я нисколько не сомневаюсь в своих талантах. Просто хочу убедиться, что ты этого не забыла. — Драко ухмыльнулся и прищурился. — А о том, что храпишь по ночам, ты в курсе?

— Я не храплю! — возмутилась София.

— Ещё как храпишь! — засмеялся Драко, швыряя в неё подушкой.

Садистский жест, учитывая, что голова при каждом, даже маломальском движении, гудела всё сильнее.

София отбила её. Подушка шмякнулась Хорьку прямо на ухмыляющуюся физиономию.

— Полегче! — недовольно фыркнул он, опрокидывая врага на кровать. — Будь со мной нежна, Гринграсс и я облегчу твои страдания. Ты не первая в этих стенах томишься от похмелья, и я давно украл у отца страшную родовую тайну — секретное заклятие Малфоей против мерзкого синдрома, способного отравить жизнь. Заинтересована?

София перестала шутливо отбиваться, зачарованно глядя в непривычно смеющиеся глаза:

— Спрашиваешь? Ещё как!

Когда кончик его палочки упёрся в висок, София на мгновение ощутила себя, как под дулом пистолета. Голос юноши что-то сладко зашептал над ухом. Приятное дуновение пронеслось по телу, согревая не хуже глотка коньяка. Сила наполнила её, а головной боли

как не бывало.

— О! Спасибо, — улыбнулась София.

— Спасибо?! И только? А где мой поцелуй?

— Вот он.

Их губы соприкоснулись. Мягко и трепетно. Словно теплые бабочки скользили по коже.

Драко отстранился первым, зависая над девушкой на руках.

— Жаль, что мы так долго не могли найти общего языка, — с грустью выдохнула София.

Младший Малфой пожал плечами.

— Мне пора идти, — сказала она.

— Только не через дверь.

— Через окно, что ли? — фыркнула София.

— Самым кратчайшим путём, — пафосно заявил Драко. — Прямо через стены. Специальный транзит для хозяев Малфой-мэнор.

9. Падение Министерства

Темный Лорд подждал их, сидя в кресле у давно погасшего камина, вертя палочку в неестественно длинных пальцах. Лицо его не выражало ни ярости, ни злобы — холодное спокойствие мертвеца.

— Извините... — начал Драко.

— Уйди, — не глядя на него велел Волдеморт.

Драко опустив ресницы, повиновался, оставляя Софию наедине с её жутким родственником.

Вопреки опасениям, разговор пошёл вовсе не о бурно проведённой ночи.

— Несмотря на вчерашнее торжество, которым я решил подсластить, по сути, поражение, нам пока нечему радоваться, — вздохнул дядюшка. — Проклятый Поттер! Как всегда, выскользнул у меня из рук.

— Соболезную, — начала было София.

Её окатили саркастически-насмешливым взглядом:

— Уж не думаешь ли ты, что я в поисках сочувствия к тебе зашёл? Нет, я нанёс визит с иной целью. Как ты смотришь на то, чтобы в качестве утешительного приза взять Министерство? — огорошил её Волдеморт.

— Вы же обещали, что не заставите меня участвовать в ваших рейдах и налётах!

— Действительно обещал? Какое легкомыслие с моей стороны. Ну что ж, обещания я и не нарушу, сражаться тебе не придётся. Какой из тебя воин? Мне потребуется твой дар, София. Нужно поднять мёртвых и заставить их немножко на нас поработать. Уверен, ты справишься.

Оскал Тёмного Лорда, по видимости, должен был изображать собой улыбку? София поёжилась:

— И... когда?

— Прямо сейчас.

— Но...? Но сейчас утро!

— И что? Мертвецы не зелья, от лунных фаз и времени суток не зависят.

Не трата больше слов попусту, они аппарировали.

София озиралась, пытаясь понять, куда. По телу пробежала дрожь, потому что это было ни на что не похоже. Даже не понятно, на открытом они воздухе или в подземелье? Над головой — темнота. Пустая чернота, без россыпи звезд. Вокруг ветер и свет, так похожий на лунный, но исходящий не сверху. Сияли камни, холмы и длинные травы, напоминающие осоку.

София закрыла глаза, наслаждаясь бризом, дующим с несуществующего моря. Где-то далеко-далеко звонко и печально, тонко звенели колокольчики.

— Где мы? — спросила она у своего проводника.

— В древней магической усыпальнице под домом Малфоев.

— И что я должна делать?

— Никто не знает лучше тебя самой. Магия — как творчество, а творец должен верить в себя и нарушать границы. Лети. Просто — лети! Позволь себе свободно следовать за судьбой.

Как когда-то, впервые, на кладбище за заброшенной российской деревенькой, София опустилась на колени, уцепившись пальцами за сухие пучки серебристой травы. Короткий хлёсткий замах палочкой и в руке возник странной формы нож. Задержав дыхание, она приставила острие к левой руке чуть выше тонкой белой кисти. Резкое быстрое движение и закапала горячая тёмная кровь. Порез отозвался резкой болью.

— Даю мою кровь земле, — зашептала София. — Жизнь за смерть; смерть за жизнь, — сами по себе рождались на устах слова заклинания. — Да восстанут мертвые пить кровь живых. Да напитаются ею, если будут повиноваться.

София ощутила, как по позвоночнику пошел ток.

— Кровью, магией и силой призываю к себе! — София распростёрла руки над землёй. — Восстаньте и придите!

Невидимый шнур протянулся во мраке. Земля, вздрогнув, начала вспучиваться. Отовсюду вздымались руки, словно цепляясь за воздух. Одна пара рук, другая, третья... десяток... сотня...

Земля послушно выпускала из недр мертвецов. Они поднимались стеной, жуткие, опасные, ко всему равнодушные. Над ними в воздухе реяли полупрозрачные фигуры, сплетённые из темного дыма, разочарований и неосознанных страхов — дементоры.

— Молодец! — почти восторженно прозвучал голос Тёмного Лорда. — Не упusti их! Держи!

Вспышка света, яркая — ослепительно-яркая! — и тьма начала рассеиваться. Мрачное и в тоже время спокойное место, в котором они прибывали, исчезло.

— Добро пожаловать в Министерство Магии, — твердил невидимый, механический голос. — Будьте добры, назовите свои фамилии и цель визита... Добро пожаловать в Министерство Магии. Будьте добры, назовите свои фамилии и цель визита...

Они стояли в длинном коридоре с множеством дверей, в котором велась жаркая схватка. Со всех сторон сыпались проклятия, слепили яркие вспышки.

Авроры оборонялись с остервенением, но прибытие Темного Лорда всё изменило.

— Волдеморт!!! — раздались крик ужаса. — Волдеморт здесь!

— Господин! — по дикому лающему хохоту София узнала Беллу. — Он с нами! — исступленно кричала она.

Страх, внушаемый Темным Лордом, был настолько велик, что одно его присутствие сеяло панику в рядах противника. Очередной залп авроров захлебнулся, наткнувшись на серебряный щит, сотворенный Волдемортом прямо из воздуха. Мощностъ заклинания оказалась столь велика, что София ощутила, как на теле приподнялись волосы.

— Волдеморт?! — прокричал вынырнувший из толпы высокий мужчина с беспорядочно вьющейся гривой, словно у льва. — Ты посмел?! Посмел явиться сюда?!

— Добрый день, Скримджер, — отвесил Тёмный Лорд элегантный поклон. — Конечно, посмел. Даже мои враги никогда не называли меня трусом.

— Ты не трус — ты подлец! Адетско Файр!

Струя пламени окружила Волдеморта плотной стеной. Но уже в следующий момент огонь разошёлся в стороны, будто занавеска, и в министра магии полетела огромная зелёная змея. Стремительно раскручивая кольца своего тела, она сбила его с ног и врезавшись в толпу, откусила голову одному из авроров с такой легкостью, будто тот был бумажным человечком, после чего рассыпалась в воздухе зелеными огоньками, похожими на отблеск Авады Кедавы.

— Ты нарушил наш договор, Скримжер, — холодным высоким голосом констатировал Тёмный Лорд, замахиваясь для нового удара.

Какое проклятие он послал в противника, София не увидела. Ей пришлось отбиваться от напавшей на неё девицы.

Мелькали лучи света. Пол под ногами трескался и ломался.

— Круцио! — проревела выбившаяся из сил София, сбивая противницу с ног яркой алой вспышкой.

Мимо пронеслось что-то тёмное. Будто мигнул свет при перебое с электричеством. Затем Стены Министерства начали выгибаться и на пол посыпались призванные из усыпальницы мертвецы.

— Уничтожать всех, на ком нет метки Тёмного Лорда! — прорычала София.

Инфернии послушно включились в общую свалку.

Без злости, азарта, монотонно и несокрушимо мертвецы рвали волшебников на части. Зомби не брало ничто, кроме огня. Подоспели и дементоры. Плавно скользя то тут, то там, они приближались к людям, склоняли к ним незрячие головы, и те переставали драться.

Мертвецы вгрызались в живую плоть, отрывали конечности.

Дементоры темным полупрозрачным туманом клубились над сражающимися, внося свой вклад в общее дело.

— Берегись! — прохрипела Софии выскочившая из гущи сражения Белла, почти выдёргивая из-под смертельного проклятия, сорвавшегося с палочки неизвестного аврора.

Схватив за руку, Белла толкнула её за колонну, отбивая очередную вспышку.

Не просто высокий, — огромный, как шкаф, мужчина, с темным, будто лакрица, лицом, надвигался на них стремительными шагами. Среди вспышек и мечущихся фигур он казался исполином.

— А-а-а-а! — зашипела Беллатрикс, вновь ловко увертываясь от ярко-алого луча. — Кингсли? Решил поиграть в героя, Шеклболт?

— Экспелиармус!

С хохотом Белла выскользнула из-под удара:

— Импедимента!

Вспышки учащались.

Между Шеклболтом и Лейстрейндж выросла костлявая фигура Волдеморта.

С палочки Кингсли Шеклболта сорвался зеленый уничтожающий свет.

— Милорд! — взывала Белла.

Волдеморту взлетел, пропуская смертоносный зеленый луч под собой. Черной кляксой струились по воздуху мрачные одежды, сопровождаемые зловещим шепотом шелковых складок.

— Бери Софию и бегите.

Волдеморту взмыл в воздух снова.

Прогрохотало. Раздался крик ярости и боли.

Схватившись за руки, София и Белла припустили прочь.

— Нужно успеть добраться до лифтов! — поделилась планом Белла.

Когда очередной аврор напал на них, поединок оказался недолгим. Белла приложила его Ступефаксом, но ему таки удалось на несколько секунд задержать их. Добраться до конца коридора женщины не успели.

Что-то зазвенело, тонко и пронзительно, как лопнувшая струна.

— Ложись!!!

Бросившись на пол, София обернулась. Множество переливающихся стекляшек на миг зависли, застыв в воздухе. Но уже в следующую секунду острые осколки летели вниз, пробивая тела насквозь, словно фаршируя их стеклом.

Белла успела выставить щит, и это спасло им жизнь.

Но когда следом за стеклом полетел огненный смерч, София решила, что пробил их смертный час. Они оказались объаты пламенем. Нестерпимый жар пытался прорваться сквозь истончающуюся с каждым мгновением защиту. Крик Беллы присоединился к крику Софии — силы ведьмы иссякали.

Когда пламя ушло, несколько мучительных секунд София готова была поверить, что оглохла, такая глухая тишина стояла вокруг.

Потом взорвались крики торжества и ликования:

— Скримжер мертв!!!

— Министерство пало!!!

— Слава Тёмному Лорду!!!

Белла хохотала, обнимая её, и сама София почувствовала, как её невольно захватывает всеобщее возбуждение и радость.

Одна из многочисленных дверей с треском распахнулась, пропуская Волдеморта.

— Господин! — кинулась к нему Белла. — Мы победили! Ты победил!

— Для полного триумфа мне не недостает лишь очкастого пацана, — тоже хохотал Волдемор, обнимая Беллу. — Ату! Ату, мои верные друзья! Затравите сынишку Сохатого! Кто первый? Моя дорогая София, — обернулся Тёмный Лорд к девушке, — давай, упокой мертвецов и присоединяйся к потехе. Держи! — бросил он ей порт-ключ перед тем, как аппарировать.

Множество вспышек рассыпалось по коридорам.

УпСы ушли. Через несколько минут в коридоре кроме Софии остались только дементоры, зависшие как гигантские моли-переростки.

А ещё — мертвецы...

Много мертвецов.

УпСы в сражении не брали пленных. Все, кто стоял на другой стороне, подлежали уничтожению и должны быть выкошены, как сорная трава.

Что ж, зёрна отделены от плевел.

Есть ли надежда на то, что души павших обретут покой? Пусть даже и на дне самых глубоких темных вод?

Закрыв глаза, София сосредоточилась на ощущении связи между собой и поднятыми из могилы останками. Невидимым ножом она перерезала невидимую пуповину.

— Возвращайтесь в землю!

Где-то далеко капала вода. Кап. Кап. Кап.

И плыла в совершенной, абсолютной темноте змея с женским лицом.

Коатлинуэ...

***

Коридоры опустели, не осталось ни одного трупа. Те, что пали, защищая Министерство Магии, погибли вместе с теми, кого София и Волдеморт привели с собой из древней усыпальницы. О недавней страшной борьбе свидетельствовали обрушившиеся колонны, куски сколотого белого мрамора, пласты штукатурки и кровоподтёки. Но трупов не было.

София сжала пальцами порт-ключ, и её рывком переместило из глухого подземного коридора в Министерстве на помост под чистым, темнеющим в густеющих сумерках, небом.

К ней подскочил Скабиор, ухмыляясь от уха до уха:

— Вот и наша Принцесса Мертвых! Опоздала, красавица. Самое интересное пропустила.

— Они схватили его? Схватили Поттера?!

Скабиор, продолжая ухмыляться, отрицательно помотал головой:

— Мозговитая грязнокровка успела его вытащить. Орденосцы на сей раз тоже предпочли впустую не геройствовать. Так что ничего занимательного, — Скабиор пододвинувшись ближе, жарко дыхнул в самое ухо. — Темный Лорд гневается...

— Тоже мне новость! — скривилась София. — Если бы он песни пел или танцевал? Гневается он почти всегда.

Группа людей в черных мантиях и белых масках двигалась навстречу. София с содроганием узнала в предводителе Рабастана и спряталась Скабиору за спину.

Егерь понимающе ухмыльнулся:

— Не по вкусу тебе знаменитый красавчик? — подмигнул он, добавляя шепотом. — Мерзкий тип.

— Вот вы где уединились?

От младшего Лестрейнджа сильно разило алкоголем. Он едва держался на ногах.

— Долохов отправился на поиски Живунчика, — засмеялся Рабастан, словно пошутил бог весть как удачно. — Мечтает выслужиться.

София поспешила уйти. После случая с профессором Чарити она на дух не переносила этого смазливового психа, выделяющегося даже на фоне всеобщего прогрессирующего безумия.

Дом Уизли не шёл ни в какое сравнение с Малфой-мэнором. Драко обоснованно называл племя Уизли нищebroдами. Больше всего «Пристанище» напоминало многоэтажный хлев, изогнутый, словно Пизанская башня. На красной крыше торчало множество труб. Возле входной двери валялся шест с криво прибитой дощечкой, на коей, собственное «Пристанищем» строение обозвано и было.

Повсюду в беспорядке валялись перевёрнутые столы, табуретки, реяли палатки, разукрашенные разноцветными огоньками, зачарованными таким образом, что продолжали сиять и переливаться даже теперь, когда от праздничного убранства остались одни осколки.

Около одного из перевёрнутых столов София заметила Драко. Он стоял вместе с тремя такими же, как он, черно-белыми фигурами.

Одна из безликих теней сняла маску, и София кивнула Блейзу Забини в знак приветствия.

— Не знала, что ты тоже участвовал в нападении на Министерство? — сорвалось с губ.

— Я там и не был, — улыбнулся парень.

— А эти...? — покосилась девушка на две другие фигуры, массивные и широкие.

— Краббэ и Гойл, — голос Драко Малфоя как всегда был тягучим и капельку капризным. — Могла бы и сама догадаться, Гринграсс.

— Драко! — раздался звонкий девичий голос.

Черная фигурка бросилась блондину на шею:

— Драко! Я так счастлива! Так счастлива! Министерство пало, а мы все живы! Теперь ведь всё будет по-другому, правда? — смеялась и плакала Панси.

— Полагаю, Пэнни, ты, как и все мы, пришла на вечеринку? — хмыкнул Блейз. — Надо отметить свадьбу одного из Уизли, как полагается. Не каждый раз нищebroдам достаётся такой сладенький кусочек, как Флёр Делакур.

— Что точно, то точно, — хохотнул Гойл.

— Может быть, стоит перекусить? — покосился Краббэ на блюда, валяющиеся повсюду.

— Жри, если настолько оглодал, скотина, — Драко презрительно дёрнул плечом.

Панси продолжала висеть на нём.

— Пойдём, Драко! — тараторила слизеринка. — Мама соскучилась, ей будет приятно снова тебя увидеть. Блейз, Гойл? Вы с нами?

Никто из них даже не подумал позвать Софию с собой. Включая недавнего жениха.

София медленно брела между перевёрнутыми столами и стульями, кушаньями, разбросанными по земле.

Вокруг сновали в приподнятом взбудораженном настроении УпСы.

Девушка вновь ощущала себя чужой и ненужной, а жизнь с каждым часом всё больше и больше напоминала кошмарный сон.

10. Соперницы

В Малфой-мэноре царило непривычное оживление. В гостиной и столовой применили расширяющие чары. И без того просторные, многочисленные комнаты виделись теперь бесконечными.

Домовые эльфы из кожи вон лезли, чтобы угодить хозяевам. Стол в парадной гостиной ломился от яств совсем как в Хогвартсе на первое сентября. Свечи в хрустальных подсвечниках парили прямо в воздухе, распространяя вокруг себя загадочный мягкий свет.

Настроение у Софии, несмотря на всеобщую оживлённую атмосферу, было отвратительным. Ей представилась возможность в полной мере оценить мудрость русской пословицы, утверждающей, что нет хуже дела, чем в чужом пиру похмелье.

Присутствие Панси в Малфой-мэноре отравляло жизнь. Сейчас Софии казалось глупостью недавняя идея жалеть эту девицу. Пусть она сама первая отрицала возможное соперничество с Паркинсон из-за Малфоя, с тех недавних пор много воды утекло. Изменились обстоятельства; изменилось её отношения с Драко, и теперь ревность жидким огнем растекалась по венам.

София возненавидела Паркинсон. Ей казался отвратительным её холодный высокий смех и прямая королевская осанка. Она ненавидела умение соперницы великолепно держаться на метле — в этом Панси едва ли уступала Джинни Уизли. Ненавидела холодный ум и чисто слизеринскую жестокость. Но больше всего София ненавидела Паркинсон за то, что приходилось признавать за ней право первенства по отношению к Драко. До появления Астории Гринграсс между Малфоями и Паркинсонами было заключено соглашение о предстоящем союзе их отпрысков и если бы не София, эта отвратительная Паркинсон наверняка бы получила то, о чем так страстно мечтала — Драко Малфоя.

На устроенном Волдемортом балу в честь победы над Министерством должны были присутствовать представители всех чистокровных магических семейств Великобритании. Отказ явиться расценивался как проявление неблагонадёжности со всеми вытекающими последствиями. И, естественно, эти подлизы Паркинсоны прибыли, чуть ли не первыми, хотя в первом ряду сражающихся их никто не видел.

Малфои, выступающие хозяевами, как всегда, были на высоте. Люциус исхитрился вести несколько бесед сразу, Нарцисса блистала в той же манере на другом конце стола. Драко мелькал то тут, то там, вальсируя с разными молодыми особами, но чаще всего — с Паркинсон к затаённой ярости Софии.

— Снова в стороне? — раздался за спиной лающий, насмешливый хриплый голос.

Белла выглядела сногшибательно в обтягивающем длинном черном платье со шлейфом. Кроваво-алые рубины блестели на гибкой змеиной шее, подчеркивая матовость и шелковистую гладкость кожи.

— Снова не в духе?

— Не люблю приёмы, — холодно откликнулась София. — Мне на них скучно.

— Рискну дать совет: заведи себе поклонника. Это всегда веселит. Вот когда я была в твоём возрасте, их у меня было не меньше двух десятков зараз. Так что не будь занудой, это никого не красит.

Белла, смеясь, растворилась в полутьме, теряясь в толпе колдунов.

Пробежавшись взглядом по залу, София снова увидела их вместе — Драко и Панси!

София всеми силами старалась удержать на лице спокойное выражение, но чувствовала, как уголки губ против воли опускаются вниз. Она осознала, что с удовольствием вонзила бы ноготки Паркинсон прямо в лицо, расцарапав его в кровь.

— Гринграсс?

Погрузившись в мрачные мысли, София как-то не заметила, что предмет её воздыхания подобрался к ней совсем близко.

— Не надоело подпирать стенку? — ухмыльнулся Драко. — Пошли, потанцуем?

София всем своим видом выразила молчаливое презрение.

— Я не танцую, — приняла ледяной вид она.

— Не умеешь? Сделаем поправку на маггловское воспитание. Ну, если уж не танцуешь, так хотя бы выпей со мной?

— И не пью.

Совсем некстати во всей красе вспомнилась ночь, когда она пришла к нему в комнату, пьяная вдрызг.

— С недавнего времени, — поспешила добавить она после минутной заминки.

— Раз ты не пьёшь и не танцуешь, — развёл руками Драко, — давай тогда просто поболтаем?

— У меня нет никакого желания перекрикивать громкую музыку.

Блондин сощурился:

— Я ведь могу подумать, что ты избегаешь меня, Гринграсс?

— Думай себе на здоровье всё, что захочешь, Малфой. Как-то придётся жить с мыслью, что не всех, как бедняжку Парксинсон, одолевает навязчивое желание быть с тобой рядом. Некоторым это не доставляет никакого удовольствия.

Тонкие ноздри юноши гневно затрепетали, а губы растянулись в недоброй усмешке:

— Так уж и никакого удовольствия? А я вот отлично помню случай, когда нам обоим было вместе вроде бы и неплохо?

Ухватив девушку за подбородок, Драко заглянул в блестящие от непролитых слёз глаза.

— Что с тобой сегодня, Гринграсс?

— Пусти меня, Малфой... ты делаешь мне больно. У тебя нет права...

— Ты спала со мной, — перебил он её, — ты — моя невеста. У меня есть на тебя все права, какие только мужчина может иметь на женщину.

— Ты!.. Ты знаешь, что?! Ты очень сильно ошибаешься, Малфой, если думаешь, будто можешь увиваться за всеми подряд, а потом заявиться ко мне, и качать какие-то смехотворные права! Я тебе не Паркинсон!

Драко выглядел обескураженным.

— Ни за кем я не увиваюсь, — растерянно пожал плечами он.

— Ну, конечно! Паркинсон действительно подходит под определение «никто»!

Драко какое-то мгновение вглядывался Софии в лицо, потом весело прыснул, будто его осенила забавная догадка:

— Ты ревнуешь? К Паркинсон?! Ты серьёзно?..

София почувствовала, как щеки заливают краской:

— Глупости! Ни к кому я тебя не ревную!

— Ревнуешь-ревнуешь, — довольно засмеялся Драко.

— Что в этом смешного?! — возмутилась София, которой действительно было не до

смеха.

— Драко? — раздался сладкий голос Паркинсон. — Вот ты где? Я тебя искала...

— И нашла. Какая прелесть, — ядовито фыркнула София. — Попался, сладкий мальчик?

Драко потянулся, было, к Софии, но между ними возникла невысокая, стройная худощавая фигура, склонившаяся в пригласительном поклоне.

— Разрешите пригласить вас на танец, Принцесса?

В стоявшем перед ней красавце София не сразу признала Скабиора. Признаться выглядел он сногшибательно.

— Она не танцует... — начал, было, цедить Драко.

— Очень даже танцую! — возразила София, вкладывая свои пальчики в раскрытую ладонь егеря.

Драко оставалось только скрипнуть от ярости зубами. Закатывать сцену на виду у Темного Лорда он не решился.

София со Скабиором закружились в вальсе. Оказывается, с умелым партнером танцевать вовсе не так уж и сложно. Не сложнее, чем плавать в ночи, поднимать мертвецов или созывать дементоров.

— Почему ты назвал меня Принцессой?

— Королём вот-вот станет Сама-Знаешь-Кто. Королевой будет Белла. Серым всесильным кардиналом — никому неизвестная Василиса. Ну, а тебя, маленькая змейка, ждёт незавидная участь Принцессы. Столь же прекрасной, сколь и незначительной. Так что крепче держись за Малфоев.

— Ты даёшь мне советы? Даже не знаю, дерзость эта или милость?

— В какой-то степени я несу за тебя ответственность, ведь именно я привёл тебя в наш мир, не так ли? — подмигнул егерь.

— Хочешь сказать, что для тебя, пройдоха ты эдакий, имеют значение подобные вещи?

— У всех свои слабости. Если бы мой папаша, например, не был оборотнем, а в Гринготсе на моём счету лежали горы галлеонов, как у некоторых, если бы я мог быть хоть капельку чистокровней, чем я есть на самом деле, то я, возможно, и сам рискнул бы посвататься к тебе. Дерзну предположить, я был бы лучшим женихом, чем твой кукольный красавчик.

— Думаешь, ты менее кукольный? — засмеялась София. — Боюсь, вынуждена была бы ответить отказом. Искатели приключений и семейный очаг плохо совместимы.

— Вы разбиваете мне сердце, Принцесса, — вздохнул егерь. — Ну ладно. Я-то не высокородный, переживу как-нибудь. Что ж мне ещё остаётся?

Танец закончился.

— Нисколько не сомневаюсь в ваших талантах и от всего сердца желаю удачи, — раскланялась София.

София с улыбкой увидела, как бледный от злости Драко буравил её взглядом, поджидая у стены.

Но выяснять отношений София не собиралась. И вместо того, чтобы вернуться на место, поспешила покинуть балльный зал.

Миновав гостиную и несколько поворотов в коридоре, она уже полагала себя в безопасности, когда, вскрикнув от неожиданности, перелетела черед ногу в дорогом тифле из крокодиловой кожи.

Прежде чем София рухнула на пол, её подхватили и со всей силы впечатали в стену.

— Шлюха! — прорычал Драко, отвешивая пощечину. — Маггловская дешёвка! — обожгло вторую щеку.

Схватив за шею, Малфой грубо прижал девушку к стене, тихо шипя ей в лицо, как разъяренная кобра:

— Значит, со мной ты не танцуешь?! И не разговариваешь?! Я для тебя недостаточно хорош?! А с этим волчьим отродьем готова миловаться?

Он так сильно сдавил её шею, что воздух с трудом просачивался в гортань. София захрипела от недостатка кислорода.

В ярости она принялась отталкивать Малфоя от себя.

Тот резко убрал руки, и София съехала по стене, жадно глотая и держась рукой за шею:

— Ты!.. Ты с ума сошел?! Ты что творишь?! Я не сделала ничего предосудительного, всего лишь танцевала...

— Встань!

— Что?!

— Ты, моя будущая жена, Гринграсс. А значит, уже наполовину Малфой. Малфои не валяются на полу, если имеют возможность подняться. Втавай!

— Да пошел ты!..

— А ещё Малфои никогда не танцуют с нелюдями, как-то: эльфы, гоблины, тролли, упыри, оборотни. Это понятно?

— Я...

Драко с такой силой сжал пальцы Софии, что они захрустели.

Откуда только силы-то у него берутся? Ведь тощий, как щепка!

— Понятно? — спокойно, с нажимом, повторил Малфой свой вопрос.

— Да! Да! Будь ты проклят! Перестань выворачивать мне руки!

Малфой отступил, продолжая глядеть на Софию сверху вниз. Она подумала, что таких светлых глаз, будто в глазницы ему вставили куски льда, никогда и ни у кого не видела.

— А насчёт Панси?.. — добавил он. — Мы с ней друзья. Только — друзья. Ничего больше.

В серых глазах словно плескались две чёрные точки суженных от ярости зрачков.

— Ничего больше с тех пор, как в моей жизни появилась ты. То, что было до нас с тобой, уже неважно.

Это звучало странно.

«До нас с тобой?».

Неужели действительно есть это пресловутое «мы»? И как к этому относиться?

Что она, София, в действительности чувствует к этому нервному, странному, противоречивому молодому человеку? Все так перемешалось между ними: похоть и нежность, вождение и отвращение, влечение и ненависть!

Какое-то время молодые люди смотрели друг на друга. А потом оба, одновременно, потянулись друг другу навстречу.

Когда губы их соприкоснулись, София почувствовала, как закружилась голова от запаха полыни, горького дыма и мяты. Её руки решили жить своей, отдельной от её разума, жизнью. Они, как лианы, оплели шею Драко, заставляя его прижиматься к ней ближе и ближе, так близко, так тесно, что дальше некуда.

Её тело наслаждалось жадной тяжестью его ладоней, горячих даже сквозь ткань.

Одновременно с тем оно плавилось, делаясь похожим на пластилин, способный принимать любую форму по желанию мастера.

Уже не впервые снедающая молодых людей ярость переплавлялась с вихрь жёсткой, горячей страсти. Стало совершенно безразлично, что было до, и что станет позже. Значение имели только поцелуи, смелые ласки и то острое удовольствие на грани боли, которое они могли подарить друг другу.

Словно со стороны София услышала томящийся, глухой женский стон.

Ему вторило глухое, похожее на звериное, мужское рычание.

***

— Гринграсс... — прошептал Малфой, упираясь лбом ей в плечо. — Ты...

София замерла в ожидании того, что должно было сейчас прозвучать.

Но слова, просящиеся обоим на язык, так и не прозвучали.

— Мерлин! — дёрнулся Драко, хватаясь за левое предплечье.

Лицо его исказилось судорогой боли.

— Что?.. — встревожилась София. — Что случилось?

— Лорд! Он зовёт меня. Вот гадство! Слушай, никуда не уходи, ладно? Я вернусь сразу же, как смогу. Дождись меня. Обещаешь?

София кивнула.

Драко почти бегом поспешил скрыться в хитросплетении лестниц и коридоров, утопающих в тени, словно в другом измерении.

Стоило ему скрыться, как из тени выступила Паркинсон, бледная и строгая, точно Немезида. Но как она не старалась, за презрением не могла скрыть терзающую её ревнивую ярость.

— Смотрю, грязноврока, ты не теряешь времени даром? Что ж, приходится признать, ты не так безвредна, как я воображала.

Паркинсон сделала шаг вперед.

— Драко — мой! — зашипела она — Не смей вставать на моём пути, или я тебя уничтожу.

— Правда? — засмеялась София. — Даже и не знаю, почему мне не страшно?

— Потому что ты даже не представляешь, с кем связываешься и на что нарываешься, — сверкнула глазами Паркинсон.

— Если у тебя есть претензии, пойди, и изложи их самому Драко Малфою.

— Я тебя предупредила...

— Я тебя выслушала.

В следующую секунду пол ушел из-под ног, и София кубарем покатила вниз, сопровождаемая злобным торжествующим смехом соперницы.

11. Подземелья Малфоев

Падение длилось недолго. София приземлилась на что-то мягкое и влажное. Воображение нарисовало кучу разлагающихся трупов...

— Люмос!

Трупов, слава богу, не оказалось. Но со всех сторон тянулись щупальца длинных, тёмно-зеленых гибких стеблей. Не успела она вздохнуть с облегчением, как зыбкая колыбель под ней пришла в движение. Стебли растений медленно, как в некогда любимых ею фильмах ужасов, поползли к ногам.

— Что за?.. — ругнулась София, предпринимая попытку высвободиться, но стебли оплетали её всё крепче, угрожая задушить.

Чем сильнее она сопротивлялась, тем теснее становились путы.

— Помогите!

— Давай, давай, кричи, — раздался голос ненавистной соперницы. — Кричи громче.

Паркинсон вальяжно, будто большая кошка, растянулась на удушающих растениях. Те не причиняли ей ни малейшего вреда.

— Я предупреждала, — зловеще прошептала слизеринка.

— Да ты хоть представляешь, что сделает с тобой Тёмный Лорд, когда узнает?!

— Он не узнает, — с уверенностью заявила Паркинсон.

— Как это? Почему?

— Моя семья уедет из Малфой-мэнора прежде, чем кто-нибудь задумается о твоём исчезновении. И потом, одно событие никто не станет увязывать с другим.

— Это же «дьявольские сети», — с облегчением вспомнила София. — Надолго ты меня тут не удержишь.

— И не собираюсь. Как только они перестанут тебя удерживать, ты продолжишь падать. Что там, внизу, по правде сказать, я и сама не знаю, но судя по тому, что родители нас к малфоевским подземельям близко не подпускали — ничего хорошего. Ты мне никогда не нравилась, Гринграсс. Можно сказать, что это была неприязнь с первого взгляда. Так что, прощай, грязнокровка. Счастливого полёта. Люмос максима!

Яркая вспышка ослепила. «Дьявольская сеть» мгновенно расплелась под воздействием света. София упала в воду.

На мгновение показалось, это точно конец. На сей раз точно не выбраться. Но пока мозг пребывал в шоке, тело продолжало работать, пытаясь оттолкнуть от себя тьму и холод.

Погибнуть? Дать восторжествовать над собой этой кукле с визгливым голосом? Да ни за что!

София вынырнула, жадно хватая ртом воздух.

Тьма стояла вокруг — хоть глаз коли. В подземелье не попадал ни один лучик света. В каком направлении плыть, она не представляла, но упрямо гребла вперёд, уговаривая себя не паниковать.

В воде что-то слабо светилось. София с облегчением узнала волшебную палочку. Она сама не заметила, как во время падения выпустила её из рук.

Палочку удалось взять в рот, зажимая зубами. До неё, наверное, ещё никто не пробовал плавать со светящейся лампочкой во рту? Держаться на воде стало труднее.

Ну, Паркинсон! Ну, стерва! Вот только дай выбраться, станешь самым любимым зомби!

Тело деревенело, в сердце исподволь заползал холод. Кого она пытается обмануть? Ей не выбраться. Ни за что не выбраться. Слишком глубоко, до берега — слишком далеко. И холодно. Как же холодно!

Руки отказывались слушаться, а левую ногу вот-вот грозило свести судорогой, но София продолжала держаться на воде из последних сил.

Гребок руками. Ещё. Ещё. Ещё.

Не привыкшее к физическим нагрузкам тело налилось неконтролируемой, оупляющей, всепобеждающей усталостью.

Гребок руками. Оттолкнуться от воды ногами. Ещё. И ещё.

Бессмысленно, бесполезно. Но — ещё раз.

Нет. Больше не получится. Нет сил.

Вода словно расступилась, перестав поддерживать Софию. Однако, к радостному удивлению, ноги нащупали под собой твердое дно. Призрак Смерти немного отодвинулся.

Неизвестно, сколько времени пришлось брести, пока София заметила, что дно поднимается. Спотыкаясь и плача от счастья, она выбралась на берег. Растянувшись на плитах, позволила себе смежить веки.

Сон навалился практически сразу. Во сне к ней подползала огромная змея с лицом Паркинсон, с длинных клыков пресмыкающегося капала ядовитая слюна. София в испуге бросилась бежать, кубарем покатила куда-то вниз и падала до тех пор, пока тёмные воды не смкнулись над головой.

Под водой кишели мертвецы. Большинство лиц ей было незнакомо. Но вот в одном из рыжих девушка признала кого-то из Уизли. Здесь были оба брата Лейстрейндж, Долохов, профессор Снейп, профессор Дамблдор, даже сам министр магии. С ужасом София различила среди мертвецов лица своих родителей. Глаза матери, широко распахнутые, незрячие, из небытия заглядывали в пустоту. На шее зияла огромная рана...

София закричала и проснулась в полном мраке, в абсолютном одиночестве. Погребённая живо. Но даже в такой реальности ей было не так жутко, как в том сне.

— Люмос!

Направление выбирать не приходилось, единственная тропинка увлекала прочь от подземного озера. Вокруг ничего, кроме нагромождения камня. Он смыкался по сторонам, нависал над головой. Постепенно стены расходились друг от друга всё дальше.

София продвигалась вперёд крадучись. Влага оседала в волосах алмазными каплями. Учащённое дыхание хрипом нарушало мертвую, немую тишину, мягкими мазками звучали настороженные шаги.

Заслышав шорох, отдалённо напоминающий стрекотание кузнечиков, София послала вверх, в ту сторону, откуда раздался звук, ворох световых искр.

Глаз различил пять огромных силуэтов с широкими крыльями, размах которых, так, навскидку, был не меньше двух-трёх метров. Каждая из парящих под сводами высокой пещеры тварей была ростом не меньше человека. Отблеск Люмоса, преломляясь в глазах ночных фурий, отливал зеленью, словно в кошачьих зрачках.

Бежать не имело смысла. София, закусив губу, приготовилась к атаке. Она молилась только об одном: если уж суждено умереть, пусть это хотя бы будет как можно быстрее и безболезненней.

Шансов мало.

Шансов почти нет...

Ну, идите, твари проклятые!

Сложив крылья, подземельный монстр спикировал вниз. В глаза бросились острые костяные наросты на крыльях, способные пробить тело человека насквозь.

— Авада Кедавра!!! — завизжала София.

Своды пещеры озарились губительной для всего живого зеленью. Вспышка отразилась в огромных, выпуклых, как у лемура, глазах. С неприятным хрустом тварь растянулась рядом. Рассматривать её было некогда. София нацелила палочку на следующего противника. После третьей жертвы пещерные твари, кем бы ни были, разлетелись, не желая повторять судьбу своих товарок.

Уверившись, что опасность миновала, София принялась внимательно рассматривать поверженных врагов.

Судя по всему, это были гарпии. Создания высокие, узкоплечие и узкобедрые. Явно самки, судя по наличию молочных желёз. Цвет их кожи в неровном свете палочки представлялся синевато-зеленым. Волос и прочей растительности на теле не наблюдалось. На руках у чудовищ было четыре почти одинаковых по размерам пальца; на ногах пальцевые отростки выглядели длиннее, украшенные острыми когтями. Тела гарпий заканчивались длинным и гибким, гладким хвостом, ударом которого наверняка можно было сломать человеку шею или перебить позвоночник. Острые ушные раковины плотно прижимались к черепу; изо рта выпирали острые, как кинжалы, клыки.

Чем больше София рассматривала этих красоток, тем страшнее ей становилось. Мать честная, как же ей удалось от них отбиться? Ладно, без паники. У неё теперь есть отличный материал для создания будущих союзников на случай нового нападения.

Помянув бабюлю Василису добрым словом, София принялась за работу. Спустя четверть часа три страшилища, обладающие более разрушительной силой, чем прежде, ибо никакая Кедавра была уже не способна их остановить, стояли рядом.

Схватка с гарпиями повысила не только боевой дух и самооценку Софии. Присутствие существ, полностью послушных её воле, создавало иллюзию, что в этом черном бесконечном лабиринте она не одна.

В сопровождении вновь обретённого эскорта София продолжила путь.

Вскоре перед ней выросла пропасть и появилась возможность испробовать гарпий в деле. Те действовали так, словно были частью её самой, послушно подставив сомкнутые в замок руки, оставалось только ухватиться за шею монстров и крепко зажмуриться. Сердце мучительно колотилось где-то в области горла, когда мертвые гарпии аккуратно опустили на землю, перелетев пропасть.

«Я словно Элли. Летучие обезьяны несут меня к злой Бастинде», — с невесёлой усмешкой подумала София.

Слабое свечение, исходящее от стен, делало эту часть пещеры не такой тёмной. С каждым шагом оно разгоралось всё сильнее и ярче. Вскоре София с удивлением узнала это место, она была здесь раньше с Волдемортом: усыпальница тёмных магов. Серебристые травы колыхались, светились руины, заливая пространство недобрым серебристым светом.

София старалась лишний раз не смотреть на своих жутких спутниц, свет их нисколько не красил.

На серебристой поляне дорога, по которой последние часы брела София, заканчивалась. Палочка завертелась на ладони, скатилась и замерла у одного из покосившихся надгробий.

Несколько раз обойдя поляну кругом, она рано или поздно обнаруживала, что стены пещеры смыкаются перед ней, преграждая путь. Сколько ни применяла София поисковое заклинание, палочка в её руке дрожала и, словно собака на поводке, тянула вперёд, пока вновь не приводила к одному и тому же надгробию.

Тогда София попыталась разобрать надпись, но у неё ничего не получилось.

Когда она в третий раз обойдя могильник вновь оказалась у того же надгробия, пришлось смириться с мыслью, что это портал. Оставалось только найти, как его активизировать?

Что только София не делала. Поначалу просто клала руки, надеясь, что надгробие сработает как порт-ключ, но обляпав древний монумент со всех сторон, не достигла никакого результата. Вспомнив, что в прошлый раз портал открывался при помощи крови, София сделала надрез на ладони и прижала к холодному камню. На нём остались кровавые подтёки, никаких других видимых результатов не было. Промучившись, бог весть, сколько времени, юная ведьма додумалась использовать мертвецов. Когда зомби покорно выполняя её приказание, хором прочитали заклинание, выгравированное на монументе, произошла световая, телепортирующая всех, магия.

Софию, и гарпий затянуло в какой-то узкий каменный проход, приблизительно в метр шириной. Через определённые промежутки в странных оплывших канделябрах горели факелы. Огонь выглядел настоящим, хотя быть таким по определению не мог. Коридор убегал в оба конца.

Медленно, ощупывая стены руками, точно слепая, София стала продвигаться вперёд. За ней следовали гарпии — лететь они не могли, размах крыльев превышал ширину коридора, так что они просто топали следом, цокая когтями.

Будучи подростком, София любила играть в компьютерные игры-ужастики. От выброса адреналина иногда ноги ватными делались, кровь в висках шумела, сердце колотилось, как сумасшедшее. Сейчас у неё было такое чувство, что та страшная игра материализовалась, и она преодолевает уровень за уровнем, каждый последующий — сложнее предыдущего.

Миновав несколько переходов, София задохнулась от неприятного, резкого запаха. По переходам прокатился оглушительный рёв.

— Вперёд, — скомандовала она зомби. — Уничтожить всех, кто будет представлять опасность.

Гарпии, выпустив изо рта длинные языки, злобно шипя, направились вглубь перехода.

Навстречу им неслись огромный бык. Нет, не бык, минотавр.

Словами сие не описать, а видеть такое София никому бы не пожелала. Спина и холка существа явно принадлежали быку, бедра и плечи являли смесь звериного и человеческого, а вот ступни и кисти могли принадлежать гигантскому, но человеку. Огромную голову венчали острые, изогнутые вперёд, рога.

Разъярённо ударив себя несколько раз хвостом по бокам, раздувая ноздри, минотавр рванулся вперёд. Три гарпии окружив его, преградили дорогу. Хрустели крылья, ломались кости, но в мертвых телах не осталось нервов, способных послать сигнал боли в мозг, да и мозга-то как такового, не было.

София, решив не терять времени даром, стремилась обогнуть минотавра прежде, чем тот расправится со своими противницами.

Уже во время бега в голову пришла здравая мысль, что Кедавру-то ещё никто не отменял? Мертвым гарпиям уже не повредит, а минотавру поможет успокоиться во веки

веков...

***

Спустя час в компанию трех гарпий и ведьмы влился сутулый и мощный человекобык, утративший былую агрессивность, теперь куда больше напоминающий обыкновенного телка.

Софии уже начинало казаться, что ничего иного в её жизни не было, только нескончаемое блуждание по бесконечным тоннелям треклятого подземелья.

Поначалу её ещё кое-как согревала и тешила возможная мысль о мести. Держись, Паркинсон, змеюка недоделанная! Когда она выберется отсюда, ты вообще пожалеешь, что на свет родилась! Что встретила Драко Малфоя! Да и вообще, по жизни шла мелкой подлой поганкой. Любимая племянница даст дядюшке Волдеморту повод похвалить её за виртуозно исполненное Круцио.

Только бы выбраться! Только бы отыскать дорогу!

София в изнеможении опустилась на пол. Усталость свинцом навалилась, пронизывая и душу, и тело. Привалившись спиной к стене, вытянув гудящие ноги, она смотрела прямо перед собой широко открытыми глаза. Ей начала мерещиться музыка и странные перезвоны.

Во многих народах мира верят, что звон отгоняет нечистых духов...

Тянуло в сон.

Вскоре к легким перезвонам добавились мелодичные женские голоса. Приглушенные смешки, далекие отголоски пения; они словно при плохой трансляции то затихали, то вновь звучали отчетливее.

Сопротивляться наваливающейся неге совсем не хотелось.

Вокруг за клубился загадочный туман, рисуя красивые узоры. Как языки пламени, только мягкие, не обжигающие.

Гарпии, мертвец и минотавр застыли, будто восковые статуи.

Тонкие светлые женские силуэты сплетались прямо из воздуха, бесплотные, в простых рубахах, из-под подола которых выступали изящные красивые ступни с тонкими прозрачными ноготками.

Шаг. Тихий отдалённый музыкальный приглушенный звон.

Шаг. И звон повторяется. На устах бледных дев играет ласковая, влекущая улыбка. Руки взлетают высоко над головой, как у балерины, приготовившейся к пируэту.

Поворот. И в воздухе снова разливается что-то неуловимое, похожее на музыку.

Танцовщицы кружились, как снег за окном в те редкие зимние моменты, которые навсегда остаются с нами, как сказка или мечта. Танцевали невесомо и плавно. Волосы плыли за ними, точно у утопленниц. Танец сопровождался мелодичным ритмичным треньканьем невидимых колокольчиков.

Одна из девушек протянула к Софии руки, в хищной улыбке приоткрывая мелкие, как у ребёнка, жемчужные зубки.

— Иди к нам, сестра...

— К нам!.. К нам!.. К нам! — вторили её подруги.

— Отдай свою боль. Она никогда не потревожит. В нашем мире нет печали. Ты никогда её не узнаешь.

— Не узнаешь... — вторили, кивая, девушки. — Никогда!

— К нам... к нам... к нам...

Память рисовала одну картину за другой. Вот София стоит, объятая пламенем. Вот Василиса, оскалившись, набрасывается на Долохова.

Драко с искажённым ненавистью лицом.

Одиночество и страх.

Пытки.

Дом посреди океана, принадлежащий призракам.

Вскрытые вены Паркинсон.

Смерть Дамблдора.

— Воспоминаний не будет!

— Больше не будет, — страстно вторили танцующие сёстры.

— Ты станешь танцевать с нами. Ни мира, ни боли больше не будет.

София потянулась к успокаивающему, умиротворяющему холоду.

— Идем с нами...Идём! К нам...к нам... к нам!

Девушки кружились совсем близко. Они больше не улыбались. Их лица были спокойными и отрешёнными.

По каменным плитам шуршала ледяная поземка, непонятно каким образом и откуда взявшаяся.

— София — нет! — услышала она неведомо откуда взявшийся голос матери.

Пелена, сковывающее сознание, спала.

Она попятилась под жадными, разъярёнными взглядами девиц, в чьих ликах явственно проступали птичьи черты. Нос и подбородок у красавиц заострились, руки раскинулись, превращаясь в белые крылья.

Через мгновение вся стая сорвалась с места и растворилась белым туманом.

Неприятный тонкий свист пронёсся по тоннелям. В следующий момент плиты вздулись и взорвались тысячами насекомых. Жуки в мгновения ока заполнили собой пол, дружным воинством двинувшись на Софию и её эскорт.

Пришлось припустить бегом, что было сил, хаотично сворачивая из одного перехода в другой.

София быстро потеряла счёт времени и поворотам.

Только удостоверившись, что опасность миновала и её никто не преследует, она остановилась, жадно хватая ртом воздух. Хотелось плакать.

Не выбраться. Черт возьми, хоть бы метка на руке у неё была! Что там говорила некогда Василиса? Имя Волдеморта позволяет найти того, кто его произносит?

— Волдеморт!!! — закричала София. — Волдеморт-Волдеморт-Волдеморт-Волдеморт!!!

Несколько раз откликнулось насмешливое эхо и всё стихло.

Голос словно увяз в толщине камня.

Гарпии и минотавр если и не были уничтожены скарабеями-жуками, то где-то потерялись.

Ни мертвых, ни живых.

Одна!

В том, что случилось с ней, была чудовищная несправедливость. Почему так?! Она же не сделала ничего плохого? Да, она убили несчастную преподавательницу маггловедения, но ведь сделала это из милосердия!

«Как с тем кроликом?» — хмыкнул внутренний голос. — А те мертвецы, которых ты привела с собой в Министерство? Это тоже было милосердие? Признайся, ты успела стать достойной племянницей своему дядюшке».

— Нет!!!

«Действительно — нет? Хотя, каким бы не был Волдеморт, его не назовешь колеблющимся трусом, правда? Ты куда большеходишь на Малфоев. Думаешь только о себе».

— А о ком?! — закричала София в полный голос. — О ком мне думать!?

Когда прокатившееся по сводам пещер эхо вернулось к ней, София поняла, что спорит сама с собой.

Нет! Не дождутся! Она не умрёт, не сойдёт с ума. Она выберется отсюда. Должна выбраться. Не для того, чтобы отомстить Паркинсон — пусть та подавится собственным ядом. Не во имя ненависти или мести — она просто выживет, и всё!

Станный угрожающий гул заставил землю вибрировать. Он все усиливался, нарастал, пока ледяной беспощадный водоворот не захлестнул и не поволок за собой, увлекая в неизвестном направлении.

Поток, он как рок. Сопротивляться ему бесполезно. Но нужно держаться, пока сможешь. Бороться до последнего, потому что хуже смерти в жизни ничего не бывает и каждая секунда, каждое мгновение, даже половинка его имеет смысл. И стоит любой борьбы.

София боролась. Не обращая внимания на то, что её ударяло и тащило по камням столько раз, что она уже не чувствовала вспышек боли в теле. Горло заливало водой. И каждая новая волна, накрывающая с головой, казалась последней.

София боролась.

Чисто интуитивно уцепившись за выступ, она удержалась, прижимаясь к скале. Ноги сводило судорогой. Сбитые пальцы кровоточили и саднили. Дрожа, она твердила себе, что подниматься у неё нет сил, что это бессмысленно, что проще разжать руки и сдаться.

А руки уже подтягивали тело на следующий выступ. Ещё на одну трещинку. Ещё на один сантиметр.

Ещё и ещё. И ещё, будь проклято всё!

Нет страха. Нет даже настоящего желания выжить. Адреналин, кажется, давно кончился в её организме. Осталось только тупое упрямство.

Вперёд. Ещё чуть-чуть. Свалиться вниз всегда успеется.

Нет сил.

Ещё чуть-чуть...

Нет сил.

Лицо Драко. Его улыбка. Взгляд, брошенный искоса. Привычка зарываться в светлые волосы всей пятернёй, не аристократично ероша волосы. Вытягивающие в тонкую линию нежные губы, стоило ему разозлиться хоть самую капельку. Агрессивная манера вести себя и холодный взгляд.

Через силу ещё немного верх. Не смотреть вниз. Благо сейчас тьма её союзница, она скрывает от глаз, насколько всё плохо.

София, видимо, начинала бредить, потому что так отчетливо увидела Драко, словно воочию видела его перед собой. Он стоял на одном из зелёных ярких холмов, ветер трепал светлые волосы, обдувая лицо. Кристально-белая рубашка вздувалась вокруг тела пузырям.

— Драко...

Потянувшись в последний раз, София перевалилась на землю, выбираясь из пропасти.

Руки и ноги крутило. В ушах звенело.

— Драко... — сипела она.

Почему так больно дышать?

София моргнула несколько раз, проверяя, не мерещится ли ей? Дверь. Обыкновенная. Обитая металлом.

Дверь!?

Кинувшись, девушка из всех сил замолотила по ней руками и ногами, игнорируя вспышки боли.

— Выпустите меня! Выпустите меня отсюда! Выпустите!!!

Когда дверь со скрипом отварилаь, она упала на руки Люциуса Малфоя.

— Астория? Мерлин! Что вы здесь делаете?!

Повиснув на шее у хозяина Малфой-менора, София одновременно и плакала, и смеялась. С ней случилась настоящая истерика.

— Мисс Гринграсс? — следом за скользким другом в дверной проём шагнул профессор Снейп. — Мы полагали, что, узнав последние известия, вы сбежали.

София их не слушала. Она выжила, она выбралась!

— Мерлин, Северус! Ты только посмотри, в каком она состоянии? Ей немедленно нужна помощь.

София не возражала, когда ей подняли на руки. Теперь с ней будет всё хорошо. Самое страшное позади.

12. Самое страшное

София то теряла сознание, то вновь приходила в себя. Она нечётко воспринимала анфиладу погруженных во мрак коридоров и переходов, похожих на темницу. В памяти остался резковатый запах, исходящий от мантии Люциуса — не одеколон, скорее какие-то травы или химические ингредиенты. Источник света находился за спиной лорда Малфоя видимо, профессор Снейп следовал за ними с палочкой и пресловутым Люмосом.

Потом наступил очередной провал.

Когда София вновь открыла глаза, оказалось, что она лежит на столе. Рядом, в прозрачных колбах пузырились жидкие составы, но огня, поддерживающего температуру, не было видно.

Сосредоточенное лицо профессора Снейпа выступало из мрака, покрытое испариной:

— Было сломано два ребра, — констатировал он, вытирая руки о белоснежную салфетку. — Теперь, когда я это поправил, остались лишь переохлаждение, переутомление и общий упадок сил. Для жизни это не опасно.

— Мерлин, Северус! — голос Люциуса звенел от раздражения. — Как она могла там оказаться?! Не представляю, чтобы сделал бы Лорд с моей семьёй, если бы выяснил, что его драгоценная грязнокровка...

— Осторожней, — предупредил Снейп.

— ...если бы девушка погибла, — понизив голос, поправился Малфой-старший. — Мы и так кругом в немилости. Если бы не Белла, нас, скорее всего, пустили бы на корм Нагини следом за Чарити... О! Вы пришли в себя, мисс Мракс? Как вы себя чувствуете? — совсем другим тоном заговорил Люциус.

Осунувшееся лицо Снейпа казалось строже, чем обычно:

— Вас не было трое суток, мисс. Мы все подумали, что вы сбежали.

— Я говорил вам, что она не могла покинуть территорию Малфой-мэнора без моего ведома! — возразил Люциус.

— Как вас угораздило попасть в Подземелья? — профессор Снейп протянул Софии стакан, заполненный неприятно пахнущей жидкостью. — Пейте! Это придаст вам сил.

Не успела София выпить предложенное ей зелье, как дверь резко распахнулась и шурша длинными юбками влетела Белла. За ней попятам следовал Драко.

— Мне доложили, что она чуть не сгинула в ваших фамильных катакомбах, Люциус! Как такое могло случиться?

Почти визгливые нотки, звучащие в её голосе, заставили Малфоев поморщиться.

Снейп сохранил бесстрастную мину:

— Мы как раз собирались это выяснить.

Белла поспешила отвести от Софии взгляд, устремив его на Снейпа:

— Она знает?..

— Знаю — что? — попыталась сесть София.

Белла, не слушая, продолжала:

— Господина оповестили о том, что Астория нашлась. Он скоро будет здесь. Так что позаботьтесь о том, чтобы она была в состоянии поддерживать беседу.

София заметила, как Люциус с сыном обменялись быстрыми многозначительными

взглядами. После чего Драко подошел к Софии и помог ей аппорировать в её комнату.

— Мы же договорились, что ты дождешься меня, — укоризненно вздохнул Малфой. — Почему ты ушла?

— Не догадываешься, кто поспособствовал этому? — свистящим шепотом осведомилась София.

— Кто?

Как и Белла, Драко предпочитал не смотреть Софии в глаза.

— Твоя Паркинсон. Она хотела убить меня.

Драко остался к новости на удивление равнодушным. Как будто она не стоила особого внимания.

— Я никогда не был о Панси хорошего мнения, — только и сказал он.

— И это всё, что ты скажешь? — охнула возмущенная София.

Драко облизал сухие губы, по-прежнему предпочитая глядеть в пол:

— Мы вернёмся к этому разговору чуть позже, — сказал он, рисуя круги большим пальцем правой руки на ладони левой. — К разговору о Панси — я имею ввиду. Сейчас я... у меня для тебя есть одна... — он замолчал, судорожно глотнув. — Я должен тебе сказать. Уж лучше я, чем кто-нибудь другой.

Он что, пьян? За все время их знакомства София не могла припомнить случая, когда бы Драко запинаясь, подбирая слова.

— Прости.

— За что?

Дыхание Софии невольно учащалось.

— За то, что я сейчас скажу.

София заметила, как несколько раз дернулся кадык у него на шее.

— Мы думали, что ты узнала и потому сбежала...

— О, Господи! Узнала — что?!

— Когда мы расстались с тобой, ты помнишь, меня вызвал Тёмный Лорд. Он сообщил, что... — Драко вытер пот со лба. — Твои родители мертвы.

София в ужасе смотрела на Малфоя:

— Мертвы? — почти беззвучно повторила она. — Как — мертвы?!

Она в немом ужасе смотрела на вестника постигшего её несчастья.

— Нет! — коротко, судорожно всхлипнула София, помотав головой. — Нет!

Страшно. Настолько страшно, что не воспринимается.

Есть то, во что по-настоящему не веришь. Что не поддается разуму. Мертвы? Её родители? Тут какая-то ошибка! Так не может быть. Так не бывает.

Почему-то перед глазами встал образ оленя с застрявшей в теле стрелой. Олень ломится через кусты широкими прыжками, уходя от охотничьей своры. И не понимает, дурашка, что даже если удастся удрать, от смерти всё равно не уйти.

Отвернувшись от Драко София спрятала лицо в ладонях, сгорбившись, сжалась в комок. Замерла, как цыпленок перед коршуном.

Если не шевельнуться, может быть, хищная тень пройдет мимо?

— София?

Она почувствовала, как юноша обнимает её со спины, прижимая к себе:

— Держись, пожалуйста. Не ломайся. Ты нужна мне.

Но ни его горячий шепот, ни дыхание, ни прикосновение горячих рук не способны были

согреть её сейчас.

— Это Грейбек? — неужели этот злой, каркающий, ломкий голос, принадлежит ей? — Скажи мне правду: это он? Он убил моих родителей?

— Я не знаю.

— Драко!

Тень усталости омрачила его лицо:

— Я не знаю. Я...я не уверен. Я был там... там, где вы живёте. Меня заставили тебя ждать. Сама-Знаешь-Кто считал, что рано или поздно ты появишься. Я видел их. Травмы, повлекшие смерть, очень похожи на естественные. Но, если честно, это мог быть и Грейбэк. Он отлично замечает следы. И это не в первый раз.

София, оглушенная, опустилась на кровать, зажимая руки коленями и устремляя взгляд в одну точку.

Её мать...

Её отец...

Её жизнь...

Кап. Кап. Кап. Тёмная, солёная вода.

Она на дне. На самом дне.

Всё разлетелось вдребезги, на маленькие кусочки.

В глубине сердца весь страшный год жила маленькая надежда: пройдя тысячи дорог и опасностей, вывернув душу наизнанку, она вернётся домой к своим, увидит их. В мире магглов всё останется по-прежнему, не будет отголосков проклятых магических войн. Родители никогда не узнают, в каком кошмаре жила их единственная дочь. Для них Темный Лорд Волдеморт останется пугалом из детской иностранной сказочки.

Кап. Кап. Кап.

По капельке стекают черные воды зла...

Кап. Кап. Кап. Она больше не увидит их никогда...

Такого не может быть.

Никогда? Это так долго! Всю жизнь прожить без любимых глаз? Не слышать родного голоса? Не ощутить тепла дорогой руки?

Теперь облака между нами

С тобой не поговорить.

Ты знаешь, как больно, мама

Одной по земле бродить?

Как холодно и одиноко?

Как страшно решать одной?

А мне бы лишь на мгновение

Услышать бы голос твой...

Что-то огромное, несоразмерно огромное поднималось и падало, падало камнем. Цунами, сметающим все на пути. Делая равно ненужным прошлое и будущее. Черное настолько, что в такой тьме свет не живёт.

Уж лучше бы ей не выбираться из Подземелья!

Мама! Мамочка! Не уходи! Не оставляй меня в мире одну! Мама...

«Ты хотела жить? — вопрошал внутренний голос, захлебываясь безумным хохотом. Ну так живи!».

— Вот оно... — София не осознавала, что говорит вслух. — Самое страшное. Онс

приходит тогда, когда думаешь, что всё осталось позади...

Из тела словно вырвали позвоночник. Сердце раздувалось от хлынувшей в него крови.

— Ненавижу! Ненавижу вас! Всех! Сатанинское отродье, будьте вы все прокляты!!!

— Тише!

Драко попытался зажать ей рот ладонью, но София вырвалась.

— Боишься, что Волдеморт убьет меня? Плевать! Мне не дорога моя жизнь! Да нет! Что я говорю? Ты же не способен бояться за кого-то другого — ты боишься только за себя! У тебя насчет меня очередное поручение? Не об этом ли вы условились с твоим папочкой?!

— София, успокойся...

— София? Ну, надо же? Ты, никак, имя моё запомнил?! А где твоё знаменито-шипящее «Гринграсс»?

— Пусть будет Гринграсс, если тебе так хочется. Я понимаю...

— Понимаешь?! Понимаешь?! — исступленно засмеялась София. — Да ни хрена ты не понимаешь!

— Не кричи, пожалуйста. Он и без того очень зол. Ты не представляешь, в какой он был ярости...

— Я не боюсь Волдеморта!

— Ты никогда не попадала ему под горячую руку, поэтому просто не знаешь, о чем говоришь. Его стоит бояться. Уж поверь мне.

Руки Драко, такие же ледяные, как у неё, удерживали, не давая бежать. София продолжала вырываться, сама не до конца понимая, зачем.

— Мне не за что держаться. Мне нечем дышать. У меня ничего нет! Ни-че-го! — молотила она его кулачками. — Ни семьи. Ни Родины. Ни будущего. Ни друзей. Зачем мне жить? Я совсем одна!..

— Ты не одна, — страстно возразил Драко, до боли сжимая в объятиях. — Я с тобой. Я всегда был и буду рядом. Нерушимая Клятва тому причина или нет, но мы связаны накрепко, неразрывно. За последние дни я понял: мне не нужен мир, в котором тебя нет. Я не стану говорить тебе: «Люблю». Все эти признания, как маггловская елочная дешёвая мишура. Но ты нужна мне. И я хочу, чтобы ты это знала.

На его ладони сверкнуло серебряное кольцо, изображающее спящего дракона, пожирающего свой хвост.

— Что это? — моргнула София.

— Обручальное кольцо.

— Драко, прошу тебя, не сейчас...

— Именно сейчас.

— Драко...

— Это кольцо Малфои из века в век надевали на палец своим избранницам. Семейная магия рода станет беречь тебя, и ты будешь знать, что не одна, что у тебя есть семья. Дай руку, — попросил он. — Нет, не эту. В Англии обручальные кольца носят на левой.

«А в России — на правой» — с тоской подумала София.

Безымянный палец левой руки украсило массивное старинное украшение. Глаза ювелирного дракона горели зелёными яркими вкраплениями изумрудов, подсвеченными магией.

Драко ласково погладил девушку по волосам.

— Их успели похоронить? — София старалась удержать слезы, но они лились.

Лились мягким бальзамом.

— Отец и Долохов отдали последние почести той, в ком, несмотря на отсутствие магии, текла кровь гордого Слизерина. Мы похоронили её по вашим обычаям.

— Я так скучала по ним. Но даже на похороны не попала.

Драко молчал.

Какими словами можно унять боль человека, потерявшего самое дорогое?

Драко резко, со свистом втянул в себя воздух:

София окинула его недоумевающим взглядом.

— Мерлин! — схватился молодой человек за руку, шипя от боли. — Темный Лорд! Он вызывает нас к себе.

***

Волдеморт задумчиво смотрел в окно, заложив руки за спину. Рядом, словно верная собака, сторожила Белла, темная, невысокая и тонкая, как тростинка, но производящая впечатление чего-то грозного и внушительного.

У камина замерла Нарцисса.

При появлении молодых людей Волдеморт обернулся:

— Рад узнать, что ты не делала попытки предать меня, — обратился он к Софии.

София только представить могла, каким страшным был бы гнев этого чудовища. Даже теперь, выяснив, что София не виновна, он продолжал сердиться.

— Мои родители, — подала голос она, — они погибли в автокатастрофе?

Алые глаза сузились:

— Как всегда не доверяешь мне, дорогая племянница? Я соболезную твоему горю и сожалею о происшедшем, но уверен, что случившееся — лишь несчастный случай. Грейбэк выполнял моё поручение совсем в другом месте, он не невиновен. Однако, если ты так хочешь, я готов отдать тебе моего волка. Делай с ним, что пожелаешь.

— Как вы можете так поступать с ним, если уверены в его невиновности?

Волдеморт ухмыльнулся своей дьявольской улыбкой:

— Всегда приходится жертвовать кем-то ради кого-то. Из вас двоих ты мне нужнее.

Софию передёрнуло от отвращения.

13. Статус крови

Июль самый знойный месяц в России. В Москве стояла удушающая жара. Не спасали ни маггловские кондиционеры, ни Малфоевские охлаждающие чары.

София пила уже третью чашку холодного зелёного чая с мятой, пролистывая журналы и газеты из обоих миров, обливалась горячим, липким потом. Солнце казалось надоедливym злобным монстром. С некоторым удивлением она воззрилась на фотографию Гарри Поттера, расположившуюся на первой полосе «Пророка». Магические изображения представляли собой нечто среднее между кинорепортажем и фотографией, сам снимок неподвижный, а фигуры на нём, как живые.

Согласно статье, в смерти директора Хогwartса, Альбуса Дамблдора, обвинялся Гарри. Автором опуса была Рита Скиттер:

«Многие стали свидетелями того, как Мальчик-Который-Выжил, почти в невменяемом состоянии преследовал профессора Снейпа, декана факультета Слизерин, правую руку величайшего человека нашего времени. Самая популярная личность в Магической Великобритании, которую одни превозносят до небес как истребителя Темной Магии, другие, наоборот, видят в нём достойного приемника Сами-Знаете-Кого, случалось, и прежде выказывал признаки психической неуравновешенности.

Но что **такого** могло случиться между директором Хогwartса и Легендарным Мальчиком? **Что** могло спровоцировать Поттера на убийство? — задаюсь вопросом я. Как, не сомневаюсь, и многие другие.

Если вспомнить нездоровую страсть, которую Альбус выказывал красивым молодым людям, если вспомнить привязанность, несомненно, существующую между этими двумя волшебниками, то можно предположить, что либо Поттер неадекватно отреагировал на приставания любимого профессора, либо имела место банальная ревность?

Помните, как неистово Гарри пытался уничтожить профессора Снейпа?».

— Неужели кто-то может купиться на подобный бред?

София с отвращением перевернула страницу.

— Купятся. Или сделают вид, — пожал плечами Драко. — Кому нужна правда? Для большинства сейчас самое главное это сохранить шкуру с целости и сохранности.

— Но разве обязательно поливать для этого грязью других?

Губы Драко скривились в издевательской, саркастической ухмылке:

— Грязью? Ты называешь Великую Всепобеждающую, Всепоглощающую Страсть между Поттером и Дамблдором — грязью? Я уже не говорю о почти что браке между Дамблдором и Снейпом?

— Перестань, пожалуйста.

— Вот не слышат тебя сейчас ваши маггловские слэшеры и феминистки. Они бы тебе лучше меня объяснили, что не так важно, кто с кем сношается и каким образом — свинья с соловьем, слон с бегемотом или роза с этим, — как его? — туалетным ёршиком. Главное, чтобы любовь при это была настоящая!

— Кончай юродствовать, — отмахнулась София.

— Кончать — чего?..

— Неважно. Закрыли тему.

«Регистрацию магглорождённых необходимо провести в ближайшие сроки, — гласила статья на второй полосе. — Серией опытов, проведенных лучшими волшебниками Великобритании, доказано, что магические способности могут передаваться только из поколения в поколение. То есть, только при рождении ребёнка в семье волшебников. Маглорождённый является чем-то вроде мутанта, и ещё неизвестно, каким образом может проявить себя его необоснованный дар»....

София в задумчивости водила пальцем по скатерти, повторяя незамысловатый узор:

— Теперь Министерство будет преследовать всех магглорожденных?

— За исключением тебя, — кивнул Драко.

— Но это же нелепо! Какой смысл уничтожать волшебников?

— Темному Лорду нужны сторонники, а сторонники придерживаются идеи чистоты крови. Вот тебе и весь смысл. Жаль немного сучку Грейнджер. Мы всё-таки вместе выросли. Шансы выжить у неё минимальные. Скабиор с особенным рвением притащит голову заучки к ногам твоего дядюшки.

Драко снова спрятал лицо за своим экземпляром «Пророка».

София уставилась на страницу с «Пророческой» рекламой:

«Эксклюзивная выдержка

Биографии Альбуса Дамблдора

Автор: Рита Скиттер

Гордая и надменная Кендра Дамблдор после ареста своего мужа и заключения его в Азкабан решила порвать с магическим миром все связи и переселилась в Годрикову Лощину, деревню, получившую позднее недобрую славу из-за странных событий связанных с печально знаменитым Гарри Поттером и Сами-Знаете-Кем.

В деревне проживали многие представители магических семейств, но Кендра категорически отказалась поддерживать связи с кем бы то ни было.

— Захлопнула дверь перед моим носом, когда я поприветствовала её парочкой домашних тортов, приготовленных специально для такого случая, — рассказывала Батильда Багшот, — В первый год их пребывания я видела только двух мальчиков. Я и не знала бы о том, что у Дамблдоров есть дочь, если бы не собирала Заунывки при лунном свете той зимой, когда они приехали. Я тогда подсмотрела, что миссис Дамблдор провела маленькую девочку вокруг лужайки.

Согласно свидетельствам Батильды Багшот, Кендра Дамблдор решила скрыть существование своей дочери Арианы. И действительно, в ту пору девочке исполнилось всего семь лет — время проявления магических способностей. Мне кажется вполне очевидным, что Кендра пыталась скрыть от магов свою дочь-сквиба?».

Над статьёй была размещена фотография. Вся семья Дамблдоров.

София всегда полагала, что директор Хогвартса, пока не покрылся сединой, был блондином. Но на снимке все Дамблдоры оказались темноволосы. Кендра выглядела редкостной красавицей: высокие скулы, прямой нос, чеканные черты лица и темные глаза.

Бросалось в глаза сходство между матерью и отцом Дамблдора. Невольно вспомнилась насмешка Волдеморта, выдвигающего гипотезу о том, будто родители Дамблдора состояли весьма в близком родстве.

Перевернув страницу, София наткнулась на изображение профессора Снейпа:

«Северус Снейп утверждён в должности главы Хогвартса, — гласил заголовок. — Мистер Снейп, давно занимающий должность преподавателя зельеварения и алхимии в

Школе Чародейств, был назначен её главой.

Произошли многочисленные кадровые изменения в составе школы. Вследствие отставки предыдущего преподавателя маггловедения, — София поежилась, — должность займёт Алекта Кэрроу. Её брат, Амикус Кэрроу, возьмёт на себя труд преподавателя Защиты от Темный Искусств».

— Кто такие эти Кэрроу?

— Не помнишь их? Они были на Башне, когда погиб Дамблдор.

— Видимо, те ещё храбрецы, раз так и не решились снять маски? — презрительно сощурилась София. — Волдеморт мог бы расщедриться и послать кого-нибудь получше.

— Стоящие люди нужны ему в близком окружении. Он и так пожертвовал Снейпом.

София фыркнула, разглядывая изображение нового директора:

— Он чем-то напоминаем Ричарда Глостерского... Узурпатор!

Драко хмыкнул в ответ:

— Представляю, какого придётся Мак-Кошке! Дорого бы я дал, чтобы посмотреть на выражение её физиономии, когда известие достигнет её высокомерно задранного носа.

— Скорее всего, она подаст в отставку.

— Уверен, о такой возможности она даже не задумается. Азкабан в её возрасте очень вреден. Думаю, ей без особого труда удастся убедить саму себя в том, что она остается на посту исключительно ради благополучия учеников.

София смолчала.

— В Министерстве тоже большие передвижки, — прокомментировал Драко следующую статью. — Амбридж в люди выбивается. Да ты ведь её не знаешь? Отвратительная особа.

— Читала про неё.

— В этой вашей маггловской книжке? Удивительно, как такое может быть?

— Ты это о чём?

— Наверное, это твоя Роулинг нечто вроде медиума.

— Она не моя.

— Жалко, что книги она пишет параллельно с тем, что происходит на самом деле. Если бы ещё и с некоторым опережением... Хорошее всё-таки дело — знание будущего. Ты куда?

— Пойду приму душ.

Драко смерил её внимательным взглядом и спрятался за газетой. София была ему за это благодарна.

Периоды, когда она почти успокаивалась, сменялись острой тоской. Слезы против воли катились из глаз. Тогда девушка уединялась в ванной и позволяла себе всласть предаться печали. Драко не делал попыток её успокоить; не приставал с ненужными утешения. Он просто был рядом. С легкими необременительными разговорами о том, о сем, с горячим кофе или холодным мятным чаем наготове.

Дни, словно листья, переворачивались, уносимые ветром перемен. И София потихоньку привыкала к мысли, что отныне она — сирота. Боль утраты не стихала, она просто училась с ней дышать, есть, пить, ложиться спать, смотреть телевизор. С каждым днём получалось всё лучше и лучше, выбора-то всё равно не было.

Она открыла кран и вытянулась в ванной, смежая веки. Перед глазами тут же поплыли два холмика свежей, пахнувшей как-то по-особенному, земли.

Драко не преувеличил — Дорохов и Люциус действительно постарались на славу. Всё было по высшему разряду: памятник, ограда, венки, живые цветы, лица родителей, выбитые

на черном граните, красивые и молодые, горящая свеча между двумя профилями, вечно обращенными друг к другу.

У Софии не получалось думать, что там, под всеми этими холмами, цветами, венками, лежат останки двух дорогих людей. Пустая шелуха, которую её Темный Дар может поднять и заставить двигаться. Пустая шелуха, в которую превращается тело с момента остановки процессов, протекающих в мозге. Тело есть, а человека — нет. Нигде. Ни в небесах. Ни в воздухе. Ни в фоторамках. Только страшная пустота.

Настоящее волшебство — это жизнь. Магия создать её не способна.

***

— Сонька?! — окликнул её похудевший, непохожий на себя прежнего, Влад.

Парень спешил к ней, пробираясь между могилами:

— Ты?! В самом деле — ты? А я-то всё гадал, куда ж ты делась? — он покосился на памятник её родителям. — Соболезную. Даже не знаю, что и сказать.

— Не говори ничего.

— Они в тот день поехали к какой-то вашей родственнице. Да ты, наверняка, знаешь лучше меня?

София кивнула, сжимая губы.

Василиса.

Чёрт! Шансы на то, что это действительно был несчастный случай, становились всё призрачнее.

— Машина перевернулась, потом взорвалась. Что-то не так там было с бензобаком. — Влад замолчал, не сводя с побледневшей Софии взволнованного взгляда. — Почему тебя не было на похоронах?

— Я приехала сразу, как только узнала.

Ветер играл высокой травой между оградками, развивал ленточки на венках. Небо выглядело высоким, на яркой ослепительной глазури не плыло ни облачка. Звонкоголосая птичья перекличка звучала вполне жизнеутверждающе.

— Ты изменилась, — выдохнул Влад. — Стала такой...англичанкой.

***

— Ты там долго плескаться намерена? — раздался за дверью голос Драко, вырывая Софию из мира воспоминаний. — У нас гости. Тебе письмо.

Стоило Софии выбраться из ванной Малфой протянул ей свиток.

— Что это?

— Прочти и узнаешь.

София пробежалась глазами по строчкам:

«Астории Гринграсс из Магического Департамента Министерства Магии от Главы регистрационной комиссии маглорожденных младшего замминистра Долорес Амбридж

Уведомление

Настоящим письмом уведомляем Вас о необходимости явиться в Департамент в комиссию по делам магглорожденных для рассмотрения вашего Статуса Крови.

При себе иметь обязательно:

1. Палочку

2. Свидетельство о рождении (магическое или маггло-подданическое).

София поморщилась от последней формулировки.

Явка строго обязательна.

В случае, если Вы проигнорируете данное уведомление, Министерство оставляет за собой право действовать по собственному усмотрению

Долорес Амбридж».

— Н-да, — выдохнула София. — Могу предоставить им только «маггло-подническое» свидетельство, да вдобавок ещё и иностранное. И что теперь будет? Меня скормят Сивому?

— Сомневаюсь, чтобы последний отважился тебя съесть. Но какова розовая кошатница? Преступила к делу всерьёз и с рвением. Ещё немного и самому Темному Лорду предложат подтвердить Статус Крови.

— Мне-то как быть?

— Не переживай. Над Амбридж главенствует Якли, так что, сама понимаешь...

***

Не прошло и двух дней как София с Драко стояли на узкой аллее, зажатые со всех сторон мусорными контейнерами.

— Ты уверен, что вход в Министерство находится здесь? — с сомнением протянула София, оглядываясь.

— Уверен.

Она поморщилась.

Драко направил палочку на пожарную дверь, украшенную граффити:

— Аллохомора!

Дверь с грохотом распахнулась.

Тёмный коридор вывел в театр. Миновав ряд пустых кресел, они вышли в большое помещение, заполненное людьми, перекрытое заграждением с двумя лестницами по сторонам, на одной из которых было написано «Мужчины», а на другой «Женщины».

— Тебе туда, — кивнул Драко.

София спустилась в комнату, выложенную черно-белой плиткой и выглядевшую как публичный туалет. Женщина перед ней вошла в одну из кабинок, София шагнула в соседнюю.

Потоптавшись на месте, она никак не могла сообразить, что же ей делать дальше?

Со всех сторон слышались звуки работающего слива. Присев и заглянув в соседнюю кабинку, София не без изумления могла наблюдать, как волшебница с ногами забирается на унитаз. Чувствуя себя совершенной идиоткой, пришлось, в свой черед, поступить так же: протянуть руку и потянуть за длинную металлическую цепочку. В следующую секунду её уже несло по длинной трубе, пока не выбросило из камина в Министерстве Магии.

Поднявшись, София отряхнулась, с любопытством оглядываясь по сторонам. В тот единственный раз, когда ей удалось побывать здесь, было не до того, чтобы внимательно рассматривать детали.

На месте прежнего фонтана находился гигантский монумент из черного камня. Скульптуры колдуна и ведьмы, сидящие на резных тронах, попирали тела мертвых, по всей видимости, изображающих магглов. У основания статуй буквами высотой в руку было выгравировано: «Магия всесильна».

София смутно припоминала, как велела поднятым ею мертвецам упокоиться, как они ложились, образуя нагромождение тел, и костенели, превращаясь в этот жуткий памятник. Она помотала головой, стараясь отогнать от себя кошмар.

— Астория?

Она с облегчением увидела Драко, машущего ей рукой.

Они влились в поток ведьм и колдунов,двигающихся в сторону золотых ворот атриума.

— Астория? Драко?

Широкими шагами пересекая зал к ним приближался Яксли. Его мантия, расшитая золотом, струилась за ним в лучшей Снейповской манере. София заметила, как большинство людей при приближении Яксли замолкали и опускали глаза.

Пожав Драко руку, он доброжелательно улыбнулся Софии:

— Зачем пришли?

Она протянула УПСу полученное на прошлой неделе уведомление. Скользнув по нему взглядом, Яксли пожал плечами:

— Недоразумение. Мы сейчас быстро его уладим. Амбридж тем и ценна, что никогда не превышает данных ей полномочий.

Золотая решётка очередной раз с визгом поднялась. Яксли окликнул сухонького немолодого человека:

— Каттермол! Я посылаю требование, чтобы кто-нибудь из Магического Обслуживания пришёл и навёл порядок в моем кабинете! В нём все ещё идёт дождь.

Стоящий рядом с Каттермолем маг во все глаза уставился на Софию. Девушке показалось что-то смутно знакомое в выражение его лица, хотя она была уверена, что никогда прежде с ним не встречалась.

Мистер Каттермол таращился по сторонам, словно надеясь, что обращаются не к нему. Наконец, набрав в рот побольше воздуха, он зачем-то крикнул на весь коридор:

— Дождь?! В вашем кабинете?! — и закончил еле слышным сдавленным шепотом. — Это...это плохо, наверное?

Уцепив тощего мага за фалды мантии, Яксли рывком подтянул того к себе:

— Ты думаешь это смешно, Каттермол?!

Вокруг них как-то сразу образовывалось пустое пространство. Люди старались огибать их компанию по большой дуге.

— Знаешь, что я тебе скажу, кретин? Если бы моя жена сейчас обвинялась в нечистоте крови, — произнёс Яксли, — хотя я, конечно, никогда не связался бы с подобной женщиной, и главе Департамента Применения Магических Законов потребовалось бы выполнение какой-то работы, я бы занялся ею в первую очередь. А уже потом трепался со всеми подряд о чём ни попадя. Понимаешь меня?

— Да, — сдавленным шепотом прохрипел насмерть перепуганный Каттермол.

— Тогда вперёд! — брезгливо отдернул руки Яксли от ворота бедняги. — Если мой кабинет не станем сухим в течение часа, Статус Крови твоей жены будет ещё под большим сомнением, чем сейчас.

Следом за Яксли София и Драко шагнули в лифт.

— Может быть, не стоило так жестко с ним говорить? — спросила София.

— Забудь, — отмахнулся Яксли.

Лифт остановился.

«Уровень два. Департамент Силового Применения Магических Законов, включающий офисы Недопустимого Использования Магии, штаб-квартиру Авроров и отдел обслуживания Администрации Визенгамота», — произнёс бестелесный голос.

Им навстречу шагала похожая на огромную толстую кошку дама, в ярко-розовом карамельном костюме и с идиотским бантиком в коротких волосах.

— Мистер Яксли? — лицо дамы расплылось в широкой улыбке. — Не ожидала такой

чести...

— Что там у вас по плану на сегодня? — грубо оборвал её Яксли.

С улыбкой Долорес Амбридж могла соперничать только клейкая лента для мух:

— Десять человек. Одна из них, — подумайте только?! — жена сотрудника Министерства. Подумайте только? В самом сердце Министерства такая зараза!

— Заткнись и, будь любезна, — протянул Яксли Жирной Кошке свиток, — немедленно отметь эту девушку как благонадёжную и, несомненно, чистокровную. Никогда впредь не досаждай мисс Гринграсс по пустякам.

— Но?.. — захлопала глазами Розовая Дама.

— Я внезапно начал плохо говорить по-английски? — осведомился Яксли, наступая на ведьму. — Или есть другие причины, по которой вы вдруг разучились понимать, что вам сказано?! Повторяю, эта девушка чистокровна! Её Статус Крови не подлежит сомнению!

— Да-да, конечно, — испуганно закивала Долорес. — Конечно.

Нелепый бант закачался на её макушке.

Яксли вложил пергамент в пухленькие трясущиеся ручки. Амбридж спешно произвела с ними какие-то манипуляции и, подобострастно улыбаясь, вернула Софии документы:

— Всего хорошего, мисс Гринграсс.

София не сочла нужным отвечать.

Не успели они пройти до конца коридора, как под ноги девушке упала розовая, в тон Карамельной Толстушке Амбридж, карточка, с изображением розы, задушенной зелёным сорняком с клыками. Такие клыки не снились и Василисе, а свирепому взгляду сорняка мог позавидовать бы сам Волдеморт.

Прежде, чем Драко успел ей помешать, София, перевернув карточку, прочитала:

«Грязнокровки и опасность, которую они представляют мирному чистокровному обществу».

— Хоть бы зарифмовали для приличия, — передёрнула она плечами, сбрасывая бумажку с ладони. — Или даже на это мозгов не хватает?

— Аккуратней, — предупредил Малфой, — с высказываниями, иначе...

Договорить он не успел. Раздался громкий взрыв. Чёрный дым лавиной пошёл из-за угла, в котором находилась дверь с табличкой:

«ДОЛОРЕС АМБРИДЖ

Младший замминистра

Глава регистрационной комиссии магглорожденных».

Драко отшвырнул Софию к стенке, прикрывая собственным телом.

Какая-то ведьма оглушительно визжала. В горле першило. Больше не происходило ничего занимательного.

Спустя несколько минут у двери столпилась куча народу. Все внимательно рассматривали продолговатый предмет на полу.

— Пошли, — потянул Драко Софию за руку. — Пошли отсюда.

— Но что там?

— Ничего интересного, — отмахнулся Малфой.

— Но?..

Драко обернулся, проговаривая скороговоркой:

— Это Манок-Детанатор, аналог дымовой шашки. Полагаю, Уизелы у пылко любимых магглов идею позаимствовали.

— Ты думаешь?..

— Я ничего не хочу думать! — прервал её Малфой. — Поболтаем чуть позже, ладно?

Очередной лифт, очередной подъём. В переходе, где они очутились, было намного холоднее, чем в других помещениях. С каждым шагом температура, казалось, опускалась на несколько градусов ниже.

— Куда ты меня тащишь? — шепотом поинтересовалась София у Драко.

— В зал суда, — так же тихо ответил он.

— Зачем?

— Тс-с! Сама увидишь.

— Почему здесь так холодно?

— Дементоры, — одними губами ответил Драко.

Зал оказался до отказа забит колдунами. Большинство из них были Софии совершенно незнакомы. Центр комнаты занимали люди, судя по одежде и по обстоятельствам, магглорожденные колдуны. Некоторые с семьями; кто-то в одиночестве.

Дементоры скользили над ними, словно воронье, зачужавшее добычу. Судей от тлетворного, выпивающего энергию, дыхания безглазых тварей в капюшоне охранял Патронус, маленький кот, топающий туда-сюда.

София с любопытством рассматривала светящийся сгусток. Она впервые видела Патронус.

Крики, раздавшиеся из дверей подземелья слева, прозвучали оглушительно, словно раскат грома над головой:

— Нет, нет, я полукровка! Полукровка, говорю вам! Мой отец — волшебник! Арки Алдертоу, известный дизайнер мётел. Навестите его, говорю вам... уберите ваши руки!..

— Это твоё последнее предупреждение, — мурлыкала Амбридж мягким голосом, магически усиленным так, что он чётко слышался в каждом уголке комнаты. — А будешь сопротивляться, подвергнешься поцелую дементора.

Крики стихли. Сухие всхлипывания эхом доносились из коридора.

— Уведите его, — приказала Амбридж.

Двое дементоров появились в дверном проёме Зала Суда. Их гниющие, покрытые коркой руки сомкнулись на запястьях волшебника, и тот мгновенно потерял сознание. Ночные Твари уплыли вниз по коридору вместе с добычей. Тьма, которую они оставляли за собой, вскоре окончательно его поглотила.

— Мэри Каттермол!

Невысокая худенькая женщина, с собранными в пучок длинными волосами, в полинявшей, явно недорогой, мантии, поднялась, мелко дрожа, со скамейки. София видела её страх перед застывшими, как безликие стражи, дементорами. Ей хотелось хоть как-то ободрить женщину.

— Садитесь, — голосом притаившейся в засаде кошки, заворковала Амбридж.

Якли тоже был тут. Он выглядел мрачным, как туча.

Незнакомая Софии женщина средних лет, сидевшая по правую руку великана в черном, ниже опустила голову. Она выглядела такой же бледной, как и те несчастные, что подвергались суду.

Несчастливая миссис Каттермол опустилась в кресло, стоявшее на постаменте в центре. Зазвенели цепи, обвиваясь вокруг её тонких лодыжек.

Амбридж довольно улыбнулась.

Не хотелось думать о том, что чувствует подсудимая под всеми этими перекрестными взглядами; окруженная цепями, которыми впору минотавра к стене приковывать, а не хрупкую женщину.

— Вы Мери Элизабет Каттермол? — спросила Долорес. — Замужем за Реджинальдом Каттермолем из Департамента Магического Обеспечения?

Женщина заломила руки. В её взгляде, в поджатых дрожащих губах явно читалась мольба и мука.

— Мать Мейзи, Элли и Альфреда Каттермол? — продолжала безжалостная Розовая Кошка.

Женщина всхлипнула:

— Они напуганы тем, что я могу не прийти домой...

— Давайте без этого, — прервал её Яксли. — Детишки грязнокровок не вызывают у нас симпатии.

Не смотря на его грозный, внушительный вид, София, неплохо уже знавшая этого человека, видела, что он нервничает. Если бы дело касалось его одного, то он, охотнее всего, дав пинка под зад, отправил бы даму восвояси. Но рядом — Амбридж. Приходилось играть большого и страшного парня.

— Палочка, забранная у вас, — Амбридж снова приятно, по её мнению, улыбнулась, — восемь с тремя четвертями дюйма. Вишневое дерево, сердцевина — волос единорога. Узнаёте по описанию?

Мисс Каттермол кивнула, вытирая слёзы рукавом.

— Не соизволите ли вы сказать, у какой ведьмы или волшебника вы забрали эту палочку?

— З-забрала? — прорыдала мисс Кэттермол — Я ни у кого не з-забирала. Я к-купила её, когда мне было одиннадцать. Она...она...она выбрала меня.

Амбридж рассмеялась мягким девчачьим смехом, подаваясь вперёд, чтобы лучше видеть жертву. Отвращение, которое вызывала в Софии эта кошачья помадка было такой интенсивности, что она, наверное, легко могла бы повторить по отношению к ней подвиг Беллы, запытавшей бедных Лонгбботтомов до сумасшествия.

— Нет, — соловьем заливалась Амбридж, — нет! Я так не думаю, миссис Каттермол. Палочки выбирают только волшебников или ведьм, а вы — не ведьма. У меня есть ваши ответы на вопросы из анкеты, которая была послана вам. Мафальда, — обратилась Амбридж к бледной ведьме, сидящей рядом, — передай бумаги.

Когда старая кошка брала из рук ассистентки пачку бумаг, на груди её сверкнул медальон. София еле удержалась, чтобы не вскрикнуть. Она узнала этот медальон. Это же тот самый, ради обладания которым профессор Дамблдор ослабил себя настолько, что его враги получили возможность его уничтожить!

Драко присвистнул:

— Медальон Слизерина? Какой Амбридж заделалась важной птицей. У тебя, дорогая, кажется, ещё одна кандидатка в тётушки?

— Не дай бог! — с чувством прошептала София.

— Какая жалость, — пищала Амбридж тем временем. — Профессия родителей: продавцы фруктов!

Яксли рассмеялся.

Софии захотелось и его придушить. Или, по крайности, пнуть, чтобы не выделялся.

Ну, не всем же рождаться красавцами, магами да умницами! Без фрутков даже самые одаренные волшебники вымрут. Витамины, сэр, слышали о таких?

Неожиданная вспышка красного света осветила всю комнату. Амбридж рухнула, со всего маха мордой хлопаясь об стол, к великому удовлетворению Софии.

Серерянные светящийся кот-Патронус исчез в тот же миг.

Яксли рухнул следующим.

София, было, попыталась выхватить палочку, но Драко перехватил её руку:

— Без нас разберутся.

— Но Яксли...?

— Что «Яксли»? Хочешь нагадить своему драгоценному Мальчику-Который-Выжил? — мотнул Драко острым подбородком. — Не видишь? Это же никакая ни Мафальда, это грязнокровка Грейнджер. Значит, и Святой Поттер где-то здесь рядом.

Дементоры, ничем более не сдерживаемые, окружили прикованную к стулу миссис Каттермол. Не обращая внимания на её крики, твари собирались вынести ей мозг, что в магическом мире деликатно именовалось «поцелуем дементора».

— Экспекто патронум! — раздался уверенный, благозвучный голос.

Выросший в комнате серебряный олень заполнил пространство теплом и светом.

— Ну, Поттер даёт! — хохотнул Драко, отступая в тень и утягивая за собой Софию. — Какая прелесть! Совсем совесть потерял!

Темноволосый джентльмен, что полчаса назад пристально рассматривал Софию, появился прямо из воздуха. Мафальда-ассистенка, метнувшись вперёд, взмахнула палочкой, освобождая миссис Каттермол от цепей.

— Нельзя им было сюда соваться, — выдохнул Драко. — Это же самоубийственно! Они что? Всерьёз полагают, что с двумя Патронусами можно пробиться через четыре десятка этих тварей?

— А почему бы и нет? — подмигнула ему София.

Драко приподнял брови:

— Действительно, почему? Давай, София! Нам это зачтётся на Страшном Суде.

«Пропустите! — мысленно послала София дементорам приказ — Дайте пройти всем!».

Дементоры послушно замерли, словно куклы, которых никто больше не дергал за веревочки.

— Теперь у них есть шанс вырваться? — взволнованно глянула на Драко София.

— Вообще-то, нет. Но, насколько я знаю Поттера, отсутствие шансов его до сих пор не останавливало.

— Им нужна помощь!

— С Поттером почти два десятка магглорожденных магов. Как-нибудь без нас обойдутся.

— А если нет?

— А если нет, у нас будет веская причина устроить очередную вечеринку. Пошли отсюда.

Яксли, наконец поднявшийся на ноги, мерзко матерился:

— Перекрыть Каминную Сеть! Немедленно! Я сказал немедленно, тупые уроды!!!

УПС рванул к одному из бесчисленных лифтов.

Все шумели, орали, топали ногами и мельтешили. В общем, создавали беспорядок и хаос.

Выбежав в Каминный Зал, Яксли продолжал орать, как сумасшедший:

— Блокируйте выход! Блокируйте!

Один мистер Каттермол заталкивал миссис Каттермол в камин, в то время как второй, его точная копия, громогласно вопил:

— Моя жена! Кто это там с моей женой?! Что происходит?!

Основные виновники суматохи успели скрыться в камине, оставив преследователей с носом.

Драко и София, наблюдая за всеобщей неразберихой, оба хохотали, как сумасшедшие.

14. Возвращение в Хогвартс

На перроне было негде яблоку упасть. Представители других факультетов смотрели на слизеринцев настороженно и подозрительно, и не без основания — слизеринцы задирались, толкались, насмехались, откровенно нарываясь на скандал или драку.

Взгляд Софии невольно зацепился за большое рыжее пятно. Семейство Уизли выступало далеко не в полном составе. Ходили упорные слухи, что Рон болел какой-то неизлечимой дрянью, разрушающей мозг, а Перси Уизли плохо ладил с отцом.

Паркинсон радостно кинулась к Драко, но остановилась, заметив Софию. Успев счастливо похоронить соперницу, Панси не смогла скрыть ярости и негодования, увидев ту живой и невредимой.

Драко прошел мимо бывшей подружки, как мимо пустого места. Как будто Панси была ещё одним столбом, поддерживающим старомодный фонарь.

Малфой никогда не задавал Софии вопросов о том, что произошло между нею и Паркинсон, а София не начинала разговор первой, опасаясь, что не удастся удержаться в рамках приличия. Она ненавидела Паркинсон до такой степени, что словами не описать.

Драко, шагнув в купе, швырнул наверх сначала чемодан Софии, потом собственный, после чего удобно устроился у окна, скрестив руки на груди. Его вид лучше всяких слов говорил о том, что поддерживать разговор он не намерен, да София и не возражала против того, чтобы немного помолчать. Усевшись напротив, она наблюдала прощальную сутолоку за окном.

Всеобщее показное оживление, нарочитая весёлость не могли скрыть повсеместно витающего уныния и тревоги усиливающихся с каждым днём, с каждым часом.

Дверь отъехала в сторону, пропуская Гойла.

Когда София читала про «Философский камень», она представляла Малфоевских прихвостней жирными боровами. Но на самом деле Гойл выглядел сплетённым из мышц, обладал фигурой атлета или боксера в тяжелом весе. Весьма внушительная личность.

Винсент Краббэ был менее колоритен. Не так высок, не так широк и не так мускулист. Но сомневаться в его огромной силе тоже не приходилось. Лишь Забини выглядел тонким и изящным, как клинок на фоне булавы. Настоящий слизеринец — красив, холоден, увёртлив, непредсказуем. Казалось, Блейза забавляет всё на свете: напыщенность Нота, высокомерная заносчивость Драко, слепая и яростная влюбленность Паркинсон, тупая физиономия Краббэ и бульдожья хватка Гойла.

— Год обещает быть интересным, — улыбаясь от уха до уха, поделился соображениями Винсент Краббэ, плюхаясь на сиденье рядом с Драко. — Ату, грязнокровок! Ату их!

— Пусть знают своё место, — откликнулся Нотт. — Видели, как дёргались братья Криви?

— А эта Уизли? — поднял тонкую ухоженную бровь Забини. — Она в этом году как-то взбледнула больше обычного.

— Как же ей не бледнеть? Поттеру-то, наконец, удалось от неё сбежать под предлогом борьбы с Тёмным Лордом.

Поезд набирал ход.

По коридору загрохотали тележки с едой. Краббэ с Гойлом жадно набросились на

сладости.

«Хогвартс-Экспресс», окутанный белыми клубами пара, несся вперёд. Как обычно. Как было из года в год. Как будет всегда. Всё будто бы возвращалось на круги своя, вселяя надежду на лучшее.

***

Пробираясь к выходу, София оказалась вынуждена остановиться. Нотт и Краббэ преградили путь рыжеволосой тоненькой девушке.

— Что, жалкая предательница крови, ты не в курсе, твой дружок Поттер уже сдох или ещё нет?

— Посторонитесь и дайте пройти, — потребовала у однокашников София.

— Иначе? — выпятил грудь Нотт.

София подняла на него желтые, как у тигрицы, глаза, вкладывая во взгляд всю ненависть, накопившуюся за последнее время. Нотта отшвырнуло. Он спиной распахнул дверь и вылетел из поезда.

Краббэ и Уизли с открытым ртом взирали на болезненно худую девушку в строгом платье. Она даже палочку не поднимала.

— Иначе придётся заставить тебя посторониться, — констатировала София. — Не люблю ждать. Идешь? — обернулась она к Джинни.

— Не нуждаюсь я в твоём заступничестве! — огрызнулась та.

София окинула её насмешливым взглядом:

— А я разве заступалась?

***

Большой Зал Хогвартса в этом году не утопал в тепле и в свете свечей. Он выглядел зловещим и мрачным, как и полагается покоям в замках тёмных магов.

Северус Снейп ожидал учеников стоя, расставив ноги, словно в ожидании нападения, скрестив руки на груди. Его палочка, зажатая в левой руке, чуть подрагивала на правом плече, будто с трудом удерживала в себе непростительное проклятье. Неровные пряди волос свисали вдоль угрюмого лица. Под леденящем взглядом хотелось запахнуть мантию поплотней.

Рядом со Снейпом застыли две такие же черные, мрачные фигуры. София отметила, что Кэрроу почти уродливы. Немудрено, что Лорд отослал их — дядюшка не любил оскорблять свой взор уродством, он окружал себя лишь красивыми людьми. Игрок и коллекционер, пополнял серпентарий лишь крайне интересными экземплярами.

Чуть дальше черного трио испуганной стайкой держались остальные учителя. Их возглавляла воинствующая Мак*Кошка с яростно блестящими глазами. Не было больше умного, рассудительного Дамблдора, единственно способного унять бешеный нрав Минервы, который с годами становился лишь непокорнее и горячее.

Драко, печата шаг, двинулся к привычному месту. Головы студентов поворачивались ему вслед. Голоса стихали. Во взглядах читалась неприкрытая ненависть.

Снейп, не говоря ни слова, жестом приказал МакГонагалл принести табурет и Шляпу. Началась привычная церемония распределения. Когда последний ребёнок выскользнул из-под пыльного артефакта, Снейп улыбнулся зловещей улыбкой. Пространство заполнилось его низким, с легкой хрипотцой, голосом:

— Итак, — сказал он, — вы, наверное, слышаны о том, что я человек раздражительный и порочный? Поэтому довожу до вашего сведения: героические

провокации будут караться без малейшего снисхождения. С этого года в Хогвартсе разрешены физические наказания. Особо любопытные и храбрые могут проверить на себе действенность методики. Мистер Криви, будьте любезны опустить вашу возмущённую тощую задницу на место.

Кто-то из младших слизеринцев оценили грубость профессора насмешливым, подобострастным, приглушенным смешком, но основная часть аудитории безмолвствовала.

— А теперь, особо прожорливым — приятного аппетита.

По мановению руки профессора столы заполнились привычными лакомствами.

Снейп, круто развернувшись, вышел.

Софии кусок не лез в горло, и она ушла из Зала одной из первых. Ей не хотелось видеть, какими глазами смотрела Паркинсон на Малфоя, как тот усиленно делал вид, что подруги детства в мире не существует.

Не менее тяжело было ощущать на себе груз общей ненависти.

— Мисс Гринграсс? — окликнул прокуренный, низкий женский голос, принадлежащий Алектэ Кэрроу. — Господин директор хочет вас видеть.

Снейп подждал Софию у каменной горгульи:

— Следуйте за мной.

Профессор повел девушку не в кабинет Дамблдора, а в свою бывшую лабораторию. Достал початую бутылку и плеснул вина в довольно запыленный бокал:

— Ваше здоровье, — отсалютовал он, перед тем, как опуститься в кресло. — Я ещё не выразил соболезнований по поводу смерти ваших родителей.

— Это не обязательно, сэр.

На какое-то время повисла неловкая пауза.

— Вам предстоит пережить тяжелый год, сэр, — вздохнула София, сказав это лишь затем, чтобы нарушить тяготившее её молчание.

— Это уж как получится, — пожал плечами профессор. — Очень может быть, что год переживёт меня.

— Не говорите так!

— Поговорим лучше о другом.

Снейп поставил едва пригубленный бокал на столешницу:

— Не могли бы вы оказать мне услугу? Помогите сохранить жизнь вашим однокурсникам. Кэрроу — тупые животные. Тупые и очень кровожадные. Наши не слишком-то м-м... умные друзья гриффиндорцы способны попасть в неприятную переделку.

— Чем я могу тут помочь?

— Постарайтесь войти в доверие к Джинни Уизли. Она встречалась с Поттером и из-за одного этого находится под ударом. К тому же, именно у неё есть все шансы стать центром нового сопротивления. Опять-таки, как особе, наиболее приближенной к Герою.

— Я постараюсь, мистер Снейп. Сделаю всё, что смогу.

— Можете быть свободны. Да, ещё! Будьте осторожны.

***

События последнего лета, передел власти в Министерстве сильно проредили факультетские ряды. Слизерин находился в состоянии чумного госпиталя — кто не обходил его стороной, тот третировал. Все шептались по углам, и ни суровые наказания, ни строгие взыскания не могли изменить ситуацию к лучшему.

На самого профессора Снейпа велась настоящая охота. Вернее, травля. Естественно, вс

главе заговоров стоял факультет идейных храбрецов Гриффиндор. Популярностью Снейп пользовался огромнейшей, только она была со знаком минус. Передовицы «Придиры» посвящались фактам из жизни многих Упивающихся Смертью, но всё же чаще приводились случаи из жизни нового директора. Выдвигалось совершенно бредовое предположение, будто бы в Хогвартсе под руководством бывшего слизеринского декана существует тайный Клуб Крови, в котором расцветают всевозможные пороки и извращения.

«Профессор Хогвартса — Пожиратель Смерти или Неизлечимо Больной?» — красовалось на развороте. — «Правда ли, что известный профессор-зельевар С.Снейп превратил Хогвартс в оплот Сами-Знаете-Кого и хладнокровно проводит волю Пожирателей Смерти, издеваясь над учениками? По сведениям из достоверного источника, м-р Снейп много лет неизлечимо болен. Его психическое расстройство сопровождается полной потерей самоконтроля. Еще в школьные годы на м-ра Снейпа напал оборотень... Обращение к Темным Искусствам и Сами-Знаете-Кому было прямым следствием потрясения...» и т. д. и т. п.

После выпуска «Придиры» стол нового директора завалило возмущенными родительскими письмами.

«Руки прочь от наших детей!» — надрывались «вопилеры».

Письма родителей «Придира» тоже публиковал весьма охотно.

С октября месяца вновь начал действовать Дуэльный Клуб. Несмотря на непопулярность руководителя, на учебной Арене собрались почти все ученики шестых и седьмых курсов со всех факультетов.

— Итак, господа хорошие, — начал речь новый директор, — вы все в курсе последних событий и отлично осведомлены чьи интересы отныне поддерживает правление Хогвартса. Нам предстоит драться, чтобы отстоять право на дальнейшее существование. — Снейп смерил притихших учеников, взирающих на него со смесью любопытства и неприязни, презрительным взглядом. — С таким набором поражающих заклинаний, каким вы обладаете на сегодняшний день, у вас нет шансов. Если, конечно, вы не станете привычно выступать друг против друга.

Профессор прошёлся по платформе:

— Мисс Уизли?

Джинни расправила плечи и легко поднялась на платформу, сосредоточенная и собранная.

— Разрешается использовать Непростительные, сэр?

В её голосе за вежливыми интонациями притаился плохо скрытый вызов.

— Можно подумать, вы научились использовать весь простительный набор? — рыкнул Снейп в ответ низким певучим голосом.

Учитель и ученица отсалютовали друг другу палочками. Хорошо натренированным движением рыжая бросила в сторону профессора Ступефай, но тот успел отскочить и вместо привычного щита использовал Силенцио.

Уизли стояла, не в силах вымолвить ни слова и довольно глупо хлопала глазами.

— Видите, как просто обезоружить противника простейшим заклинанием? — поучал зельевар. — Чары молчания известны всем с первого курса, не так ли? Правда, владей мисс Уизли магией несколько лучше, умей применять невербальные проклятия, наше с ней сражение затянулось бы чуть дольше. Фините инкантатум! Возвращайтесь на место.

Снейп, словно коршун, вновь принялся расхаживать туда-сюда, выискивая очередную

жертву.

— Итак, господа, продолжим урок. Что вы предпримите, попав под чары молчания и оказавшись в аналогичной с мисс Уизли ситуации?

— Быстро и молча убежим, — процедил Дилан Мак*Кейн.

— Магия без палочки, — хихикнул Колин Криви.

— Чувство юмора бессильно перед врагом. В силу обстоятельств он вряд ли окажется способным оценить ваше утонченное остроумие, — огрызнулся профессор.

— Сэр, ведь наверняка есть способ противостоять подобному примитивному проклятию? — медоточивым голосом пропела Паркинсон.

— Есть. И он относится к столь нелюбимой большинством из вас Тёмной Магии Мистер Малфой? Будьте добры — Силенцио?

Драко, словно барс, легко вспрыгнул на платформу и остановился.

Профессор ожидал, глядя в ледяные, непроницаемые, почти бесцветные глаза ученика.

Стояла тишина, словно требуемое заклятие наложили на всех присутствующих сразу.

— Силенцио! — рявкнул Драко.

Профессор в безмолвии сделал несколько шагов вперёд. Поднял руку, призывая к вниманию. Губы его слабо шевелились. Из угла рта показалась капелька крови. Он коснулся её палочкой, размазывая кровь по губам.

«Сонорус», — беззвучно прошептал он. И в следующее мгновение палочка вылетела из пальцев Драко:

— Энервейт, — провозгласил учитель. — Это простейшие симпатические чары. Помните, в своё время мы посвятили им целый урок? Благодаря крови ваша палочка реагирует не только на звук, но и на сам процесс произнесения нужных слов. Всё, что нужно, мисс Браун, это просто прикусить язык.

Лаванда, до этого о чем-то оживленно беседующая с подружкой, запнулась, возмущенно и испуганно взирая на профессора.

— Тренируйтесь, господа, — апатично произнёс зельевар, вытирая платком кровь с уголка губ, — тренируйтесь.

Господа и тренировались, со всем рвением, которые бы стоило проявить на другом поприще.

Особенно изощрялся Гриффиндор, факультет, сердцем храбрых да умом обиженных. На сдвоенном уроке ЗОТС вылетела одна из знаменитых петард-шутих производства близнецов Уизли. Рассыпаясь каскадом искр, выплескивала под потолок различные образы, складывающиеся в непристойные жесты. Радостные смешки стихли вместе с последним всполохом шутихи.

Профессор Снейп невозмутимо стоял на кафедре, уперев одну руку в бок, а второй опираясь на стол:

— Мистер Лонгбботтом?

— Д...д-да, с-сэр?! — вскочил Невиль, заливаясь краской и отчего-то до смешного напоминая поросенка из мультиков.

— В этом году старостой Гриффиндора являетесь вы, — это прозвучал как утверждение, а не как вопрос.

— Д...да, с. сэр...

Снейп поморщился, будто слышал фальшивую ноту или у него внезапно заломило зуб.

— Назовите имя автора этого бесчинства.

Невиль что-то проблеял.

— Выразайтесь яснее, — потребовал директор.

— Я н-не видел, с...сэр.

Профессор выдержал воистину мхатовскую паузу.

Класс замер. Гриффиндорцы — в испуге, слизеринцы в предвкушении развлечения.

— Минус сто баллов с Гриффиндора.

Гриффиндорцы облегченно выдохнули. Над рядами слизеринцев пронесся ропот возмущенного разочарования.

— Открывайте конспекты за прошлый год и вспоминайте, господа, что я говорил о симпатических чарах. Поскольку мисс Грейнджер нет с нами по небезызвестным для всех причинам, вам придётся самим поднапрячь извилины. Итак, симпатические чары?.. Мисс Гринграсс?

— Связь между людьми, способность чувствовать одинаково.

— Весьма приблизительное определение, но, поскольку вы слизеринка, получите за ваши попытки дать правильный ответ три балла.

Взмахом палочки директор распахнул створки шкафа:

— Симпатическая мазь, — с удовлетворением процедил он. — Нам с вами для лучшего усвоения материала предстоит протестировать это. Нанесите на кожу в небольшом количестве.

— Не переусердствуй, — предупредил Драко Софию. — Снейп задумал гадость.

— У тебя паранойя, — отмахнулась она.

Если она ещё кому-то и верила в этой жизни, то это именно профессору Снейпу. Открытая неприязнь к нему Драко ей досаждала.

— Как знаешь. Я тебя предупредил, — процедил Малфой.

— Выполнили? — спросил Снейп, щедро размазывая тот же состав по своему платку.

Затем шагнул к кипящему на негасимом огне котлу и опустил платок в кипящую жидкость.

От острой боли слезы выступили на глазах. Закричать себе София не позволила, закусывая губу до крови.

Крики со стороны гриффиндорского стола были скорее криком возмущения. Слизеринцы не кричали — шипели, как эмлбема их факультета.

— Что я говорил? — довольно ухмыльнулся Драко, взирая на Софию с кривой улыбкой.

На его собственной руке вспухал внушительного размера пузырь.

София почти до хруста сжала зубы, опасаясь завизжать. Боль не стихала.

— Итак, принцип работы следующий, — невозмутимо вещал профессор, — если один из ингредиентов, взятый независимо от прочих, поместить в особые условия, то весь состав будет реагировать так, словно так же помещен в эти «особые» условия. Теперь вы имеете общее представление о том, как можно использовать этот состав, — стрельнул черными глазами профессор в змеиную часть своей аудитории. — Или как его могут использовать против вас, — это предназначалась львиной составляющей. — Вы на собственной шкуре проверили, как именно работает симпатическая связь и, смею выразить надежду, вынесете хоть что-то из сегодняшнего урока. Например, что не следует показывать сверкающие картинки с непристойным содержанием. Столь дурной вкус оскорбляет мои эстетические составляющие мировоззрения.

Со всех сторон доносилось поскуливание и попискивание. Выдержка изменяла

аудитории.

Драко невозмутимо покачивал ногой, улыбаясь гадючьей, паскудной улыбочкой. После Круцио, ставшего за каникулы почти привычным, что значил какой-то ожог на руке?

А вот Софии не удавалось столь стоически переносить боль. Она начала размахивать рукой.

Профессор, смерив класс равнодушным взглядом, вытащил платок и положил его на подоконник.

— Прошу запомнить на будущее, есть много способов заставить человека раскаяться или образумиться. Чего мы сидим и смотрим, господа хорошие? Конспектировать за вас станут домашние эльфы?

Уважение к профессору София испытывать не перестала. Но в следующий раз дала себе слово быть более внимательной к словам Драко.

15. Меч Годрика

— Ты уверена? — хрипло спросил Драко.

София кивнула:

— Я должна убедиться, что с моим каменным змием всё в порядке. Просто представь, что он, отбившись от рук, начнёт разгуливать по коридорам Хогвартса?

— Ты лучше подумай, как собираешься проскользнуть мимо гриффов, патрулирующих эту часть коридора, — поморщился Малфой. — Проще было бы вызвать твоего василиска сюда, а не тащиться к нему самим.

— А ты уже придумал, что предъявишь Снейпу в оправдание, когда он нас втроем тут с василиском застукает?

— Твоё желание сделать пи-пи в гриффиндорской дамской комнате в половине первого ночи объяснить, конечно же, в разы проще!

С этими словами Драко выскользнул из-за статуи, и полуночная парочка продолжила красться.

В полумраке подрагивали факелы, отбрасывая на стены размытые тени.

— Мерлин!

Навстречу им гордо шествовали гриффиндорцы — Джинни Уизли, Томас, Финиган и Криви.

— Малфой?!

Квартет замер с воинствующим видом.

— По какой нужде к нам забрёл?

— По малой.

Симус Финиган сжал кулаки:

— Всё насмехаешься? Ты! Грязный слизеринец!

Джинни строго оборвала товарища:

— Уймись, Симус. А что касается тебя? — Уизли смерила блондина холодным оценивающим взглядом. — Мы доложим о тебе МакГонагалл.

— Мак*Кошка? В ночном чепце и пушистых шлёпанцах? Явится прямо сюда? Помилосердствуй, Уизли! У меня же такая слабая психика! Меня ж потом кошмары станут мучить! Тебе меня ни капельки не жалко?

Джинни, не отвечая, двинулась вперёд.

Рука Малфоя взметнулась перед Рыжей, преграждая ей дорогу. Драко ухмылялся в ответ на её спокойный, полный достоинства, взгляд.

В следующую секунду София, онемев от изумления, наблюдала, как слизеринец, схватив гриффиндорку за запястья, жарко её поцеловал.

— Пусти меня! — взвилась Уизли.

— Пожалуйста! Как скажешь, — Малфой разжал руки. — Не больно-то и хотелось, если честно. Предательница крови! — выплюнул он.

— Ты труп, Малфой! — заявил Финиган, чуть ли не закатывая рукава в лучших традициях дешевой мелодрамы.

— Не ревнуй, — отмахнулся Драко. — Этой шлюхи на всех с лихвой хватит.

Удар Симуса пришёлся Хорьку по губам. Одновременно два Ступефая, ударив Драко в

грудь, швырнули его на пол, протащив по коридору пару метров, пока блондин с грохотом не врезался в доспехи. Те, разлетевшись на части, просыпались на пол грудой осколков.

— Стойте!

Гриффиндорцы с удивлением воззрились на выступившую из тени Софию.

— О! Да тут целый змеиный выводок, — протянул Дин Томас.

Драко, держась рукой за стену, поднимался на ноги. Из носа тонкой струйкой бежала кровь.

— Бедненький сахарный блондинчик, — противно прошепелявил Криви. — Больно?

— Было бы больно, если бы вы не мазали с трех шагов.

Под взглядом Джинни Софии сделалось не по себе. Некстати вспоминалась встреча с её братьями-близнецами в «Хохмагазине», мимолётная влюбленность в Рона, настойчивые предложения Гарри.

— Даю вам слово, мы не замыслили ничего плохого, — сказала София.

Карие и янтарные глаза девушек встретились.

Уизли поджала губы:

— С этим пусть разбираются преподаватели. А сейчас — идите.

— Джинни...?! — возмутился Финиган. — Ты дашь им вот так просто уйти?!

— А что ты предлагаешь? — с небрежным спокойствием спросила Рыжая. — Убить их, а трупы спрятать в переходе?

— Мы ещё встретимся! — пообещал Томас.

— Буду жить ожиданием, — помахал ему рукой Малфой.

С помощью Софии блондину удалось кое-как доплестись до ближайшего поворота. Но как только они миновали его, он со стоном привалился к стене. Ступефай есть Ступефай. Чтобы он там не шипел, а гриффы не промахнулись.

— Да уж! — скривился блондин. — Сломанная ключица и пара рёбер не цена за поцелуй красавицы. Только вот...дышать мешают.

— Не продолжай. А то я расплачусь от жалости, — съязвила София.

Малфой засмеялся, делая попытку привлечь её к себе, но София предусмотрительно отшатнулась:

— Ты маленькое дрянцо, — поделилась сделанными выводами девушка. — И это перечеркивает все твои достоинства.

— Утешает то, что по твоему мнению они вообще у меня есть. Перестань дуться. Мне просто хотелось её побесить.

— У тебя получилось.

— Хоть какое-то разнообразие нужно вносить в нашу скучную жизнь? Ты же, Мерлиновы штаны, до печенок меня замучила всеми своими пауками-василисками. Меняешь моё общество на змею, да ещё дохлую, а потом сетуешь, что я пытаюсь утешиться с такой сговорчивой красоткой, как мелкая Уизли?

София пихнула его под ребра. Сжав зубы и опустив голову, юноша тихо зарычал от боли:

— Мраксы есть Мраксы. Садюги.

— То-то Блэки милашки, кроткие агнцы.

***

Завтрак тянулся бесконечно. Уроды, всё-таки, эти волшебники. Это ж надо такую сладкую гадость, как тыквенный сок, ввести в обязательный рацион? Но Драко

недвусмысленно дал понять если София не станет есть сама, он заставит её есть силой и никого не постесняется.

— Ты и так уже просвечиваешь на ходу, скоро тень перестанешь отбрасывать, — заявил он. — Видел я идеал маггловский красоты. Бр-р! Предпочитаю женщину — вешалке.

София боролась с собой, как могла, но стоило поглядеть на еду, как подкатывала тошнота. Она с ужасом начала подозревать, что беременна. Даже думать о том, как придётся сообщать счастливую новость папочке ребёнка было откровенно страшно. Не говоря уже об уместности счастливого события.

Маггловский тесты, купленные в аптеке, факт наступления беременности отрицали. Но состояние Софии не улучшалось, тошнило всё чаще, месячные не спешили нанести визит.

Для себя София решила твердо, что в любом случае избавится от ребёнка. Магическим ли, маггловским ли способом. Плевать, какие законы тут царят. Чихать, как посмотрит Великий и Ужасный, изначально рассматривающий племянницу как аппарат для детопроизводства. Пусть хоть живьем в кипятке сварит! Не станет она рожать, и всё.

Рассудив, что отягощать Драко ненужной информацией совсем ни к чему, София отправилась за консультацией к Снейпу.

— От меня вы чего хотите, мисс Гринграсс? — выслушав студентку, поинтересовался зельевар.

Апатия, охватившая Софию, была столь сильна, что девушка напрочь утратила способность смущаться:

— Мне нужно точно знать, беременна я или нет?

— Если да, что вы собираетесь делать?

— Не ваше дело.

Снейп медленно кивнул:

— Не мое. Но должен предупредить, мисс Гринграсс: чистокровным ведьмам категорически возбраняется избавляться от последствий своих опрометчивых любовных привязанностей.

— Я не чистокровная. И буду удивленна, если запреты не нарушались раньше.

Казалось, Снейп что-то обдумывал:

— Я выполню вашу просьбу с одним условием.

— С каким?

— Если результат будет положителен, вы поставите в известность Драко.

— К знанием присовокупляется ответственность.

— Вы слышали моё условие.

София со вздохом кивнула.

Однако магические методы показали тот же результат, что и маггловские тесты. Тревога, к облегчению Софии, оказалась ложной.

— Ваш организм просто сильно истощён, — сделал выводы профессор Снейп. — Стрессы, мисс Гринграсс, приводят к печальным последствиям. Избыток желчи редко кому идёт на пользу.

Зельевар всучил ей пузырек с успокаивающим, восстанавливающим силы тоником. На данной позитивной ноте общение Софии с новым директором и закончилось.

Она послушно, исполнительно принимала лекарство и в конце месяца её женский цикл восстановился. Аппетит не то, чтобы вернулся, но бесконечная, изматывающая тошнота отступила.

***

— Гриффы что-то затевают.

Теодор Нотт подозрительно покосился на стол слизеринских противников.

— Должно быть очередную шутиху? — передёрнула плечами Миллисент. — Ну, тупые! Разве Снейп плохо объяснил урок в прошлый раз?

— Я серьёзно, Драко, — похлопал ресницами Нотт. — Они собираются сотворить крупную героическую пакость.

— С чего ты взял?

— Слышал.

— Что ты слышал?

Нотт подался вперёд, перегибаясь через стол:

— То, что мечу Гордика Смелого не место в лапах мерзкого змея.

София и Драко обменялись быстрыми встревоженными взглядами.

С тех пор, как Драко пришла фантазия целоваться с Джинни, их отношения оставляли желать лучшего. Однако новость была достаточно серьёзной, чтобы отвлечь обоих от личных разборок. И за меньшие проступки в замке ежедневно следовала порка. Даже Филч, столько лет возделевшей к подобной педагогической методе, и тот казался смущенным новыми жестокими порядками.

Если глупые маленькие герои попадутся, (а они попадутся), даже Снейп не сможет спустить дело на тормозах.

Спустя два часа, когда София почти закончила дописывать свиток по рунам, Драко подсел к ней с многозначительным сообщением:

— Снейп был прав. Тебе следует попытаться сойтись поближе с Уизлеттой.

София свернула свиток, перевив его узкой лентой:

— Проблематично. Я никогда не вызывала у Рыжей симпатии.

Драко сжал пальцы невесты:

— Ты понимаешь? Мы должны знать, что затевают эти придурки. Ради их же блага.

София была с ним согласна. Только как, прикажете, сделать то, что должны?

— Ты хоть представляешь, что сделают с ними эти хреновы извращенцы?!

Он театрально заламывал изящные руки.

Музыкальность его пальцев была обманчива. Хорёк в жизни ни к одному инструменту близко не подходил.

— Понятия не имею, как быть, — со вздохом призналась София. — Может быть, у меня и был бы шанс. Но ты слышал, Тедд уверен, дело в долгий ящик воинствующие глупцы откладывать не собираются.

— У них всегда наготове универсальный план, не меняющийся столетиями: все дружно, на счет «три»!

— Тебя как будто заботит их судьба? — София была искренне удивлена.

— Снейпу будет непросто сохранить им жизнь, когда Кэрроу застукают их за воровством одного из древнейших школьных артефактов.

— Времени втираться в доверие всё равно нет.

— Остаётся?... — в серых глазах Драко словно сверкнула молния. Он подскочил с места. — Я знаю, кто нам нужен — Невиль!

— Невиль?

— Он же добрый, славный, храбрый и все такое прочее. Но при этом совершеннейший,

полнейший идиот! Жалко дурашку. Особенно с учетом того, что именно моя тётка оставила его, почитай, круглым сиротой. Короче, мы сначала применим к нему Ступефай, а потом Веритасерум. Это не сложно. Под занавес — Обливиэйт, чтоб не мучился. Применем Многосущное и я, страшно подумать, стану Невилем. Может, ты меня позже тоже Олбивиэйтом полечишь? Помнить такое не очень хочется.

— Хватит трепаться. Во-первых, на создание зелий нужно время...

— Если их попросту стянуть у профессора из кабинета, времени уйдет в разы меньше.

— Ну, а если нас застукают?

— Возможно, Многосущное даже и красть не придётся. У меня его с прошлого года оставалось больше, чем достаточно. Если что-то пойдёт не так, сделаешь из гриффов inferналов и пусть сторожат вход в нашу супружескую спальню. А если все пойдёт по плану, настучишь Северу, он пусть сам позаботится о развязке.

Спустя два дня София вместе с Драко сидели в Секретной Комнате, а несчастный Невиль, глядевший на слизеринцев с ненавистью, не мог пошевелить ни рукой, ни ногой.

Драко присел на карточки и сверху вниз взирал на поверженного неприятеля:

— Ну, как, Невиль? Нравится здешний интерьер? — привычно искривляя губы, глумливо осведомился он.

— Иди ты к...

— Но-но! — погрозил ему Малфой пальцем. — Хорошо воспитанные волшебники никогда не выражаются при чистокровных ведьмах. Разве бабушка тебя этому не учила? Вот при магглорождённых вырождаках — другое дело. Кстати о вырождаках? Вашу лохматую стерву Грейнджер егеря ещё не взяли? — ноздри Малфоя раздулись, он оттянул ворот тесного, как футляр, черного одеяния, дёрнув шеей.

— Когда-нибудь ты за всё ответишь! — заявил Невиль.

— Да что ты? — недоверчиво покачал головой Драко. — Правда, что ли? — Он улыбнулся, наклоняясь ещё ниже, почти к самому лицу своего пленника. — Такие, как я, Невиль, всегда цветут, словно пышный зелёный лавр. А вот тебя не назовешь везунчиком.

София стояла, прислонившись к колонне и, поигрывая палочкой, взирала на разыгрывающуюся перед ней сцену.

Она не понимала, зачем Драко играет с Невилем? Что за дурная привычка в их роду? Игроки!

— Ты ничего от меня не добьешься, — храбрым речам противоречил бегающий испуганный взгляд Лонгбботома и зрачки, расширившиеся от ужаса.

— Ещё как добьюсь, — продолжал ворковать над ним Драко.

София явственно слышала в голосе юноши интонацию его тетки Беллы.

— Только ты даже не поймешь, когда этот момент настанет. Знаешь почему, Лонгбботтом, по кличке Длиннопоп? Потому что ты дурак! Империи!

— Что ты делаешь? — встревожилась София, наблюдая, как Малфой опустился рядом с Невилем на колени.

Лицо Драко было сосредоточенным и заострившимся.

— Что ты делаешь? — повысила она голос.

Драко извлек из кармана пузырек с прозрачным зельем:

— То, что мы запланировали. Пей, Невиль!

Гриффиндорец послушно осушил пробирку.

— А теперь, Лонгбботом, скажи мне, что вы затеваете против Снейпа?

— Ничего, — заморгал тот коровьими глазами. — Ничего.

— Хорошо. Что вы задумали насчет меча Годрика Гриффиндора?

— Мы хотим его забрать.

Драко приподнял бровь:

— Выкрасть?

— Никакая это не кража! Дамблдор завещал меч Гарри!

— Полагаю, идея «забрать своё» нищевроде Уизлетте принадлежит?

— Да, — простодушно кивнул Невиль. — План принадлежит Джинне.

— Какой план?

— Как забрать меч.

Драко закатил глаза:

— Идиот! Никакое заклятие не способно это изменить! — процедил он сквозь зубы. —

Как именно вы собираетесь его выкрасть?

— Выследить, когда Снейпа не будет в кабинете; пробраться в комнату и стащить Меч из Шляпы.

— Из шляпы? — недоуменно моргнул Малфой. — Почему — из шляпы?

— Меч Годрика всегда так появляется — из шляпы.

— Здорово! — широко улыбнулся Драко.

Улыбка его перешла в оскал, он со всей силы ударил кулаком по ближайшей колонне.

София хмыкнула:

— А если попробовать головой?

— Заткнись, Гринграсс!!!

— Сам заткнись, Малфой! Невиль? — в свой черёд присела она рядом с Лонгбботомом. — Когда вы планируете набег на сокровищницу?

— Ну, как получится. Мы не знаем.

— Понятно. Драко, — вздохнула она, — необходимо ускорить процесс.

— Будет сделано, мой генерал.

— Невиль? — снова позвала София.

— Да? — охотно откликнулся зачарованный гриффиндорец.

— Тебе известно что-нибудь о Потере?

— Н...нет, — заикаясь, ответил молодой человек.

— Правда? — мягко звучал в темноте её голос.

— Д...да.

— Обливиэйт!

***

Северус Снейп смотрел в окно, повернувшись к ученикам спиной.

— Итак, — его низкий голос звучал устало, со спокойной обреченностью. — Мисс Уизли? Мистер Дин? Мисс Лавгуд? Мистер Лонгбботтом...

Зельевар обернулся. Мантия взвихрилась у его ног. Черные глаза впились в лица незваным гостям.

— Польщен вашим неожиданным визитом.

Дверь с треском распахнулась и на пороге возникла трясущаяся от негодования Минерва МакГонагалл:

— Я требую объяснений, Снейп!

— Профессор Снейп, — холодно поправил коллегу новый директор.

— Профессор Снейп! Объясните мне, почему мои ученики в столь поздний час находятся не в Гриффиндорской гостиной?

— Я тоже хотел бы услышать ответ на вопрос, озвученный с таким пылом. Ну-с, юные господа? — Снейп, скрестив руки на груди, мазнул по ученикам взглядом. — Ваш декан требует отчёта.

Джинни выпрямилась, маленькая и гордая. Очень смелая.

— Мы хотим получить наш меч, сэр, — прозвучал в тишине её звонкий голос.

— Ваш меч, мисс Уизли? Ваш? Я не ослышался?

Джинни покраснела. В тёмных глазах стояли злые слёзы.

— Меч, завещан мо... меч принадлежит Гарри!

— Вашему Гарри? Вы это хотели сказать? — на желтом болезненном лице Снейпа резко проступили скулы.

— Как вы смеете?! — сорвалась рыжая гриффиндорка на крик.

— А вы? — в низком голосе отсутствовали эмоции.

— Довольно, мистер Снейп! — вмешалась МакГонагалл.

— Уважаемая Минерва, я буду вам признателен, если сердечные тайны ваших студентов не выйдут за пределы вашей гостиной, — сказал Снейп, медленно роняя слова. — И ваши студенты перестанут угрожать казенному имуществу, до времени вверенному моему попечительству. Но видимо, годы дают о себе знать, и вы уже не в состоянии уследить за порядком? Должен признать — увы! — вы теряете хватку.

По лицу женщины пошли нездоровые алые пятна, особенно ярко выделяясь на скулах и на лбу.

— Или мне стоит предположить, — беспощадно продолжил Снейп, — что кража свершается с вашего молчаливого одобрения?

— Увы! Я ничего не знала о том, что задумали несчастные дети!

— Вы сняли камень с моей души.

— Но если бы знала!.. О! Если бы я только знала! Я бы сделала всё возможное, чтобы справедливость восторжествовала!

— Рискнули бы лично возглавить эту интерлюдия с похищением? Это уже не просто первые возрастные ласточки. Это — откровенный старческий маразм.

Томас Дин дернулся, но спокойный голос профессора, произнесшего: «Экспелиармусс», разоружил противника.

— Не смей, ты, гнусный трус! Предатель! Убийца! Урод! Не смей так разговаривать с МакГонагалл!

Снейп сделал шаг вперёд, внимательно глядя на разбушевавшегося юнца:

— Насколько мне помнится, вы не чистокровный, мистер Дин? — задумчиво проведя пальцем по губе, произнёс директор. — Что вы вообще делаете в моей школе, Томас?

— В вашей школе?! — ахнула МакГонагалл.

В кабинете воцарилась тишина.

Невиль странно глухим, хриловатым голосом произнёс:

— Томас Дин полукровка, сэр.

— Полукровка? Это не доказано, как сказала бы многоуважаемая мисс Амбридж, поскольку мистер Дин никогда не знал своего отца. Маггловским вырождакам не место в Хогвартсе. Профессор МакГонагалл?

Минерва стояла, прямая, не смотря на возраст, с гордо вскинутой головой и задранной

вверх, дрожащим подбородком.

— У вас ровно двадцать четыре часа, чтобы самолично очистить ваш факультет от грязнокровок. По истечении данного времени с мистером Дином будут разбираться Кэрроу. А теперь, — развёл руками профессор Снейп, — все вон. Кроме вас, мистер Лонгбботтом. Вы задержитесь.

Кипя от бессильной ярости, гриффиндорцы покинули кабинет директора.

— Фините инкантатум, — ленивым взмахом палочки зельевар вернул Драко его естественный облик.

Ученик и учитель какое-то время смотрели друг на друга. В глазах обоих было ожидание.

— Идите к себе, — слетело, наконец, с уст Снейпа. — И... спасибо, Драко.

16. Измена

Настоящему Невиллю пришлось ни за что, ни про что, вместе с Лавгуд и Уизли, отбывать взыскание в Запретном Лесу. Впрочем, он не жаловался. Снейп внушил ему ложные воспоминания, и парнишка теперь даже гордился собой. Руководил походом Хагрид.

Само присутствие полувеликана в Хогвартсе стало для Софии откровением. Она-то пребывала в уверенности, что Волдеморт потребует, если не головы, так уж отставки Хагрида точно. Ведь именно Хагрид помешал Темному Лорду захватить Гарри Поттера в операции, вошедшей в историю под кодовым названием «Семь Поттеров».

София теперь частенько встречалась с бабулей Мракс, неподалёку от хижины полувеликана.

— Поверь, дорогая, когда Тому потребуется схватить Поттера, он его найдет, — пожимала плечами Василиса в ответ на замечания девушки. — За что ему изгонять беднягу Хагрида из школы? Он же понимает, что Рубиус не Малфои, приспособливаться, идя против совести, не умеет. Великан — он такой по-настоящему хороший. А эта его умилительная привязанность ко всякой дряни? Ну, скажи, кто ещё, кроме Рубиуса, может искренне любить взрывастых драклов? — Василиса невесело усмехнулась. — В своё время он так же преданно любил самого Тома. Не хотел заручиться покровительством, как одни, не желал воспользоваться его талантом в своих интересах, как другие, не испытывал похоти при виде смазливой физиономии, как третьи. Просто любил с беззаветной собачьей преданностью, так, как умеет только он один.

— Ну да. А дядюшка без колебаний подставил его со всей его любовью, — скривилась София.

— Уверена, что без колебаний? Если бы Тома взяли, его бы изгнали к магглам. Это в лучшем случае. В худшем могло закончиться Азкабаном. То, что Дамблдор спустил с рук идиоту Хагриду, он никогда бы не простил умнице Риддлу.

Солнце опустилось низко, небо стало почти черным. Поднимался ветер. Софии стало зябко, она куталась в мантию:

— Видела наших беглых гриффиндорских друзей? — спросила она Василису.

Ведьма в задумчивости разбрасывала ногами ворох опавших листьев:

— Гарри с друзьями пока бесцельно кружит по лесам и болотам. Может, надеется, что крестражам надоест дожидаться, и они сами к нему придут? Рыжий парень рядом с ним — довольно неприятный тип. Истинный Уизли. Кстати, ты знаешь, что им не уничтожить крестраж без меча Годрика. Снейпу пора поторопиться с исполнением последней воли Дамблдора.

Вернувшись в гостиную, София наткнулась на всю их гадючью слизернискую компанию. Драко сидел, развалившись на кожаном диване с бутылкой огневиски в руках, и судя по всему, был уже пьян вдрызг. Паркинсон привычно крутилась рядом.

Пройти мимо незамеченной у Софии не получилось.

Малфой окликнул её:

— Гринграсс!

— Опять нажрался, как свинья? — огрызнулась она.

Вместо ответа Драко демонстративно поднёс бутылку ко рту и жадно присосался к ней.

Серые глаза с вызовом смотрели на Софию. Оторвавшись, наконец, от своей соски, парень отёр губы тыльной стороной ладони:

— А тебя Снейп звал.

— Зачем?

— Не докладывал.

***

— Вы заставляете ждать себя слишком долго, — заметил зельевар, когда София переступила порог его кабинета.

— Вы хотели меня видеть?

— Не я. Волдеморт.

В Малfoy-мэноре было по обыкновению темно. И необыкновенно тихо. Любимый дядюшка, не смотря на поздний час, корпел над бумагами.

— Я велел привести девчонку два часа назад, Северус! Вон, — уничижительно бросил Волдеморт Снейпу.

Дождавшись, пока тот выполнит приказ, и они останутся наедине, Темный Лорд задал Софии неожиданный вопрос.

— Ты когда-нибудь слышала о Батильде Бэгшот?

— Да. Она историк.

— Была им, — потянувшись, Волдеморт устало зевнул. — Тебе придется поработать с этой леди. Нагайна! За мной!

Змея зашелестела, передвигаясь по полу, огромная и жуткая. Втроём они аппарировали к калитке незнакомого Софии коттеджа.

Повозившись с ключом, Волдеморт посторонился, давая Софии возможность войти первой:

— В доме труп, — предупредил он.

— Батильды Бэгшот? — догадалась София.

В комнате, по всей видимости, служившей гостиной, на пузатом комодике теснились фотографии в рамочках. С одной из них на Софию с ленивой улыбкой смотрел интересный молодой человек с золотистыми волосами. Сняв фотографию с полки, София с любопытством вгляделась в тонкое, умное, одухотворенно лицо.

— Кто это? — спросила она.

— Гриндевальд.

София торопливо вернула фотографию на место.

Да, как обманичива бывает человеческая внешность?

Следуя за Волдемортом, она поднялась на второй этаж по крутой, узкой лестнице. Войдя в комнату, поспешила зажать нос руками. Тяжелый запах гниения успел достигнуть той концентрации, когда становится невыносимым.

— Бог мой! — выдохнула София.

— Поттер рано или поздно обязательно сунется сюда, в Лощину, — поделился соображениями Волдеморт. — Мне нужен здесь страж, который незамедлительно подаст знак, как только мальчишка покажется.

— Вы хотите, чтобы я осталась здесь?!

— Не ты, — покачал головой Волдеморт. — Нагайна.

— А я здесь зачем?

— Тебе предстоит поместить Нагайну в тело Батильды.

— Что?! Нет! — застонала София.

Волдеморт оставался верным своей привычке никогда не считаться с чужим мнением.

Спустя три часа, вымотанная и духовно, и физически, чувствуя себя такой же древней, как опочившая старуха, София без всякого удовольствия, пожалуй, даже, с отвращением, взирала на результаты проделанной ворожбы.

Они покинули дом старой ведьмы, оставив Нагайну, заключенную в тело инфернала, дожидаться прихода Поттера.

Совершенно одинаковые коттеджи сторожили узкую ленту дороги с двух сторон. Деревушка была невелика, несколько домов, но всё по-английски добротное. Рядом с площадью теснились магазинчики, почта, паб. Неподалеку от питейного заведения драгоценными камнями сияли цветные витражи в окнах маленькой церкви.

София недоверчиво моргнула. Но потом поняла — ей не мерещится. Посреди площади на самом деле стоял обелиск, при приближении преобразившийся в памятник: взлохмаченный мужчина, женщина с длинными волосами, и ребёнок у неё на руках.

— Пошли! — буркнул раздражённо Волдеморт. — Быстрее!

Аппорировав обратно в Малфой-мэнор дядюшка и племянница неожиданно оказались перед Беллатрисой и Драко. Последний, как предполагалось, должен был находиться в Хогвартсе. Малфой-младший, по всей видимости, тоже не ожидал увидеть здесь Софию.

Пораженная, уязвленная, потрясённая София замерла, наблюдая, как Беллатрикс, восседая на своем племяннике, точно всадница Апокалипсиса, страстно совокупляется с ним.

— Какая милая картинка! — насмешливо зашелестел Волдеморт.

— Разрешите мне уйти! — с мольбой обернулась к нему София. — Пожалуйста!

— Иди, — кивнул он.

За спиной оставался безумный хриплый смех Беллатрикс и ругательства Драко.

София сама не до конца отдавала себе отчета в том, куда она бежит. Лишь бы подальше от этих отвратительных людей, от этой грязи и боли, которыми пропитаны здесь сами стены.

Она наткнулась на Драко у входной двери Малфой-мэнора.

— Гринграсс!.. — сделал он шаг на встречу, словно надеялся заключить её в объятия.

— Не приближайся, — отшатнулась София, нацеливая на него волшебную палочку.

Глаза Драко казались тусклыми, словно покрытые серой ледяной коркой ноябрьские лужи.

— Ну и? Чего ждешь? — в голосе Малфоя звучала бесконечная усталость и какая-то обречённость. — Давай, накажи меня. Я это заслужил.

София засмеялась почти таким же безумным смехом, как у Беллатрикс:

— Ты не понимаешь... — поморщился Драко.

— Не понимаю? А что я должна понять? Что ты трахешь родную тетку и тебе с ней лучше, чем со мной? Я не хочу это понимать. Я не хочу тебя видеть, Малфой, слышишь? Никогда. Я тебя ненавижу!

Губы блондина скривились в странной гримасе гнева и отчаяния.

Пламя, бушующее в груди Софии, и не думало униматься. Оно пожирало, уничтожало, сокрушало её. Проклятый Хорёк до сего дня был единственным, кто ещё что-то для неё значил.

— Давно ты с ней спишь?

Драко мочал. Его молчание было хуже признания.

Палочка Софии упёрлась ему в грудь, прямо над сердцем. С такого расстояния простой Ступефай может оказаться смертельным, никакое Непростительное не понадобится.

Драко не шевелился, не пытался помешать. Он покорно ожидал дальнейшего развития события.

— Ты всё уничтожил, — с отчаянием проговорила она, кусая губы. — Всё, что было между нами.

— София... — он судорожно сжал кулаки.

— Вам хорошо вместе?

— С Беллой всегда хорошо.

Это что? Попытка быть честным? Или уточненное издевательство? Рука, будто обретя самостоятельную волю, отвесила полновесную пощечину, оставляя на бледной коже ярко-багровеющий, словно рубец, след.

— София...

— Энервейт!

Драко отбросило к стене, и София получила возможность продолжить своё бесцельное бегство.

Она неслась по парку, окружающему дом Малфоев, понимая, что ни от себя, ни от УПСов ей не скрыться. Понимая, что нет смысла двигаться дальше.

У кованных, зачарованных ворот Малфой-мэнора её ждал сам Люциус Малфой:

— Как я понимаю, — манерно растягивал слова он, — вы намерены покинуть нас, мисс Мракс?

— Вы меня не остановите.

— Вы не лестного обо мне мнения, mon cher...

— Энервейт!

— Протего. Экспелиармус.

Парировать София не успела, и палочка оказалась в руках противника.

Светлые глаза словно светились на бледном лице Люциуса. Чего невозможно отнять у него, так это его необычной красоты, что завораживала, будто лунный свет.

— А теперь давайте вернёмся домой, — протянул он руку Софии.

Она отрицательно помотала головой.

— Вынужден настаивать.

Серебристые волосы, насмешливый холодный расчетливый взгляд — взгляд человека, всегда уверенного в себе.

— Вы же понимаете, милая, что идти вам некуда, — голос Люциуса сочился сарказмом. — И незачем, — добавил он.

— Я не вернусь!

— Конечно же, вернётесь.

Линия подбородка хозяина Малфой-мэнора обозначилась резче. Губы сжались в ломаную линию:

— Конечно, вернётесь, — с нажимом повторил он. — Потому что у вас нет выбора. Я вам его не оставляю. Я не могу так рисковать. Тёмный Лорд не простит мне больше ни одной осечки.

— Будьте вы все прокляты, — без всяких эмоций сказала София.

Малфой сощурился, стряхивая с рукава мантии воображаемые пылинки:

— Уже давно.

***

— О! Наша Принцесса вернулась? — засмеялась Беллатрикс. — Люциус, ты делаешь успехи.

— Рад, что тебе весело. Зактнись-ка ты лучше.

— Фи, как грубо!

Они стояли друг против друга. Мужчина и женщина. И чувствовалось, как между ними проскальзывали странные искры.

«Эта чертова ведьма — что? — задалась вопросом София. — Со свояком тоже спит? Не брезгует ни сыном, ни отцом? Очаровательная семейка!».

— Астория, дорогая, тебе непременно нужно выспаться, — заворковала Белла. — Ты что? Нездорова? Вон как подурнела в последнее время.

— Знаешь, куда ты можешь сходить со своими советами?

— Куда? — Белла подалась вперёд, накручивая на палец с острым, длинным ноготком, прядь волос. — Куда меня хочет отослать наша маленькая невинная девочка? — сюсюкала она.

— В ад.

— Люциус, оставь нас, — неожиданно серьезно потребовала ведьма.

— Ты находишься в моём доме, — холодно напомнил тот. — Не смей отдавать мне приказы.

— Брось, Малфой. Ничто здесь больше тебе не принадлежит: ни дом, ни сын, ни жена. Если бы не я, у тебя уже и жизни-то бы не было.

— Ты, видимо, очень гордишься сейчас собой, Белла?

— Ты мне надоел. Убирайся! Мне нужно потолковать с нашей Принцессой Мракс.

Тяжело скрипнула дверь. Малфой удалился, оставляя женщин наедине.

София с опаской посматривала в сторону одной из самых опасных колдуний Великобритании. Мало было людей, кто, зная Беллатрикс Лейстрейндж, не боялся бы её. София не была исключением.

— Я могу тебя понять, — ухмыльнулась Белла. — Как девчонка — девчонку. Не поверишь, но было время, когда я тоже верила в любовь. Моей первой любовью стал... догадайся — кто?

— Темный Лорд? — рискнула предположить София.

Беллатрикс рассмеялась своим безумным смехом:

— Не угадала. Отец Драко. В то время моё тело было холодным. Зато сердце... о, сердце волновалось. Билось так, что до сих пор вспоминать об этом бывает сладко. И больно. Мы провели с красавчиком Люциусом много вечеров, но жениться он предпочел на моей сестре. Цисси, в отличие от меня, умела держать ноги вместе. Это, наверное, и стало определяющим фактором. Наш скользкий друг и тут, как всегда, оказался прав. У Нарциссы он за всю жизнь один-единственный. А я? Я — шлюха.

Белла уселась в кресло, закинула маленькие ножки на стол, и призвала к себе бутылку красного вина. Откупорив, не стала утруждать себя поисками бокала, а жадно глотала прямо из горла.

Не у неё ли Драко обучился этой отвратительной привычке?

Бордовая жидкость испачкала Белле губы:

— Да, теперь я шлюха. Безнравственная, горячая штучка. Но я ещё могу вспомнить, что

чувствует девушка, теряющая свои иллюзии. Ты не волнуйся, девочка, потеря иллюзий для женщины — это своего рода создание крестража. Становишься только живучей.

Белла вертела бутылку в руках, задумчиво глядя в алую жидкость, так похожую на кровь:

— Темный Лорд любит вырывать сердце из груди и душу из тела. Это его наилюбимейшее занятие. Случайным людям в его жизни везёт — он их просто убивает. Врагов пытается. А для нас, для своего ближнего круга, он прибёрег самое изысканное развлечение...

— Вы пытаетесь мне сказать нечто особенное? — язвительно поинтересовалась София. — Или просто пьяны?

— Я расскажу тебе сказочку, девочка.

Беллатрикс всегда носила сильно декольтированные платья, подчеркивающие её порочное сияние, тёмное и таинственное. Красила губы и ногти исключительно в ярко-бордовые тона. Всё это придавало ей немного потасканный вид, усиливало гнетущее впечатление и удивительно шло к ней.

— Это случилось давно... — она смотрела на пламя в очаге, щурясь, как кошка, будто вглядываясь с упомянутое прошлое. — Мы тогда едва успели закончить Хогвартс. Андромеда, тупая корова, удрала со своим вонючим магглом, а наш дорогой Лорд, тогда ещё в своём человеческом обличье, ознакомившись с трудами некоего Северуса Снейпа, счёл, что не прочь видеть этого красавчика в наших рядах. Он хотел его невзирая на то, что наш крошка-зельевар не был чистокровным. Сложность заключалась в том, что Северус ни в малейшей степени не разделял желаний нашего господина. У Сева на жизнь имелись свои планы. Скромненькие. В них входила Эванс, лаборатория для зельеварения и для опытов по Темным искусствам, а вот Упивающиеся Смертью — какая досада! — не входили.

Многие из нас интересовались Тёмными искусствами. Темная магия стала нашей тайной, визитной карточкой, нашей религией. Однако мы по-разному со Снейпом понимали слово «интерес». Розье, Блэки, Малфои, Ноты, Мальсиберы, Гойлы, Паркинсоны, Краббэ увлекались практической стороной, желая достичь обычных человеческих благ. Если коротко, то мы хотели власти. Потому что власть открывает доступ ко всем остальному — сексу и деньгам. Наш Северус подходил к Темным искусствам именно как к Искусству. Со всей болезненной страстью ученого, желающего расширить привычные горизонты; увидеть нечто новое, непривычное. Тот же подход свойственен и Лорду. Именно потому он так хотел заполучить мальчишку в котором мы своими близорукими по молодости лет глазами видели только серенького зануду.

На наши предложения Снейп сначала отмалчивался, пока они подавались в завуалированном виде, а когда стали более откровенными, готов был грубо послать нас к Мерлину. Причина подобного поведения нам с Малфоем казалась очевидной — грязнокровка Эванс. Он до неё был прямо-таки больной. Это была даже не любовь. Вернее не то, что обычное бывает между двумя подростками, захлестнутыми гормонами. Эванс со Снейпом были как сиамские близнецы. Разные, непохожие. Она простая, как все гриффиндорцы. В хорошем смысле этого слова. Стоящие вещи, настоящие люди и чувства всегда просты.

А Северус никогда «простым» не был. Единственное, что в нем было просто, без объяснений, без пререканий и не требовало подтверждений, так это его любовь к Эванс.

И эта любовь чертовски нам мешала.

Клянусь, я понятия не имела, что задумал Люциус. Знала бы — помешала. Не из сочувствия к двум подросткам-недоумкам, конечно же, а из банальной ревности. Ты ведь помнишь в кого я тогда была влюблена, правда? — блеснула черными злыми глазами Белла, обнажая в улыбке хищные зубки. — Снейп, по тем временам, доверял Малфоеу, у которого, как мы оба позже с Северусом поняли, не было тормозов, когда он хотел выслужиться. А Люцик хотел. Ещё как хотел. Очень! Спал и видел, как бы оказаться в ближнем кругу Темного Лорда.

Блэк перестала улыбаться. Лицо её сделалось хмурым и серьёзным. В зрачках отражалось багровое пламя:

— Он использовал Темный Обряд Вожделения. Это гораздо сложнее Амортенции. Обряд не воздействует на эмоции, не обольщает человека обманчивой иллюзией влюблённости. Он превращает его в скота, заставляя тело корчиться в горниле адской похоти, плавящей даже такие мозги, как у Снейпа.

У магглов есть отголоски знаний об этой стороне Темной Магии. Они верят, что именно так призывается дьявол на ведьминских шабашах.

Неожиданно Белла разразилась сумасшедшим хохотом, откидывая голову и обнажая точеную шею со вздувшимися, бугрящимися от напряжения, синими венами.

— Я и подумать не могла, что казавшийся мне таким гордым Малфой, словно проститутка, согласится подставлять собственную задницу! О том, что с чужой он сделает что угодно, я не сомневалась. Но чтобы — сам?..

Понятное дело, Эванс, застукав своего любимого Снейпа с Малфоем, не пожелала выслушивать никаких оправданий. Вот так Малфой сломал мать Святого Поттера ещё задолго до того, как её убил Тёмный Лорд. Гриффиндорцы радовались — их Огненная Роза отреклась от змия. Самая красивая девушка Хогвартса была теперь с самым популярным парнем Хогвартса. Красивая сказка, яркая и пустая, как рождественские игрушки магглов. Вот и всё.

Вот так Малфой привёл Снейпа к Лорду. Потому что после того, как Эванс стала для него недостижима, Снейпу было, в принципе, все равно, куда идти. А Лорд отблагодарил Люциуса за новую ценную игрушку, как и обещал.

Ну, а я? Что — я? Обо мне в той истории нет ни строчки. Просто случилось так, что я могу понять тебя, девочка.

— Вы спали с Драко, чтобы отомстить его отцу?

— Я спала с Драко, чтобы исправить то, что натворил его отец.

София непроизвольно отшатнулась, когда Белла переместилась к её креслу, нависая над ней, поймав в ловушку кресельных подлокотников, собственных рук и выпирающих из-за корсажа груди; обдавая ароматом тяжелых, пряных духов.

— Да ты хоть понимаешь, хоть представляешь, что оставалось от него после Грейбэка?!

— Вы хотите донести до меня, — зло сузила янтарные глаза девушка, — что трахались с родным племянником из христианского милосердия?

— Именно, — выпрямилась Белла. — Если в противовес одному кошмару, сплетённому из боли, не противопоставить другой, сплетённый из удовольствия, то можно нарушить баланс.

— Знаете, я всегда подозревала, что позиция Эванс в этом вопросе мне как-то ближе.

— Если бы Эванс выслушала Снейпа; если бы поняла, что именно тогда произошло, вся история могла бы пойти другим путём.

Тонкий профиль, высокие скулы, смуглая кожа, бархатные глаза. Какая красивая оболочка. Какая больная, измученная, насквозь прогнившая душа. Червивое яблоко — Блэк!

— Мужчина — это всегда мужчина. Ими движут инстинкты, София. Особенно если немножечко их магически усилить. Драко любит тебя. А любовь даже полу-Блэка совсем не то, что любовь истинного Малфоя. — Молния, сверкнувшая в черных глазах Беллы, на мгновение осветила темные закоулки проклятой души, выдавая, что она ещё жива, эта душа. — Всё, что поддерживает тебя в нашем аду — это любовь к Драко. Все, что поддерживает Драко — это любовь к тебе. Без неё вы оба станете такими же, как все мы здесь — проклятыми душами в озере темных вод. Темный Лорд всегда считал любовь слабостью или балластом. Но он не прав. Любовь — это спасательный круг в безумных волнах жизненного моря. Держитесь за него, детки. И, может быть, выплаете.

— Почему вы мне всё это говорите?

— Потому что Драко — сын Нарциссы. Потому что я люблю его. Не как женщина, эта часть моей души оказалась бездарно растроченной: на Люциуса, Сириуса, Лейстрейнджа, Риддла. И не как мать. Мать не станет спать со своим ребёнком. Я не знаю, как я люблю... но знаю, что люблю. А это главное.

София не сводила глаз с этой странной, противоречивой, непредсказуемой женщины. Она читала, что в семье Блэков детям любили давать звездные имена. Звездные люди. Станные люди. Непонятные люди. Смертным не стоит пересекаться со звездами — в душе остаётся ничем не перебиваемая горечь.

Такая красота и — такая тьма...

17. Только ты!

— Уделите мне немного времени, уважаемый дядюшка?

Против обыкновения, София нашла Волдеморта не за столом, заваленным кипами бумаг, а стоящим посредине странной, ломаной пентаграммы, по углам которой горели высокие, в половину человеческого роста, красные свечи.

— Как ты смеешь без приглашения явиться сюда? — нахмурился Темный Лорд.

— А ты? — злость и отчаяние придавали Софии силы. Она решительно шагнула вперед. — Как ты смеешь? Забрал у меня всё: юность, мечты, моих родителей. Тебе этого мало, ненасытное ты чудовище? Зачем потребовалась лишать меня ещё и любви?

— Убирайся отсюда немедленно! — повысил голос Темный Лорд.

— Ты всерьёз полагаешь, что я испугаюсь твоего злобного шипения? Я не твои УПСы слышишь? Я тебя не боюсь...

— Круцио!

Тело скрутило мучительным спазмом боли. Софию палило огнём и одновременно разрезало на кусочки, растворяло в кислоте и перекручивало в мясорубке. Первые секунды она ещё надеялась, что это быстро закончится, но боль не проходила. Судороги заставляли мышцы напрягаться так, что сухожилия грозило порвать к чертовой матери.

Потом красная пелена отодвинулась. София лежала на полу, дрожа всем телом. Волдеморт опустился на колени. Склонившись, он отбросил капюшон, являя откровенно уродливое, нечеловеческое лицо:

— Никогда не зли меня, Софья, — тихо проговорил он.

Он протянул ладонь с длинными, похожими на щупальца, пальцами, но София в ужасе отпрянула от неё:

— Я не нуждаюсь в твоей поддержке, — упрямо заявила она, сама ужасаясь тому, что говорит, безумно страшаясь того, что может последовать за этим. Каждое слово обдирало сорванное криком горло. — Зачем? — подняла девушка на своего мучителя янтарные глаза. — Зачем вы приказали Белле устроить этот фарс? Вам кажется это забавным?

— Дорогая племянница, это действительно забавно. Вот станешь старше и умнее, научишься понимать оттенки юмора.

Когда Темный Лорд усмехался, его обтянутое кожей лицо ещё больше походило на череп.

— Чтобы понять тебя, не повзрослеть нужно, а сойти с ума. Ты просто спятивший маньяк. Посмотри на себя! Даже то, как ты говоришь о себе в третьем лице: «Темный Лорд думает...»; «Нельзя обмануть Темного Лорда»; «Ты действительно думал скрыть это от Темного Лорда?». Звездная болезнь в последней стадии!

София отдавала себе отчёт в том, что эта речь может стать последней в её жизни. И ещё повезёт, если её коротко завадят. Ну и плевать!

— Ты мог бы править и созидать, — продолжила она свой монолог. — Но всё, на что ты способен, так это во главе дурацкой своры в нелепых капюшонах гоняться за подростком. Хорошо ещё, что без крика: «Ну, Поттер, погоди!». Рубишь головы своим солдатам, заставляешь их уничтожать друг друга, спать друг с другом! Унижаешь их. Отрываешь ручки-ножки, словно не наигравшийся в детстве испорченный ребёнок.

Волдеморт склонил голову к плечу, любовно поглаживая палочку:

— Я мог бы наказать тебя сейчас, девочка. Мог бы заставить на коленях вымаливать прощение за каждое слово...

— Да, пожалуйста! — зло засмеялась София. — Мы ваши верные слуги, Повелитель. И будем такими, какими вы захотите нас видеть: послушными-послушными; милыми-милыми. Если бы только у тебя оставалась крупца мозга, ты бы давно уже взвыл со скуки от всей этой удушающей, сладкой патоки. Но твои мозги, видимо, лежат по кусочкам вместе с расчленённой душой...

— Замолчи, — не допускающим возражения тоном проговорил Темный Лорд. — Думаешь, ты достигла дна? Думаешь, у меня не осталось в запасе ничего, способного держать тебя в узде, маленькая Принцесса Мракс? Ошибаешься. Ты уязвима. Очень. Конечно, твои родители мертвы, им уже не навредить. Но что ты будешь делать, если я, к примеру, начну пытаться на твоих глазах драгоценного, хоть и бесполезного во всех отношениях Драко? Или возьму и заставлю Люциуса переспать с собственным сыном?

Брезгливость и недоверие читались на лице девушки:

— Даже Малфои не опустятся до такого.

— Полагаешь, нет? Ну не знаю, не знаю... Я бы не был так уверен. Например, чтобы сохранить Нарциссе жизнь и отец, и сын ещё как «опустятся». Оба. По очереди. Без лишних возражений. Ещё я могу одолжить наш хрупкий нежный цветочек, нашу Малфоевскую барышню, моему верному волку Грейбэку. Хочешь посмотреть на настоящую мужскую дружбу, дорогая племянница?

— Вам прекрасно известно, что не хочу. Меня несколько не прельщают опыты по вивисекции человеческой души. Увольте. Предпочитаю классическое Круцио.

— Изволь.

Снова яркая вспышка перед глазами. Снова тело выворачивается наизнанку, внутренности меняются местами с кожей. Снова каждый кусок режут острыми-острыми ножами.

София жадно хватала ртом воздух.

— В следующий раз будь поосторожней с желаниями, — назидательно наставлял Темный Лорд. — И, кстати, ты не права. Пытка длилась не часы, а лишь короткий взмах палочки — секунду, не более того. Ты слишком ценна для меня, моя маленькая Астория Гринграсс, чтобы я угробил тебя по неосторожности. У меня насчёт тебя такие планы!.. Так, ладно, на чем мы остановились? Ах, да! На возможных способах сделать тебя послушной. Итак, о Круцио? Кого предпочтешь в качестве возможной жертвы: Снейпа или Драко? По непонятной причине к первому ты тоже питаешь сердечную привязанность. Хотя и осознаешь, что против дохлой героини Эванс у тебя маловато шансов.

— Теперь ошибаетесь вы, дядюшка. Я несколько не жажду составить конкуренцию миссис Поттер. Мне наш новоиспечённый директор больше нравится в недоступном виде.

Волдеморт засмеялся:

— Ну-ну, ладно-ладно.

— Продолжайте, пожалуйста, излагать ваш увлекательнейший план. Весьма поучительно.

Сложив пальцы домиком, Волдеморт продолжали свою речь:

— А ведь я почти скучаю по тебе прежней. Милая была девочка. Та, что сейчас передо мной — живучая гремучая змея. Ещё одна ветвь на стволе могучего некогда дерева. Но по

той, нежной, лживо-наивной и такой юной не скучать невозможно. — Волдеморт снова покрутил в пальцах палочку. — Ладно, если хочешь, поговорим о твоём Драко и моем последнем капризе. Видишь ли, я хочу, чтобы ты твердо усвоила урок, маленькая змейка. Привязанность — это очень дорогая вещь. Не всегда позволительная роскошь. Я бегло, в общих чертах, набросал тебе некоторые варианты, как можно твои чувства использовать против тебя. Но, вынужден признать, человеческая природа такова, что людям необходимо любить. Без этого человек перестает быть человеком. Что ж? Люби. Но не давай привязанностям поработать себя. Помни, София: другой человек — это всегда другой человек, чаще всего чужой и чуждый. Ему нельзя верить. Потому что, какими бы ясными глазами на тебя не смотрели, тебе все равно солгут. Какими бы словами не согревали, ясно же, что между твоими интересами и своими собственными, другой человек всегда выберет второе. Это так же верно, как и то, что вослед ночи придёт утро, а вечер сменится ночью. Запомни. Заучи. Никому нельзя верить. Ни на кого нельзя полагаться. Ни на кого не стоит рассчитывать. В этот мир человек приходит один, и из него он уходит один. От рождения до смерти ты можешь рассчитывать только на саму себя. Мужчина любит в женщине своё удовольствие, а ведь удовольствие, ясное дело, он способен получать от разных женщин. И, вне всякого сомнения, он будет это делать. Винить его в этом глупо. Он просто мужчина. Не стоит также переживать по этому поводу. Как бы хороша не была ты — другая хороша уже только потому, что она другая. Её привлекательность не уменьшает твоей. Просто такова жизнь.

***

София не сразу поверила глазам своим: как у Малфоя хватило наглости явиться к ней в спальню после всего, что случилось накануне?

— Убирайся! — зашипела девушка на блондина. — Убирайся отсюда немедленно! Ты...!? Как ты смеешь?! Убери гнусные лапы!!!

Драко засмеялся:

— Вот злюка! Но такой ты мне нравишься даже больше...

Руки юноши были горячими. Шероховатости на ладонях цепляли за мягкий шелк девичьей ночной рубашки.

— Пусти, грязный слизеринец! Жалкий слизняк! Хорёк вонючий!..

— Шлюха, — насмешливо блестя глазами, вернул комплимент блондин. — Мугродьё. Грязнокровка.

— Тварь!!! — шипела она.

— Сука, — спокойно парировал он.

— Урод! Козел! Мразь! Гадина! Подлец! Придурок!

Задохнувшись, София, наконец, закрыла рот.

— Всё? — участливо поинтересовался Малфой. — Впечатляет. На одном дыхании — и такой фонтан.

Его руки мягко, едва ощутимо скользили по девичьему телу вместе с мягким шёлком ночнушки. Сохранять надменно-презрительную мину Софии было нелегко. Тяжесть мускулистого тела, губы, легко порхающие по её шее, словно крыло бабочки, всё обещало наслаждение и пробуждало в ней желание. Требовательные прикосновения горячих ладоней к груди заставили тело напрячься.

— Я тебя ненавижу, Малфой, — процедила София сквозь зубы.

В ответ Драко впился в неё поцелуем. Требовательным. Атакующим. Беспощадным.

Ласковость и нежность были забыты. Пробудившееся желание сделало юношу жестким, почти жестоким. Руки до синяков стискивали плечи Софии; поцелуи жалили, словно пчелы. Когда рот Драко коснулся груди, София не сдержала сладострастного стога. Пальцы цеплялись за его плечи. Кожа плавилась. Вся комната была как в огне. В блондине не осталось ничего медлительного или холодного. Ничего Малфоевского.

Они оба горели на черном огне Блэков.

Яростный, неистовый, похожий на зверя, Драко словно и не замечал, что взятый им темп причинял Софии боль. Он напоминал горячий язык пламени, без всякого снисхождения пожирающего сухую ветку.

Его гортанный крик слился с её стоном и всё — ненависть и страхи, несогласия и примирения, непонимание и обоюдная ревность — растворилось в мучительных и одновременно сладких судорогах.

***

— Гринграсс? — Малфой заглянул Софии в глаза. — Ты должна понять, с Беллой у нас всё совсем не так. Я её никогда не любил. Просто хотел. Я никогда не испытывал с ней и десятой доли того, что чувствую сейчас к тебе.

Сухая, шершавая ладонь накрыла девичьи губы, не давая ничего сказать или возразить.

— Выслушай меня, ладно?

Драко вытянулся на кровати. В его пальцах появилась сигарета. Блондин прикурил от волшебной палочки и с наслаждением затянулся горьким дымом:

— Белла появилась в Малфой-мэноре сразу после того, как отца забрали в Азкабан. Просто вошла и осталась, будто всегда была... — Очередное облачко табачного дыма поднялось к потолку. — Днем она всё читала и читала книги, прогуливалась по дому, рассматривая безделушки, касаясь их чуткими пальцами, словно бы они могли чувствовать прикосновения. Обедала вместе с матерью, всегда в откровенных, сильно декольтированных платьях. — Он снова глубоко затянулся. — Почти каждую ночь я летал на метле, тренируясь со снитчем. Он тускло сверкал в темноте маленькой потерянной звездочкой, а я несся следом. Пока не выматывался до такой степени, что готов был с метлы валиться. Однажды тетка застучала меня за этим занятием и заявила, что я молодец, всё делаю правильно. Мол, хорошие Ловцы должны уметь играть даже в темноте, потому что именно ночью начинаются самые интересные игры. Мир прошлым летом словно пропитался похотью. У него было лицо Беллы. Моя зависимость от неё мне самому казалась болезнью. Она выпивала из меня все силы..

София, как замороженная, слушала, не сводя глаз с лица Драко — тонкого, бледного, очень красивого.

— Потом Белла отвела меня к Лорду. Видимо, получила приказ. Поначалу мне с ними даже нравилось. Эдакий ничем не ограниченный беспредел: ни рамок, ни скучных правил, ни морали. Это как парить в невесомости. Звучит красиво — парить, в то время как на самом-то деле ты по-идиотски висишь и почти никак не влияешь на ситуацию.

Кривая улыбка раздвинула губы юноши. В серых глазах плескалась грусть:

— Мы частенько седлали с ней мётлы и летели до ближайшего города, легко лавируя по широким проспектам или узким улочкам. Из ночного тумана выступали многоэтажки из стекла и бетона. По большей части для своих развлечений тетка выбирала молодых одиноких женщин. Хрупких, светлых. Таких как ты или моя мама. Склоняясь над ними, спящими, Белла шептала им что-то на ухо, творя сновидения. Под её дыханием невинные сны

сменялись кошмарами, в которых смешивались кровь и секс, дым и страх. Краски исчезали, превращаясь в серое невзрачное и неясное видение. Любимым сновидением моей тётки были сны о кровосмешении. Она прямо-таки упивалась ими. Это всегда её заводило.

Драко потрянул головой, словно пытался избавиться от какой-то назойливой, неприятной мысли:

— О Блэках ходили разные слухи... Я не хочу даже думать о их сгинувших кузенах. О Регулусе. О печально известном Сириусе. Чтобы её с ними не связывало, это теперь уже в прошлом... — Малфой потянулся за следующей сигаретой. — У неё была дурная привычка живьем свежевать маленьких зверьков. Различных грызунов, пойманных в лесу: хорьков, куниц, мышей. Белла готовила из них эффективные косметические омолаживающие зелья. Я и подумать не мог, какого результата можно добиться с помощью свежей крови и перемолотых косточек. Вот тогда-то я и пристрастился к этим маггловским... как их у вас называют?

— Наркотикам?

— Точно. Крышу с них рвало так, что мама не горюй. Впрочем, по этому поводу мама-то как раз и не горевала. — Драко загасил сигарету в пепельнице, наколдованной им из вазы. — А потом меня опустили. Прилюдно. В гостиной моего родового замка. И мама была вынуждена молча наблюдать за этим процессом. Я визжал, как свинья на бойне. Совмещённые Круцио и Сивый это, скажу я тебе, довольно сильные впечатления... — хрипло засмеялся Драко. — Думаю, когда Тёмный Лорд отдавал меня Сивому, он наказывал не столько меня, сколько Люциуса и Беллу. Иногда я думаю, уж не ревновал ли он её ко мне? Позже Сама-Знаешь-Кто заявил, что если к концу года Дамблдор будет жив, на моем месте будет моя мать... Двухвостка — знаешь, что это такое? Это когда в какую бы сторону ты не успел поставить нолик, противник все равно успеет выставить свой ряд крестиков. Двухвостка — это заведомый проигрыш.

— Соболезную, — тихо выдохнула София.

— Вечерами был Сивый. Ночами приходила Белла.

София молчала. Что тут можно сказать? Сумасшедшие? Оба. И племянник, и тётка. Заразительно ли безумие?

— Я и сам теперь не смогу определить, когда моё презрение и ненависть к тебе, неприятие самого факта нашего обреченного союза переросли в то, что есть. Кажется, после Дома с призраками. Я тогда всего лишь выполнял приказ Волдеморта, — скривился Драко. — Тёмный Лорд хотел, чтобы ты училась, а учит Темный Лорд жёстко. Но он никогда не хотел тебя сломать, вот меня и выписали для страховки, снабдив четкой инструкцией, что и как делать.

— Хоть что-нибудь в вашем мире есть настоящее? — грустно спросила София.

— Ты настоящая. Только ты...

18. Поттер в Малфой-мэноре

Ночью казалось, что тень, вставшая между Софией и Драко, испарилась, испепелённая силой страсти, казалось, девушка нашла в себе силы всё простить и двигаться дальше. Но потом пришло утро, трезвое, серое и промозглое. А вместе с утром осознание того, что тяжесть и тоска никуда не делись, что они по-прежнему давят сердце. Это была даже не ревность — это было уныние.

День обещал выдаться пасмурным, и ничего особенного в этом не было. Потому что если в России зима это мороз; то в Англии зима представляет собой пронизывающую до костей сырость. Не помогали ни огонь, постоянно пылающий в огромных каминах; ни магические заклинания.

— Нормально себя чувствуешь? — поинтересовался Драко, бросив в сторону Софии встревоженный взгляд. — Не куксись, ведь у нас сегодня праздник: эльфы донесли, что высочайший Темный Лорд убрался вон из моего дома.

В столовой Люциус и Нарцисса мирно беседовали у камина. Пахло лилиями любимыми цветами хозяйки.

Стоячий жесткий воротник туго обтягивал округлую, тонкую шею Нарциссы. Края воротника были столь остры, что оставалось только удивляться, как они не режут белую женскую кожу. Густые волосы платинового оттенка, стянутые на затылке тугим узлом, словно оттягивали голову назад.

Воистину, Нарцисса с Люциусом были самой красивой парой, которую Софии довелось видеть в своей жизни.

Эльфы расставляли столовые приборы, подавали золотистые гренки, грудку жареного цыпленка и прочие вкусности. От еды поднимался густой пар.

— У нас Поттер! — неожиданно и совсем некстати долетел со двора зычный голос Сивого. — Мы поймали Поттера!

— Что здесь делает эта тварь?! — Драко так резко вскочил со стула, что опрокинул его на пол. Серые глаза юноши метали молнии. — Отец, велите выгнать его отсюда немедленно!

Люциус окинул сына ледяным взглядом:

— Будь любезен держать себя в руках.

Двери распахнулись и в гостиную с хозяйским видом ворвались Сивый со Скабиором, волоча за собой троих измученных подростков.

— Что вы себе позволяете? — от голоса Нарциссы температура в комнате упала на несколько градусов. — Как вы смеете врывать в этот дом без разрешения?

Сивый зарычал, по волчьим оскалив зубы. София видела, что оборотень был вне себя от ярости, но невозмутимо маячивший за спиной жены Люциус заставлял его проявлять благоразумие:

— Мы должны видеть того, Кого-Нельзя-Называть. Так-то, дамочка!

— Кто ты такой, что что-то у меня требовать? — гордо выпрямилась Нарцисса.

— Ты знаешь меня, женщина. Отлично знаешь! — негодуя воскликнул оборотень. — Я Фенрир Сивый! А если запомнела, спроси сына своего, он-то наверняка меня помнит.

— Говорит, зачем явился, пёс, — потребовал Малфой-старший.

— Да я же уже сказал вам — мы поймали Гарри Поттера!

Люциус брезгливо отшатнулся, когда оборотень подтолкнул к ним парня с распухшим лицом, покрытым гноящимися язвами.

— Полагаешь, этот прокаженный может быть отпрыском одного из самых благороднейших семейств? — недоверчиво приподнял тонкие брови Люциус.

— Морда опухла до неузнаваемости, — вклинился в беседу Скабиор, — но, господин, это точно он. Вглядитесь повнимательней.

Егерь поднял челку, спадающую юноше на лоб, продемонстрировав всем известный шрам в виде буквы Z, которую упрямо миновали зигзагом молнии.

— Взгляните и на эту девочку, сэр, — увещевал егерь.

Будь они оба прокляты, и Скабиор и Сивый. В том, что они схватили именно Поттера у Софии не было сомнений.

— Драко! — позвал Люциус. — Это действительно Гарри Поттер?

— Я не уверен, — глухо ответил ему сын.

— Посмотри внимательнее! — повысил голос отец. — Ты должен понимать, что если мы передадим Гарри Поттера Темному Лорду...

Отец и сын обменялись молниеносными взглядами..

— Только когда станем передавать пацана Сами-Знаете-Кому, — ехидно заявил Сивый, — мы ведь с вами не забудем, кто в действительности его поймал. Так ведь, мистер Малфой?

— Разумеется.

Люциус подошел к пленнику, вглядываясь в обезображенное лицо:

— Что вы сделали с парнем?

— Это не мы, — оправдывался Скабиор.

— Так-так... — серые глаза словно зондом прощупывали лицо пленника. — Похоже на Проклятие Язвы, — прокомментировал Люциус. — Ну, Драко, нагляделся? Что думаешь? Это он?

— Не знаю, — стоял на своем сын.

— Мы должны быть уверены, Люциус, — сказала Нарцисса. — Нельзя по пустякам тревожить Темного Лорда. Особенно когда он занят.

— Ну, погляди тогда на грязнокровку! — Сивый с наслаждением вывернул девушке руку, заставив Грейнджер вскрикнуть от боли. — Её-то ты узнаешь, а? — Сивый жадно облизнулся. — Могу я взять её себе?

— Не можешь! — вскричал Драко. — Отец! Не отдавай Грейнджер этому псу!

— А это, получается, Уизли? — Люциус остановился около Рона. — Рыжий-рыжий, прерыжий...

Дверь стремительно распахнулась, пропуская Беллу:

— Цисси? У нас тут приём? — Белла хохотнула. — Гости, дорогие!..

Ведьма медленно обошла пленников, остановилась рядом с типом с перекошенной физиономией.

Взглянув на Гермиону она чуть пальцем ей в глаз не ткнула:

— Это Грейнджер!

— Да, Грейнджер... — привычно растягивая слова, кивнул Люциус. — И у нас есть все основания полагать, что перед нами Трио.

— Об этом следует оповестить Лорда! Немедленно...

Блэк поспешно засучила левый рукав. София не без любопытства глядела, как ярко-

алым ногтем женщина потянулась к черному черепу на предплечье.

— Я сам собрался призвать его, — недовольно процедил Люциус, перехватывая запястье свояченицы. — Я вызову его, слышишь? Это мой дом. И мои пленники. Я имею полное право...

— Право? — фыркнула Беллатрикс, вырывая руку. — Право? Ты растерял все права. И в первую очередь, право указывать мне, Малфой!

— Не ты поймала мальчишку!

— С вашего позволения, мистер Малфой, Поттера поймали мы. Так что нам и золото получать... — повернул своё «F» Сивый.

— Золото? — расхохоталась Беллатрикс. — Забирайте своё золото, жалкие стервятники! На что оно мне? Люциус! — осеклась Белла, перестав сопротивляться, будто наткнулась на взгляд василиска. — Что это?! Что это такое?!..

Проследив за её взглядом, София увидела в руках Скабиора меч. Обыкновенный меч, оружие как оружие. Ничего выдающегося, на её дилетантский взгляд.

Но костлявая рука Беллатрикс превратилась в жадную клешню, когда женщина простерла её к клинку:

— Дайте его! Немедленно дайте его мне!

Драко напряженно наблюдал за тёткой и, судя по выражению лица, тоже не особо понимал, по какому поводу столь экзальтированная истерика.

— Где вы это взяли? — зашипела Белла, словно последнее время брала мастер-класс у самой Нагайны.

— Был у них в палатке! — испуганно ответил Сивый.

— Пусть пленников запрут в подвале!..

— Нечего распоряжаться в моем доме, Белла, — возмутилась Нарцисса.

— Выполняй! И не перечь. Ты даже не представляешь, сестра, какая опасность нам грозит...

Нарцисса после короткого колебания кивнула одному из домовых эльфов:

— Отведи пленников в подвал.

— Стойте! — прикрикнула Белла. — Грязнокровку оставьте с нами.

— Нет! — Закричал Рон. — Нет! Лучше меня возьмите! Меня!..

Беллатрикс отвесила ему оплеуху:

— Заткнись! Веди их в подвал, ушастый, — велела она домовикам, — и запри хорошенько.

Вывав из складок мантии кинжал, ведьма перерезала веревку, отделяя Гермиону от других пленников.

— Гермиона! — кричал Рон. Крик его разлетался по черному замку тяжелым безнадежным эхом. — Гермиона! Гермиона! ГЕРМИОНА!

Люциус предпочитал смотреть в камин, Нарцисса в пол, Драко вдруг заинтересовался обоями на стенах. Гермиона обратила кричащий о помощи взгляд к Софии.

— Ну, сучка? — хохотнула Белла, дёргая девочку за волосы. — Сейчас ты нам расскажешь всё, от начала до конца.

Гермиона всхлипнула:

— Что вы хотите от меня услышать?

— Как к вам попал меч Годрика?

— Не знаю.

— Круцио!

Гриффиндорка повалилась на пол и скорчилась, напоминая полураздавленное насекомое.

Она кричала, и кричала, и кричала...

— Хватит, Белла! — не выдержав, зажала София уши. — Прекрати это!

Поняв, что Блэк-Лейстрейндж и не думает останавливаться, София повисла у ведьмы на руке. Разъярённая Белла, не помня себя, обернулась, и её палочка уперлась Софии в грудь.

Люциус, в то же миг, приставил свою палочку виску Блэк, словно дуло пистолета:

— Нет уж, — вкрадчиво прошелестел он, — я больше не позволю тебе причинять боль тому, кто носит имя Малфой.

Белла засмеялась:

— Ты посмеешь, Люциус? Действительно посмеешь что-то «позволять» или «не позволять» мне?

— Опомнись, Белла, — подала голос Нарцисса, делая шаг вперёд. — Что ты творишь? Лорд этого не одобрит.

Белла отпихнула от себя Софию, толкнув её к Драко. Юноша немедленно оттащил невесту от бесноватой тётушки.

— Мне нужно знать! — безумно вращала тёмными глазами Белла. — Этот меч — полбеда. Есть куда более ценные вещи!..

— Гермiona! — кричала София, безуспешно пытаясь вырваться из рук Драко. — Ты же понимаешь, что они не остановятся? Скажи им то, что они хотят знать! То, что ты скажешь, на самом деле не так уж и важно!

Люциус, поморщившись, отвернулся.

— Я не знаю, — твердила Гермiona, рыдая и ломая в отчаяние руки. — Не знаю, правда! Они нашли меч без меня...

— Кто нашел? — коршуном налетела на гриффиндорку Белла. Она распростерлась по полу рядом с раненной Гермियोной. Двигаясь изящно и интимно, словно любовница и одновременно с этим плотоядно, как хищница. — Отвечай! — хлестала Белла Гермionу по лицу. — Кто нашел? Отвечай! Отвечай!! Говори!!!

— Гарри! — стонала Гермiona, жалобно всхлипывая. — Гарри и Рон.

— Где? — рычала Белла. — Где они нашли его?

— Не знаю...

— Где?!

— Не знаю!

— Лживая паршивка, вы забрались в мой сейф в банке? Правду говори! Правду! Круцио! Нарцисса зажала уши руками, отворачиваясь от безобразной сцены.

Гермiona закричала пронзительно и надрывно, как смертельно раненное животное.

— Я была в палатке... — судорожно рыдала она. — Я спала, а Гарри ушел... потом... когда вернулся... меч уже был у него, он нашёл его где-то в лесу... Где-то в лесу, клянусь! Клянусь, я больше ничего не знаю. Я ничего не знаю!!!

— Лжешь! — не унималась Белла. — Что вы ещё взяли помимо меча? Говори правду, не то я тебя зарезу. Как вы забрались в мой сейф?

— Этот меч не настоящий. Он подделка! Просто подделка!

— Подделка?.. — хрипло каркнула Белла, опуская палочку. Она тяжело дышала, словно долго бежала бегом. — Подделка? Хм! Звучит правдоподобно.

— Если меч подделка, это легко проверить, — Люциус отер испарину со лба батистовым платком. — Помнится, у нас в подвале отдыхают гоблины? Драко! София! — он смерил сына долгим многозначительным взглядом, приподнимая брови и чуть склоняя голову. — Потрудитесь привести одного из них.

Драко почти волоком тащил упирающуюся София. Когда они оказались на лестнице, он взмахнул палочкой, и их окружило теплое золотистое свечение:

— Уймись ты уже! Ничего с твоей Грейнджер не сделается, сейчас главное вытащить отсюда Поттера до прихода Лорда.

— Как это сделать?

— Вызову Добби. Пусть позаботится о своем «драгоценном Гарри».

— Но Добби больше не принадлежит Малфоям!

— Он никогда им и не принадлежал. Добби — наследство Блэков, это мама приказала ему охранять Поттера, вот Добби ревностно её приказ и блюдет.

София моргнула, пытаясь переварить информацию. Казалось бы, маленький фактик, а как меняет всю картину?

— Если у нас не получится?

— Не может быть никаких «если»! — рявкнул Драко. — Добби!

Вспышка. И вот уже на ступенях перед ними стоит лопоухое существо с глазами-блюдцами:

— Хозяин звал Добби? Добби...

— Заткнись и слушай. Гарри Поттера и его друзей схватили. Вытащи их. Вытащи любой ценой. Ясно?

— Добби всё ясно, хозяин, — уши захлопали эльфу по щекам.

— Постарайся вытащить заодно уж и грязнокровку, что сейчас наверху. Но это уж как получится. Поттера спаси обязательно. Всё понял?

— Добби всё понял, хозяин. Добби выполнит.

Когда молодые люди вернулись в гостиную, волоча за собой гоблина, Гермиона неподвижно лежала у ног Беллы.

— Вы что-то не торопились? — раздраженно обернулась ведьма.

Сын и отец снова обменялись взглядами, и Софии показалось, что Драко едва заметно кивнул Люциусу.

— Гоблин, — обратился к пленнику лорд Малфой, — как тебя зовут?

— Крюкохват, — голосом несмазанной телеги проскрипело в ответ.

— У нас для тебя есть работа, Крюкохват. Вот меч. Взгляни — он настоящий?

Гоблин неспешно провёл пальцем по лезвию, внимательное, почти дотошно рассмотрел клинок, поворачивая его то так, то эдок на свету, проверил балансировку.

— Ну? — нетерпеливо притопнула ногой Белла. — Настоящий или нет?

— Подделка, — хрюкнул Крюкохват.

— Уверен? — задохнулась Белла. — Совершенно уверен?

— Да, — кивнул гоблин.

Беллатрикс заметно расслабилась:

— Полагаю, что грязнокровка нам больше не понадобится? Авада...

София попыталась ей помешать, но Драко удержал её, прижав к стене и навалившись всем телом.

— Нет!

В столовую ворвался Рон, парализуя лорда Малфоя Ступефаем.

— Экспелиармус!

Палочка вырвалась из рук Беллы влетая в руки к Поттеру.

— Стоять! Или она умрёт! — не растерявшись, Беллы приставила нож к горлу Гермионы.

Лежа на ней сверху, ведьма хохотала, как никогда, похожая на обезумевший кошмар.

— Бросайте палочки или мы все сейчас увидим, насколько грязная у неё кровь!

Гарри в нерешительно переступил с ноги на ногу.

— Я сказала: бросайте!!!

Белла крепче прижала лезвие к горлу Гермионы и на белой коже выступили алые капельки крови.

— Ладно, — выплюнул Поттер.

В следующую секунду их с Роном палочки покатались по полу.

— Драко! Подбери, — злорадно улыбнулась Беллатрикс.

Слабое дребезжание заставило всех поднять глаза. Огромная хрустальная люстра дрожала всеми своими подвесками перед тем, как оборваться и полететь вниз. Грохнувшись об пол грудой цепей и хрусталя, она накрыла Гермиону, гоблина и Драко, во все стороны брызнув осколками хрусталя.

Белла успела отскочить.

— Драко! — одновременно закричала Нарцисса и София.

Вдвоем с Нарциссой им удалось вытащить Драко из-под осколков. Рон вместе с ними бросился под обломки, стремясь вытащить Гермиону.

Беллатрикс визжала, подпрыгивая на месте и, за неимением волшебной палочки, воинственно размахивала ножом:

— Добби! Дрянная мартышка! Как смеешь ты не слушаться хозяев?!

— Добби должен спасти Гарри Поттера и его друзей! — пищал домовик в ответ.

Драко застонал, слабо шевельнувшись.

— Не двигайся, родной! — всхлипнула Нарцисса.

— Помоги им. Помоги, мама!

— Кому помочь?

София, поняв, о чем просит Драко, схватив с пола палочки, сунула их в руки подросшему Поттеру.

Мальчик-Который-Выжил неожиданно схватил Софию за руку.

— НЕЕЕЕЕЕЕТ! — услышала она голос Драко.

Комната уплывала, погружаясь во мрак, как тонущий корабль в воду. Поделаться с этим было уже ничего нельзя.

19. Коттедж "Ракушка"

София почувствовала под ногами твёрдую землю. В воздухе остро пахло солью и водорослями. По песку к ним навстречу бежали какие-то люди, размахивая руками.

— Добби, — звал Поттер, — это и есть коттедж «Ракушка»? Добби?.. — голос дрогнул. — Добби!

Едва взглянув на эльфа, София поняла, отчего так тревожно звучал голос юноши — из груди домовика торчала рукоятка кинжала Беллы.

— Добби, нет! — София впервые слышала, чтобы Поттер так кричал. — Нет, Добби нет! Помогите! Кто-нибудь, помогите!

Подхватив умирающего эльфа на руки, Поттер аккуратно уложил его боком на траву.

— Добби, не надо! Не умирай... только не умирай...

Софии в последний год довелось увидеть достаточно смертей, чтобы понять — никакими криками, заклинаниями или лекарствами Добби уже не удержать. Эльф умирал.

Губы домовика дрогнули, с усилием складываясь в слова:

— Гарри... Поттер...

В неподвижных, словно стеклянные шарики, глазах, отразилось серое зимнее небо. Добби в последний раз дёрнулся и затих.

Гарри продолжал стоять на коленях рядом с телом друга, Гермиона всхлипывала на плече Рона, а София переминалась с ноги на ногу рядом, не зная, что ей делать.

— Ты?! — зарычал на неё подбежавший Дин Томас. — Что ты здесь делаешь?!

Рядом с Дином маячила яркая блондинка, чьи длинные локоны ухитрились переливаться золотистыми бликами даже в пасмурную погоду. Эту красавицу поддерживал один из Уизли. В том, что это Уизли, сомнений быть не могло: рыжие волосы, бросающая красота и вызывающее выражение лица — визитная карточка всего семейства.

— Том, не нужно, пожалуйста, грубить, — попросила Луна Лавгуд.

Гарри поднялся с колен, яростно растирая глаза кулаками. Он не хотел, чтобы его видели плачущим.

— Что теперь прикажешь делать с этой слизеринкой?! — угрожающе кивнув на Софию, спросил у Поттера Дин.

Гарри обернулся:

— Что ты имеешь ввиду?

— Ты притащил к нам Пожирательницу!

— Покажи руки, Астория, — потребовал Гарри.

София беспрекословно закатила пышные рукава. Кожа на её предплечьях белела первозданной чистотой.

— Она не Пожиратель. Видишь?

— Гарри, — недоверчиво покачал головой один из Уизли. — Никто из наших не одевается, как она, не смотрит, как она и не говорит, как она? Может быть, эта Гринграсс и не Пожирательница, но она явно не на нашей стороне.

— Флёр, вроде бы, тоже не носит дешёвых мантий? — огрызнулся Мальчик-Который-Выжил. — Тебя же это не сильно напрягает, да, Билл?

— Да, Гарри, — уронила Луна, — но в Хогвартсе Астория всегда была рядом с

Малфоем. Посмотри, на её пальце их семейное кольцо.

Софии захотелось спрятать руку от быстрого, как молния, взгляда, которым одарил её Поттер.

— И ещё, — добавил Дин, — слизерицы боялись её. Куда больше, чем самого Малфоя.

Ярко-зелёные глаза Гарри вонзились Софии в лицо, ища ответы на озвученные вопросы.

Поттер выглядел измученным, даже изможденным. Под его глазами пролегли широкие серые мазки, от природы высокие скулы заострились ещё сильнее, щеки запали. Во взгляде молодого человека читалась озлобленность затравленного зверя. Зато шея казалась тонкой до прозрачности, по-детски уязвимой. Жалость шевельнулась в сердце Софии вместе с щемящей нежностью. Бедный, бедный Поттер...

— Кто же ты, Гринграсс? — с затаённой тоской спросил он её.

— Вспомни, ведь после смерти Дамблдора она ушла со Снейпом и с Малфоем, — напомнил Билл.

— Ты был там, Гарри, — подала голос Луна, — ты же сам видел.

— Но она же из тех, кого они сами называют грязнокровками! Она же, как Гермиона!.. Я ничего не понимаю! Как Малфои могли согласиться на твой брак с Драко, Астория? Как?

— Может быть, она вовсе не та, за кого себя выдаёт, — подытожил Дин, пожимая плечами.

София склонилась над Добби и вытянула острый кинжал, — прощальный подарок Лейстрейндж, — из раны.

— Гарри, осторожней! — Луна поддалась вперёд, словно намеревалась закрыть друга собой.

Поттер, не моргнув глазом, стянул с себя куртку, и укутал тело несчастного Добби.

— Позаботьтесь о Крюкохвате, он тоже ранен. А я хочу похоронить Добби как следует, без волшебства. Лопата найдётся?

Спустя четверть часа Билл, Гарри и Рон копали могилу на краю сада, среди кустов душистого жасмина. Флёр и Луна тихонько плакали, а у Софии не находилось слёз для Добби. Она не могла воспринимать его как человеческое существо. Он был чем-то вроде собаки, верной и милой, но она видела эльфа всего один раз, в полумраке, мельком и, в отличие от большинства присутствующих, не была обязана ему жизнью.

Софию куда сильнее волновала мысль о том, что теперь сделает Темный Лорд с Малфоями. Потерю Поттера Волдеморт как раз переживет куда легче, чем большинству представляется, а вот похищение Софии, да ещё у себя из-под носа — такого Темный Лорд Малфоям не простит. Да за подобное он с них живьём шкуру спустит! Нужно отыскать способ вернуться, чем быстрее, тем лучше.

Поттер, Рон и Билл все копали, лопаты вгрызались в мерзлую землю.

Услышав всхлип, София обернулась. Рядом стояла Грейнджер.

— Спасибо тебе, — сухо вато поблагодарила та.

— За что? — не поняла София.

— За то, что помогла нам с Роном сбежать.

Пожалуй, Гермионе есть за что проявлять благодарность. Только адресовать её нужно не ей и даже не Добби, а Нарциссе и Драко. Добби, тот всего лишь выполнял приказ законных хозяев.

Ледяной ветер, наполненный колючей влагой, раздувал отяжелевшие от мороси волосы девушек.

Когда могила стала достаточно глубокой, Гарри дал знак прекратить копать. Рон разулся и надел свои носки на босые ноги мёртвого эльфа. Дин, в свою очередь, снял с себя шапку и осторожно надел её на голову Добби, натянув на уши, напоминающие крылья летучей мыши.

— Нужно закрыть ему глаза, — прошептала Луна.

Присев на карточки, она, нежно коснувшись век домового. С ласковой, будто извиняющейся улыбкой, взглянула на бледного Поттера.

— Вот, — сказала Лавгуд тихо, — теперь он будто спит.

Гарри и Рон опустили тело Добби в могилу. На дне земляной ямы маленькое тельце домового эльфа походило на тело ребёнка. София почувствовала, как серая пелена слёз все-таки застилает глаза.

Лицо Поттера исказилось, сделавшись почти злым:

— Вот и все, чего ты заслужил, — отрывисто проговорил он, сжимая челюсти так, что желваки заходили. — Наскоро вырытую могилу среди жухлых кустов. Прости меня, друг...

— По-моему, нужно ещё что-то сказать? — снова заговорила Луна. — Я первая, ладно? Спасибо тебе большое, Добби, что ты спас меня из подвала...

София с удивлением посмотрела на Лавгуд. Луна, что? Тоже была пленницей в Малfoy-мэноре? Ведь Драко не мог об этом не знать, почему он не сказал ей?

Луна продолжала причитать над Добби:

— Ужасно несправедливо, что тебе пришлось умереть, когда ты такой хороший и храбрый. Я всегда буду помнить, что ты сделал для меня. Надеюсь, сейчас ты счастлив.

Луна обернулась на Рона, уверенная, что тот продолжит.

— Спасибо, Добби, — прошептал Рон, склоняя буйную рыжую голову.

— Спасибо, — эхом вторил Дин.

— Спасибо тебе за всё! — громко всхлипывая, проговорила Гермиона, отворачиваясь, словно не в силах больше созерцать тягостную картину.

— Земля да будет тебе пухом, — проговорила София.

Дин и Луна поглядели на неё с удивлением; Билл и Флер — настороженно, Гермиона с одобрением, а Рон с неприязнью. Гарри не удостоил взглядом.

— Прощай, Добби, — прошептал он.

Билл поднял было палочку, но Поттер снова взялся за лопату.

И София услышала это — звук падающих комьев земли. Глухо. Безнадёжно. Окончательно. Бесповоротно. Точка.

Лицо матери. Её улыбка...

Отец. Его сильные уверенные руки...

— Астория? Ты в порядке? — спросила Гермиона, кладя руку на плечо.

— Лицемерная тварь! — фыркнул Дин презрительно. — Хочешь убедить нас, что вместе со всеми скорбишь о Добби? Даже речь толкнула! Боишься за свою жалкую жизнь, да, змеюка?

— Дин! Отстань от неё! — прикрикнула Гермиона.

— Не указывай, Грейнджер!

— Полгода назад Сивый убил моих родителей, — прошептала София, обращаясь скорее к себе, чем к кому-нибудь из них. — Полгода назад...

Она была не в силах оторвать взгляда от равномерных взмахов лопат, посылающих очередную порцию земли в яму, с каждым взмахом уменьшая её.

Теплые мягкие объятия гриффиндорки некстати так напомнили о матери. Шесть месяцев София не плакала, а тут слезы полились градом, словно плотину прорвало.

— Я что-то пропустил? — донёсся ироничный, немного раздраженный голос Рона. — Когда это вы успели так подружиться, девочки?

— Рон, пожалуйста! — попросила Гермиона. — Я тебе позже все объясню, ладно?

***

На могиле Добби выросла каменная плита с надписью:

«Здесь лежит Добби — свободный домовик».

Истеричный смех булькнул в гортани Софии: «Рожденный ползать — летать не сможет», — этого закона не отменить. Рожденный рабом умирает рабом вот правда; а рожденный господином господином живет. Большинство героических усилий никуда не приводят. Если не считать такой вот плиты.

Но Добби это заслужил. Пусть он верно служил своим истинным хозяевам, сердце его действительно принадлежало Поттеру.

София опустила на землю, закрывая глаза и уцепившись руками за сухие, высохшие, вымерзшие пучки серебристых трав:

— Да будет земля тебе одеялом и никакая темная сила не сможет поднять твоих бранных останков. Покойся с миром.

Земля откликнулась, словно давая обещания оберегать эльфа и не выпускать из своих недр ни при каких обстоятельствах.

***

Коттедж Билла и Флёр стоял на самом краю прибрежных утёсов. Белые оштукатуренные стены украшали морские раковины. Место выглядело безлюдным и довольно красивым. И в доме, и в саду постоянно слышался шум моря, точно сонное дыхание огромного существа.

Комната, в которую они вошли, была выдержанна в светлых тонах. В ней ярко горел огонь.

— Гарри? — позвала София.

Юноша устало поднял на неё глаза.

— Нам нужно поговорить, — закончила она.

— Эй, погоди-ка! — удержал девушку Рон. — Сначала палочку свою мне отдай. Так, на всякий случай.

София отдала ему палочку, перед тем, как пройти за Поттером в другую комнату.

— О чем ты хотела поговорить? — спросил Поттер. И, не дождавшись ответа, сам продолжил. — Я считал, что у Волдеморта ты была пленницей, но Дин утверждает, что ты для Пожирателей своя.

— Не всё так просто...

— В чём сложность? — спрятал руки в карманы джинсов Поттер.

София вздохнула:

— Как ты думаешь, почему Дамблдор взял меня с вами в пещеру?

— Не знаю. Может быть, он просто доверял тебе?

София горько усмехнулась:

— Я так не думаю, у него не было причин для доверия. Как не было особого выбора. Только кровь Мраксов могла служить ключом к порталу, Гарри.

— К чему ты клонишь? — тёмные стрельчатые брови юноши сошлись на переносице.

— Я последняя в роду Мраксов, Гарри.

— Не понимаю! У Волде... — тьфу, черт! — у Сама-Знаешь-Кого детей никогда не было. У Меропы был только один ребёнок. Так как же?..

— У Меропы Мракс была сестра-близнец — моя прабабка. Бабушка и мама могли считаться сквибами, так что я действительно грязнокровка. Но это не отменяет того факта, что я — Мракс.

— Хочешь сказать, Волдеморт столь сентиментален, что проникся к тебе родственными чувствами? — неприязненно засмеялся Поттер.

— Чувства здесь совершенно не причем. Простая я единственная, кто обладает фамильными способностями Мраксов.

— Какими такими способностями?

— Уж прости, не твоё дело.

— Ещё как моё!

— Гарри, я не скажу. Пожалуйста, не дави на меня!

— С какой стати я должен с тобой деликатничать?! — заорал он. — Ты — мой враг! Мы по разную сторону баррикад, ясно? Так что могу, по примеру Беллы, хоть Круцио применить, чтобы заставить тебя рассказать всё, что мне нужно.

— Мило. И в чем тогда будет разница между хорошим и плохим парнем? — поинтересовалась София.

Поттер упал в кресло, пряча лицо в ладонях.

— Гарри, пожалуйста, — тронула его за плечо София, — отпусти меня.

— Отпустить? Куда?! К Волдеморту?! — Лицо юноши неожиданно дрогнуло, смягчаясь. — Гермiona сказала, что Пожиратели убили твоих родителей?

София опустила голову:

— Волдеморт не давал приказа убивать их...

— Ты его оправдываешь?

— Нет... я... хотя, наверное, да... да, оправдываю.

— Если ты его боишься, мы поможем тебе спрятаться. Конечно, это рискованно, конечно, мы можем проиграть, а значит, и умереть. Но погибнуть ведь можно на любой стороне. И лучше умереть с чистой совестью. Гермiona говорила, что ты до последнего мешала Белле пытаться её. Ты не можешь одобрять того, чего хотят эти люди...

— Гарри, я не одобряю! Но я должна вернуться...

Господи боже, как же все это тяжело! Неужели он не может просто отпустить её? К чему все эти душеспасительные беседы?

— Ты до такой степени его боишься? — с презрительной жалостью уронил Поттер.

Длинные ресницы за очками казались стрелами. Каждая нацелена в сердце прямым укором.

— Боюсь, конечно. Всё его боятся, — ответила София. — Но дело не в этом.

— А в чем же тогда это проклятое дело?

София не могла принять предложенную ей помощь. Видит бог, она бы хотела. Но не могла. Потому что, если она не вернется, что будет с Драко? Что сделает с ним Волдеморт?

— София! — увещевал Поттер. — Позволь мне помочь тебе, вы ведь просто запутались. Ну, какая ты Мракс? В тебе обычной человеческой крови куда больше, чем крови этих жутких монстров.

— Как ты можешь судить? Ты меня совсем не знаешь...

— Пойдем со мной, и, — клянусь! — я смогу тебя защитить. Я не позволю и волоску

упасть с твоей головы. Вместе мы остановим это чудовище, у нас получится! Мы отомстим за наших родителей. Ты. И я.

В голосе Гарри была такая убежденная, иступленная страстность, что на секунду София почти готова была сказать ему: «Да!». Но... но был Драко. И она любила его, своего вероломного, ветреного, непредсказуемого блондина, достойного сына скользкого друга Волдеморта. Любила, несмотря ни на что. И не могла им пожертвовать. Даже ради Поттера.

— Скоро я стану леди Малфой, Гарри. Не потому, что меня принуждают, а потому что сама этого хочу. Я не пойду с тобой. Понимаешь?

— Нет, если честно, не понимаю! Как можно любить того, кто причиняет тебе боль?

— Для меня нет другого пути.

По привычке юноша взъерошил волосы, а потом снова спрятал руки в карманы.

— Гарри для всех, и в первую очередь для тебя, так будет лучше. Волдеморт будет искать тебя...

— У тебя нет новости поновей? Будет искать? Пусть ищет! В последнее пятнадцать лет это его любимое развлечение!

— Ты...ты меня непустишь, да? — жалобно всхлипнула София.

— Ты что-то напутала. Здесь нет Пожирателей. Мы не берём заложников. Хочешь идти? Иди!

— Значит?.. — с надеждой подняла голову София. — Значит, я могу прямо сейчас отправиться в Хогвартс?

— Отправляйся хоть к черту на рога! Бил поможет тебе добраться до Хогвартса.

Поттер ушел, хлопнув за собой дверь.

София не сомневалась в выборе, который сделала. Тогда почему так больно?

20. Бузинная палочка

Не прошло и десяти минут, после того, как Филч вышел, проводив Софию в кабинет директора, как появился Снейп, окруженный, словно крыльями, своей летучей мантией. Глаза зельевара блестели в лихорадочном возбуждении.

— Ваше появление весьма кстати, мисс Гринграсс, — процедил он. — Тёмный Лорд ещё не успел снять кожу с Малфоев за ваше поспешное бегство из мэнора.

— Я не сбегала, — возразила София. — Прошу вас, уведомите дядю о моём возвращении!

— Милорд извещён. Он скоро будет здесь. К несомненной нашей радости.

По стенам метались и корчились тени. Волдеморт вплыл в комнату, словно призрак. Для пущего эффекта не хватало только тумана.

— Рад видеть тебя, дорогая племянница, — тонкогубый широкий рот Тёмного Лорда растянулся в жуткой клоунской ухмылке. — Вдвойне счастлив оттого, что не придётся отрывать голову нашим драгоценным Малфоям. Я уже устал наказывать незадачливого Люциуса. Северус, дорогой мой мальчик, — в тоне явственно слышалась издёвка, которую Их Темнейшество и не думали скрывать, — у меня прекрасные новости! Как раз сегодня мне удалось узнать, где находится последний из Даров Смерти, столь необходимая мне Бузинная палочка.

София непонимающе нахмурилась.

— Будь добр, введи мою племянницу в курс дела, раз уж просвещение твоя работа, — велел Тёмный Лорд.

Снейп устало потер переносицу:

— Существует легенда о том, как трём братьям, Антиоху, Кадму и Игнатосу Певерелл явилась Смерть и вручила свои дары: Смертоносную палочку, Воскрешающий камень и Мантию-невидимку. Мантия-невидимка обладает универсальными качествами — того, кто спрятан под ней, нельзя обнаружить никакими заклинаниями, Воскрешающий камень позволяет мертвым вернуться в мир живых, а Смертоносная палочка делает своего владельца неуязвимым и непобедимым.

— Эти Дары, они как-то связаны с нашими фамильными способностями некромантов? — вопросительно взглянула София на Волдеморта. — Мантия-невидимка, она ведь у Поттера, правда?

— Полагаем, что правда, — кивнул Снейп.

— А Бузинная палочка?

— Все эти годы была у Дамблдора. Но сегодня, — ухмылка Волдеморта стала ещё шире. Он торжествовал. — Сегодня мы поднимем великого старца и поинтересуемся у него, где ж она теперь? Подумать только! Когда-то я просил у Дамблдора, как великой милости, о возможности остаться в Хогвартсе, а теперь вся школа, да что там школа, вся Британия — моя! Я могу делать с ними, что захочу, всё, что пожелаю! Но сначала... — Волдеморт обернулся к Софии. — Сначала нужно закончить одно небольшое дельце. Дневник, кольцо Мраксов и медальон Слизерина уже уничтожены. Чаша находится у Поттера, ему таки удалось выцепить её из Блэковского хранилища. Диадема Кандиды Когтевран тоже здесь, в Хогвартсе. Ты должна будешь помочь великому Поттеру отыскать её, как только он сюда

сунется. После уничтожения Диадемы я убью Нагайну, и тогда останется только Поттер...

— Разве нельзя сохранить ему жизнь? — с тоской протянула София.

— Нет, — жестко отрезал Темный Лорд. — Теперь вернёмся к вопросу о Бузинной палочке. На моей памяти Жезл Смерти принадлежал двум волшебникам: Гриндевальду и Дамблodore. И их обоих считали великими волшебниками.

— Твоя слава и без Бузинной палочки превзошла их славу, дядя, — постаралась подольститься София.

— Идём! — резко прервал он её.

Волдеморт схватил Софию за руку. В тот же миг их окружил туман. Когда морок рассеялся, не было ни кабинета Снейпа, ни замка. Однако они всё ещё находились на территории Хогвартса, его каменная громада закрывала половину неба.

В окнах школы не светило ни огонька.

— Видишь белую мраморную гробницу? — с тихим, зловеще-шелестящим смехом, проговорил Волдеморт. — «Последний же враг истребится — смерть!», — процитировал он.

Взмахом палочки он расколол надгробную плиту Дамблдора от изножья до изголовья.

— Ну, что серебрянноволосое лживое ничтожество? — прорычал тёмный маг, торжествуя над давним врагом. — Где твои сила, гордость и величие? Черви пируют на твоих останках. Долгие годы ты был камнем преткновения во всех моих начинаниях. Ты был самым лучшим учителем, но ты же был и самым верным моим врагом. Живым ты никогда мне не покорялся, но теперь ты мертв, и не в силах мне противостоять. Такова смерть, последнее и самое страшное унижение, приготовленное нам жизнью.

Гробовые пелены соскользнули с тела Дамблдора по мановению палочки Волдеморта, открывая лицо, бледное до прозрачности, но почти не тронутое тленом. На кривоватом носу по-прежнему плотно сидели очки. Руки великого волшебника были сложены на груди, зажимая непобедимую Бузинную палочку.

Волдеморт жадно выхватил вожаденный трофей.

— Наконец-то!!!

Но проделывая какие-то пассы Его Темнейшество утратило победный вид. Поток брани сорвался с его губ:

— Это не она! Жалкая подделка! Преисподня! — рычал он. — Будь ты проклят, Дамблдор!!!

Схватив Софию за руку, Волдеморт подтолкнул её к краю гроба.

— Поднимай его!

— Что?!

— Поднимай его! Живо!

— Я не стану!

— Ещё как станешь!

— Нет! Не заставляйте!

— Заставлю.

— Нет!!!

Кости затрещали от железной хватки, и без того жуткое лицо Волдеморта перекосило от больше ничем не сдерживаемой ярости:

— Ты с кем характером надумала тягаться, пигалица?! Я ломал людей, в одном мизинце у которых ума и силы было больше, чем во всем твоём жалком существе!

— Я не стану выполнять ваше святотатственное требования...

В глазницах Волдеморта запылали раскаленные угли, он вскинул палочку. София зажмурилась, в ужасе понимая, что пробил её последний час.

Но Авады не случилось. Её сбил с ног обыкновенный удар.

Схватив племянницу за волосы, Волдеморт швырнул её на колени, приставив палочку к её щеке:

— Не заставляй меня наказывать тебя на непокорность. Не скрою от тебя, ты важна для меня и потому я не стану рисковать твоей драгоценной жизнью. Я могу превратить твоё хорошенькое личико в кровавый бифштекс, покрыть его такими жуткими шрамами, что ни один мужчина на тебя никогда не взглянет. Но пообещай быть хорошей девочкой, моей послушной маленькой куколкой, и мы снова станем друзьями.

София кивнула в знак того, что подчиняется.

Волдеморт ухмыльнулся, медленно отводя палочку от её лица:

— Вот так бы сразу. Не будем ссориться. Нас, Мраксов, осталось так мало.

Кипя от негодования и сгорая от ужаса перед тем, что предстояло сделать, София подошла к гробнице. Опустившись на колени, положила руки на стылую землю. Привычно сомкнула веки, потянула за ниточку, соединяющую с темными водами преступной силы.

Словно ток пошёл из невидимого резервуара.

А потом всё пошло неправильно. Её сила разбивалась обо что-то невидимое, но мощное. Виски заломило. Тело сотрясла неприятная дрожь.

— Не могу, — со стоном отпрянула София.

— Не испытывай моего терпения, девочка, — скучающим тоном процедил Волдеморт.

— Я действительно не могу! У меня не получается!

— Значит, ты плохо стараешься!

— Я делаю то же, что всегда! Просто Дамблдор был великим волшебником, видимо, он...

— Мёртв! Он мёртв, и он никому не может противостоять! Давай, делая свою работу, или я очень, очень разозлюсь!

— Уймись, Том, — раздался холодный низкий женский голос.

— Василиса! — с облегчением выдохнула София.

— Добрый вечер, Риддл, — холодно приветствовала Василиса своего внука.

— Что ты здесь делаешь? — прошипел он в ответ.

— Ты же не ответил ни на одно из моих приглашений, вот я решила навестить тебя сама.

Василиса бросила взгляд в раскрытую могилу и по её лицу промелькнула тень недовольства:

— Ты получил свой вожделенный Жезл? Поздравляю.

— Это не Жезл! Это жалкая подделка! Проклятый Гриндевальд обманул меня!

— Прекрати истерику, Геллерт тебя не обманывал. Палочка, которую ты держишь в руках, настоящая.

— Тогда она неисправна!

— С палочкой как раз всё в порядке, Том. Просто она тебя не слушается, вот и все.

— Не слушается? — неприятно засмеялся Волдеморт. — Не слушается? С чего бы ей меня не слушаться? Она считает, я для неё недостаточно хорош?

— Жезл Власти подчиняется лишь тому, кто одержал кровавую победу над его предыдущим владельцем, одержал её лично. В любом другом случае ты можешь быть только

хранителем, но не полновластным владельцем.

— Но Дамблдор не убил Гриндевальда!

— Дамблдор никогда не стремился к власти. Храня у себя эту проклятую реликвию, он всего лишь предотвращал новые трагедии, не более.

— Что ты-то об этом можешь знать, женщина? — пренебрежительно повел плечом Темный Лорд.

Василиса хищно оскалилась:

— Достаточно, Том. Достаточно, чтобы порекомендовать тебе оставить всё, как есть и не пытаться ничего изменить. Но ты меня не слушаешь, как не слушал никогда.

Василиса повернулась к гробнице, распростёрла руки и земля сомкнулась над останками величайшего волшебника своего времени. Расколотое надгробие срослось так, что не осталось даже намёка на трещину.

— София в самом деле не смогла бы поднять Дамблдора, — с укоризной выдохнула она. — Как бы не сильна она была, со мною ей не сравниться. Я лично запечатала доступ к телу Дамблдора предвидя твоё появление.

— Как мило с твоей стороны, — прорычал Волдеморт.

— Я ведь просила тебя, Том, — голос Василисы звучал, словно отдалённые, приглушенные раскаты грома. — Просила не причинять вреда Софии!

— Я выполнил твою просьбу.

— У тебя своеобразное представление о том, что такое вред. Ты нарушил все правила, все договоры и обещания. Ты достойный внук своего деда, жалкого Марволо.

21. Накануне

Атмосфера в Хогвартсе накалялась день ото дня, всё сложнее становилось терпеть Кэрроу, которые, наводя собственные порядки, не стеснялись затягивать гайки. Теперь новый день полагалось начинать, выстроившись в две длинные шеренги, лицом друг к другу, и склонив голову перед Черным Трио. Впереди в развевающейся мантии шагал Снейп с каменным лицом. Его глаза казались провалами, проходами в ад. За ним легко семенили Алекто и её омерзительный братец.

В этой мрачной пародии на шествие Короля-Солнца ученикам вменялось в обязанность изображать придворную свиту. Преподаватели ждали восхождения на трон дуэта Кэрроу, навтыяжку замерев за длинным учительским столом.

Трапезничать полагалось в молчании. На завтрак, обед и ужин отводилось три четверти часа.

За завтраком следовали уроки. Ряд предметов попросту вычеркнули из программы. А вот на Маггловедение (Алектó преподавала его лично) отводилось вдвое больше часов, чем прежде. Предмет сделали обязательным.

Преподавался он так, что не взвыть со скуки становилось с каждым уроком труднее. Но даже Маггловедение казалось ярким, нежным цветочком по сравнению с Защиты от Темных Искусств. Алекто, хотя бы в силу специфики предмета, была вынуждена ограничиться лишь теорией в то время, как её братец позволял себе попрактиковаться вволю.

На уроках пытали тех, кто получал взыскания в течение предыдущего дня. А поскольку взыскание теперь назначалось по всяким пустякам, учебный кабинет превратился в пыточную. Амикус Кэрроу просто обожал Круциатус.

— Итак, — говоря тихим вкрадчивым голосом, он, как подозревала София, пытался подражать Темному Лорду. — Начнём урок?

Перед семикурсниками стояли их несчастные младшие товарищи, трясась от страха.

— Вчера улов был не такой уж богатый, не то, что обычно, — ухмылялся их новый учитель из ада. — Что ж? Тем хуже для них, ведь вас-то меньше не становится, — хихикал Кэрроу, очень довольный своей шуткой.

Его нисколько не волновало то, что веселился он в полном одиночестве. Даже слизеринцы брезгливо морщились, не говоря уже о равенкловцах или гриффиндорцах.

София не могла смотреть на первокурсников. Мальчишки выглядели, как напуганные щенята.

— Ну-с? — прохаживался Амикус между рядами, теперь, видимо, взяв за образец профессора Снейпа. — Кто будет первым?

Краббэ поднял руку.

Первокурсники совсем сникли.

— Пожалуйста, Винс, — одобрительно пригласил Кэрроу. — Выбирайте себе жертву.

Выбор Краббэ пал не на малышей, а на гриффиндорца с шестого курса.

— Круцио! — прорычал Винсент.

У этого дебила куча заклинаний выходила убого. Но пыточное давалось легко, почти играючи. Гриффиндорец повалился на пол, вопя, как оглашенный.

— Достаточно, — удовлетворенно потирал руки Кэрроу. — Кто следующий? Гойл?

Отлично!

Гойл выбрав четверокурстницу, почти со сладострастием пытал хорошенькую равенкловку. И учитель, и ученик наслаждались невыносимым для большинства зрелищем.

София закрыла глаза и принялась считать воображаемых овец. Один. Два. Три...

Крик достиг почти уровня ультразвука.

Четыре. Пять. Шесть...

Девушка вот-вот сорвёт горло! Удивительно, как она ещё не охрипла? А ведь Лонгбботомы вот так сошли с ума, от невыносимой боли, которая не кончалась и не кончалась...

Семь. Восемь. Девять. Десять...

Да кончится это когда-нибудь?!

— Прекратите! — прокатился по аудитории певучий девичий голос.

Все взгляды обратились к Джиневре Уизли:

— Прекратите немедленно. Гойл, ты — жалкий трус! Волдемортовская гиена!

— Достаточно, Гойл, достаточно, — улыбался мистер Кэрроу. — Ставлю вам «превосходно», двадцать баллов Слизерину.

Перешагнув через распростёртую на полу девушку, мужчина подошёл ближе к рядам гриффиндорцев.

— Не трудитесь садиться, мисс Уизли.

Джинни с вызовом глядела на Пожирателя.

— Ваши родители неблагонадежны, ваши братья находятся в розыске. Поттер ведь является другом вашей семьи, верно?

— Да, сэр, — с вызовом ответила смелая девушка. — Совершенно верно.

— Предатели крови? Что ж! Учитывая все обстоятельства, стоил ли удивляться отсутствию у вас должного воспитания, Джиневра Уизли? И слабому интеллекту. Только непроходимый идиот может при мне называть Имя Того, Кого Называть Не Следует! Вы ответите за вашу дерзость. Слизеринцам следует отдохнуть.

Кэрроу остановился напротив ясноглазого паренька с карими глазами.

— Невиль Лонгбботом!

Тот немедленно поднялся:

— Я не стану пытаться Джинни. Я вообще никого пытаться не буду... сэр.

— Вот как?

— Мои убеждения и принципы не позволяют пытаться людей, сэр. Тем более, Джинни. Она мой друг! Если вы способны понять, что это такое, сэр.

— Вы осознаёте, что означает ваш отказ? И чем обернётся для вас лично?

— Конечно, сэр, — не повышая голоса, ответил Невиль.

— Круцио!

Амикус даже не вызвал Невилля из-за парты и тот повалился в узком проходе, грозя раскроить себе череп об острые углы столов.

Невиль никогда не был столь популярен, как его знаменитые друзья. Парень создал себе стойкую репутацию тюхи-матюхи, но он был беззлобен и настоящих врагов не нажил. В классе не было человека, который ему не сочувствовал бы.

— Энервейт!

Палочка вылетела из рук Амикуса Кэрроу и оказалась в руках Джинни.

— Как ты смеешь?! — визгнул Пожиратель.

— Не двигайтесь, мистер Кэрроу, — ровным голосом потребовала Джинни.

В карих глазах девушки застыла твёрдая решимость идти до конца.

— Прошу вас, не заставляйте меня убивать вас, — тихо сказала Рыжая.

— Я сотру тебя в порошок, отродье Прюитов! Раздавлю! Уничтожу! Рыжая дрянь!

Колин Криви тем временем помогал Невиллю встать.

— Ты будешь умирать долго и очень мучительно! — продолжал бесноваться Амикус.

В класс, видимо привлеченный громкими криками, влетел Снейп, зорким взглядом вбирая в себя общую картину:

— Что тут происходит?

— Мне не нравится, чему нас здесь учат, господин директор, — с вызовом вскинула голову Джиневра Уизли. — И поэтому я заканчиваю обучение в вашей школе.

— И — я! — поддержал Джинни Колин Криви.

— И я... — слабым голосом откликнулся Невиль.

— Отдай мою палочку, мерзавка! — орал Кэрроу. — Снейп! Остановите её!!! Слизеринцы, взять их! Взять! Взять! Хватайте, — орал Амикус.

— Мы вам что, собаки? — презрительно скривился Забини.

— Господин Кэрроу что-то путает, — покачал головой Нотт. — Мы — чистокровные маги, а не охотничьи псы. По свисту на людей не бросаемся.

— Ты — пёс! — Топал Кэрроу на Теодора Нотта. — Пёс! И пёсий сын! Все, кто немедленно не поможет мне одолеть Предателей Крови, ответит! Ответит перед Темным Лордом! Вы что? Все оглохли?!

— И Джиневра Уизли и Невиль Лонгботтом — чистокровные волшебники, — процедил Драко через зубы.

— И что?! — взвился Кэрроу.

— То, мистер Кэрроу, что никто из слизеринцев не кинется убивать чистокровных, пусть и с враждебного факультета, по приказу полукровки.

— Как ты смеешь?!

— Почему нет? — надменно выгнул дугой бровь юноша, став при этом похожим на Люциуса Малфоя, словно две капли воды.

— Стой, Уизли! Стой! Я приказываю тебе!!! СТОЙ!

Истошные вопли вызвали в классе взрыв смеха. Даже Снейп откровенно ухмылялся, наблюдая за потугами своего незадачливого патрона.

— Мистер Кэрроу, приношу соболезнования. Кажется, студентка вас обезоружила?

— Темный Лорд узнает о том, как ты, грязная скотина, стоял и смотрел, и не делал ничего! Он узнает, и тогда мы увидим, что Он скажет! Вы меня слышите?! — вопил Кэрроу.

— Конечно, я вас слышу. У меня попросту нет иного выбора, — с язвительной вежливостью констатировал бывший слизеринский декан. — Вы весьма громко кричите.

— Если ты немедленно не остановишь девчонку!..

— То, полагаю, вы так и останетесь без волшебной палочки?

***

Джинни, Невиль и Колин в тот же день сбежали из Хогвартса.

За обедом Снейп сидел за столом с задумчиво-отрешённым видом.

«Чего вы ждёте, профессор?», — хотелось крикнуть Софии.

Что-то темное, похожее на воронку торнадо раскрутилось на полную катушку и теперь, извиваясь отвратительной гусеницей, приближалось к ним, ко всем. Приближалось

неотвратимо, но так медленно... Нестерпимо медленно!

Остались в прошлом походы в Хогсмед, веселые студенческие пирушки, влюбленности, надежды на будущее. Будущего ни у кого из них не было. Все жили ожиданием худшего, ожиданием страшного.

Ожиданием конца.

Когда на смерть идут — поют,
а перед этим
можно плакать.
Ведь самый страшный час в бою -
час ожидания атаки...

Пока оно не грянет, так и будет тянуться эта бесконечная серая морось.

***

Драко пил. Много. Его не могли остановить запреты, не удерживали наказания.

— Что, принцесса Мракс? — ухмылялся он, после того, как достигал нужной кондиции. — Успела приготовить себе путь к отступлению? Кажется, благословленный Поттер, Святой Гарри Поттер положил на тебя глаз, да?

— Прекрати, Драко, — морщилась София. — Ты отвратителен.

— Ну, конечно, я отвратителен. Я же не Поттер... и даже не Снейп. Я черт знает, что такое. Сплошное недоразумение.

— Не надоело ещё упиваться жалостью к самому себе?

Драко смеялся:

— Да разве я упиваюсь? Нет, Гринграсс. Мне плевать на то, что будет со мной. Но Поттеру я тебя не отдам. Только не этому проклятому мальчику «Я-Такой-Правильный!» Учти, я скорее убью тебя.

Стоило алкоголю выветриться, как Драко предпочитал не вспоминать сказанного во хмелю.

— Ты действительно сможешь меня убить? — как-то поинтересовалась у него София.

Драко криво ухмыльнулся в ответ:

— Дура ты, Гринграсс.

— Это «да, конечно, убью и глазом не моргну». Или «Нет, что ты? Как можно?».

— Разве я посмею убить племянницу Тёмного Лорда? — ухмыльнулся блондин и запустил в девушку снежком, слепленным из серого, успевшего осесть, снега. — Я для этого слишком Малфой.

— Сволочь ты, а не Малфой.

— Одно другому не мешает.

В тот же вечер, опять наклюкавшись, Малфой, сделал попытку зажать её в общем коридоре. София пришла в ярость. Она не терпела подобной романтики.

— Пошел вон, Хорек! И даже не смей заводить свою любимую вольтуничать насчёт Поттера!

Драко смеялся хриплым, сумасшедшим смехом. Его холодные глаза чем-то напоминали взгляд умирающего Добби. В нём отражались серые небеса и леденящее предчувствие смерти.

— Если я умру, а Поттер станет к тебе подкатывать, как долго ты будешь отшивать его, моя дорогая невестушка?

— Ты выживешь. А Поттер женится на Уизли. И все мы будем жить долго и счастливо.

Драко устало уронил голову Софии на плечо:

— Ты будешь сажать цветы в Малфой-мэноре...розы. Алые розы. Их так любит мама. Хотя, нет, к Мерлину розы! Ты станешь сажать лилии. Белые! И носить легкие белые платья. У нас с тобой будет сын. Блондин. Красивый мальчик, похожий на меня. И когда-нибудь он влюбится в дочку Поттера, а я надеру ему задницу.

— Ничего подобного! Я и пальцем тронуть его тебе не позволю.

— Не позволишь. И мы будем ругаться с тобой из-за этого всю ночь, до самого рассвета...

— Ты станешь обзывать меня «Гринграсс»...

— А ты меня — Хорьком...

Они засмеялись.

— Всё так и будет, — прищурился Драко, но в голосе его слышалась тоска. — Если мы выживем. Если Поттер победит. Если Малфоев не казнят или не отправят в Азкабан.

— Драко!..

— Ты не должна была сюда возвращаться. Здесь нет будущего. Мне нечего тебе дать, София. У меня нет ни душевной чистоты Поттера, ни его силы духа, ни его чертовой храбрости и тем более нет даже сотой доли его благородства. Будь Поттер на моем месте, он никогда бы не позволил тебя пытаться, отправлять в проклятые дома, похищать прямо у себя из-под носа. Он скорее бы сдох, чем лёг под Грейбэка. Он никогда бы не изменил тебе с сучкой Беллой. Он — не я, в этом всё дело. Поттер всегда выходил на пару метров вперёд. Останься с ним и в твоём будущем будут пресловутые белые лилии. Это хуже Круцио, представлять, как он протягивает к тебе руки, а ты готова сказать ему: «Да»!

— Я никогда не останусь с Поттером, — поспешила успокоить его София. — Ни мне, ни ему это ненужно. Он любит Джинни. А я... я, конечно, уважаю его, но я не хочу сажать с ним лилии. Я люблю тебя. Если завтра тебя ждёт Азкабан, значит, я буду ждать. Ждать столько, сколько потребуется. А может быть, мы пойдём туда вместе.

Представив такую перспективу, София содрогнулась и смолкла.

— Гринграсс?

— Что? — уныло откликнулась она.

— Я люблю тебя. Как умею. Прости меня, ладно? За всё. Я кругом неправ. Я хотел бы чтобы всё с самого начала между нами было иначе. Но прошлого не изменить, а на будущее так мало надежды. И всё же я хочу, чтобы ты знала: я люблю тебя, Гринграсс.

Он обнял её. С нежной горечью, страстно и в то же время почти по-братски.

Отвечать не имело смысла.

София и так уже всё ему сказала.

***

Паркинсон изо всех сил стараясь подлизаться к новому начальству. Краббэ и Гойл словно задались целью примкнуть к сомнительной славе Кэрроу. Милисент затаилась, стараясь не показываться в общей гостиной. Со всего их курса единственным, кто оставался более или менее вменяемым, был Блейз Забини, но общаться с ним у Софии не было желания.

Гуляя в окрестностях Хогвартса, серого и словно вымершего, девушка часто размышляла о том, что, если Волдеморт падёт, ей не простят роковой родственной связи и, в лучшем случае, отправят к магглам. При этой мысли что-то слабо трепыхалось в груди, но...зачем ей

к магглам? Её ничто больше не держит в том, другом, мире. Она слишком пропиталась этим.

Если Волдеморт одержит победу, то всё, что его окружает, будет похожим на то, чем обернулся Хогвартс: серая мгла, холод, пустота и ненависть. Темный Лорд, словно исполинский дементор, высосет из мира всю радость.

— Не бойтесь замерзнуть, мисс Гринграсс? — услышала она глубокий низкий голос профессора Снейпа. — В вашем положении не стоит сидеть на стылой земле.

Приняв протянутую ладонь, София позволила учителю помочь ей подняться.

— Не хотите прогуляться?

— Моё общество будет вас раздражать.

— Не в малейшей степени, — заверил её Снейп.

Какое-то время они просто шли рядом, ежась от холода и не глядя друга на друга.

— Тёмный Лорд убьёт вас, — с тоской проговорила София, устремляя взгляд на серое озеро.

— Убьёт, — согласился зельевар. — Вас это расстроит? О! Это прямо-таки бальзам на мою израненную душу; реки меда на моё болезненное самолюбие. Могу я полюбопытствовать, из чего произрастает ваше горячее соболезнование?

И не глядя на директора, София знала, как иронично приподнимаются его брови.

— Я считаю это несправедливым.

— Если вас это успокоит, мисс, я знал, на что иду. Я взрослый человек и вполне готов принять ответственность за свои поступки.

— И вам не страшно?

В чёрных глазах мелькнула очередная язвительная искорка. И погасла, так и не разгоревшись.

— Вы хотите исповеди? Её не будет. Все мои страхи я давно похоронил.

София не знала, что отразилось на её лице и почему почти окаменевшие черты зельевара вдруг смягчились.

— Забавно наблюдать сердечность у представительницы племени, славящегося своей бесчеловечностью.

— В семье не без урода.

— Холодно, Астория. Давайте возвращаться.

Дни тянулись, как жевательная резинка. Все ждали перемен, но перемен не было. Ходили упорные слухи, что кто-то проник в Гринготс, выкрал нечто ценное. Что именно, точно никто не знал.

Очередной визит бабули Мракс не стал для Софии неожиданностью. С собой ведьма принесла ту самую шкатулку с диадемой, которую полгода назад София забрала из развалившегося дома.

— Гарри Поттер приближается к Хогвартсу, — сказала Василиса. — Том хочет, чтобы крестраж находился здесь. Используя свою связь с мальчиком, он сделал всё возможное, чтобы тот не медлил. Спрячь это в Выручай-комнате. Как только Гарри появится в Хогвартсе, время будет исчисляться секундами. Том не станет медлить с уничтожением последних крестражей. Так что как только удостоверись, что диадема попала в нужные руки, немедленно покинь Хогвартс. Я буду ждать тебя в Хосмеде.

— Неужели Волдеморт станет драться с детьми?

— Здесь последний оплот Ордена Феникса, сердце мое. Падение Хогвартса ознаменует победу Мраксов над старым режимом.

— Но ты же сама говорила, что с лордом Волдемортом необходимо покончить!

— София, твоя забота не попасть под удар, ясно? Остальное — не твоего ума дело.

София наткнулась на Драко у входа в подземелья Слизерина. Он подждал её, привалившись плечом к стене и исподлобья наблюдая за пустующей лестницей.

— Ты в курсе, который час, Грирграсс?

— Ничего не поделаешь, в дневные часы Василиса не появляется. Пойдем с гостиную? Здесь холодно.

Драко скинул с себя мантию и закутал в неё Софию. Его руки ласково касались её плеч. Почти нежно. София закусила губу. Сердце её билось быстро-быстро, как птичка, машущая крылышками.

— Драко, я должна тебе кое-что сказать.

— Что?

— Я беременна.

После короткой паузы София услышала его мягкий, словно пенящийся, смех.

— Я понимаю, что это несвоевременно, но...

— Несвоевременно?! Очень даже вовремя! Теперь, даже если всё кончится хуже некуда, даже если нас с отцом заберут в Азкабан, тебя не тронут. По любым законам беременная женщина — неприкосновенна.

— Драко, они не посмеют тебя арестовать, ведь ты же ни в чем не виноват!

Он накрыл ладонью губы Софии, призывая к молчанию.

— По магическим законам Великобритании, если у волшебника есть ребёнок, его не лишают имущества, ведь младенец ни в чем не повинен. Род Малфоев не прервется, и вам с мамой не придётся нищенствовать.

Глаза Софии обожгло вскипающими слезами:

— Не нужно говорить об этом... есть ведь вероятность, что выиграет Темный Лорд?

Драко положил ладонь Софии на живот, словно прислушиваясь к зарождающейся в её теле жизни. На губах его расцвела нежная улыбка:

— Нам нужно сделать всё, чтобы у нас было будущее. Мы должны выжить. Ради нашего малыша. Твоя жизнь — залог его жизни. Ты должна беречь себя, любовь моя. Клянусь! Тебе никогда больше не придётся больше меня упрекать ни в чём.

— Неужели ты даже пить бросишь, Драко Малфой? Алкоголизм лишит тебя будущего вернее, чем это могут сделать Сам-Знаешь-Кто и Орден Феникса вместе взятые.

Малфой запустил руку в светлые волосы, ероша их:

— Я постараюсь...я, правда, буду стараться. Просто, когда я пью, мне не так тошно. А трезвый я почти беспрестанно думаю об отце, которого Белла оставила отдуваться за меня дома, после твоего побега. Меня она из дома вытащила не спросив, словно я бесчувственное полено, а не человек. О самой Белле, просидевшей в Азкабане лучшие годы жизни. О мертвом дяде Сириусе, которого я и не видел толком никогда, только на колдографиях. Даже о дяде Регулусе, о судьбе которого мы так ничего и не знаем. О тёте Андромеде, о Нимфадоре, приговоренной теткой к смерти за то, чья она дочь и чья жена. Белла знает её не хочет. Для неё Нимфадора просто ещё одна грязнокровка, позор нашего рода, несмываемое пятно. А мне иногда хотелось бы узнать её ближе. Хотя, как подумаю о том, что её сын может стать оборотнем, таким же волком, как Фенрир, — Драко передёрнуло от отвращения. — А потом мои мысли возвращаются к Поттеру... не помню, говорил ли я тебе о том, что при нашей встрече я предложил ему дружбу, протянул руку, а он грубо меня

оттолкнул и высмеял. Предпочёл мне Уизли. Нищebroда, вечно ущербного закомплексованного младшего братика Уизли.

Отец рассказывал мне о его папаше, Джеймсе. Поттеры, они все такие — высокомерные и свято уверенные в своей правоте. Я всегда соревновался с ним. Избранный! — выплюнул Драко последнее слово. — Шрамоголовый! Ему всё сходило с рук, этому дамблдоровскому любимчику. Так же, как когда-то сходило с рук его папаше. Отец всегда утверждал, что, если бы не грязнокровка Эванс, которую, кроме как в нечистой крови упрекнуть было не в чем, Джеймс Поттер так и остался бы в памяти людей, как отъявленный хулиган и бездельник. Это смерть сделала его героем, а жил он хреново...

В последнее время моя ненависть к фамилии «Поттер» заметно уменьшилась. Дамблдор, старый интриган, растил его, наблюдая, как за тыквой под колпаком, когда созреет и её можно будет принести к столу.

Жертва. Вот кто Поттер для них всех — Волдеморта, Дамблдора, Снейпа.

— Нет, Драко! — возразила София. — Снейп защищает его и будет защищать до конца. Но по иронии судьбы из всех людей, которые были в его судьбе, Гарри именно Снейпа ненавидит больше всего.

Малфой невесело хмыкнул. Его рука потянулась к руке Софии и их пальцы переплелись.

— Я не буду больше пить. И мы должны пожениться как можно скорее.

22. Василиск и чаша

Все жили ожиданием — преподаватели и ученики; слизеринцы и гриффиндорцы; Кэрроу и МакГонгалл, озеро у подножия Хогвартса и даже Запретный Лес. Промокая под зимними оттепелями и первыми мартовскими ливнями, превращающими землю в грязь — ждали.

Днем ещё удавалось кое-как отвлечься от зловещего предчувствия беды, но с приходом ночи сердце обмирало. София садилась в постели, обливаясь холодным потом, с отчаянием понимая, что смерть это реальность, а не отвлечённое понятие.

Все так ждали бури, что буря, конечно же, не могла не прийти.

***

В тот вечер, засыпая, София видела, как Паркинсон читает книгу. Падающий от лампы свет мешал заснуть, но говорить со слизеринкой, во-первых, не хотелось, а во-вторых, было совершенно бесполезно. Панси имела дурную привычку прислушиваться только к собственным желаниям. К тому же шуршание книжных страниц не столько раздражало, сколько успокаивало нервы.

Проснулась София от мелодичного перезвона.

— Что происходит? — взволнованно звучал голос Паркинсон.

— Понятия не имею! — недоброжелательно фыркнула в ответ Миллисент Булстроуд. — Хотя, постойте, кажется, это сигнал тревоги? Нужно немедленно идти в Большой Зал.

Не успели они облачиться в мантии, как дверь содрогнулась под нетерпеливыми ударами.

— Драко? — всхлипнула поспешившая отворить дверь Паркинсон.

Малфой шагнул к Софии:

— Судя по лепету Слагхорна, — сказал он, — Волдеморт сейчас направляется в Хогвартс. На всякий случай сразу берите с собой всё необходимое, — деловито инспектировал Малфой. — Сюда вы, скорее всего, больше не вернётесь.

Паркинсон уцепилась за мантию юноши:

— Драко, не уходи!

Он почти безразлично оттолкнул девушку от себя, направляясь обратно к двери.

— Пожалуйста, останься! — всхлипнула Паркинсон.

— Я староста факультета и должен выполнять свои обязанности, я не могу остаться, даже если бы и хотел.

София заметалась по комнате в попытках сообразить, что для неё самое необходимое? Нательный крест на ней, фамильный перстень Малфоев, подаренный Драко, тоже. Палочка. Так, что ещё?

Построившись в ровные шеренги, факультет Слизерин двинулся за Слагхорном в Большой Зал. Только пройдя весь коридор до конца, София поняла, что постаменты стоят пустые — привычных статуй в доспехах на них нет.

— Гарри Поттер! Гарри Поттер здесь! Я своими глазами его видел! — носилось в воздухе.

Невозможно было определить источник, порождающий это воодушевляющее

закливание.

Зачарованный потолок Большого Зала темнел, усыпанный звёздами. Под ним за четырьмя длинными столами сидели растрёпанные школьники: кто-то уже в дорожной мантии, кто-то ещё в халате. Все взгляды устремились к профессору МакГонагалл. Та стояла на возвышении в центре Зала. Позади неё теснились остальные учителя. В том числе и белокурый кентавр, преподающий в Хогвартсе Прорицания.

— Члены Ордена Феникса, — с ненавистью прошептал Нотт.

Высокий темнокожий гигант, однозначно, Кингсли. Все Уизли — Чарльз, Фред, Джордж, Рон, Билл, Флёр и даже Перси. Невысокая плотная женщина с румяным лицом, без сомнения, была сама миссис Уизли, хозяйка рыжего выводка. Ни она, ни её супруг не отличались ни статью, ни привлекательным лицом, оставалось только удивляться, откуда их отпрыски получили яркую, животную, почти магнетическую красоту.

Человек с коротко состриженными, словно присыпанными пеплом, волосами, с раскосыми глазами, поджарый и стройный, несомненно, был Ремус Люпин, муж Нимфадоры Тонкс. Оборотень.

Самой Нимфадоры не было видно. Наверное, муж настоял, чтобы она осталась дома, с ребёнком и матерью, вдали от пожара, готового вот-вот разгореться.

Впереди остальных членов Ордена, за правым плечом МакГонагалл, стоял главный виновник переполоха — Гарри Поттер. Рон и Гермиона, как всегда, держались рядом.

Голос МакГонагалл, спокойный и властный, привычно разносился под сводами Большого Зала:

— Эвакуацией будут руководить мистер Филч и мадам Помфри. Старосты организуют свои факультеты и в порядке живой очереди доставят порученные им группы к назначенному пункту.

Из-за стола Хафлпаффа поднялся высокий симпатичный юноша:

— А если мы хотим остаться и принять участие в битве, мэм?

МакГонагалл смирila юношу строгим взглядом, но в уголках её губ притаилась одобрительная улыбка.

— Совершеннолетние могут остаться, — кивнула она. — Остальные должны будут немедленно покинуть Хогвартс.

— Но как быть с нашими вещами? — возмутилась третьекурсница-равенкловка. — С чемоданами? С совами?

— У нас нет времени паковать имущество, мисс Донаван. Наша задача — успеть эвакуировать вас самих.

Только тут до Софии дошло, что профессора Снейпа в зале нет, а ведь именно он, как директор, должен был руководить эвакуацией. Подняв взгляд на Драко, она прочла в его глазах ту же обеспокоенность.

— Где наш директор, профессор МакГонагалл? — задала она вопрос.

— Снейп, мисс Гринграсс, прошу прощение за вульгарное выражение, «сделал ноги».

На короткое мгновение из Зала исчезло все, кроме злых блестящих колючих глаз Миневры МакГонагалл. Потом мир вернулся вместе с прикосновением Драко. Перегнувшись через стол, он потянул Софию за руку, принуждая опуститься на место.

Слова МакГонагалл были встреченными дружным, веселым смехом.

И снова взгляд Драко, внимательный и холодный.

Хоть бы сказал что-нибудь! Так ведь нет, молчит.

***

Волдеморт идет убивать. Умирать страшно. Но большим магам в маленькой магической песочницы на это наплевать. Мужчинам, желающим сожрать кусок повкуснее, всегда плевать на то, какой ценой окупается их хотения. Сколько погибнет людей? Сколько поломаются судеб? Для скольких матерей жизнь утратит краски, превратившись в серый памятник их павшим детям?

Будь ты проклят, Волдеморт!

И пусть будут прокляты все эгоистичные скоты, готовые во имя развлечения, блага или амбиций обрекать землю на кровавый душ.

— Мы уже установили вокруг замка защитные заклинания, — продолжала распинаться МакГоногалл, — но вряд ли они продержатся долго, если не предпринять дополнительных мер. Поэтому прошу всех двигаться быстро и организованно, слушаться старост...

Последние слова потонули в раскатах другого голоса, высокого, холодного и ясного. Невозможно было определить, откуда он исходит. Казалось, заговорили сами стены.

Из-за столов раздались испуганные вскрики. Школьники в ужасе жались друг к другу и затравленно озирались.

— Я знаю, — вещал Волдеморт, — что вы готовитесь к битве, но ваши усилия тщетны. Вы и сами знаете, что не можете противостоять мне. Я не хочу никого убивать, ни учеников; ни учителей. Я с большим уважением отношусь к преподавателям Хогвартса и не хочу проливать чистую кровь волшебников. Отдайте мне Гарри Поттера, и никто из вас, даю вам слово, не пострадает. Отдайте мне Гарри Поттера, и я оставлю школу в неприкосновенности. Даю на раздумье время до полуночи.

Голос стих, словно дальние громовые раскаты, а в Зале воцарилась тишина. Та тишина, что давит на барабанные перепонки, распирает стены, сводит с ума. Все взгляды обратились к Гарри Поттеру.

Из-за стола Слизерина подскочила Паркинсон, и срывающимся голосом прокричала:

— Да он же здесь! Зачем медлить? Отдадим его Сами-Знаете-Кому и спасёмся...

Гриффиндорцы первыми поднялись с мест, живым щитом окружая своего героя. За ними в стройный ряд поднялись хаффлпаффы, и почти в следующую минуту — равенкловцы.

Палочки трех факультетов были направлены в сторону Слизерина. Почему-то никому не пришло в голову, что предать Поттера предложил один единственный человек с этого факультета, что его голос не нашел поддержки.

— Сидите смирно, — процедил Малфой однокашникам, буравя взглядом стол. — Нам меньше всего нужна сейчас склока.

МакГоногалл благоразумно рассудила точно так же:

— Благодарю вас, мисс Паркинсон. Вы первая нас покинете, — ровным голосом пообещала профессор. — За вами последуют остальные ученики вашего факультета.

Слагхорн беспрестанно оглядываясь, вёл их по переходам Хогвартса, освещённым яркими всполохами факелов. Гремели доспехами ожившие статуи. Стоило глянуть в окно, как можно было увидеть ослепительное холодное сияние синего защитного купола, окутывающего Хогвартс.

— София? — руки Драко предупреждающе сжались на плечах девушки. — Как только окажешься в Хогсмете, тебя встретит Василиса. Всё оговорено. Иди, ничего не бойся и береги себя.

— А ты?.. — София прикусила губу, стараясь не расплакаться.

— Как только последний слизеринец окажется в безопасности, я последую за тобой. Не жди меня в Хогсмете, это слишком близко к эпицентру боя, а в твоём положении нельзя рисковать. Я не хочу, чтобы ты потеряла нашего малыша.

Прижав к себе Софию, Драко поцеловал её:

— Ради нас обоих, меня и моего сына, не делай глупостей. Иди!

Уйти без него? София ни за что не покинет Драко в такой момент. Ни за что! Да и Волдеморт не простит ей бегства. Нет, нужно остаться.

София спряталась за одной из горгулий, намереваясь дожидаться прихода Драко с тем, чтобы покинуть школу вместе с ним. И тут в толпе гриффиндорцев она заметила Грейнджер вместе с Роном. Крадучись, оба двигались в сторону, противоположную назначенной точке эвакуации.

Пройдя за гриффиндорцами несколько коридоров, она остановилась у открытой двери в заброшенную туалетную комнату. Туалет Плаксы Миртл, в котором находился вход в Тайную Комнату? Интересно, что гриффиндорцы тут забыли?

Рон и Гермиона склонились над заветным умывальником со змейкой. Рон что-то забавно шептал. Гермиона напряженно наблюдала.

На полу между ребятами стояло нечто блестящее и громоздкое.

«Чаша», — догадалась София.

— Что вы здесь делаете? — поинтересовалась она вслух, аккуратно притворяя за собой дверь.

Рон и Гермиона вскинули палочки.

— Что ты тут делаешь? — зарычал Рон, слова собака, охраняющая кость.

Гермиона шагнула вперёд, прикрывая старинный артефакт.

— Мой визит в дамскую комнату выглядит естественнее, чем твой, Рон, — усмехнулась София. — Я правильно понимаю, вы решили отдать должное памяти опочившему василиску? Пытаешься овладеть парселтангом, Уизли? Как успехи?

— Убирайся!

Сжав кулаки, рыжий шагнул вперёд.

— Подожди, Рон, — привычно удержала его Гермиона. — Ты-то ведь как раз владеешь змеязом, так, Астория?

— Может быть, — кивнула София.

— Гермиона! Ты же не собираешься довериться ей? — округлил глаза Рон.

— Разве у нас есть выбор?

— Но она же!.. Она родственница Сама-Знаешь-Кому!

София, не желая терять даром время, приблизилась к раковине, игнорируя наставленную на неё палочку Уизли, и прошипела заветное: «Откройся!».

Вспышка света. Перед ними открылся знакомый длинный черный тоннель. София скользнула в него первой. Рон и Гермиона не отставали от неё.

— Люмос, — дрожащим голосом произнесла Гермиона, как только их ноги коснулись дна подземелья.

За воротами со змеями открылась Тайная Комната. Статуя Слизерина по-прежнему невозмутимо сторожила окаменевшие останки своего фамильяра.

— Василиск, что? — тревожно озирался Рон. — После смерти сам обратился в камень?

— О, нет! — застонала Гермиона. — Что же нам теперь делать, Рон? Я не знаю, чем ещё можно уничтожить эту... эту гадость!

София протянула руку к Чаше.

— Отдайте её мне, — потребовала она.

На всякий случай Рон перекинул трофей из правой руки в левую:

— Ещё чего!

— Что ты собираешься делать? — более разумно подошла к делу Гермиона.

— Тоже, что и вы — уничтожить зло, заключенное в Чаше.

— Так я тебе и поверил! — фыркнул Рон.

— Если хочешь, можешь сделать это сам.

София подошла к каменной голове василиска и положила руку между смеженными веками гигантской змеи. Сила потекла с пальцев, заставляя каменный панцирь идти тонкими трещинами.

— Что происходит? — пискнула Гермиона, испуганно птясь.

Камень треснул и осыпался. Огромное гигантское тело зашевелилось, распрямляясь.

Рон дрожащей рукой поднял палочку и наставил его не на змею, а на Софию:

— Прекрати!

На короткое мгновение София наслаждалась чувством власти и страхом других существ, полностью зависящих от её воли. Но потом лучшая часть её натуры взяла вверх:

— Не бойтесь, василиск мёртв, он больше не способен никого обращать в камень.

— М-мёртв?

— Это всего лишь зомби, — пояснила София.

— Всего лишь?.. — нервно хохотнул Рон. — Инфернал из василиска? Мощно!

Рон с Гермионой обменялись взглядами. На их лицах все читались испуг, недоверие и решимость идти вперёд до конца.

Мёртвый василиск, словно червь-переросток, извивался на месте, не делая попыток ползти.

— Сейчас, Рон, ты сунешь в пасть василиску Чашу.

— Ну, конечно! Для чего ж ещё существуют этот придурок Рон, как не для того, чтобы добровольно руки совать туда, где их гарантированно откусят! — заворчал рыжий.

— Хочешь доверить эту миссию мне?

Гриффиндорцы снова обменялись взглядами, и Гермиона едва заметно кивнула Рону.

Рон отрицательно помотал головой, не соглашаясь с подругой.

— Ты прав, совать руки в пасть этому дьяволу опасно, он по-прежнему ядовит. Ладно, есть идея. Просто положи Чашу к своим ногам, Уизли.

— Но... — начал, было, он.

— Рон! — строгим учительским тоном одернула Гермиона.

Узили возвёл очи горе:

— Ладно, ладно! Если вы обе настаиваете, девочки...

Василиск, послушный мысленному приказу, отданному Софией, открыл пасть, усеянную клыками, каждый длиной с человеческое предплечье и, словно щелкунчик, щёлкнул мощными челюстями. Раздался оглушительный, омерзительный полувизг-полускрежет. Чаша сплюснулась.

Дохлая змея выплюнула бесполезный, теперь пустой артефакт на пол. Со звоном гряда покореженного металла покатилась по каменным плитам.

— Мерлиновы кальсоны! — почти восторженно выдохнул Рон. — Ну, ты даешь, Гринграсс!

— Но как же мы поднимемся наверх? — обеспокоилась Гермиона. — Сейчас с нами нет феникса Дамблдора, как в прошлый раз.

София рассмеялась:

— Вот уж это точно не проблема.

Зомби василиска послушно подняло маленьких человечков наверх, к свету.

Впрочем, какой свет?

Наверху царила ночь и подступала Тьма.

23. Лили, прости...

— Нам нужно немедленно найти Гарри, — заявила Гермиона, как только проход в Тайную Комнату закрылся.

— А ты что будешь делать? Планируешь присоединиться к своим? — поинтересовался Рыжий у Софии.

— Попытаюсь отыскать Драко.

— Беги к горгулье, — посоветовал Уизли. — Хорёк наверняка там. Если, конечно, он вообще ещё в Хогвартсе.

София, Гермиона и Рон распрощались несколько сухо, так и не определившись, кто они: враги или друзья?

Чтобы никого не напугать до смерти, София навела на василиска маскирующие чары, приказав зомби следовать за собой. Пробираясь по коридорам, девушка чутко ко всему прислушивалась, пытаясь понять, началась битва или нет? Судя по тому, как вздрагивали стены и мелькали разноцветные вспышки проклятий, Волдеморт был уже здесь.

Завернув за очередной угол, София наткнулась на трех женщин, в одной из которых узнала Джинни Уизли. С пожилой дамой София однажды встречалась, но не могла вспомнить, где именно. Третьей была Нимфадора Тонкс. Или теперь уже Люпин?

— Гринграсс? — раздраженно отбросила с лица рыжие пряди Джинни. — Что ты здесь делаешь? Ваши давно эвакуировались.

— Я тоже совершеннолетняя, а значит, могу остаться

Оглушительно прогрехотало, и по стенам побежала тонкая сеть трещин.

Пробираться вперёд приходилось сквозь тучи пыли и дыма — где-то занялся пожар. Стены и потолок беспрестанно ходили ходуном, словно случилось землетрясение.

Миновав очередной коридор, София, спустившись по мраморной лестнице, вбежала в переполненный людьми Большой Зал. Она пыталась отыскать взглядом Драко, но его не было.

Подняв голову, вместо привычного волшебного неба, сверкающего звездами, София уперлась взглядом в почерневшие от времени стропила, едва удерживающие готовую рухнуть крышу. Ярко полыхал мост над пропастью, соединяющий Хогвартский двор с остальным миром. Пожар раскрасил чернильную мглу в бардовые, оранжевые и синие тона. Вспышки проклятий летели во всех направлениях, словно ядовитые цветы, расцветающие на фоне ночного неба. В воздухе остро пахло гарью.

А в следующий момент раздался оглушительный грохот, расколовший мир на куски. И София поняла, что она летит!

Нет, не летит, а падает.

***

Слух улавливал крики, треск огня...

«Кажется, я ещё жива», — подумала она.

Поднявшись, София увидела, что внушительная часть Хогвартса просто перестала существовать. Не стало целого крыла. Вместо него осталась груда оплавившегося камня. За разрушенными стенами проглядывалась часть квидичной площадки с обрывками знамен; обрушившиеся трибуны.

Кто-то надрывно кашлял. Кто-то кричал от боли. Кто-то рыдал.

В плачущей девушке София узнала красавицу Ромильду Вейн:

— Моя нога! — стенала девушка. — Мне оторвало ногу! Я её не чувствую!

— Нет, нет! Не оторвало, — поспешила утешить её София, но, взглянув на конечность Ромильды, зажала рот руками, стараясь не извергнуть содержание желудка — на месте стройной икры осталось кровавое месиво.

— Помогите! Помогите ей, кто-нибудь! — иступленно закричала София.

Откликнулся мальчик, тот самый хаффлпаффец, просивший у МакГонгалл разрешение остаться, чтобы защищать школу.

— Её ногу зажал упавшей плитой, — почти рыдала София. — Не знаю, чем помочь.

Парень, склонившись, принялся что-то шептать.

Из темноты выскользнула фигура очередного Уизли, то ли Билла, то ли Чарли?

— Нам нужен портал, позволяющий перебрасывать раненных! Ромильде срочно нужна помощь медиков.

Вытаскивать раненных из-под завалов под вспышками проклятий оказалось далеко не таким долгим делом, как хотелось бы. Слишком много их было, тех, кому помощь уже не нужна: Колин Криви, Лаванда Браун, Кэтти Джонсон, Фред Уизли... и многие, многие другие.

Со стороны полуразрушенного Хогвартса доносились скрежет, крики, удары, взрывы, свидетельствуя о том, что битва ещё не окончена. Что список погибших не завершён.

— Берегись!!!

Обернувшись, София увидела огромного жуткого паука, занесшего над ней щелкающую клешню.

«Потомство Арагога», — проскользнула очередная мысль, странно далёкая.

Вспышка, пролетевшая над её ухом, отбросила паука в сторону.

— Гарри? — с облегчением выдохнула София.

— Нужно выбираться отсюда, — протянул он ей руку, помогая подняться. — Идем, дядюшкина племянница? — прищурился Поттер. — Думаешь, Волдеморт сдержит слово? — бросил он ей уже на ходу. — Если я сдамся, он прекратит эту жуткую бойню?

— Я не знаю, Гарри, — с отчаянием выдохнула София. — Я не знаю...

— Что ж? — поправил очки Поттер. — Пошли, проверим.

Стараясь не обращать внимания на вспышки, прорезающие тьму, на шум озера, гудящего, словно море; на странный скрип деревьев при полном безветрии они пробирались в сторону Запретного Леса.

— Туда, — сообщил Поттер, указывая на Дракучую Иву.

Поттеру удалось ловко ускользнуть от ударов. Когда он подбежал к стволу, дерево замерло, будто из него выдернули скрытую пружину, и София получила возможность беспрепятственно нырнуть в подземный лаз.

Вперёд они не столько продвигались, сколько протискивались. Приходилось двигаться ползком, пока впереди не показалась полоска света и до них не донеслись приглушенные голоса. В щели, между ящиками, закрывающими проход, удалось рассмотреть комнату с облупившимися обоями и заколоченными окнами.

Грохот сражения доносился сюда, но был гораздо тише. В единственном, не зашитом досками окне, мелькали огненные вспышки. Саму комнату освещала тусклая масляная лампа.

Волдеморт, стоя посередине комнаты, задумчиво крутил в пальцах волшебную палочку. Перед ним на коленях стоял Люциус Малфой. Лицо у него было разбито, один глаз заплыл и не открывался.

— Повелитель!.. — слышался его хриплый голос. Малфой то опускал голову, то вскидывал её снова, чтобы заглянуть в бесстрастное нечеловеческое лицо своего Темного Лорда. — Умоляю!.. Там мой сын!

— Если твой сын погиб, я в этом не виноват, — равнодушно отозвался Темный Лорд. — Он не явился ко мне. Должно быть, переметнулся на сторону наших врагов, а?

— Не может быть! — снова опустил голову Люциус.

Когда он вновь поднял её, открытый глаз его полыхал адским пламенем. Люциус горячо взмолился:

— Повелитель! Разрешите мне пойти туда и отыскать моего сына и Софию. Я лично приволоку эту девчонку...

— Белла справится с этим лучше.

— Послушайте, милорд!.. — София видела, как на лбу старшего Малфоя вздулись бугры, как блестят бисеринки пота над его разбитыми губами. — В пылу сражения Поттер может погибнуть. И Поттер, и София! — Люциус вновь поднял искаженное мукой лицо. — Простите, но... я думаю, стоило бы остановить битву...

Волдеморт тихо рассмеялся:

— Люциус, Люциус, — погрозил он ему длинным пальцем. — Мой скользкий друг. Как забавно ты выёшься ужом. Ну, кого ты хочешь обмануть, а? Думаешь, я не понимаю, что тобой движет? Не нужно особой прозорливости, не нужно владеть магией, чтобы понять твои мотивы. Они шиты белыми нитками. Ты хочешь остановить битву, чтобы узнать, что там с твоим сыном, — Темный Лорд покачал головой. — Мне нет нужды искать Поттера, он сам вот-вот явится. Прямо сюда. Но ты, если хочешь, можешь убираться. Иди, сражайся; ищи в окрестностях Хогвартса кого пожелаешь. Только сначала приведи ко мне Северуса.

— Снейпа? — вздрогнул Малфой. — Но... зачем, Повелитель?

— Не. Твое. Дело, — печатая каждое слово, прошипел Волдеморт. — Не досаждай мне больше. Зови Снейпа и убирайся прочь.

Видимо, лорду Малфою здорово досталось. Он шел, спотыкаясь, натываясь на предметы, на стены, точно пьяный.

— Нагайна, — прошипел Волдеморт, повернувшись к змее, — другого способа нет. Мне очень жаль, что всё так выходит. Очень.

Огромная змея свернула тело изящными кольцами в прозрачном шаре, парящем прямо в воздухе без всякой поддержки.

Волдеморт отошел от своей любимицы.

София не могла оторвать взгляда от бледной руки с длинными пальцами, небрежно поигрывающей волшебной палочкой. Это был тот самый Волдеморт, которого она знала. Настолько близко, насколько это чудовище могло к себе кого-то подпустить. Сейчас колдун казался незнакомцем. И вызывал страх.

Липкий, мерзкий, холодный страх.

— Милорд?

София почувствовала, как Гарри вздрогнул, услышав низкий голос профессора Снейпа.

— Заходи, — милостиво кивнул Темный Лорд. — Я жду тебя, друг мой.

— Сопротивление нашего противника будет вот-вот сломлено...

— Разве кто-то сомневался, что Хогвартс сможет устоять перед мной? Я почти у цели. Почти... — бледные пальцы выстукивали нервную рваную дробь по столешнице. — Ты, Снейп, знаешь, где сейчас Гарри Поттер?

— Если позволите, я найду мальчишку...

Когда Волдеморт повернулся, свет упал на его плоское змеиное лицо, похожее на лик самой смерти. Кожа Тёмного Лорда словно светилась в темноте. Глаза сверкали, переливались рубиновыми огоньками.

— Милорд?..

— Я в затруднении, мой друг, — мягко, с меланхоличной ноткой, почти с нежностью, проговорил Волдеморт.

Лица зельевара София не могла видеть. Её взгляд упирался в его напряжённую, прямую спину.

Слышался тихий шип змеи.

— Палочка не слушается меня, Северус. Я непревзойденный волшебник, но палочка... она ведёт себя как вполне обычная. Нет никакой разницы между ней и той, что я когда-то приобрёл у Оливандера.

Снейп молчал.

— Ты слышишь? — повысил голос Лорд. — Нет никакой разницы!

— Мой господин...

Волдеморт со свистом втянул в себя воздух, резко бросая худое тело вперёд. Они были с профессором зельеварений одного роста, но Тёмный Лорд казался значительней и выше:

— Мне не нужно задавать вопросов: почему? Не нужно тратить время на долгую и напряжённую работу мысли. Лорд Волдеморт знает ответы на все вопросы.

— Вы великий чародей, мой господин.

— Твой господин сдох, скотина! — Волдеморт схватил Северуса за грудки и заглянул своими адскими пылающими очами в глаза Снейпу. — Я немногим верил, но тебе... тебе я, пожалуй, все-таки верил, Северус. А ты? Ты предал меня. Ты с самого начала знал, кто истинный хозяин Палочки!

— Я всего лишь пытался сохранить Драко жизнь. Я люблю этого мальчика, как если бы он был моим кровным родственником...

— Хватит!

В напряжённом молчании, повисшем между мужчинами, казалось вот-вот пойдут электрические разряды.

— Ты был мне очень полезен, Северус...

Мантия Лорда шуршала, как подползающая змея.

Теперь София могла видеть застывшее лицо Снейпа. Оно было мраморно-белым и неподвижным. Казалось, за невидящими черными глазами уже не теплится жизнь.

— Думаешь, ты один в кошмарах слышишь предсмертные крики Лили Эванс? — почти шепотом говорил Волдеморт.

Снейп вздрогнул. В черных глазах мелькнула тень, губы сжались в узкую полоску.

— Да, мне следовало тогда послушаться тебя, мой друг. Я мало что знал о противнике. Вернее, о противнице. Я недооценил её. Что мне было известно об этой девочке? Только то, что она была магглорождённой и что ты любил её. Я посчитал, что всё это не так уж и важно. Я заплатил за свою ошибку ужасную цену: потерял всё. Потерпев поражение от рук Лили, — ведь в действительно меня победила она, а не её сын Гарри, — я не умер, нет! Я на

собственной шкуре сумел постигнуть слова Слагхорна: «В таком состоянии мало кто захочет существовать». Жить — так?.. — Волдеморт покачал головой, — как пиявка, как паразит, почти теряя способность мыслить? Вообрази это, Северус. Вселяться в тела неразумных животных, чтобы хоть как-то поддержать своё жалкое существование? Книги не врут, Северус. И Дамблдор — не лгал. Не лгала мне и Василиса. Такое существование хуже смерти. Это очень страшно, мой друг, разорвать свою душу на части. Ты даже убить себя не в состоянии, потому что все, что привязывает тебя к материальному миру — это чужое тело, на котором ты паразитируешь. Я никогда не был особенно уравновешенным человеком. Но раньше мне удавалось держать наследственное безумие под контролем. Однако десять лет однообразия и одиночества кого угодно сведут с ума. Никому ещё не удавалось сохранить рассудок в одиночной камере. Человек существо социальное, Северус.

— К чему вы клоните, мой господин?

— Я должен всё исправить. Я не могу допустить, чтобы история повторилась. Не бойся! Смерть, это ещё не конец пути. Смерть — это только начало... теперь я точно знаю это.

София увидела, как шар со змеей закружился в воздухе, как сфера распалась, и змея тяжело ударилась об пол, отчаянно, злобно шипя.

— Убей! — приказал на парселтанге Волдеморт.

Движение рептилии было неумовимо-смертоносным. Змея в считанные секунды оплела тело зельевара кольцами.

Пораженные ужасом, ни Гарри, ни София ещё не успели ничего сделать, как длинные змеиные клыки вонзились Снейпу в горло.

Не оборачиваясь, Темный Лорд покинул комнату.

Поттер отбросил загораживающие проход ящики, а София приказала Нагайне:

— Оставь его!

К её удивлению, змея послушно отступила.

Из раны на горле Профессора фонтаном била кровь.

Гарри, опустившись на колени, торопливо твердил какие-то заклинания, не обращая внимания на шипение Нагайны.

Заметив, что рана затягивается под заклятьями, София облегченно перевела дыхание — Поттер, он же герой! Он непременно спасёт Снейпа, спасёт их всех...

Расширенные черные глаза профессора задержались на Гарри. Учитель пытался что-то сказать. Гарри наклонился к нему ближе и Снейп что-то сбивчиво, очень тихо проговорил.

— Профессор?.. — дрогнувшим голосом произнёс Гарри. — Профессор, не умирайте!

— Взгляни...на...меня, Гарри, — прошептал Снейп из последних сил.

Зеленые глаза встретились с черными.

— Лили... — выдохнул зельевар. — Лили... я сделал всё, что смог. Лили, прости...

В глубине черных глаз словно задули свечу. Магнетический, притягивающий, горящий холодным огнём взгляд остекленел, сделавшись пустым и неподвижным. Рука, державшая одежду Гарри, упала, пальцы безвольно разжались.

Северус Снейп, наконец, был свободен от последствий своих ошибок, грехов и долгов. Все пути оказались сорванными в одночасье. Многострадальная душа ушла — профессора Снейпа не стало.

Гарри ещё стоял на коленях, когда Нагайна вновь зашипела, ощерившись.

Не веря собственным глазам, Поттер вскочил на ноги и попятился — из прохода выползал убитый им четыре года назад василиск.

Сжав челюсть, яростно блестя глазами, юноша поднял палочку, но мертвый василиск метнулся мимо.

Нагайна попыталась уклониться, но мертвый змей, схватив мощным хвостом хвост противницы, сомкнул острые клыки на её шее, отделяя голову от туловища. Оглушительный визг сотряс стены хижины. Кровь брызнула на стены.

В следующую секунду между Гарри и Софией, в ужасе отпрянувших друг от друга, упала откусанная голова предпоследнего крестража Волдеморта.

Через секунду василиск вытянулся и затих. По его телу потянулись мраморные жилки. Монстр окаменел.

24. Добровольная жертва

Перебивая все звуки битвы, прозвучал высокий холодный голос Волдеморта:

— Вы храбро сражались, но, если вы продолжите в том же духе, вы погибнете, а я этого не хочу. Каждая пролитая капля волшебной крови — утрата и расточительство. Я приказываю своим войскам отступить. Даю час, чтобы проститься со своими мертвыми и оказать помощь раненым...

Голос зазвучал тише. Теперь Темный Лорд заговорил на парселтанге:

— А теперь я обращаюсь к тебе, Гарри Поттер. Жду тебя в Запретном Лесу. Если ты не появишься, я вступлю в бой лично и накажу всех — каждого мужчину, женщину или ребёнка, осмелившегося помогать тебе. У тебя — час. Время пошло.

После паузы голос зашипел вновь:

— София, можешь объяснить драгоценному герою необходимость нашей встречи. И, дорогая моя девочка, если через час ты не явишься вместе с Поттером, я буду очень зол на тебя.

— Что это значит? — нахмурился Гарри. — Что значит: «Можешь объяснить драгоценному герою необходимость нашей встречи?». О чём это он?

Почему она должна сделать это? Не Дамблдор? Не Снейп? Не кто-то из друзей Поттера? А — она?

София вздохнула:

— В ту ночь, в Годриковой Лощине, когда твоя мать встала живым щитом между Волдемортом и тобой, осколок его души вселился в тебя.

— Что? Как?..

Глаза Гарри расширились. Он непонимающе смотрел на Софию.

— Ты последний крестраж Волдеморта. Часть его души в тебе наделяет тебя способностью к нашей фамильной тёмной магии, даёт возможность понимать змей, обмениваться мыслями с самим Тёмным Лордом.

Гарри всё понял. Он не стал в ярости лупить по стенам кулаками, как это делал в припадке ярости Драко. Он просто закрыл глаза. Устало, обреченно, словно сдаваясь.

— Дамблдор знал об этом, — грустно покачал он головой. — Неужели он растил меня, как свинью на убой?

— У Дамблдора не было выбора, — попыталась, как могла, утешить его София. — Он и так сделал всё, что мог. Но иногда бывают ситуации, когда спасти любимых мы уже не в силах.

Гарри внимательно посмотрел на Софию:

— Мне необходимо верить в то, что Дамблдор был прав. Знать, что он не предавал меня, что любил. Ты, наверное, права, у Дамблдора не было выбора. Как и у меня его сейчас нет. Я должен пойти к Волдеморту, — Поттер грустно улыбнулся, — должен позволить ему убить себя.

— Но это же самоубийство! Смертный грех.

— Какое ж это самоубийство, когда идешь на смерть, отчаянно любя жизнь? Это — добровольная жертва. Что ж? Если такова моя судьба, мне остаётся только покориться. Я не могу позволить, чтобы из-за меня и дальше гибли люди. Передай, пожалуйста, Рону, что он

был моим лучшим другом. Скажи Гермione, что все эти годы она была верным ангелом-хранителем, что без неё в эти страшные последние дни я бы попросту сломался. А Джинни... Джинни скажи, что я любил её. Пусть Невиль знает — он один из самых храбрых самоотверженных людей, которых я встречал в жизни. А Луна столь же красива, сколь и умна. Скажи им, всем, что если и есть какой-то смысл в этой жизни, то он только в любви. Что я был счастлив, даря им свою любовь и получая её от них взамен. Скажи им, что в момент смерти я ни о чем не сожалел. И пусть все они постараются выжить, куда бы не повернул рок событий.

— Гарри! Ох, Гарри!

София так не хoетла плакать, но все же не удержалась от слез.

Несправедливо. Как всё это несправедливо! Ему только семнадцать! Ему рано даже думать о смерти! Не говоря уже о том, чтобы умирать.

Было около трех часов утра. Казалось, трава, деревья, вода — всё замерло в ожидании последнего акта трагедии.

Гарри полез в карман и извлек оттуда золотой снитч, затрепетавший крылышками.

— Дамблдор оставил мне его перед смертью. «Я открываюсь под конец», — видишь? Раньше я не понимал. Теперь понял.

Он прижал золотой шар к губам и прошептал.

— Я скоро умру.

Металлическая оболочка снитча с щелчком раскрылась. В пустой полости золотого шарика лежал чёрный камень с зубчатым разломом посередине. Он засел в обеих половинках снитча.

— Воскрешающий камень, один из Даров Смерти. Семейный камень Мраксов

Гарри прищурившись, посмотрел на Софию. Он неожиданно протянул снитч Софии.

— Возьми. Я хочу, чтобы это осталось у тебя. Так правильно. Это как точка в конце предложения.

София протянула руку и чёрный камень тяжело лег в её ладонь.

Гарри жадно втянул в себя воздух, словно стараясь напоследок вобрать в себя все краски, шорохи и оттенки жизни.

Потом резко выдохнул:

— Пошли.

Взявшись за руки, молодые люди пробирались между тесно стоящими деревьями. Между переплетёнными кронами и шершавыми кряжистым корнями, выпирающими из земли. Вскоре глаза резанул яркий свет. Они вышли на освещённую кострами поляну. Остатки огромной паутины, свисающей отовсюду, красноречиво свидетельствовали о том, кто был здесь хозяином совсем недавно.

Никто из Упивающихся Смертью не снимал масок, хотя вокруг костра собрались только свои.

Волдеморт стоял с опущенной головой, словно молился или скорбел о чем-то:

— Вот и вы, — повернулся он к Софии и Гарри.

— Астория! — рванулась к ней Нарцисса, сбрасывая руку пытающейся удержать её Беллы. — Где Драко? Он жив?!

Ответа не последовало.

Никто не двигался. Шевелились лишь языки пламени.

Гарри и Волдеморт, впервые видевшие друг друга так близко, какое-то время с

любопытством друг друга разглядывали.

Тёмный Лорд склонил голову на бок и странная, безрадостная улыбка искривила его губы:

— Поттер, — выдохнул он.

Мягко-мягко. Словно пробуя имя на вкус.

— Гарри Поттер. Мальчик-Который-Выжил. Ну, Гарри? Давай сделаем, что должно и давно следовало? Без лишних экивоков.

— Дядя, нет! — завизжала София, бухаясь Волдеморту в ноги. — Нет, пожалуйста!

Но никому не было дела до её криков.

Слепящая вспышка изумрудного цвета осветила лес.

Тишина.

Темнота.

И безнадёжность.

***

Из прострации Софию вырвал дикий визг Беллатрикс.

— Повелитель! — исступленно звала женщина, простирая к нему руки. — Повелитель!

Волдеморт корчился на земле в диких судорогах, словно под Круциатосом.

Когда агония прекратилась, Белла на коленях подползла к своему господину, сжимая его ладонь и прижимая к своей щеке.

— Повелитель! — жалобно всхлипнула она.

— Довольно скулить, — резко оттолкнул её Тёмный Лорд. — Уйди прочь, женщина. Я не нуждаюсь ни в чьей поддержке.

С усилием Волдеморт поднялся на ноги, с трудом удерживая равновесие.

— Мальчишка, — прошелестел он, — мёртв? Ты! — указал он перстом на Нарциссу. — Проверь.

Нарцисса приблизилась к неподвижному телу Гарри и медленно, изящно склонилась над ним. Светлые косы упали, закрывая бледное лицо юноши, как покрывало. Или саван.

Какое-то мгновение София почти надеялась на чудо. Но... чудо не произошло.

— Мёртв, — объявила Нарцисса.

— Отойди в сторону. Я должен проверить сам. Круцио!

Тело Поттера подбросило в воздух, как тряпичную куклу. Ни одно живое существо не смогло бы неподвижно пережить это проклятие.

София опустила голову, понимая, что всё кончено.

— Теперь — всё Хогвартс! — приказал Волдеморт. — Продemonстрируем этим слабокам, что бывает с настоящими героями, да? — Волдеморт обернулся к Софии. — Принцесса Мракс, разве ты не рада моему триумфу? Ты так убиваешься по Мальчику-Который-Всё-Таки-В-Итоге-Сдох? Ай-ай-яй! Неподобающе ведёшь себя, девица. Твоему жениху это может не понравиться. Если он, конечно же, сам ещё жив.

— Убийца! Я ненавижу тебя! Ненавижу! Слышишь?!

— Уймись! — толкнула Софию в спину Белла. — Не зли его.

Над Запретным Лесом, над всем Хогвартсом вновь зазвучал магически усиленный голос Темного Лорда:

— Гарри Поттер мёртв. Мы принесли его тело, чтобы вы убедились в этом. Вы потеряли половину бойцов. Мои Пожиратели Смерти превосходят вас числом, а Мальчика-Который-Выжил больше нет. Воевать бессмысленно. Всякий, кто продолжит сопротивление, будет

убит, и то же случится с членами его семьи. Выходите из замка, преклоните предо мной колени, и я пощажу вас. Ваши родители и дети, ваши братья и сёстры будут жить. Всё будет прощено. Мы вместе приступим к строительству нового мира.

— Н Е-Е-Е-Е-Т!!! услышала София истошный, звериный крик, для которого человеческое горло просто не приспособлено.

В руках одного из старшеклассников билась в истерике МакГоногалл.

Спокойная, гордая, самодостаточная МакГоногалл!

— Гарри! Гарри!!! НЕТ!!!

Взгляд Софии упал на Рона, поддерживающего рыдающую Гермиону. Гриффиндорка рыдала так, что казалось, она вот-вот задохнётся.

А Джинни Уизли не плакала. Не проронила не слезинки. Только глаза её сделались похожими на глаза профессора Снейпа: два бездонных, беспросветных колодца, где отпылало и отгорело всё, что способно гореть и пылать.

Люди глядели с ненавистью, но никто не отважился сделать шаг вперёд.

— Видите? — тягучим голосом говорил Волдеморт. — Вот она, ваша надежда, лежит у моих ног. Ваш Гарри Поттер мёртв. И плевать на все пророчества и сказки. Зло не наказано. Оно никогда не будет наказано. Если вы мне не подчинитесь, — здесь, сейчас! — вы умрёте. Ну? Кто готов принести себя в жертву вчерашней идее, а? — насмешливо развёл руками Тёмный Лорд.

— Я!

Отпихнув от себя Гермиону, Рон сделал шаг вперёд.

— Уизли! — оскалился Волдеморт. — Твоё семейство останется в истории. «Безумству храбрых поем мы славу?», — так, кажется, Антонин, писал ваш «Горький русский»? «Безумству храбрых — вот мудрость жизни», — палочка Волдеморта нацелилась в сторону неподвижно стоявшего Уизли. — Вот он герой, готовый сдохнуть за обманувшую веру и попорченную справедливость!

— Я готов умереть вместе с теми, кого люблю, — не дрогнувшим голосом сказал Рон.

Джинни встала рядом с братом и в звенящей, полной мрака, тишине, мелодичным колокольчиком прозвенел её голос:

— Мы готовы умереть за Гарри Поттера. Не за идею, не за веру — за человека, который любил нас. За человека, которого мы любим.

— Любил? Вас?.. А ты в этом уверена?

— Уверена.

Кто-то из собравшейся толпы ударил по Пожирателям Ступефакса, но Волдеморт ловко отбил удар.

Невиль рухнул на землю, рядом с телом Поттера, к ногам Волдеморта.

— Ну и кто же это тут у нас, а? — протянул Тёмный Лорд. — Кто ещё готов продемонстрировать на собственной шкуре, что бывает, когда пытаешься продолжать проигранную битву?

Беллатрикс залилась рваным, лающим смехом:

— Это Невиль Лонгботтом, мой лорд. Сын мракоборцев, помните?

— Припоминаю. Ты ведь чистой крови, храбрый мальчик?

Лонгботтом сжал в кулаки пустые руки:

— Да.

— В твоих жилах течёт благородная кровь. Иди ко мне, Невиль? — протянул раскрытую

ладонь Волдеморт.

— Нет! — Невиль расправил плечи. — Нет. Я умру с теми, с кем жил.

— Что ж? — ласково проговорил Волдеморт, огорчённо вздыхая. — Раз таков твой выбор?.. На твою голову пусть падёт!

Впервые мгновенья ничего не происходило. Потом сверху, из окна, вылетело нечто тёмное и приземлилось на ладонь к колдуну.

То была Распределяющая Шляпа.

— В Хогвартсе не будет больше распределений на факультеты. Эмблема, герб и цвета моего предка, Салазара Слизерина, отныне едины и обязательны для всех. Невиль? Лови!

Шляпа метнулась к голове гриффиндорца и, опустившись на него коршуном, вспыхнула ярким пламенем.

Невиль горел, прикованный к месту, неспособный пошевелить ни рукой, ни ногой.

Охваченные ужасом люди застыли, словно околдованные страшным действием.

— Агуаменти! — крикнула София.

Рядом с гриффиндорцем забили фонтанами каскады воды.

Подскочившая к Невиллю Гермиона помогла другу сорвать с головы пылающую Шляпу.

С отдаленных границ школы послышался шум. Что-то рычало, земля содрогалась. Раздавались цоканья копыт, клекот гигантских клешней. Начался всеобщий хаос и неразбериха.

Нарцисса, схватив Софию за руку, потянула её за собой:

— Нам нужно найти Драко!

Дементоры, фестралы, великаны, пауки, змеи и прочие чудовища надвигались со всех сторон.

— Нужно бежать в замок, здесь мы погибнем!

Вместе с толпой Софии и Нарциссе удалось протиснуться в вестибюль, но безопасной зоны достичь не удалось — в коридорах шёл бой. Люди кружились и перемещались так быстро, что разобрать, кто есть кто было почти невозможно.

Звенело бьющееся стекло. Сверху упали мраморные лестничные перила. Тех, кто не успел отскочить, они погребли под собой. При виде расплюснутых, разорванных, раздавленных тел Софию вырвало.

— Андреа?.. — сорвалось с губ Нарциссы.

От толпы отделилась женщина, как две капли воды похожая на Беллатрикс:

— Нарси?

Сестры шагнули навстречу друг другу.

— Нарси, пожалуйста, помоги мне найти Дору!

— Я Драко тоже не могу найти! Не знаю, что с Люциусом...

София заметила Волдеморта. В самой гуще схватки он в ярости крушил всё, что попадалось на пути, в одиночку отбиваясь от МакГонгалл, Слагхорна и Кингсли. Джордж Уизли дрался с Долоховым. Профессор Флитвик сражался с Макнейром. Рон и Невиль осаждали Рабастана Лейстренджа. Скабиору достался в пару Ремус Люпин.

— Люциус!!!

Обернувшись на зов Нарциссы, он рванулся к жене через весь зал, не обращая внимания на вспышки проклятий.

— Нарцисса!

Андромеда бросилась к дочери, Нимфадора тоже заметила мать. Но женщины не успели

добежать друг до друга — между ними, словно нож, упала Беллатрикс. Окровавленная, черная и страшная. С безумно сверкающими глазами.

— Мама... — прозвенел треснувшим колокольчиком голос Нимфадоры, когда Белла подняла свою палочку.

— Сражайся со мной, Предательница Крови!

Влетающие в разбитые окна сквозняки заставляли черные волосы Беллатрикс клубиться за её спиной грозовой тучей.

Андромеда обернулась к сестре:

— Белла!!! Не надо!!!

Палочка поднималась к лицу Андромеды с разящей точностью:

— Авада...

Подскочившая со спины Нимфадора схватила Беллу за руку, отводя от матери удар. Беллатрик, по инерции повернувшись, ударила проклятием в лицо племянницы.

— Кедавра!

Охваченная зелёным пламенем Нимфадора замерла. Потом её тело подбросило в воздух и уронило на пол.

Андромеда упала на колени рядом с дочерью, заключая бесчувственное тело в объятия.

Белла захохотала. Отчаянно и безумно:

— Давай, Анреа, поднимайся! Отомсти за свою дочь! За любимого кузена! Ты же Блэк! Где твой огонь?!

Но сестра не отзывалась. Обняв мертвую дочь, она раскачивалась из стороны в сторону, словно укачивала маленькую девочку.

Зато вперёд вылетела Гермiona, разъяренная, словно фурия. Следом за ней спешили Джинни и Луна.

Белла играючи отразила их удары.

Люциус обернулся к Софии:

— Где Драко?

— Не знаю!

Драко, Драко! Может быть, ты погиб ещё во время первого взрыва? Ведь на воздух взлетела именно та часть, где находился вход в их Подземелья.

— А... Северус? — дрогнувшим голосом спросил лорд Малфой.

— Мёртв.

Белла, всё ещё хохоча, как безумная, вертелась юлой. Ядовито-зеленая вспышка пролетела в нескольких миллиметрах от Джинни.

— НЕ ТРОНЬ МОЮ ДОЧЬ, МЕРЗАВКА!

Беллатрикс с улыбкой повернулась к разъяренной Молли. Поток пламени полился из обеих палочек. Пол под ногами волшебниц раскалился и покрылся трещинами. Обе дрались не на жизнь, а на смерть.

Андромеда поднялась и медленной, тяжелой поступью двинулась вперёд. Величественная, словно древняя богиня. Лицо её застыло в маске неживого спокойствия. Огонь струился у ног, проклятия рассыпались над головой, отбрасывая на лицо яркие тени.

— Что станет с твоими детьми, когда я убью тебя? — дразнила Беллатрикс Молли Уизли, увертываясь от пляшущих вокруг огней, порождаемых проклятиями, не замечая приближающуюся сестру. — Что будет с маленькими Уизлями, если мамочки больше не станет? В конце концов, когда ты сдохнешь, Молли, кто народит твоему кролику ещё

парочку крольчат?..

— Авада Кедавра!

Андромеда успела дойти до сестры, проклятие Молли Пруэтт поразило их обеих, окутывая женщин сияющим изумрудным облаком.

И всё же Андромеда успела обнять сестру. В последний раз.

Всю жизнь Белла Блэк пылала в огне, не сгорая.

Терпела боль, не умея утолить её в покаянии.

Она так и ушла, не пожелав обрести искупающего грехи прощения.

Тёмная душа на самом дне Тёмных Вод.

25. Нас не надо жалеть...

— Белла! — прогремел под сводами Большого Зала полный ярости голос Тёмного Лорда. — Белла!!!

МакГоногалл, Слагхорн и Кингсли отлетели прочь, словно сухие листья, подхваченные ветром.

— Ты! Крольчиха! — рывкнул Волдеморт на Молли. — Сука! Дешёвая подстилка дешёвой шестерки из Министерства! Как ты посмела убить ЕЁ?!

— Она подняла руку на мою дочь, — бесстрашно вздёрнула подбородок Молли Уизли, даже не пытаясь молить о пощаде.

— Умри! — взревел Тёмный Лорд.

Но прежде, чем проклятье сорвалось с острия палочки...

— Протего!

— Поттер! Поттер жив! — прокатилась волна восторженных и удивленных голосов.

Прокатилось. И замерло.

Никто больше не дрался. Все взгляды были прикованы к двум фигурам.

Волдеморт и Гарри начали кружить друг перед другом, словно две большие голодные акулы.

— Пусть никто не пытается мне помочь, — напряжённо процедил Гарри.

Волдеморт оскалился в злобной усмешке:

— Шутишь, мальчик? Неужели у тебя нет парочки живых щитов, а, Поттер?

— Никаких щитов. Никаких крестражей. Никаких козырей и джокеров в рукаве. Только ты и я. Один из нас сегодня умрёт и, на этот раз, даст бог, навсегда.

— Один из нас? — насмешливо повторил Тёмный Лорд.

Казалось, среди сотен людей, заполнивших Большой зал, дышат только эти двое.

— Обещаешь, что не станешь увиливать, Поттер? Прятаться за спинами, позволяя убивать других вместо тебя?

— Сегодня ты никого больше не убьёшь, — заверил его Гарри. — Я готов умереть за тех, кого люблю.

— Готов-то ты всегда, — насмешливо протянул его противник, — однако, дальше слов дело не идёт. Как думаешь: это случайность или закономерность, а, Поттер?

— Постоянные случайности складываются в закономерность, — язвительно парировал Гарри.

Тёмный Лорд снова склонил голову, ожидая пояснений.

— Хочешь, расскажу, где именно ты, мудрый и всемогущий, все-таки совершил роковую ошибку?

— Думаю, дело не обошлось без любви? — засмеялся Волдеморт. — Роковой, всевластной, всеправляющей и всепобеждающей, а, Поттер? Ох уж мне эта вечная любовь, побеждающая саму смерть! — хохотнул он. — Сказочка для наивных подростков. Ну, была на этом свете твоя мать, которую любили многие. Но ведь их любовь ничего для неё не изменила, так?

— Так. Зато её любовь многое изменила для меня.

— Достойный ответ, — кивнул Волдеморт.

— Она любила и этим была сильнее тебя! — говорил Гарри, всё повышая голос. — Как и Альбус Дамблдор! Он был самым лучшим волшебником в мире! — прорычал Поттер. — Он был сильнее тебя!

— Факты отрицают данный постулат. Сильнейший выживает, а Дамблдор — мёртв. Мёртв, Поттер... как это не грустно.

«Не закипай, Гарри, — мысленно обращалась к нему София, словно в молитве. — Не давай этому ублюдку спровоцировать тебя».

— Дамблдор мёртв, — согласился Гарри. — Но разве не величайшее проявление силы — жить, так, как считаешь нужным? И умереть так, как хочешь? Знай, Северус Снейп служил не тебе! Он был на стороне Дамблдора с тех самых пор, как ты стал преследовать мою мать!

Холодный смех вновь прокатился по зале, но на этот раз он был полон язвительного веселья:

— Право, Поттер, ты честно заслужил несколько часов жизни! Ибо то, с каким видом ты открываешь мне глаза на правду — так забавно! Снейп верный цепной пёс Дамблдора, таскающий старикану из огня каштаны? Какая новость! Я ранен, уязвлён и потрясен открывшейся истиной. Никогда даже не догадывался ни о чем подобном! — скалился Волдеморт. — Что ж? За свою верность бедняга уже заплатил. Наш талантливый зельевар знаешь ли, мог умереть далеко не такой мучительной смертью. Но что поделаешь? За любовь нужно платить.

— Прежде, чем мы сойдемся в поединке, Волдеморт, я призываю вас раскаяться в том, что вы сделали. Это ваш последний шанс. Я был на той, другой стороне и видел то, во что вы превратитесь. Этого не описать словами! Это по-настоящему страшно. Гораздо страшнее смерти.

Зрачки в алых глазах Темного Лорда сузились.

«Он боится, — поняла София, — лорд Волдеморт боится!».

— Поттер, — вкрадчиво зашелестел Тёмный Лорд. — Моя душа не твоя забота. Хватит трепаться! Приступим к главному...

— Твоя палочка не принадлежала Снейпу, ты убил не того человека, — торжествующе проговорил Гарри Поттер.

И снова смех:

— Спасибо, что повеселил меня напоследок...

— Снейп не побеждал Дамблдора! — Поттер, выкрикивая слова, отбивал проклятия Темного Лорда, одно за другим, вынужденный отступать. — Смерть Дамблдора была обговорена между ними! Дамблдор хотел умереть непобеждённым!

— Узнаю старого маразматика, — послал в мальчишку следующее проклятие темный маг. — Вот у кого была мания величия, так мания величии. Мне до неё ещё у-у! сколько...

— Дамблдор умер подлинным хозяином Бузинной палочки, — перешёл в наступление Поттер.

— Молодца! — одобряюще кивнул Темный Лорд.

И было непонятно, кого он хвалит — юнца или старика?

— Ничего не значит то, что сейчас она в твоих руках! — продолжать с пафосом ораторствовать Поттер. — Обладать палочкой недостаточно. От того, что ты держишь её в руках и отдаешь ей приказы, она не становится по-настоящему твоей.

— Да хрен с этим! Будем считать, что я её временно арендую, — ухмылялся Волдеморт,

ловко парируя заклятья Поттера, удар за ударом.

— Настоящий хозяином палочки был Драко Малфой!

— Ох, уж эти мне Малфои! Всему-то хозяева, да? Хорек, всего лишь жалкий Хорек, а ведь исхитрился, и овладеть девушкой, которая тебе приглянулась, и стырить мою палочку. Прямо у нас под носом, а? Вот гаденыш! Выживу, надеру ему задницу, А сейчас... готов, Поттер?

Золотисто-алое сияние рассвета проникло в Большой Зал через восточное окно. Лицо Волдеморта виделось в нём пылающим пятном.

Два голоса выкрикнули одновременно:

— Авада Кедавра!

— Экспелиармус!

Пламя взвилось в самом центре круга, где столкнулись оба заклятья — зеленая вспышка слизеринца с алой вспышкой гриффиндорца. Золотое облако взмыло вверх и рассыпалось, словно перья Жар-птицы. Черный вихрь, похожий на воронку торнадо завертелся там, где за секунду до этого стоял Темный Лорд.

А потом распался крупными черными хлопьями.

Волдеморт рассыпался пеплом, словно в Большом Зале прошумела Черная Метель.

София, ощутив странную тяжесть в кармане мантии, нырнула туда рукой. Пальцы коснулись изломанного кольца с Воскрешающим камнем. Тот пульсировал, став горячим, как уголёк из костра.

София сжала его в ладони и почувствовала, как пол уплывает из-под ног.

***

Высокий темноволосый и черноглазый юноша стоял в центре пентаграммы, составленной из ломаных линий, испещрённых непонятными знаками. Слова наползали одно на другое, как гусеница. Линии тянулись, перекрещивались, снова расходились. Пространство светилось ядовитым зеленым цветом.

Юноша в центре раскинул руки и поднял лицо, принимая в себя токи, идущие снизу-вверх. Его трясло, словно сотни электрический разрядов пробивало тело одновременно.

Пентаграмма вытянулась шестиугольником, над каждым углом которого вращалось вокруг собственной оси шесть предметов: тетрадь, кольцо, медальон, чаша, диадема, лента. За каждым предметом из зеленого яркого свечения сплеталось шесть фигур. Все силуэты поплыли к центру, входя в центральную фигуру.

За яркой вспышкой света последовала острая, разрывающая тело боль.

***

София пришла в себя, корчась на полу.

***

«На полу лежали смертные останки Тома Риддла — слабое, сморщенное тело, безоружные белые руки, пустое, отсутствующее выражение на змеином лице. Волдеморт погиб, убитый собственным, обратившимся вспять, заклятием. Гарри стоял с двумя волшебными палочками в руке и глядел на опустевшую оболочку своего врага», — так напишет в своей статье Рита Скитер. — «Какое-то мгновение вокруг ещё стояла тишина. Потом зал очнулся и взорвался шумом, криками, восклицаниями и стонами. Ослепительное солнце залило окна. Все рванулись к Гарри, и первыми к нему подбежали Рон и Гермиона; это их руки обвивали его, их громкие голоса наполняли звоном уши. Потом рядом возникли Джинни, Невил и Луна, а потом всё семейство Уизли, Хагрид, Кингсли, МакГонагалл,

Флитвик.

Гарри не мог разобрать ни слова из того, что все разом кричали ему, не мог понять, чьи руки обнимают, тянут, толкают. Сотни людей теснились к нему, желая прикоснуться к Мальчику, Который Выжил, благодаря которому всё наконец кончилось...

Солнце стояло прямо над Хогвартсом, и Большой зал был полон жизни и света».

И как всегда, всё в этом отчёте было ложью.

Не было никаких останков Волдеморта.

От него вообще не осталось ничего, словно Том Риддл не жил, а был всего лишь порождением черных, извращенных умов.

Черная Мечта, — Темный Лорд, — развеялся по ветру невесомой пылью.

Не было криков победы; не было восклицаний радости. Люди не бежали пожимать руку Гарри Поттеру, поздравляя с долгожданной победой, и не кидались радостно друг другу на шею. Они метались по залу, переходам, окрестностям Хогвартса в поисках близких. И чаще всего замирали в немой тоске, когда находили.

Хотя были счастливы, рыдающие на груди любимого или родственника.

София чувствовала себя совершенно опустошенной. Только одна мысль слабо пульсировала в голове: «Всё закончилось».

Но мысль эта не могла принести ни облегчения, ни радости. Ощущения победы не было. Его не могло быть. Победа — это то что следует после беды. Пока же беда была с ними рядом.

Джинни сидела, обнимая за плечи мать, замершую над телом Фреда Уизли. Рядом, переминаясь с ноги на ногу, топтался Невиль, всё ещё сжимая в руке меч Годрика Гриффиндора.

Насчёт сияющего солнц па Скиттер тоже наврала. Какое солнце? На небе в то утро висели тяжелые свинцовые тучи.

София, словно во сне миновав Зал и вестибюль, выбралась на свежий воздух. Проталкиваясь через потерянную, усталую, стихшую толпу, она всё пыталась отыскать взглядом Драко. И радовалась, что среди мертвых не находила его.

На то, чтобы волноваться, у неё не оставалось сил. Болело тело, болела душа. Она сама себе напоминала переполненную чашу, уже ничего не способную вместить.

Ветер дул с юго-востока. Первые дождевые капли смешивались с грязью, копотью и кровью. «Авада» убивает чисто, но упавшие стены, нападавшие монстры, работали не так стерильно.

Преодолевая сковывающее оцепенение, София заставляла себя двигаться дальше, стараясь не смотреть, чтобы не узнавать в останках знакомых. Рабастан. Долохов. Яксли. Сердце Софии мучительно, болезненно сжалось — Скабиор.

Так сложилась жизнь, что большинство тех, кого ей приходилось оплакивать, были на Тёмной стороне.

Вдруг?!...

Ноги отказались держать, и София медленно обсела, не обращая внимания на то, что опускается в жижу.

Она увидела Драко Малфоя...

В трёх шагах...

Всего в трех шагах от неё...

Живой!!!

Он стоял, подставляя лицо бушующему штормовому ветру. Капли стекали по бледному, узкому лицу с опущенными веками. Лицу, застывшему алебастровой маской. Светлые волосы и плащ бились на ветру, мятежно споря с ним.

— Драко...

Софии хотелось кричать от радости. Но с губ срывался только хрип, еле-еле слышный. Драко медленно повернулся.

Мгновение смотрел на Софию, словно не узнавая её. Потом кинулся к ней, падая на колени рядом, сжимая в судорожных, удушающих объятиях.

София, не таясь, плакала. Лицо Драко тоже было мокрым. Но может быть, то были не слёзы? Может быть, это был просто дождь?

— Почему? — встряхивал её за плечи Драко. — Почему ты не ушла, как мы договорились?!

— Разве я могла уйти без тебя? Я хотела быть с тобой, но я не успела...

— Разве? — лукавая улыбка скользнула по худому, изможденному лицу юноши. — Так уж и не успела? А мне показалось, ты как раз вовремя.

— Драко! София! Хвала Небесам — вы живы!

К ним спешили Люциус и Нарцисса.

***

Тела павших разрешили забрать всем, и членам Ордена Феникса, и Пожирателям.

Беллу и Андромеду похоронили в семейном склепе Блэков. Там же упокоился и младший Лейстрейндж. Судьба старшего осталась для Софии неизвестной.

Профессор Снейп нашел свой последний приют в Годриковой Лощине, неподалёку от могилы Поттеров. Люциус поставил ему дорогой черный обелиск, на котором летящими резкими буквами было высечено: «Верность существует и во тьме».

***

Малфои ждали известий из Министерства.

Ждали почти неделю.

И дождались...

Мистер Кингсли выглядел насупленным и недовольным:

— Я вижу, ваш дом сохранился лучше Хогвартса? — презрительно обернулся он к вышедшему ему навстречу Люциусу Малфою.

— Вы пришли сюда, только чтобы сказать мне это, сударь?

После гибели Волдеморта к лорду Малфою быстро возвращалась его спесь.

Кингсли шагнул вперёд:

— Вы хоть понимаете, что прошли на волосок от гибели, мистер Малfoy?!

— Действительно — уже прошёл?

— Да, дьявол вас заberi! Поттер выгородил вас, заявив, что все эти годы вы, как и профессор Снейп, были тайным агентом Дамблдора! Он даже неопровержимые доказательства предъявил! Можешь радоваться, ты снова вышел сухим из воды. Даже нитки на мантии не замочил!

София с Нарциссой с лестницы, на которой они заняли пост, могли наблюдать, как Кингсли бесновался ещё добрую четверть часа.

— Нарцисса, — улыбнулся жене Люциус, спровадив назойливого визитёра, принесшего, между тем, благую весть их дому. — Мы свободны! По-настоящему — свободны! — в руках он держал какие-то бумаги. — Нас официально уведомляют о том, что все обвинения сняты.

Ну мог ли я подумать о том, что настанет день, когда я поблагодарю кого-то с фамилией Поттер?

— Мы многим ему обязаны, — тихо заметила Нарцисса.

— Многим?.. — хохотнул лорд Малфой. — Мы обязаны ему всем.

Нарцисса вздохнула:

— Пойду, прикажу эльфам накрыть праздничный стол. София, девочка моя дорогая, приоденься к ужину

— Прямо сейчас этим займусь, леди Малфой.

Свекрови удалось совершить настоящее чудо. Мрачный колорит из Малфой-мэнора почти исчез. Осталось много света и цветов.

Дом был уютным, несмотря на богатство. У Люциуса вкуса не было, одна помпа. Зато у Нарциссы он был безупречен.

Скользя по пронизанным солнцем широким коридорам с большими французскими окнами, София с наслаждением втягивала в себя воздух. Теперь она действительно чувствовала её — победу!

Они, Малфой, выиграли. Они остались живы!

***

Внимание девушки привлек тугой свиток, лежащей на столе в её комнате. Поколебавшись, она взяла его свиток и стянула с него черный с золотом шнурок:

«Дорогая племянница!

Это обращение не издевательство, потому что ты действительно мне дорога.

Когда ты получишь это письмо, меня уже не будет среди живых. Если все пойдёт по плану, к тому времени я рискую стать Новейшей Историей. Если же нет...

Зачем я пишу к тебе? Потому что, наблюдая отсюда разворачивающийся в Хогвартсе бой, я должен хоть чем-то себя занять. Быть может, как и всякое живое существо, я пытаюсь оправдать себя? Слабость, конечно. Но на пороге небытия, — возможно, полного? — можно позволить себе капельку расслабиться.

Сейчас, поверишь ли, все мои устремления и чаяния кажутся незначительными, мелкими. Все эти подковерные игры во власть...

Отсюда, из моего темного беспросветного одиночества, отлично просматривается вся жизнь. Выстраивается в цепочку. И я с неотвратимостью понимаю, что, если бы хоть одно звено выпало, Лорд Волдеморт никогда бы не гонялся за несчастным маленьким мальчиком Гарри Поттером.

Если бы родители Меропы её любили, она бы никогда не связалась с ничтожным магглом. Моя мать, вопреки распространенным мнениям умерла не от разбитого сердца, не от неразделённой любви. Её сразила банальная, жестокая, такая реальная — нищета.

Не стану рассказывать о том, что такое английский приют тридцатых годов прошлого столетия. У меня на это просто нет времени. Я могу не рассказывать, но жаль, что не могу забыть.

А потом был Хогвартс. Встретивший меня, грязнокровного мальчика из приюта, далеко не с распростёртыми объятиями.

Хогвартс. Мой вечный трофей.

Сейчас, наблюдая, как Чистокровные взрывают его, я мучаюсь, подобно отвергнутому любовнику, понимая, что изнасиловать — это ещё не значит добиться взаимности и любви.

Хогвартс. Моя непокоренная крепость.

Он в этом чем-то похож на Дамблдора. Можно разрушить — не дано сломить...

Ты вскоре увидишь, как Поттер добровольно пойдёт на смерть....

Знай, я тоже иду. И тоже — добровольно.

Знаю: не будет ни понимания, ни прощения, ни примирения. Как ни чёрен я в действительности, враги сделают меня ещё чернее. Но пусть лучше так, чем публика начнёт пускать слезы умиления и рыдать в платок, со словами: «Он был не так уж и плох...».

О, нет! Такой судьбы я не хочу.

Пусть они боятся, пусть трясутся от страха при звуках моего имени.

Нас не нужно жалеть, ведь и мы никого не жалели.

Мы пред нашим комбатом, как пред господом богом, чисты.

На живых порыжели от крови и глины шинели,

На могилах у мертвых расцвели голубые цветы.

Вспоминай обо мне тепло, но никогда не жалея.

Том Ридл».

Сердце Софии сжималось от жалости и сочувствия к тому, кто никогда не знал ни того, ни другого. Наверное, у каждого чудовища найдётся ангел, готовый его оплакать? В этом и есть величайшая мудрость жизнь — любовь и прощение в ней рано или поздно берут верх над злобой и ненавистью.

«Покойтесь с миром, дядя. Господь да сжалится над твоей душой. Да не даст он ей сгинуть во мраке».

26. Маленький принц

Их сын родился 1 ноября 2007 года.

На рассвете требовательный младенческий крик огласил своды Малфой-мэнора.

— Родился под знаком Скорпиона? — хмыкнул Люциус, беря внука на руки. — Быть ему Скорпиусом.

Возражения Софии в расчёт не принялись. Это был тот редкий случай, когда с её мнением не посчитались.

— Вылитый Малфой, — вынесла Василиса вердикт, едва взглянув на младенца.

К концу первого года стало понятно, что мальчик вырастет блондином с глянцево-чёрными глазами. Оставалось только удивляться причудливой игре генетики. В роду Малфоев все были сероглазыми, среди близких Софии тоже не наблюдалось кареглазых.

— Чему тут удивляться? Он же Блэк, — напомнила Нарцисса.

Малыш рос не по годам умным. Никогда не плакал и почти никогда не смеялся. Зато ухмылялся частенько.

— Мама, а куда делась моя большая змея? — спросил однажды трёхлетний Скорпиус, разглядывая гадюк, копошащихся у их ног.

Малыш прекрасно ладит с шипящим племенем. Те относились к нему с почти собачьей преданностью.

— Какая ещё змея? — свела брови София.

— Из большого аквариума, что висел прямо в воздухе? Она была такая большая-пребольшая! Больше тебя. Она меня любила...

София с ужасом вспомнила Нагайну.

— О чем ты говоришь, сынок? Не было никакой змеи.

— Нет, была! — топнул ногой маленький мальчик. — Была! Я же помню!

Спустя несколько месяцев София обнаружила сына в любимом цветнике Нарциссы. Тот сидел, нахохлившись, на мраморной скамейке. Вид у него был отрешённый и мрачный:

— Скорпиус, сынок? — окликнула она, присаживаясь рядом и пробуя лоб мальчика. — Ты заболел? Что случилось?

Он поднял глаза. Мать отпрянула. Ей показалось, что в них вспыхнули алые угольки.

— Почему ты меня бросила, мама?

— Бросила? Тебя? Когда, родной?

— Я жил далеко-далеко отсюда. Там, где дети спали в большом зале. В нем было так холодно. Я тебя звал, звал, звал, звал... а ты всё не приходила!

Сердце Софии готово было остановиться. Перед глазами поднималась темная пелена.

— Скорпиус, такого никогда не было.

— Нет, было! Было! Я же помню!

— Сынок, тебе просто приснилось.

Скорпиус свёл темные брови.

— Сон, говоришь? — недоверчиво спросил ребёнок, потрянув шапкой белоснежных кудрей. — Сон? Ну, может быть.

Как только Скорпиус выучился читать, он стал интересоваться Темными Искусствами на радость и умиление деду.

— Мама?

— Да, мой хороший?

— Вот в этой книге написано, что Диадема Кандиды Когтевран всегда хранилась в Выручай-Комнате, где её удалось отыскать Великому Гарри Поттеру?

— И что из этого?

— Её там не было.

— Откуда ты можешь это знать?

— Я не знаю. Просто помню, — хмурясь, ответил мальчик. — Я многое помню из того, чего никогда со мной не было. Вот я, например, очень люблю единорогов. Папа показывал мне их. Не на картинке, настоящих...

— Когда?! — возмутилась София. — И вы ничего не сказали мне?

— Мама, — засмеялся Скорпиус. На щеках его выступили ямочки. — Да чего ты волнуешься? Они очень тихие. У них шерсть белая. И светится, как у дедушки волосы в полнолуние.

— Потому что в крови дедушки есть кровь вейл, — ядовито заметила София. Отвратительных созданий, между прочим.

— Я знаю, кто ты такие вейлы, — спесиво вскинул голову Скорпиус.

— А я знаю, кто такие единороги! Они драконов валят на раз-два! Я поговорю с твоим отцом!

— Бедный папа, — сделал младший Малфой скорбную мину. — Получается, что я его как бы заложил?

— Получается, — усмехнувшись, кивнула мать.

— Я помню, как убивал единорогов.

— Что?!..Когда?

— Нет, я на самом деле знаю, что я этого никогда не делал. Я же не сумасшедший. Но я это помню. Помню, как полз по земле, вместе с белым туманом, потом взлетал и... — Скорпиус испуганно потряс головой. — Мне так страшно думать об этом.

София постаралась скрыть охватившую её панику:

— Сын, у тебя слишком богатое воображение, — строго сказала она.

— Воображение?

Скорпиус сощурил большие восточные глаза, странно смотрящиеся на тонком узком фарфоровом лице Малфоев.

— Воображение, говоришь?! — Он вскинул руку и прокричал. — Морсмордэ!

В комнате повис череп зелено-ядовитого цвета; челюсть его отпала, выпуская змею, с раздувающимся капюшоном.

— Прекрати! Скорпиус! Убери это! Немедленно!!!

Мальчик моргнул и опустил руку. Знак разошёлся зелёным дымом.

Потрясенная София опустилась на стул. Казалось, из комнаты вышел весь воздух. Вздохнуть никак не получалось.

— Мама! — испуганно кричал ребёнок. — Мама! Мама...

Звук плыл. Комната качалась и расплывалась. София провалилась в ту реальность, где безносое чудовище с красными глазами гналось за ней, а она никак не могла убежать.

— Ты будешь держать равновесие... — повторяла змея с человеческим лицом. — Равновесие между живым и мертвым.

— Мама! Мама! — испуганно кричал где-то маленький мальчик.

Маленький мальчик с черными глазами, в которых горело адское пламя.

— София? — звал голос Драко. — София, ты меня слышишь? Да что здесь произошло?!

***

Когда София открыла глаза, рядом с ней сидела встревоженная Нарцисса.

— Хвала Небесам! — выдохнула она. — Как ты?

София приподнялась на локтях:

— Где Скорпиус?

— С Крисси.

— А Драко?

— С Люциусом, — Нарцисса склонилась ниже. — Они очень напуганы. Оба клянутся что сегодня пополудни старая метка вновь начала жечь. Неужели Сама-Знаешь-Кто...?

— Молчите! — иступленно крикнула София, зажимая уши и отчаянно мотая головой. — Молчите! Молчите, слышите?!

Утром она влетела в детскую к сыну, выхватывая его из объятий сна и трясая, словно дерево.

— Никогда больше так не делай! Слышишь, Скорпиус!? Ни-ког-да!

Любой другой ребёнок поднял бы от такого пробуждения дикий рев. Но у Софии создавалось впечатление, что сын не знает, что такое страх. Этот спасительный инструмент самосохранения у него начисто отсутствовал.

Вот любопытства и позерства хоть ложками черпай.

— Если ты ещё раз покажешь мне эту свою «морду»!..

— Что тогда? Что ты сделаешь, мама? — ухмыльнулся маленький чертёнок.

— Я этого не переживу, сын. Больше — ничего.

Губы мальчика задрожали:

— Это что-то плохое, да, мама?

— Это знак Волдеморта.

Черные глаза полыхнули любопытством:

— Знак Темного Лорда? А почему я умею его создавать?

— Не знаю, — уклончиво ответила София. — Во мне есть кровь Мраксов, может поэтому.

— Ты родственница Сама-Знаешь-Кого? — от восторга Скорпиус аж подпрыгнул на постели.

— Мальчик мой, пожалуйста! Если люди из Министерства узнают об этом, у нас у всех могут быть неприятности. Дедушку и отца посадят в Азкабан, тебя заберут у нас с бабушкой...

— Мам, — снова ухмыльнулся Скорпиус, — а ведь ты врешь. Никто меня не заберёт. Ты не Министерства боишься. Боишься, что папа и дедушка об этом узнают. А Министерств тебя нисколько не пугает.

***

Они стояли в Василисой друг против друга.

— Ты знала! — в ярости шипела София.

— Значала — о чём? — невозмутимо отозвалась старая ведьма.

— Мой сын!.. Он новое воплощение Волдеморта, не так ли?

Василиса медленно кивнула и проговорила своим низким бархатным голосом, от которого мурашки бежали по коже:

— Полагаю, именно так.

София покачнулась, хватаясь рукой за сердце:

— Как ты могла?! Как могла так поступить со мной? Мой единственный ребёнок! Мой сын — лорд Волдеморт?!

— Твой сын — Скорпиус Малфой. В нем и в Томе Ридdle единая сущность, это верно, так сказать, одна душа. Но Лорд Волдеморт мертв. Как и Том Риддл. Твой сын вырастит таким, каким ты его вырастишь, София.

— Но он...

— В отличие от других людей — ты волшебница, сердце мое. В отличие от других волшебников — потомственная некромантка. Знаешь, в чем разница между тобой и ими? Ты просто знаешь, кем твой ребёнок был в предыдущих воплощениях.

— Но он вырастет и все повторится!

— С чего бы? — спокойно возразила Василиса. — Том Риддл начал свою жизнь в приюте; Скорпиус Малфой — в одном из богатейших домов Англии. Том Риддл был отверженным грязнокровкой; Скорпиус Малфой чистокровен и знатен. Тома Риддла все ненавидели. Скорпиус — ваш свет в окошке. Разная жизнь, разные судьбы. Ну подумай сама, девочка моя, неужели же он не заслужил право на искупление? Если бы Том не родился снова, его ждал бы ад. Это не метафора. А любой ребёнок приходит в этот мир с чистой душой. Просто проследи за тем, чтобы «файлы», как теперь говорится, заполнялись правильно. Все будет хорошо.

***

В Хогвартс Скорпиуса приехала провожать вся семья.

Презрительно поджимая губы, мальчик бросал кругом выразительные высокомерные взгляды.

Огромный вокзал был весь в дыму. Выхлопы машин, дыхание многочисленных прохожих, уханье сов после уединенных просторов Малфой-Мэнора, куда допускались лишь избранные, его раздражали.

А вот его маленькой сестрёнке, семилетней Маре, явно пришлось по душе.

— Мам, а папа купит мне сову? — потянула дочь Софию за руку.

— Как только научишься читать и писать, непременно, — пообещала Нарцисса, обожающая внучку.

Малиновый старый поезд окутало клубами дыма.

— С ума сойти, — скривился Скорпиус. — На дворе середина двадцать первого века, а тут такое ретро!

— Не преувеличивай, — порекомендовал Люциус, — не середина, а всего лишь его первая четверть.

— Волшебники до сих пор используют паровую топку, — не слушая деда, разглагольствовал внук. — Магглы по технологиям давно нас обогнали. Какой толк быть волшебником, если приходится ездить на телеге? Вот когда я вырасту, всё изменится. Волшебники смогут пользоваться всеми благами цивилизации. Уверен, что слово «мультимедийный» чистокровные слыхом не слыхивали.

Симпатичный вихрастый темноглазый мальчик обернулся на причитания Скорпиуса.

— Уймись, — процедил Драко сыну.

— Необходима реформа, отец. Ты и сам это понимаешь, правда? Нельзя быть такими ретроградами.

— Скорпиус, ты слышал, что сказал отец? — приподнял брови Люциус.

Из тумана выступили знакомые лица. Большинство из них были ужасающе рыжие.

Люциус презрительно отвернулся, прижимая платок к лицу:

— Вонь этого племени Уизли, кажется, будет преследовать меня вечно. Плодятся, как кролики.

София заметила Поттеров.

В отличие от Молли, Джинни удалось сохранить стройность. Возможно, потому, что она родила троих, а не семерых детей. Молодая женщина была одета по последней маггловской моде. Рядом с ней стояли девочка и два мальчика, один из которых был просто вылитый отец. Только без очков, отчего зелёные глаза казались ещё ярче.

Гарри держал старшего мальчика за руку. У того была плутовская уизливская физиономия. И рыжие волосы. Вдруг Поттер поднёс руку ко лбу и резко обернулся.

Оба Малфоя, Драко и Люциус, величаво ему кивнули в знак приветствия. Гарри, коротко кивнув в ответ, с любопытством поглядел на Софию. Они обменялись улыбками.

Драко принял надменно-холодный вид.

Джинни Поттер поджала губы, совсем как её мать.

Только тут София заметила, что сын тоже не сводит взгляда с Поттеров. Его внимание привлек не Гарри, не старший мальчик, которому предстояло стать ему однокурсником, а маленькая рыжеволосая девочка.

— Лили?..

— Что? — нахмурился Драко, наклоняясь к сыну. — Что ты сказал?

— Её зовут Лили.

— И что? — вопросительно приподнял брови Драко.

— Её должны были назвать Мэри, — в черных глазах Скорпиуса сверкнули красные искры. — Мери, а не Лили!

— О*кей. Не проблема, — ухмыльнулся Драко. — Сейчас пойду и набью Поттеру морду. Чтобы в следующий раз не забывал поинтересоваться твоим мнением перед тем, как крестить собственных детей.

Скорпиус ухмыльнулся в ответ:

— Что ж? — пожал он плечами. — Лили — так Лили.

— Видишь вон того парня? — донесся до них нарочито громкий шёпот Рона, обращающегося к собственной дочери.

Роза была почти точной копия Гермiony, только рыжей и почему-то, прехорошенькой. Девочка была куда симпатичнее приглянувшейся Скорпиусу Лили.

— Это маленький Скорпиус...

При слове «маленький» Скорпиус снова ухмыльнулся, обменявшись взглядами с отцом и дедом.

— Малфой, понимаешь? И ты должна одерживать над ним вверх на каждом экзамене, Роза.

Скорпиус повернулся к семейству Уизли спиной:

— Обломаешься, Уизел, — процедил этот невыносимый ребёнок. — Малфои не любят быть снизу.

— Скорпиус! — возмущенно ахнули бабка с матерью.

Чертёнок одарил их лукавой улыбкой, на его щеках заиграли очаровательные ямочки.

Когда маленькая рыжая дочка Гарри, испуганно вжимая голову в плечи, прошла мимо

них, следуя за родителями, Скорпиус мягко позвал:

— Ли-ли...? — он словно бы пробовал это имя на вкус. — Лили Поттер?

— Да? — робко откликнулась девочка.

Скорпиус вытянул ладонь, и над ней материализовалась необыкновенная огненная лилия.

— Возьми, это тебе.

— Беспалочковая магия? — восхищенно воскликнула малышка, тараща на красивого мальчика восхищенные глазёнки. — Но почему ты даришь её мне?

— Потому что буду ждать, Лили Поттер, когда ты приедешь в Хогвартс.

Дети обменялись улыбкой. Лили — робкой, застенчивой, Скорпиус — спокойной, уверенной.

София ч Драко переглянулись.

— Знаешь?..

— Что?

— А ведь я, пожалуй, достойный преемник профессора Треллани, — насмешливо блеснул глазами Драко. — Я предсказал этот момент за восемь лет до самого события.

— Не преувеличивай, — пихнула мужа под ребра локтем София.

В ответ получила легкий шлепок чуть пониже спины.

— Отец ведь неспроста боится Уизли, — выразительно приподнял брови Хорёк. — Не пройдет пятнадцати лет и!..

— В наших рядах появятся первые рыжие? — подхватила мысль мужа София, наморщив носик.

— Увы! Ведь спорить со Скорпиусом — пустое дело. Что он задумает, то и сделает. Не думаю, что время исправит его к лучшему.

***

Держа в руках небольшой элегантный чемоданчик, Скорпиус неторопливо направился к поезду.

Из ближайших окон высовывались школьники. Множество лиц, как в поезде, так и на платформе были обращены к Поттеру.

И все же, когда приторно-хорошенький фарфоровый мальчик с черными глазами, проходил мимо, взгляды невольно оборачивались ему вслед.

Маленький принц возвращался в свои владения.

Возвращался, чтобы стать, наконец, королем.

Больше книг на сайте - Knigolub.net